

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ,

Ж У Р Н А Л Ъ

ПРАВОВЪ И СЛОВЕСНОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. Булгаринымъ.

Le véritable honneur est d'être utile aux hommes:

Т H O M A S.

Ч А С Т Ъ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1 8 2 4.

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Е Н О

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были семь экземпляровъ въ С. Пешербургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпешербургъ, Декабря 28 дня 1823 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
А. Бирцковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ,

ЖУРНАЛЬ

ПРАВОВЪ и СЛОВЕСНОСТИ.

ГЕНВАРЬ 1824. Но I.

Содержаніе: Проза. 1. Новый годъ. 2. Военная жизнь. 3. Нравешвенная Мапемалика. Стихотворенія: 4. Романсъ Медоры изъ Бейрона. РАЗНЫЯ ИЗВЪСТІЯ.

П Р О З А.

I.

Н О В Ы Й Г О Д Ъ .

Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное! —
Все жъ недостойное
Прочь ошжени!

Жуковский.

„По старому обыкновенію, мы пришли къ тебѣ *встрѣчать Новый годъ*,“ сказалъ другъ мой Александръ, входя въ комнашу вмѣстѣ съ общимъ нашимъ пріятелемъ, Горевымъ: „у насъ нѣтъ въ столицѣ ни бабушекъ, ни пешушекъ,“ продолжалъ онъ, „а потому мы избрали швой скромный уголь для встрѣчи небеснаго госпя. Нѣтъ ли у тебѣ чего новаго?“ —

*

Я. Ты знаешь, что я не занимаюсь Полишикою, до Липерашуры ты самъ не большой охотникъ, и такъ на эшомъ разъ нечѣмъ удовлетворишь своему любопытству.

Александръ. Съ чего ты взялъ, что я не люблю Липерашуры? Напрощивъ, я наслаждаюсь всѣмъ изящнымъ, и только не могу перпѣть скучной посредственности, превозносимой пріятелями сочинителей.

Я. Въ эшомъ я согласенъ съ тобою, хотя не столь сильно возстаю противъ эшихъ парнасскихъ мародеровъ.

Горевъ. Мнѣ кажется, что сегодня надобно заниматься не Словесностью, но практической Полишикою: дайше мнѣ *Адресъ-календарь и Указателя жилищъ и зданій въ Санктпетербургѣ*, издавнаго Г. Аллеромъ; спанемъ выписывать имена и жилища для завшрашнихъ визитовъ.

Александръ. Неужели у тебя память столь слаба, что ты не вспомнишь наизустъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и пріятелей, копорыхъ намѣренъ поздравить съ наступленіемъ Нового года?

Горевъ. Кто, подобно мнѣ, имѣешь несчастный процессъ въ продолженіе осьми дѣтъ, кто сверхъ того долженъ имѣть по многимъ обстоятельствомъ сношенія съ людьми, не по выбору, но по необходимости, то-

зу, повѣрьте, друзья, Адресъ-календарь прошиву воли часто заснуаешь мѣсто сердца и памяти. — Какъ шло человеческое замерзаетъ опъ недоспанка вѣшней теплоты, шакъ самая пламенная душа проспываетъ опъ холодноши окружающихъ ее предметовъ, дѣйствующихъ на нее, не по правамъ симпатіи, но по физическимъ законамъ отраженія. Любовь къ человѣчеству хранился у меня въ сердцѣ, какъ порохъ въ холодномъ соспояніи. Одна искра любви, одинъ лучъ соучасія можетъ возжечь во мнѣ снова угасшій пламень; но пока мнѣ будушь плашишь холодношью, а иногда даже коваршвомъ за мою привязанность, пока я буду *чужимъ* для избранныхъ моимъ сердцемъ, до шѣхъ поръ чувствованія мои будушь изьясняшья визитными карточками, и *Адресъ-календарь* будетъ мнѣ служишь, какъ карта мореходцу, для указанія маяковъ *счастія* и пристаней *милости*.

А. Твой аллегорическій образъ изьясненія обнаруживаешь мрачное расподоженіе духа, и швоя философія не доказываетъ, что не должно поздравлять съ Новымъ годомъ. Связи сердечныя, и законы приличія — разница. Эпощъ обычай существуетъ опъ глубокой древности, и даже полудикіе Римляне оному слѣдовали.

Горевъ. Съ котораго времени день Нового года былъ празднованъ поздравленіями?

Я. Не только поздравленіями, но даже и подарками. Сабинскій Царь Тацій, получивъ въ Новый годъ въ подарокъ вѣшвъ дерева, посвященнаго богинѣ силы, Спренно, (Strenno), и почитая сіе счастливымъ для себя предзнаменованіемъ, ввелъ въ общее употребленіе подарки, а поздравленія, какъ вещь дешевая, присоединились къ онымъ сами собою. Подарки въ день Нового года назывались всегда опъ перваго своего происхожденія Strenna. Они сначала были маловажны, но въ послѣдствіи составляли часть доходовъ могущественныхъ людей въ Республикѣ и при Императорахъ. Богатые кліенты въ сей день изъявляли своимъ покровителямъ преданность и усердіе, которыя обыкновенно взвѣшивались или измѣрялись цѣною подарковъ. Въ южной Европѣ, а особенно во Франціи и въ Испаліи, обычай дарить въ Новый годъ (les Etrennes) понынѣ существуетъ, хотя не въ такомъ видѣ, какъ у Римлянъ; безъ сомнѣнія эшо не весьма пріятно для людей, которыя иногда по необходимости должны соблюдать всѣ обыкновенія. Слава Богу, что у насъ только одни бояре, слѣдующіе приспращено всемъ иностраннымъ обыкновеніямъ, заимствовали обычай обы-

лапсья подарками; для насъ довольно и визипныхъ каршочекъ.

Горевъ. А по мнѣ, шакъ лучше дарить одинъ разъ въ годъ, нежели. . .

Я. Понимаю. . . . Весьма жаль, что нашъ Неспоръ не оставилъ никакихъ извѣстій о лѣшосчисленіи древнихъ Славянъ и объ обыкновеніяхъ при различныхъ празднествахъ, а въ шомъ числѣ и Новаго года.

Александръ. Неспоръ въ своихъ лѣшописяхъ слѣдовалъ Византійскому лѣшосчисленію, равно какъ и въ цѣлой Россіи, по принятіи Христіанской вѣры, церковный годъ праздновали съ весны, а гражданскій съ 1-го Сентября, сообразно съ лѣшосчисленіемъ Римлянъ, копорые со временъ Конспаншина Великаго начинали годъ съ Сентября. Послѣ шого наспутили еще двѣ важныя перемѣны въ лѣшосчисленіи, а именно, соединеніе церковнаго съ гражданскимъ въ 1343¹ году на Московскомъ Соборѣ при Митрополитѣ Феогностѣ, и счисленіе опъ 1-го Генваря въ слѣдствіе Указа Императора Петра Великаго опъ 15 Декабря 1699 года.

Я. Знаете ли, что изъ древняго названія Генваря, я вывожу послѣдствія нравшвенныя, и докажу вамъ, что по нынѣшнимъ нашимъ нравамъ и обычаямъ, эшо счисленіе ешь самое приличное.

Александръ и Горевъ (влѣстѣ). Какъ эшо! почему?

Я Вы знаете, что Генварь у древнихъ Славянъ назывался *Просинецъ*. Въ Исторіи Государства Россійскаго это названіе изъясняется двоякимъ образомъ. Въ I томѣ на стран. 71, сказано: „Генварь назывался *Просинецъ*, вѣроятно ошъ *синеты* неба.“ Въ семь же томѣ въ Примѣч. 159 на стран. 75 напечатано слѣдующее: „Добровскій (Slovanka стр. 71.) изъясняетъ, что *Просинецъ* естъ *Ver-month*, ошъ глагола *просить!* Онъ не вспомнилъ о *прось*, коимъ издревле пишались наши предки, это было вѣроятно.“ — Изъ сихъ двухъ вѣроятностей я извлекаю одно большое сомнѣніе. Трудно повѣришь, чшобы древніе Славяне были шоль разборчивы въ ошпѣнкахъ почти непримѣнныхъ цвѣцовъ неба, а *просо* не цвѣшетъ и не зрѣетъ въ Генварѣ мѣсяцѣ. Если бѣ изъяснишь древнія названія по сходству нѣкоторыхъ словъ, то подобнымъ образомъ можно бы было изъяснишь *Грудень* (Декабрь) и проч. Напротивъ шого мнѣ кажется, что объясненіе, представляемое Добровскимъ, гораздо основательнѣе. Всѣ языческіе народы имѣли въ году одинъ праздникъ, въ кошорый приносили жерпву всѣмъ богамъ вмѣстѣ, вознося общія мольбы о благосостояніи ошечества

и всѣхъ вообще гражданъ. Этошь обычай сохранился у нѣкошорыхъ племень даже по приняціи Хрисціанства. *Вѣроятно*, что сей праздникъ у Славянъ былъ въ Генварь, а пошому и мѣсяць получилъ названіе *Просинецъ*, отъ глагола *просить*.

Горевъ. Положимъ что это *вѣроятно*, но гдѣ же сходство съ нынѣшними нашими нравами?

А. Это вамъ докажутъ завтра толпы курьеровъ, сторожей, швейцаровъ и разнаго рода служилыхъ. Вы увидите вышесказанный *глаголь*, рѣзкими чертами изображающійся на ихъ поздравительныхъ лицахъ, и получите объясненіе слова *Просинецъ*.

Александръ. Но люди высшаго званія опровергнутъ свою гипотезу.

А. Люди высшаго званія исполняютъ значеніе сего мѣсяца въ ошвлеченномъ смыслѣ. Исканіе мѣста, награжденія, благосклонности, снисхожденія, по моему мнѣнію, и по моей собшвенной этимологіи, означаютъ, или лучше сказашъ выражаютъ глаголь *просить*, въ подномъ его смыслѣ, шолько подъ благовидными формами. Вся разница состоитъ въ декораціяхъ и въ дѣйствующимъ лицахъ — но комедія шаже самая.

Александръ. Однакожь многіе, а въ томъ числѣ и я, надѣюсь также и вы, оправишесь

завтра въ поздравительное пушешествіе единственнo изъ усердія.

Я. Нѣтъ правила безъ исключенія! Только спранны, что это усердіе, какъ магнитная стрѣлка, направляется къ мѣспу, а не къ челoвѣку.

Горевъ. Я согласенъ съ шобою, и опнынъ буду называть Генварь по древнему *Просицець.*

Александръ. Однакожъ *Новый годъ* возбуждаетъ и другія чувствованія, а особенно надежду. Напримѣръ: масперовые надѣются получишь уплашу за годовую рабошу, а пѣ, для коихъ они рабошали, опсрочишь къ другому году. Росшовщики надѣются умножишь свои капиталы взысканіями по векселямъ, а должники избѣжашъ взысканія. Бояре надѣются на оброкъ, а креспьяне на зимній пупъ и выгодныя цѣны своимъ произведеніямъ; чиновники на жалованье и награжденія, а пысячи разнородныхъ спекуланшовъ на чиновниковъ. Шеголихи надѣются получишь обновки, а модныя шорговки богашую жашву. Подьячіе надѣются на увеличеніе числа процессовъ, а пшажущіеся на окончаніе оныхъ. Медики и аптекари надѣются на увеличеніе числа больныхъ, а больные не знашь вовсе медиковъ и аптекарей. Журналисты надѣются на большее число подписчиковъ, а

подписчики на улучшение Журналовъ; книгопродавцы на изданіе новыхъ книгъ и на свои надежные двадцать проценшовъ; а публика надѣшся, что книги будутъ дешевле, и что книгопродавцы будутъ сами издавать полезныя книги, вмѣсто Сонниковъ, Письмовниковъ и спарыхъ стиховъ и прозы подъ другимъ заглавіемъ и въ другой оберпкѣ. Однимъ словомъ: всѣ надѣются на лучшее, и пошому поздравляющъ другъ друга съ *новымъ* годомъ и съ *новымъ* счастіемъ.

Горевъ. Новый годъ естъ также день раскаянія, не только надежды. Почти всѣ общающъ себѣ самимъ или другимъ, перемѣнишь что нибудъ въ своемъ образѣ жизни или исправишь ошъ какого нибудъ недоспашка. Такъ на примѣръ: игрокъ, разумѣшся по спрасши, не по расчету, общаетъ не играшь болѣе въ карты; служитель Бахуса, расшашъся навѣки съ его пагубными дарами; мoshъ, не дѣлашь долговъ; а масперовые и ремесленники, не давашь болѣе въ долгъ. Модная жена съ умиленіемъ общаетъ своему мужу занимашь болѣе воспитаніемъ дѣшей, нежели модами и визитами, а мужъ, бышь вѣжливѣе, вѣрнѣе и снисходительнѣе. Дѣвушки общающъ болѣе радѣшь о своемъ собственномъ образованіи и посвяцашь болѣе времени на чтеніе, музыку, нежели на балы

и пустословіе. Гражданскіе чиновники общають не иначе подписывашь дѣла, какъ прочипавъ оныя со вниманіемъ, а подъячіе бышь оспорожьнѣ. Купцы общають бышь совѣшнѣ, Журналисты общають въ своихъ *объявленіяхъ* сдѣлашь Журналы свои занимашельнѣ; — но я бы не кончилъ къ завшрему, если бы вздумаль исчисляшь вамъ всѣ кляшвы и общанія, которыя должны непременно исполнись съ Новаго года. . . .

А. И которыя рѣдко исполняются, неправда ли?

Горевъ. Я долженъ повшорить сказанное побою: нѣшь правила безъ исключенія. Однакожь я полагаю, что если бы надлежало начинашь Новый годъ сообразно съ нашими нынѣшними правами, то мнѣ кажешся, гораздо приличнѣе было бы счисляшь съ 1-го числа Березозола (Апрѣля), нежели съ 1-го Просинца (Генваря).

Александръ. Я вижу, что ты любишь иногда изьясняшься эпиграммами.

Горевъ. Эпиграммы на нравы и обыквенія вообще не только позволительны, но даже и полезны. Напрошивъ того, эпиграммы личныя суть синонимы клеветы, и означаютъ малодушіе въ человекѣ, который, спрашась защищаешь или нападаешь на сво-

его прошивника явно, изъ-за угла бросаешь въ него камнями.

Я. и Александръ (вмѣстѣ). Справедливо!

Я. Но вошь бьешь 12 часовъ, и Шампанское пѣнился въ рюмкахъ. Выпьемъ ради обыкновенія. Поздравляю васъ, мы живемъ въ 1824 году!

Горевъ. При поздравленіяхъ надобно изъясненіе желаній, и такъ начинаю общими поспами: желаю всему роду человѣческому болѣ здраваго разсудка, нежели умозрительной философіи, болѣ практическихъ выгодъ, нежели теоретическихъ системъ, болѣ правосудія, нежели Полюшки, и вообще гораздо менѣ эгоизму.

Я. Желаю Россіи славы и могущества; а Рускимъ болѣ привязанности ко всему отечественному, болѣ вниманія къ своей Литературѣ.

Александръ. Не худо было бы, если бы ты при семъ изъяснилъ вкратцѣ, что можешь составить славу и благоденствіе великаго народа.

Я. Вѣра, вѣрность къ Престолу, правда въ судахъ, храбрость въ войскахъ, богачество и просвѣщеніе въ народѣ.

Александръ. За это желаю тебѣ болѣ подписчиковъ съ Новаго года.

Горевъ. И я также.

Я. Желаю того же и моимъ собраніямъ — а чипашелямъ пользы и пріятнаго препровожденія времени.

Ө. Б.

II.

В О Е Н Н А Я Ж И З Н Ъ.

Письмо къ Н. И. Грегу.

Какъ весело передъ строемъ
 Лешать на ухорскомъ конѣ,
 И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
 Ударить съ крикомъ за врагами!...
 Б а т ю ш к о в ъ.

Сколько пріятныхъ минушь въ жизни провели мы съ шобою, любезный другъ, наслаждаясь воспоминаніями прошедшаго, надеждами будущаго! — Ты любилъ внимашь моимъ разсказамъ о пріятностяхъ и опасностяхъ военной жизни, и нѣсколько разъ изъясляль сожалѣніе, что обстоятельствва увлекли шебя на другое поприще. Въ дополненіе къ изустному повѣствованію, я хочу представишь крашкое начертаніе, или, шакъ сказашь, панораму военного званія, съ удовольствіями онаго и съ опасностями. Карпина сія соспавлена не въ воображеніи, но изъ видѣннаго и испытаннаго. Начинаю съ объявленія войны.

Переговоры кончились, дипломатическія перья припушились, и мечь долженъ, по обыкновенію, разсѣчь Гордіевъ узель Полишки. Слово война, приводящее въ ужасъ смиреннаго земледѣльца, какъ вихрь волнуешь геройскую кровь воиновъ. Блеснули лучи славы, и ея призраки явились воображенію подъ покровомъ надежды. Полкъ нашъ получилъ повелѣніе выспушиться за границу. Проспшите, удовольствія сполицы, проспшите, милые друзья и родспвенники, проспшите, прелеспшныя, которыя восхищали насъ въ вальсахъ и мазуркахъ, и нѣжными своими взорами доспавляли намъ иногда безсонницу! — Опшныѣ всѣ наши обязапельства, всѣ кляшвы уничтожились; мы принадлежимъ одной шолько службѣ, и одна шолько присяга Царю и опечеспву связуешь насъ неразрывными узами. Но мы добрые ребята, не взыскашельны, не шребуемъ опъ васъ ни слезъ, ни вздоховъ, ни опчаянной вѣрности. Мы знаемъ, что вы и безъ прозбы вспомните объ насъ, когда на балѣ недоспанешъ кавалеровъ для экосеза; а мы за шо будемъ воспоминашъ о вашихъ прелеспшяхъ и любезности при громѣ пушекъ и въ дымныхъ бивакахъ. Еще разъ проспшите, читаште опъ скуки газетны и реляціи о нашихъ подвигахъ, а мы будемъ на походѣ сочиняшъ для васъ

пѣсенки и мадригалы. Когда же нѣкоторыя изъ насъ падушъ на полѣ чесши, тогда — оспа-нутся другіе. Война только на время уменьшаетъ число войска: комплектъ все поше же, а военный духъ безсмертенъ.

Походъ до самой границы есть сладкій сонъ, непрерывная цѣпь утѣшительныхъ мечтаній о побѣдахъ, наградахъ, добычахъ. Въ семь упоеніи, войны не чувствуютъ трудности пуши и лишенія пригношеній свѣтской жизни. У всякаго водится запасъ червонцевъ, копорые обыкновенно предназначаются на необходимыя издержки за границую, а испрачиваются — на ненужныя вещи передъ границею. Толпа разнаго рода спекуляторовъ, маркишаншовъ, жидовъ и игроковъ, какъ спая хищныхъ врановъ, преслѣдуетъ армію. На дневкахъ, малыя мѣстечки превращаются въ многолюдныя селенія. Трактиры и лавки наполнены пошребителями (*consommateurs*); въ помѣщичьихъ домахъ также суеша и сумашоха. Женщины и дѣвушки шьютъ или перешиваютъ, чепчики и плашья. Форшепіяна наспроиваются, давно забытыя ноши разыгрываются, и прудные пѣ въ мазуркѣ повпоряются украдкою. Прелестный полъ ожидаетъ гостей изъ столицы, чтобы блеснуть любезностію; — а расчетливыя помѣщички думаютъ о числѣ

лошадей, чтобы выгодно продать свой овесъ и сѣно. Я не стану описывать нашихъ походныхъ забавъ, уѣздныхъ базовъ и деревенскихъ вечеринокъ; — они имѣють необыкновенную прелесть, по свободному обращенію и веселости. Пойдемъ за границу.

Я бы хотѣлъ сказать тебѣ о чувствованіяхъ, рождающихся въ душѣ при переходѣ опечесивенной черпы, но это уже было сказано нѣсколько разъ прежде меня, и въ стихахъ и въ прозѣ, нашими воинами - Липераторами. Добрые Прусакки принимають пришельцевъ съ распротерпыми объятіями. Уже Пруская армія не существуетъ: Наполеонъ, какъ страшный ураганъ, развѣялъ оную подъ Іеною, и какъ девятый валъ, смылъ оспатки подъ Любекомъ. Вся надежда на насъ, и надежда не плохая. *Не посрамитъ земли Рускія, но ляжемъ костью ту: мертвые бо срама не имуть . . .* (*) Мы тогда не предвидѣли, что Наполеонъ, по слѣдамъ Карла XII, придетъ добровольно въ Россію, чтобы сокрушить, какъ дѣшскую игрушку, свой магическій жезлъ всемогущества!

Первая встрѣча Рускихъ съ Французами произошла въ эту кампанію не далеко отъ Вислы, въ окрестностяхъ Пултуска. Уже

(*) Слова изъ рѣчи Свяшослава къ воинамъ. Неспор. См. И. Г. Р. часть I. пр. 403.

авангарды двухъ армій поздоровались между собою пушечными выстрѣлами, но нашъ полкъ еще не былъ въ дѣлѣ. По расчетамъ спрашегін, Рускимъ опрядамъ надлежало опспу-пашь и сосредоточиться на равнинахъ Пуд-пуска. Превышающій въ силахъ непріатель стѣснилъ нашъ авангардъ, и нѣсколько кавалерійскихъ полковъ, въ помъ числѣ и нашъ, поспѣшають на помощь. Мы выступаемъ изъ лѣсу, на обширную равнину и принимаемъ вправо по косогору. Въ срединѣ долины, возлѣ малой деревушки, въ верстѣ ошъ насъ раздаются пушечные выстрѣлы, но ружейная стрѣльба не доходитъ до нашихъ ушей; только дымъ возвѣщаетъ, что наша передовая линія находится въ перестрѣлкѣ. Мокрый снѣгъ, смѣшанный съ грязью (*), зашрудняетъ шесствіе. Вдали чернѣють непріательскія колонны, и лучи заходящаго солнца отражаются на блестящемъ оружіи. Колонновожатый привелъ насъ на позицію, и мы ошановились на линіи. Между стѣмъ деревенька вдругъ вспыхнула, и черный дымъ взвился клубомъ подъ облака. Уже слышны ружейныѣ выстрѣлы, и громъ пушекъ впорилъ бѣглому огню. Непріательская кавалерія двинулась прошиву насъ. Громогласное ура! раз-

(*) Это было въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1806 года.

даешься въ воздухѣ, крики умножаются: наша пѣхоша ударила въ шпыки. Но вошь Адьюпаншъ во всю прышь несется къ намъ чрезъ поле. Нашъ Генераль проскакалъ нѣсколько разъ по фронту; Полковники на своихъ мѣстахъ. Шагомъ впередъ! маршь! рысью! пикн на перевѣсь! маршь, маршь! — и мы вихремъ помчались на враговъ. Нашъ быстрый напоръ опрокинулъ тяжелыхъ Французскихъ лашниковъ; они смѣшались и обратились въ бѣгство. Впередъ! ура! коли! и люди повалились какъ снопы. Снопъ, крикъ, ржаніе коней, пистолешные выстрѣлы составили ужасную музыку для непривыкшаго слуха. При первомъ движеніи съ мѣста, какое-то новое, непонятное чувствованіе обьяло мою душу: кровь сильно взволновалась, и лице мое разгорѣлось. Сердце вздрогнуло и замерло. Нѣсколько пуль просвистѣло вѣдъ головы, и духъ мой вскипѣлъ внезапною яростью. Съ ударомъ шпоръ, я крѣпко сжалъ въ рукѣ рукоятку моей сабли, и воскликнувъ: впередъ! — бросился въ ряды непріятеля. Преслѣдуя бѣгущихъ, мнѣ удалось двухъ изъ нихъ свалить съ коней. Но вошь апель; звукъ трубы призываетъ назадъ. Полкъ нашъ остановился и началъ строиться. Передъ нами появились двѣ непріятельскія пѣхошныя колонны; опрокинутая нами кавалерія проска-

кала въ промежуткѣ и также начала спрѣчься. Другой оспрядъ кавалеріи быстро поспѣшалъ имъ на помощь. Вдругъ съ праваго фланга колонны раздался пушечный выспрѣль, и ядро со свистомъ пролетѣло надъ нашими головами. Съ лѣваго фланга выспрѣль; еще выспрѣль, опять выспрѣль — и ядра посыпались въ наши ряды, и люди и лошади повалились. По при на лѣво кругомъ заѣжай! маршь! прямо! — При семъ движеніи залпъ изъ всѣхъ пушекъ привѣшшвовалъ насъ — и ряды смѣшались. Снова залпъ — и одно ядро повергло на поваль моего коня, а меня на десяшь шаговъ отбросило въ споруны. Взглянулъ — и вижу огромную непріятельскую колонну, несущуюся прямо на меня. Ужасная минуша! Вскочишь ли на ноги и просишь пощады, или подвергнушь себя опасности быть раздавленнымъ конскими копытами? Нѣкогда было долго разсуждать. Я машинально подкапился къ бревну, лежавшему опъ меня въ двухъ шагахъ, и закулавшись въ шинель, ожидалъ смерти. Но Провидѣнію угодно было меня спасти. Нѣскольکو сошь всадниковъ перескочило чрезъ меня, и ни однимъ копытомъ меня не задѣло. Я не чувствовалъ, что происходило вокругъ меня, но мнѣ казалось, что весь шумъ и повшоремые удары опъзывались подъ землю. Ко-

гда не много упихло, я открылъ глаза, и вижу, что непріятельскія пѣхотныя колонны выпягивались на большую дорогу, а кавалерія шагомъ подвигалась впередъ пѣмъ самымъ пушемъ, копорымъ мы вступили на равнину. Звукъ знакомой трубы едва доходилъ до моего слуха, и замирающимъ голосомъ, казалось, прощался со мною. Представъте себѣ чело-вѣка, копорый, находясь уже въ гробу, приходишь въ себя въ шу самую минушу, когда его опускають въ землю. Онъ слышитъ голоса друзей своихъ, и не можешь лепѣшь въ ихъ объяснїя. Воишь погдаишее мое положеніе!

Между пѣмъ громъ пушекъ умолкъ; выстрѣлы были слышны рѣже и рѣже; равнина очиспилась; мракъ ночи покрылъ землю; и я оспался одинъ на полѣ битвы. — Я вспалъ, поблагодарилъ Всевышняго за чудесное мое спасеніе, сълъ на бревно и началъ раздумывать о горькой моей участи. Куда ийти? — Не зная движеній арміи, я легко могъ попастьъ въ непріятельскія руки. Деревенька пылала, и зарево пожара освѣщало шестивіе непріятеля на большой дорогѣ. Крики фурлейшовъ, скрипъ тяжелыхъ колесъ обоза, и стукъ ошъ движенія пушекъ раздавались ошъ меня въ верспѣ; люди, какъ пѣни, мелькали при блѣдномъ свѣпѣ пламени. Ийти ли къ нимъ на встрѣчу и оспаться

военнопленнымъ? — Нѣтъ! я хотѣлъ еще разъ испытать свое счастье, и пошелъ въ прошивулежащую сторону.

(Продолженіе впереди.)

III.

ПРАВСТВЕННАЯ МАТЕМАТИКА.

Китайскіе Математики, послѣ многихъ изысканій, наконецъ открыли, что всѣ вещи въ мірѣ были бы равны между собою, если бы не различались знаками $+$ plus и $-$ minus, ш. е. *положительнымъ* и *отрицательнымъ*. Слѣдуя сему правилу, Китайцы называютъ богатымъ и знающимъ человекомъ того, кто имѣетъ $+$ plus нѣсколько милліоновъ, и того, кто имѣетъ $-$ minus нѣсколько милліоновъ. Они даже полагаютъ, что богачи съ знакомъ $-$ minus, имѣютъ гораздо болѣе преимуществъ предъ богачами съ знакомъ $+$ plus; ибо богатство съ знакомъ $-$ minus, возвращаетъ по мѣрѣ издержекъ, и есть численіе безконечное: ш. е. богачи съ знакомъ $-$ minus дѣлаются знающими, чѣмъ болѣе дѣлаютъ долговъ и проматываютъ. На последнемъ моемъ путешествіи въ Китай, говорилъ одинъ Математикъ, я увѣрился въ сей истинѣ, примѣтивъ, что передніи у богатей съ

знакомъ — minus, были гораздо многолюднѣе, нежели у богачей съ знакомъ + plus. На улицахъ и въ обществахъ я не могъ различать сихъ господъ, но Кишайцы, коренные жители, узнавали ихъ по одеждѣ, по приемамъ и по разговору, и указывая пальцемъ, говорили мнѣ: „вошь господинъ съ плюсомъ, а вошь господинъ съ минусомъ.“

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНСЪ МЕДОРЫ.

Изъ I-й Пѣсни Бейроновой поэмы:

Корсаръ, the Corsair.

1.

Сокрыта навсегда любовь въ душѣ моей,
Уединенная и шайная для свѣта,
И сердце, нѣжности подвластное швоей,
Дрожишь — въ безмолвіи — вявѣ гласъ ея привѣта.

2.

Въ немъ шеплишься, увы! свѣшильникъ гробовой,
И шайнымъ пламенемъ горюшь не угасая;
Но слабъ опчаянья прогнашь онъ мракъ густой,
Какъ будшо бь лучъ его — горѣлъ не озаряя.

3.

О, помни обо мнѣ! — Не вспомянувъ меня,
Безвременной моей пы не пройди могилы:
Спраданья одного снеспи не въ силахъ я —
Забвенья хладнаго въ душѣ швоей, другъ милый!

4.

Услышь сердечный вздохъ и гласъ прощальный мой:
 По мертвымъ грусть — не смыдь, и вѣшь намъ отрадой;
 За спрасъ мою къ тебѣ — пожершуй мнѣ слезой,
 Послѣдней — первую — единственной наградой! —
 О.

V.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НЕКРОЛОГІЯ.

Въ концѣ прошедшаго года Россія лишилась нѣсколькихъ заслуженныхъ и знаменитыхъ мужей: 1. Генераль-Лейштенантъ, Генераль-Адъютантъ и Кавалеръ *Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ*, родившійся 21 Мая 1776, скончался 1 Декабря 1823. Имя его сохранился навсегда въ Исторіи; ибо оно опсвѣчивается блескомъ славнѣйшихъ подвиговъ Россійскаго оружія въ вѣкъ Александра. Графъ Шуваловъ, *первый* изъ Рускихъ, перешель съ оружіемъ въ рукахъ чрезъ Торнео въ Швецію, и, такъ сказаць, сокрушилъ Геркулесовы сполпы Сѣвера. Въ 1814 году, онъ рѣшился не подписать перемирія при Люзини, что повлекло за собою взятіе Парижа, слѣдовательно паденіе Наполеона, коего Графъ Шуваловъ сопровождалъ на островъ Эльбу. — 2. Спашскій Совѣтникъ *Василій Васильевичъ Капнистъ*, другъ и родственникъ Державина, скончался въ Малороссіи въ Октябрѣ мѣсяцѣ, на 67 году отъ рожденія. Спихо-пворенія его опличаюцца силою мыслей и нѣжно-

спію чувспвованій, а Комедія *Ябеда*, поста-
вляєть имя его рядомъ съ Авпоромъ *Недоросля*.
Недоросли уже вывелись въ Россіи; дай Богъ,
чиобы поже было и съ Ябедою! — 3. Тайный
Совѣтникъ *Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукий*
родился въ 1764 году, скончался въ Декабрѣ 1823
года. Стихотворенія его опличаются народно-
спію, нѣжнымъ чувспвомъ и любовью къ испи-
нѣ. 4. Тайный Совѣтникъ и Сенапоръ *Баронъ*
А. Ѡ. Корфъ. Смопри біографію его въ 24 книж-
кѣ Сѣвернаго Архива на 1823 годъ.

Л и т е р а т у р а.

Липерашурное поле обѣщаетъ богатую
жашву въ 1824 году. Печатающся и въ скоромъ
времени выйдущъ въ свѣшъ: X и XI томы Исто-
рїи Государспва Росс. соч. *Н. М. Карализиньль*;
сочиненія *В. А. Жуковскаго*, богатое издание,
украшенное виньшами и карпинками. Въ Мос-
квѣ вскорѣ появишя новая Поэма *А. Пушкина*,
подъ заглавїемъ: *Бактисарайскїй фонтанъ*. Мы
читали нѣкопорые опривки изъ сей Поэмы, и
смѣло можемъ сказанъ, что *давнымъ давно* не
читали ничего превосходнѣйшаго. Генїй Пушкина
обѣщаетъ много для Россіи; мы бы желали, чиобъ
онъ своими гармоническими стихами прославиль
какой нибудъ опечесшвенный подвигъ. Эпо данъ,
копорую должны плашимъ дарованія общей ма-
тери, опечесшву. Нѣкопорые опривки въ Кав-
казскомъ Плѣнникѣ показывающъ, чио Пушкинъ
споль же искусно умѣнъ изображашъ Славу какъ
и Грацій. *К. Ѡ. Рылѣвъ* намѣренъ издашъ въ ны-

нѣшнемъ году Поэму своего сочиненія: *Война-ровскій*. Опрывки изъ оной, чипанные въ публичномъ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, и нѣкоторыя мѣста, напечатанныя въ Полярной Звѣздѣ на 1824 годъ, заслужили всеобщее одобреніе, и заспавляютъ съ неперпѣніемъ ожидать появленія сей Поэмы въ свѣтъ. *Е. Ѡ. Тилковскій*, сопровождавшій послѣднюю нашу Миссію въ Пекинъ, печатаетъ свое путешесствіе въ Кишай, которое безъ сомнѣнія прольетъ новый свѣтъ на географическія и статистическія свѣдѣнія о мало извѣстныхъ странахъ Азіи. Полковникъ *Баронъ Мейндорфъ*, находившійся при Россійской Миссіи въ Бухаріи, печатаетъ на Французскомъ языкѣ свое путешесствіе въ сію страну. Опрывки, помѣщенные въ I книжкѣ Сѣвернаго Архива на 1824 годъ, удостовѣряютъ чипателей, сколь любопытно будетъ цѣлое сочиненіе. Мы надѣемся также, что Капитаны *Беллинггаузенъ* и *Васильевъ*, совершившіе путешесствіе кругомъ Свѣта, примутся за изданіе своихъ Записокъ. Это шѣмъ необходимо, что уже носяпся слухи, будто Англичане посшавили на новыхъ своихъ картахъ открытія, сдѣланныя Г. Беллинггаузеномъ, и безъ сомнѣнія будутъ оспаривать славу у Рускихъ мореплавателей. У насъ въ Петербургѣ находяпся пакъ называемые корреспонденты иностранныхъ Журналистовъ, которые, скрывая отъ своихъ любопытныхъ открытія по части Наукъ, спѣшатъ увѣдомлять иностранцевъ, и чрезъ то приносятъ иногда ущербъ народной славѣ. Мнѣ ка-

жешся, что все Руское должно бытъ прежде извѣстно въ Россіи.

Полярная Звѣзда, карманная книжка для любительницъ и любителей Россійской Словесности на 1824 годъ, уже вышла въ свѣтъ и продается по 10 рублей во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. На сей годъ форматъ ея есть поистинѣ карманный, и умѣстился въ самомъ щегольскомъ ридикюль. Сіе изданіе украшено пястью искусно выгравированными картинками, а именно: *Водопадъ*, изъ Державина; *Единоборство Ермака съ Мегметъ - Кулолъ*, изъ Дмипріева; *Кавказскій плѣнникъ*, изъ А. Пушкина; *Полетъ Душеньки*, изъ Богдановича; *Вадилъ въ пещерѣ*, изъ баллады Жуковского. Прозаическія списанья въ сей книжкѣ суть слѣдующія: 1. *Взглядъ на Рускую Словесность въ теченіе 1823 года*, соч. А. Беспужева. Списанья сія заключаетъ въ себѣ много справедливыхъ, хотя не весьма утѣшительныхъ мыслей на счетъ Руской Словесности. Что касается до мнѣнія Автора о книгахъ и Писателяхъ, мы не скажемъ ни слова; ибо увѣрены, что Гг. пропущенные или задѣтые и безъ насъ начнутъ либерашурную войну, какъ и въ прошломъ году. *Замокъ Нейгаузенъ*, *Повѣсть* и *Романъ въ семи письмахъ*, того же Автора, могли бы украсить лучшіе Европейскіе Журналы. Заманчивость слога и вѣрное изображеніе человѣческаго сердца суть опличительныя черты сихъ повѣстей. Списанья Николая Беспужева, *Объ удовольствіяхъ на морѣ*, опличается новостью мыслей, прелестью картинъ и чистотою языка. *Дѣвѣ Аллегоріи* *Ө. Н. Глинки* испол-

нены чистѣйшей нравственності, и облечены покровомъ Грацій. В. А. Жуковского *Путешествіе по Саксонской Швейцаріи* и описаніе *Рафаелевой Мадоны*, блестящъ красошами слога, нѣжностію чувствованій, и носящъ на себѣ оппечатоку высокаго образованія. Давно уже публика не читала прозы своего любимца, прозы, копорая, по мнѣнію всѣхъ знашоковъ языка, есть образцовая. Спашья А. О. Корниловича *Объ увеселеніяхъ Россійскаго Двора при Петрѣ I*, едва ли не самая любопышная въ сей книжкѣ. Авпоръ умѣлъ легкимъ и пріяшнымъ слогомъ изобразить весьма занимательныя подробности и обыкновенія въ началѣ 18 столѣтія, копорыя драгоцѣнны для Исторіи и чрезвычайно привлекательны для чтенія. *Синонимы* Д. М. Княжевича, заставляющъ просить Авпора, чтобъ онъ продолжалъ свои труды въ семь родѣ, и издалъ особо для пользы Руской Словесности. О. И. Сенковскаго, *Повѣсти: Витязь буланаго коня*, переводъ съ Арабскаго, изображаетъ нравы дикихъ сыновъ пущыни, и весьма занимательна. Мы опъ имени Г. Сенковскаго увѣдомляемъ публику, что спихи, находящіеся въ сей повѣсти, не принадлежатъ ему, а пошому онъ не подвергается за оныя ни крипикѣ, ни похвалямъ. *Модная лавка*, (*) соч. Ѳ. Булгарина — съ покорностію ожидаетъ приговора спрогихъ рецензентовъ. — Спихотворная часъ Полярной Звѣзды весьма богата

(*) Въ сей спашѣ, по оплошности переписывавшаго оную, находишся ошибка. Петербургъ лежитъ подъ 59° 56' 31" сѣв. шир. Соч.

прекрасными произведеніями. Читатели найдутъ здѣсь сочиненія Бапюшкова, А. Пушкина, Жуковскаго, И. А. Крылова, К. Вяземскаго, А. Ѳ. Воейкова, Кн. Шаховскаго, Ѳ. Н. Глинка, А. и В. Измайловыхъ, А. Родзянки, Барашинскаго, Плешнева, Дельвига, Кюхельбекера, Олина, Туманскаго, Рылѣва, Филимонова, Норова, М. Дмитриева, Нечаева, Вердеревскаго, Григорьева, Загорскаго, Абадовскаго и Хомякова, Нѣкопорова имена еще неизвѣсны публикѣ, но произведенія послужатъ имъ лучшею рекомендаціею. — Теперь, по праву Журналиста, надобно выискать что нибудь дурное. Не прогнѣвайтесь, Гг. Издатели, это наша привилегія, и если зоркіе глаза нашли пяпна въ *полуденномъ солнцѣ*, какъ же не найди ихъ въ *полярной звѣздѣ*? — И такъ скажу, что корректура не весьма исправна; есть довольно типографическихъ ошибокъ, и правописаніе, неизвѣстно по какимъ причинамъ, нѣсколько отличается отъ общепринятаго употребленія. Хорошо, что есть къ чему привязаться, и Гг. Криптики безъ сомнѣнія не проспятъ вамъ ни одной буквы, на изворотѣ напечатанной!

Т Е А Т Р Ъ.

Въ концѣ прошедшаго 1823 года, при разнообразныхъ пьесахъ удостоились особеннаго вниманія публики: 1. *Федра*, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Расина, переводъ М. Е. Лобанова, въ кошорой первая трагическая Актриса, Г-жа Семенова б., показала всю гибкость великихъ своихъ дарованій, и Переводчикъ увѣнчался славою. Въ Литературныхъ Листкахъ будешь подроб-

ное разсмотрѣніе сего перевода и игры Актеровъ. 2. *Мизантропъ*, Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Мольера, переводъ Г. Кокошкина. Достоинство сего перевода уже признано всѣми знаками и любителями Россійской Словесности, но игра Г-жи Колосовой меньшей, въ роль *Прелестинной*, придавала новую цѣну сей прекрасной Комедіи. 3. *Валерія*, Комедія въ прозѣ, переведенная съ Французскаго, возвышенная единственно прелестною игрою сей же Актрисы. Видно, что Г-жа Колосова м. посѣщала Парижъ не изъ пустаго любопытства; ибо всѣ знаки примѣчаютъ въ ней удивительную перемену и необыкновенное познаніе сцены. Она, по нашему мнѣнію, имѣетъ рѣшительный талантъ къ благородной Комедіи, (*la haute comédie*); и все, что въ Трагедіи доставляетъ ей искусство, въ Комедіи предлагаетъ сама природа; однимъ словомъ, она имѣетъ всѣ средства къ занятію перваго мѣста между комическими Актрисами въ высокому и благородному роду. Одно снѣтъ другого.

М о д ы .

Vanitas vanitatum et omnia vanitas.

Моды Парижскія. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1825 года, во всѣхъ театрахъ и публичныхъ собраніяхъ, почти всѣ дамы лучшаго общества являлись въ шюрбанахъ и шакахъ (*turbans et toques*), и едва примѣчено было двѣ или три шляпки. Сіи шюрбаны и шаки дѣлаются изъ шалеовой матеріи, газа, золотой парчи и даже бархата. Они украшаются перьями, а особенно марабу, обременены золотой бахромою и драгоценными камнями. Модный цвѣтъ платья есть розовый, пунсовый и голубой. Простоволосая уборка головы, украшается золотыми лисьями и изображеніями плодовъ и колосьевъ изъ сего же мешалла. Вотъ одинъ изъ самыхъ простыхъ и дешевыхъ костюмовъ послѣдней моды: шюр-

бань чрезвычайной величины изъ бѣлой и пунсовой шалеовой маперіи, съ длиною бахрамою по всѣмъ окончаніямъ и бриллианновымъ солнцемъ напередѣ. Платье бѣлое, изъ шалеовой маперіи, съ золошыми галунами вмѣсто каймы; вмѣсто кушака, шарфъ съ золошою же бахрамою. На прогулкахъ носятъ бѣлыя апласныя шляпки съ однимъ перомъ, съ длинными вуалями; черныя бархатныя капоты съ мѣховою опушкою и выкладками, или родъ плащей изъ особенной шерстяной маперіи, подшитыхъ горностаями или другимъ легкимъ мѣхомъ.

Мушцины являюцца въ общество въ черныхъ фракахъ, въ двухъ жилетахъ, однимъ чернымъ бархатнымъ вънизу и однимъ бѣлымъ пиковымъ сверху. Муслиновой большой плашокъ повязывается съ длинными концами (à grands flots). Исподнее платье короткое, чулки прозрачныя (à jour). Другой костюмъ въ обществахъ есть синій фракъ съ мешаллическими пуговицами, бархатный жилетъ, въ голубые и бѣлыя квадраты, плашокъ повязанъ плоско, и зашегнутъ булавою, кругомъ шеи креповый шарфъ въ Турецкіе цвѣты; широкіе длинные панталоны, чулки прозрачныя.

Петербургскія моды. Токи и шюрбаны не вошли еще въ общее употребленіе. Въ обществахъ дамы, по большой части, являюцца въ пресполосомъ уборѣ, съ легкою креповою наколкою или въ чепчикахъ. Въ театрѣ: въ шляпкахъ или чепчикахъ, въ бархатныхъ и шелковыхъ платьяхъ. На прогулкахъ щеголихи показываюцца въ бѣлыхъ апласныхъ шляпкахъ съ розовымъ бархатомъ и золошыми снурками. Капоты апласные (болѣе бѣлыя) съ мѣховою опушкою. На плечахъ шаль или пелеринка. Костюмъ не столь богатый, но шакже модный, есть бархатный капотъ съ апласною уборкою и бархатная шляпка съ золошыми снурками. Модные цвѣты суть черныя, пунсовыя и синія. Длинныя бѣлыя вуаля есть вещь необходимая.

Муцины являюща на прогулкахъ въ крошкыхъ серпукахъ темнаго цвѣта съ круглыми мѣховыми воронниками, болѣе собольими, и съ опушкою на рукавахъ. Комнатныя моды шѣже; что и Парижскія, исключая, что у насъ въ башмакахъ вѣдять только на званые балы. Причина сему не естъ недостатковъ хорошаго тона, но климатъ. При семъ мы должны сдѣлать общее замѣчаніе, нѣсколько прискорбное. Съ 1816 года милая простота въ женскихъ нарядахъ прѣмѣнно исчезаетъ, и мѣсто цвѣтновъ и лентъ, заслуживаютъ снова золото и драгоценныя камни. Эпохъ готическій вкусъ, чрезвычайно непріятенъ для людей разборчивыхъ. Простота естъ лучшее украшеніе прелестнаго пола, и утонченный вкусъ, скромность въ нарядахъ, даетъ нѣкоторое понятіе о сердцѣ и умѣ женщины. Мы должны также сказать, къ чести Русскихъ дамъ, что у насъ вообще гораздо менѣе тщеславія на наряды, нежели въ другихъ Государствахъ, а это опъ того, что у насъ между прекраснымъ поломъ гораздо болѣе нравственности. Смольный монастырь, Екашерининскій и Маріинскій Институты, Институтъ Дамскаго Патриотическаго Общества, вопъ разсадники семейственнаго счастья, гдѣ даже иностранцы должны почерпнуть образцы нравственнаго образованія!

Новыя увеселенія столицы.

Въ Петербургъ пріѣхалъ недавно Г. Боско, котораго всѣ иностранныя Журналы провозгласили вторымъ Пинетти. Показанныя имъ опыты подтверждаютъ хорошіе о немъ отзывы, и мы желаемъ публикѣ столько же удовольствія, сколько Г. Боско имѣетъ ловкости.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ,

ЖУРНАЛЪ

ПРАВОВЪ и СЛОВЕСНОСТИ.

ГЕНВАРЬ 1824. Но II.

Содержаніе: Проза. 1. Военная жизнь. (Оконч.)
2. Свиданіе Зерова съ самоучкой. Стихотворенія: 3. Свѣпская жизнь. Волшебный фонарь или разные извѣстія.

П Р О З А.

I.

В О Е Н Н А Я Ж И З Н Ъ.

Письмо къ Н. И. Грегц.

(Окончаніе.)

Съ шрудомъ пробираясь по снѣгу, я достигъ опушки лѣса, и, къ большой моей радости, увидѣлъ раненную Французскую лошадь, кошорая опъ усшалости лежала на снѣгу и грызла можжевельникъ. Я, какъ Алжирскій корсаръ, бросился на эту добычу, съ поспѣшностію открылъ чапракъ, чтобы вооружить себя пистолями и — представыше себѣ мое восхищеніе, когда въ одной изъ кубуръ нашель манерку съ водкою, сухарь и кусокъ жаренаго мяса! Со вчераш-

няго дня я не имѣлъ ни капли во рту, и
 такъ можно догадаться, съ какимъ апети-
 томъ принялся за трапезу. Находясь въ
 столицѣ, я полагалъ, что удовольствіе яденья
 зависить единственно отъ гаспрономической
 изысканности въ яствахъ, но шеперь увѣ-
 рился, что глаголь *ѣсть*, долженъ почишась-
 ся *вспомогательнымъ* во всемъ смыслѣ се-
 го слова. Отъ грамматическаго разсуде-
 нія перешель я къ философическому, и увѣ-
 рился, что человекъ, оставленный однимъ
 своимъ силамъ безъ помощи ближняго, есть
 существо весьма несчастное. Эта истина,
 кажешся, долженствовала бы соединять насъ
 между собою узами любви и братства, а
 мы по большей части соединяемся для то-
 го, чтобы общими силами разрушать наше
 благополучіе. Бѣдная лошадь! подумалъ я, и
 ты должна невольно разделять наши бѣд-
 ствія и быть жертвою нашихъ заблужденій!
 Чувство состраданія пробудилось въ душѣ
 моей; я приподнялъ ее на ноги, осмотрѣвъ
 рану, и увидѣлъ, что лошадь была болѣе из-
 мучена, нежели изувѣчена. Писплетная пу-
 ля прошла сквозь лопатку, но не повредила
 костей. Будучи столько же, или можешь
 быть и болѣе измученнымъ, нежели моя до-
 быча я, по праву сильнаго, взбрался на сѣд-
 ло, и шагомъ поѣхалъ опушкою лѣса.

Часы мои были при мнѣ; я пошиснула пружинку, и молодецъ прозвонилъ 9 часовъ. Слава Богу! еще не поздно, и можешь бышь удастся къ утру достигнуть до селенія. Встрѣчи Французовъ я сполько же опасался, какъ мореходецъ, занесенный бурею въ неизвѣстное море, боишься подводныхъ камней. Вдругъ при поворотѣ, на углу лѣса, услышала я лай собакъ, и немедленно направилъ путь мой чрезъ поле въ ту сторону. Взобравшись на курганъ, я увидѣлъ свѣтъ въ селеніи. Бѣдная лошадь, по предчувствію, безъ всякаго понужденія, прихрамывая пустилась рысью, и чрезъ четверть часа я очутился позади гумна, принадлежащаго къ господскому дому. Сквозь плетни и заборы я примѣшилъ большое движеніе на дворѣ: ходили взадъ и впередъ съ огнями, и множество голосовъ попеременно раздавалось. Вѣрно здѣсь Французы! подумалъ я, и рѣшился подождать. Въ сіе время вижу поселянина, выходящаго изъ гумна съ связкою соломы. Я соскочилъ съ лошади, перелѣзъ чрезъ плетень, догналъ его, схватилъ за воротъ, и приставя пистолетъ къ груди, грознымъ голосомъ спросилъ: кто здѣсь, Рускіе или Французы? — Поселянинъ ошъ спрахъ долго не могъ промолвишь ни слова, и наконецъ объявилъ мнѣ, что здѣсь во все нѣтъ солдатъ, но что на дворѣ на-

гружають фуры для доставленія провіанша въ ближній городъ. „Добрый ли человекъ твоя баринъ?“ — „Опець, а не господинъ,“ ошвѣчалъ крестьянинъ. И такъ веди меня къ нему. Я оставилъ мою лошадь и пошелъ въ комнаты.

Хозяинъ съ двумя дочерьми и пожилою женщиною (гувернанткою, какъ я послѣ узналъ), сидѣлъ за ужиномъ. Трудно представилъ себѣ ужасъ и удивленіе этого семейства при моемъ появленіи. Всѣ вскочили изъ за стола, и, смотря на меня, не знали, что дѣлать и что говорить. Я самъ изумился, примѣшивъ въ первый разъ, что шинель моя вся обрызгана была кровью. Это составляло разительную картину съ моимъ загрязненнымъ лицомъ, длиннымъ пистолетомъ, висѣвшимъ на суркѣ, и обнаженною саблею, заткнутою за шарфъ, (во время паденія я потерялъ ножны.) Я невольно засмѣялся надъ моимъ Шиллеровскимъ костюмомъ, и просилъ хозяевъ успокоиться, увѣряя, что я не столь страшень, какъ кажусь съ перваго взгляда. „Кого я имѣю честь видѣть въ моемъ домѣ?“ — спросилъ наконецъ хозяинъ, успокоившись нѣмъ, что я говорилъ съ нимъ по Польски. „Прикажете удалиться слугамъ вашимъ?“ — сказала я. Онъ исполнилъ, и я продолжалъ: „я Руской офицеръ, поше-

рять лошадь въ сраженіи, происходившемъ не подалеку отъ вашего дома, и оставшись на полѣ сраженія, ищу теперь нашей арміи. Спасите меня, и доставьте случай возвратиться въ полкъ. Именемъ чловѣчества заклинаю васъ, и прошу не погубить меня.“ Помѣщикъ нахмурилъ брови и задумался. Но если Французы или мои единоземцы узнають, что я спасъ Рускаго офицера, — Богъ знаетъ, что будетъ со мною?“ — „Благородные воины не разбойники, возразилъ я: они не будутъ мстить за великодушный поступокъ. „Дайте мнѣ опомниться и обдумаю средства къ вашему спасенію,“ сказалъ помѣщикъ, „а между тѣмъ садитесь и подкрѣпите ваши силы.“ Поблагодаривъ за приглашеніе, я вышелъ въ другую комнашу, умылся, пригладилъ волосы, расправилъ усы, и явился снова, пошаркивая ногами, какъ бы на званой вечеринкѣ. Дѣвушки ахнули отъ радости и удивленія, увидѣвъ на мнѣ синій мундиръ съ краснымъ воротникомъ. Ахъ! папинька, вскричала меньшая дочь, (дѣвушка лѣтъ пятнадцати), господинъ офицеръ говоритъ по Польски, точно такъ одѣтъ, какъ наши уланы, и вы можете спасти его подъ предлогомъ, что онъ принадлежитъ къ Французской арміи. Помѣщикъ улыбнулся. „Вы видите,“ сказалъ онъ мнѣ, „что дѣвушки гораздо оспроумиве

насъ стариковъ , когда идетъ дѣло о спасеніи молодаго офицера. Но между тѣмъ прошу садиться за споль. — Гей! принесите сшараго Венгерскаго!“

Любезный другъ! подивись непостоянству или лучше сказать сшасшливому расположенію челоѳческаго сердца. Въ одну минушу, я забылъ о всѣхъ угрожавшихъ мнѣ опасностяхъ и прешерпѣнныхъ шрудахъ. Я сидѣлъ между двумя прекрасными и умными дѣвицами, споль былъ усшавленъ кушаньями, и Венгерское вино, густою спруею переливаясь въ рюмки, а слѣдовашельно и въ ушпа, освѣжало мои жизненныя силы и поспешенно возбуждало во мнѣ природную мою веселосшь. „Признайшесь,“ сказалъ мнѣ помѣщикъ, „что военная жизнь соединена со множесшвомъ непріятностей.“ Я бы согласился въ эшомъ, если бы вы меня спросили въ что время, какъ я лежалъ на полѣ битвы, или когда безъ надежды къ спасенію пробирался цѣликомъ по снѣгу къ вашему дому — но шеперь, примолвилъ я, поглядывая на моихъ сосѣдокъ, и приподнявъ рюмку, позволеште мнѣ вышшть въ чешшвоеннаго званія, досшавившаго мнѣ случай бышть обязаннымъ споль благородному семейству, и — „и познакомитшьясь съ прекрасными дѣвицами. — Не правдали?“ — подхвашилъ улыбаясь хозяйинъ, „О вы,

господа военные,“ продолжалъ онъ, „вы подъ пулями гошовы любезничашь.“ Съ любезными, сказала я. Прекрасныя мои хозяйки осыпали меня вопросами о Пешербургъ, объ удовольствіяхъ столицы и о Рускихъ женщинахъ. Можно догадаться, какими красками описывалъ я всѣ предметы, желая возбудить въ нихъ любопытство, и даже охоту побывать въ столицѣ Сѣвера. Если бъ Рускія женщины знали, какимъ образомъ я ихъ предсавилъ, онѣ бы вѣрно наградили меня за мое усердіе, предеспнымъ взглядомъ и нѣжною улыбкою. Я истощилъ все свое краснорѣчіе въ описаніи любезныхъ качествъ, украшающихъ милыхъ Россіянокъ, и даже, признаюсь солгалъ, сказавъ, что онѣ любящъ опечественную Словесность. Но онъ этого порока легко исправилъ: я намѣренъ просить ихъ оправдать меня, — и по крайней мѣрѣ прочтешъ мою статью.

Между тѣмъ уже было за полночь. Помѣщикъ объявилъ мнѣ, что до свѣсу ожидашь меня будетъ проводникъ съ верховою лошадыю. Я обнялъ опъ всего сердца добраго хозяина, а когда сказала дочерямъ его: „проспите — можешъ бышь на вѣки!“ — слезы навернулись у меньшей — и у меня. Милая дѣвица! не знаю, какая участь постигла тебя, но ты достойна бышь счастливою.

Твои черные глаза, твоя сладкая улыбка и шорохательные звуки голоса, всегда будут украшать воспоминания моей юности, наполненной горестными промежушками.

Я, не раздвываясь, бросился на софу, и благодаря усталости и беззаботливости моей, в одно мгновение уснул крепким сном. Къ утру ужасное сновидение поколебало мою душу. Мнѣ грѣзилось, что я, по прежнему, лежу на полѣ битвы, вижу надъ собою конскія копыта — ударъ въ грудь прервалъ мое дыханіе, — я проснулся. Добрый мой хозяинъ споялъ надо мною и шихонько будилъ меня. „Пора отправляться,“ сказалъ онъ : „проводникъ васъ ожидаетъ, а мы получили извѣстіе, что Французы будутъ сегодня проходить этою дорогою.“ Мы со слезами на глазахъ распрощались съ нимъ. — Выходя на крыльцо, я еще разъ пожалъ ему руку, и сказалъ съ чувствомъ: какъ бы я хотѣлъ оказать вамъ какую нибудь услугу! — „Вамъ это очень легко“ — возразилъ онъ: „вы идете сражаться съ моими соотечественниками, будьте великодушны съ ними послѣ битвы, и помогайте имъ въ несчастіи.“ Благодарный человекъ! я понимаю твои чувствованія.

Вскочивъ на лошадь, я поскакалъ за моимъ проводникомъ, и вскорѣ очутился у

лѣсу. Еще было темно, и проводникъ объявилъ мнѣ, что мы должны пробираться дремучимъ лѣсомъ къ Пулпуску, отстоящему отсюда верстѣ на тридцать. Въѣхавъ въ лѣсъ, мы начали блуждать по извиленнымъ пропинкамъ, и большую часть дороги должны были идти пѣшкомъ, по причинѣ пней, сломанныхъ деревъ и густо сросшихся вѣтвей, копорыя при малѣйшемъ сотрясеніи осыпали насъ инеемъ и снѣгомъ. Зайцы и лисицы часто перебѣгали намъ дорогу, и нѣсколько разъ показывались волки въ чащѣ. Я не на шутку зарадилъ мой пиштолетъ двумя пулями, и признаюсь, содрогнулся при мысли, что мнѣ, можетъ быть, должно провести ночь въ сей глуши съ волками и медвѣдями. Проводникъ объявилъ мнѣ рѣшительно, что онъ сбился съ дороги, и не помнитъ положенія мѣста. По счастью добрые хозяева снабдили насъ съѣстнымъ, и мы и лошади наши не нуждались въ пищѣ; — но усталость лишила меня силъ: я едва могъ продолжать путь и перелѣзать чрезъ бревна и кочки. Я перенесся мыслию въ Петербургъ, и видѣлъ юныхъ друзей моихъ, поварихей моихъ наслажденій, разгуливающихъ въ легкихъ сапяхъ, или у камина бесѣдующихъ о радостяхъ безпечной жизни. Вспоминали ли они обо мнѣ — не знаю; но

я думалъ о нихъ въ дремучемъ лѣсу, въ безвѣстности о будущей моей участи, и не завидовалъ имъ: военный духъ укрѣпилъ душу мою, и я находилъ неизъяснимое удовольствіе въ побѣжденіи трудностей и опасностей. Проводникъ мой плакалъ — а я, чужь передвигая ноги, смѣялся и ободрялъ его.

Солнце уже приближалось къ концу дневнаго своего печенія, и слабые его лучи едва проницали сквозь густыя сучья, убѣленные инеемъ, какъ вдругъ мы почувствовали запахъ дыма — и надежда ожила въ сердцахъ нашихъ. Вскорѣ лѣсъ сдѣлался рѣже, и мы увидѣли въ отдаленіи огни, людей и лошадей. Это пикеть. Но какой? Я остановился въ недоумѣніи, между страхомъ и надеждою. Неужели, послѣ столь многихъ трудовъ и опасностей, должно попастьъ въ руки Французовъ! Лошадь моя заржала, и я въ догадъ желалъ бы на мѣстѣ задавить ее. Вдругъ куспы пошевелились, снѣгъ посыпался съ вѣтвей и громкій голосъ раздавался по лѣсу: „кто идетъ?“ — Я не могъ опомниться отъ радости, и эшотъ голосъ столь сладостно нѣжилъ слухъ мой, какъ ласки машери, или первое признаніе возлюбленной. Въ одно мгновеніе Донской казакъ предсталъ предо мною въ десяти шагахъ, взглянулъ, и не дождавшись отвѣта поворошилъ лошадь и скрылся.

Руской, Руской! кричалъ я ему въ слѣдъ, но онъ меня не слышалъ. „Ребята, на конь!“ раздалось снова по лѣсу, и чрезъ нѣсколько минутъ пикетъ выстроился. Я опдалъ лошадь проводнику и пѣшкомъ пошелъ къ казакамъ. Эпопъ поспутокъ ихъ успокоилъ; офицеръ приблизился ко мнѣ для переговоровъ. Узнавъ, кто я, и какимъ образомъ здѣсь явился, офицеръ велѣлъ пикету расположиться по прежнему, а мнѣ предложилъ свою заводную лошадь и конвой, для сопровожденія въ главную кварширу. Храбрые Донцы окружили меня, привѣщивали, осыпали ласками и деньгами моего проводника, и просили раздѣлить съ ними ихъ ужинъ. На обшесанномъ саблями бревнѣ, положили изжаренаго барана, поспавили вино и водку, и я, подкрѣпивъ мои силы, и опдохнувъ съ часъ, поскакалъ въ Пулшускъ, находившійся въ 5^{ми} версахъ отъ сего мѣста.

Прѣхавъ въ главную кварширу, я немедленно явился къ Дежурному Шпабъ-Офицеру и поскакалъ въ полкъ: и вотъ — по сторону Пулшуска взорамъ моимъ открылись ряды безчисленныхъ огней. Я отъ радости и неперпвнїя едва могъ усидѣть на сѣдлѣ, и немилосердо шпорилъ свою лошадь. Уже смѣшанные голоса поражаютъ слухъ мой: въ одномъ мѣстѣ кличущъ Вахми-

спровъ, здѣсь зовушь за дровами, шамъ призываюшь за провіансомъ. Наконецъ я дома, въ безстѣнной и безкровельной кварпирѣ — на бивакѣ. Подъѣзжаю къ огнямъ: гдѣ улань? Здѣсь на право. — Вопъ наша коновязь, вопъ флюгера нашихъ пикъ развѣваюшя близъ огней. Мои любезные товарищи сидяшь вокругъ пылающаго коспра, и куряшь шрубки. Здравствуйте, друзья, здравствуй любезный Александръ! — и я уже въ ихъ объясняхъ. Всѣ офицеры и множество уланъ собрались вокругъ меня, и всѣ неперпѣливо желали слышашъ повѣспованіе о моемъ происшествіи. Мы усѣлись кругомъ огня, я возлѣ Полковника, и пока огромный чайникъ вскипѣлъ, я рассказалъ имъ вкращѣ испорію моего паденія и избавленія. Господинъ Адьюпаншъ, сказалъ Полковникъ, исключите Г. Порупчика изъ царства мершвыхъ, точно шакъ, какъ мы исключили его изъ полковыхъ списковъ — и пошлише рапортъ къ Генералу. Между шѣмъ камердинеръ предспалъ съ широкою доскою вмѣсно подноса, уставленною кубками съ дымящимся пунцемъ. Здоровье нашего живаго мершвеца! воскликнулъ Полковникъ, обращаясь ко мнѣ, и товарищи начали въ честь мою прихлебывашъ кипяцій нексаръ. Въ сіе время, пробившисъ сквозь шолпу, явился мой вѣр-

ный деньщикъ, и съ радостными слезами поздравивъ меня съ избавленіемъ, донесъ, что всѣ вещи мои въ цѣлости, а заводныя лошади въ добромъ здоровьѣ. Пора спать, сказалъ Полковникъ, можешь бышь завтра пойдемъ въ дѣло, — сонъ укрѣпитъ наши силы. Мы начали уже прощаться, какъ вдругъ опрощестью прибѣжалъ въ кругъ Корнешъ нашего эскадрона, возвратившійся изъ разъѣзда. Поздоровавшись со всеми, поздравивъ меня, и опрапоршовавъ по службѣ Полковнику, онъ громко воскликнулъ: „уншеръ-офицеръ, сюда съ добычей!“ — и уншеръ-офицеръ подвелъ шрехъ лошадей, навьюченныхъ мѣшками, корзинами и боченками. Добравъ до самой Французской цѣпи, сказалъ Корнешъ, опстоявшей опъ нашихъ форпостовъ верспахъ въ Гоши, я возвращался проселочною дорогою, и въ одной деревушкѣ захвашилъ Французскихъ маркишаншовъ, кошорые промышляли грабежемъ. Я опдалъ бѣднымъ поселянамъ взяпый у нихъ скотъ, а самъ, по праву побѣды, въ смыслѣ басни А. Сумарокова (*), подѣлился съ ними запасами, оппустивъ обратно женщинъ и ненужныхъ бродягъ, чтобы у насъ въ плѣну не били напрасно хлѣба. Въ эшихъ мѣскахъ вы найдете сарачинское пшено, кофе, сахаръ,

(*) Собака кошку съѣда,
Собаку съѣлъ медвѣдь,

Медвѣдя зѣвомъ левъ принудилъ умереть и пр.

въ боченкахъ ромъ, а въ корзинахъ бушылки съ Шампанскимъ. Bravo! bravissimo! вскричали офицеры. „Подавай сюда Шампанское, воскликнулъ Александръ, надобно непремѣнно испребишь этого непріятеля; я имъ сей часъ подрублю горлышки. Гей ребята къ дѣлу! принесите кубки, спаканы и манерки. Я буду имѣть честь служить вамъ въ званіи кравчаго.“ Сабли заблнспали, бушылки зазвенѣли, и пѣнисное вино брызнуло въ верхъ. Друзья! сказала я: мы еще не потеряли ни одного изъ нашихъ товарищей; мнѣ первому суждено было испытать опасность — но, можеть быть, завтра закипитъ битва, и къ вечеру мы будемъ оплакивать друзей нашихъ. — „Тѣмъ веселѣе надобно быть сегодня, возразилъ Александръ; препоясавъ однажды мечъ, мы не должны болѣе думать о жизни; она принадлежить не намъ, но Царю и ошечесству. Наша собственность честь, и сл не выбьютъ изъ насъ всѣ Французскія ядра и каршечи. Изъ всей Лапыни, которою вьючили меня въ школахъ, я удержалъ въ памяти одинъ полько стихъ Горація:

„Si fractus illabatur orbis,	Если вселенная обру-
Impavidum ferient rui-	шился на главу его;
нае.,,	онъ погибнетъ, но не
	успрашится.

„Друзья! — я поклялся слѣдовать этому

правилу; ибо твердо увѣренъ, что пошь только можешь наслаждаться жизнью, кпо не боишься смерти.“ — „Прекрасно! сказала Полковникъ: выпьемъ въ честь военной философіи и ея провозгласителя.“ — „А вмѣстѣ съ пѣмъ за здоровье избави педьницъ моего друга, при молвилъ Александръ, и, кшапи, всего прекраснаго пола.“ Дѣвушкамъ пожелали мы богатыхъ и любезныхъ жениховъ; замушимъ, испребленія въ сердцахъ ихъ мужей ревности, а вмѣсто того водворенія покорности и послушанія; пожимъ женщинамъ, нарядовъ къ лицу и толпу обожателей; а добрымъ спарушкамъ — добраго здоровья. Наконецъ пирушка кончилась, и мы разошлись къ успокоенію.

Я, какъ безпомѣстный жишель биваковъ, пошелъ въ шалашъ друга моего, Александра. Онъ кочевалъ такъ великолѣпно, какъ Ирокойскій Кацикъ или Киргизскій Мурза. Промышленосью своею успѣлъ онъ овладѣть нѣсколькими досками, копорья на подпоркахъ составляли прочную крышку отъ выюги и непогоды. Мокрая земля усплана была на аршинъ въвыщину ельникомъ и соломою, копорые прикрывались мягкими пошниками. Попоны и шинели служили намъ покрывалами, а чемоданы подушками. Мы заснули. Чесплюбцы инприганшы, несправедливые судьи, сребролюбивые

прожектеры, зависшники, и всѣ, спрадающіе безсонницею! — посмотрише, какъ спокойно почивающъ благородные воины, на снѣгу, подъ ревомъ Аквилона, при дымныхъ огняхъ безкровельныхъ биваковъ, и можешъ быть за нѣсколько часовъ передъ смертію. Вы и безъ меня знаете, чѣмъ пріобрѣшается сладкій сонъ и веселое расположеніе духа; но если не хошите внимашъ гласу совѣсти и убѣжденіямъ разсудка, мучьшесь, спрадайте на мягкихъ вашихъ ложахъ — мы не сожалѣемъ объ васъ въ нашихъ бивакахъ, и не завидуемъ вашему изобилію.

Съ ушреннею зарею звуки прубъ и громъ барабановъ разбудили упружденныхъ воиновъ. Тревога въ лагерь: со всѣхъ сторонъ раздающся крики: „мундштучь! садись! спройся! — Въ дали подъ лѣсомъ, въ концѣ не обозримой равнины, какъ черныя пучи, показались неприятельскія колонны. Блескъ оружія неявственнно означалъ ихъ шествіе и различныя движенія. Уже наша пѣхоша выспушила изъ лагерь для занятія позицій Артиллерія на рысяхъ промчалась мимо насъ. Генералы и Адьютанты скачущъ взадъ и впередъ. Спрѣлки начали перепалку: вопъ загремяли и пушечные выстрѣлы. Густой дымъ распилается по полю, и земля глухо спонешъ ошъ повшоряемыхъ ударовъ. Войска

сблизились: звуки ружейных выстрѣлов слились вмѣстѣ, и составили пропѣшный гулъ, прерываемый пушечными залпами и криками наступающихъ. Земля потряслась, и небо помрачилось. Бѣглый огонь, какъ молнія, переливается во мракъ, Вдругъ съ ужаснымъ шрескомъ огненный метеоръ вспыхнулъ надъ землею — это пороховой ящикъ взорвало на воздухъ. Наконецъ наступила наша очередь. Дивизія, въ кошорой состоялъ нашъ полкъ, двинулась рысью впередъ. На пуши нашемъ повсюду разбросаны тѣла; здѣсь спонуть раненые, тамъ ведутъ плѣнныхъ, вошь добрые солдаты съ горесцію несутъ на плащахъ изувѣченнаго своего начальника. Проскакавъ подъ ядрами съ верснью, мы выщли на чистое мѣсто. Жестокая битва происходитъ ошь насъ въ дѣлѣ, а предъ нами двигается сильная непріятельская пѣхотная колонна съ нѣсколькими орудіями. „Господа!“ сказалъ Генераль Подковникъ: „намъ должно изрубить эшошь опрядь, или они зайдушъ намъ въ шылъ.“ Ура! впередъ! — Между швѣмъ непріятель построился въ каре, пушки по угламъ — и каршечи и пули посыпались въ наши ряды. Пространство, занимаемое эшимъ опрядомъ, казалось огнедышущею пропастью, изрыгающею смерть въ дымъ и пламени. Ужасная картина! Дод-

жень ли я описываешь тебѣ, любезный другъ, чувствуя, объявшаю душу мою въ сію ужасную мину? Такъ, я буду искренень. Сначала, при первомъ залпѣ, когда люди и лошади мгновенно повалились, и когда кровью убитаго повара брызнуло мнѣ въ лицо, пушечная лихорадка, дѣйствіе всесильной природы, потрясла всѣ мои члены. Ознобъ пробѣжалъ по костямъ, и вдругъ кровь вспыхнула, ожесточеніе сжало сердце, самая опасность уморила чувство человѣчества, а честь, эта сильная пружина образованности, возвратила меня самому себѣ, и закрыла образъ смерти блестящимъ покровомъ. Я не могу вспомнить, что происходило вокругъ меня, знаю только, что я съ другими бросился опрометью въ каре, изрубилъ первого, который хотѣлъ меня посадить штыкомъ съ лошади, и тогда только совершенно опомнился, когда мы, ворвавшись въ средину, истребили опрядь, взяли пушки, и когда на горахъ непріятельскихъ шель, между полками пѣнныхъ, наши трубачи возгласили аппель, и радостныя восклицанія: ура! побѣда! раздались въ воздухъ.....

Ө. Б.

II.

СВИДАНІЕ ЗЕРОВА СЪ САМОУЧКОЮ (*)

или

РАЗГОВОРЪ О ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЪ.

Une épigramme attire l'autre. (См. No 20 Дамск. Журн. стр. 69.)

Ванюша (входя въ комнату). Папинька свидѣшельспвуешъ вамъ свое почшеніе.

Я. Какъ? неужели ты одинъ пріѣхалъ въ Петербургъ?

Ванюша. У насъ случилось большое несчастіе: бабушка скончалась, и папинька послалъ меня въ большую Рыбацкую, деревню, по Шлиссельбургской дорогѣ, для того, чтобы возобновишь поршрешъ покойницы, который сгорѣлъ во время пожара случившагося въ одномъ изъ флигелей дома, гдѣ жила покойная бабушка.

Я. Сердечно соболъзную о вашемъ несчастіи, но не понимаю, зачѣмъ именно, въ большой Рыбацкой ты хочешь возобновишь поршрешъ, когда въ столицѣ есть много искусныхъ живописцевъ. Покажи мнѣ, съ чего ты хочешь сдѣлать копию.

Ванюша. Со мною ничего нѣтъ.

(*) Продолженіе спашы, напечатанной въ No 4 Лисер. Лисшковъ на 1823 годѣ.

Я. Какъ? ни миниатюрнаго портрета, ни силуэта?

Ванюша. Мы хотимъ заказать портретъ наизусть.

Я. Не понимаю! располкуй, пожалуйста!

Ванюша. Въ большой Рыбацкой живенъ природный живописецъ, который пишетъ портреты наизусть, по разсказу и изъ памяти; онъ написалъ недавно портретъ одного умершаго купца, по прозьбѣ его жены, три мѣсяца спустя по кончинѣ. Всѣ удивляются сходству и восхищаются работою.

Я. Невѣроятно, братъ, чшобы можно было писать схожіе портреты по словамъ просителя!

Ванюша. Вы можете объ этомъ подробнѣ узнать въ 13 часши Ошечешвенныхъ Записокъ на 1823 годъ, въ Но. 33, въ Генварской книжкѣ, на стр. 14 и 15. Къ тому же, природный живописецъ видалъ покойную бабушку, и такъ не шрудно будетъ по моимъ словамъ написать портретъ. Черны ея глубоко врѣзались въ моей памяти, и я не пропушу ни одной морщинки.

Я. Воля швоя; Ванюша, но я столько же вѣрю, чшо можно написать похожій портретъ наизусть, какъ шому, чшо слѣдой можешъ смотрѣшь на вещи!

Ванюша. А по чему же слѣпой не можешь сморгнуть на вещи? — Я вижу у васъ въ шкафу Опеочесивенныя Записки; вошь Но 38, 1823 года на Июнь мѣсяць; прочиите на страницѣ 401 и 405 спашью подь заглавиемъ: *Замѣчательныя путешественники од С. Петербурговъ*, и вы увидише, что слѣпыя лучше осматриваютъ вещи, нежели зрячие.

А. Прочи, пожалуйста!

Ванюша. (береть книгу и чищаетъ): „Г. Гольманъ, Англичанинъ и слѣпой; онъ человекъ лѣтъ 25^{ми}, прятной наружности, и путешествуееть для любопытства: все замѣчаееть, все осматриваетъ! Эшо покажется вѣсьма спраинымъ; мы сами эшому не вѣрили, но неоднократныя опыты доказали намъ, что онъ понимаетъ вещи, постигаееть ихъ близичность, ихъ прятность и выгоды не хуже зрячаго, однь пылкимъ воображеніемъ своимъ, изъ разказовъ, а другіе по осязанію.“ — Вошь видише, Архипъ Оадеевичъ, что слѣпыя могутъ сморгнуть не хуже зрячихъ!

А. Воля швая, Ванюша, а мудрено!

Ванюша. Но подивишесь, какіе опыты произвелъ Г. Гольманъ при посвященіи одного *Національнаго Кабинета*. Какъ онъ все осматривалъ, всему удивлялся, и какъ су-

диль о произведеніяхъ Искусствъ. Онъ даже узнаваль лица, кошорыхъ, безъ сомнѣнія, будучи слѣпымъ, не видалъ на портретахъ а еще менѣе въ оригиналъ. Позвольте, я вамъ прочту на стр. 402, (чишаетъ): „Гольманъ съ такою же легкостью узналъ бюсты Петра Великаго, Екатерины II, Румянцова, Суворова, Кутузова, Долгорукова, Ломоносова, Державина, а это тѣмъ затруднительнѣе кзалось, что иные изъ нихъ мраморные, другіе бронзовые, третьи гипсовые.“

А. Прекрасно!

Ванюша. Послушайте далѣе (чишаетъ на стр. 405): „Г. Гольманъ въ Маршѣ отправился изъ Пестербурга въ Москву, а тамъ хочешь *осмотрѣть* южный край Россіи. Нынь сомнѣнія, что возвращаясь въ Лондонъ, онъ издастъ пушешествіе свое по Россіи, и я даже увѣренъ, что оно будетъ весьма любопытно, и лучше и справедливѣе ~~нѣко~~ *копторыхъ зрячихъ* его одноземцевъ.“ — Теперь вѣрите ли, что *слѣпые* могутъ *смотреть* или осматривать вещи лучше *зрячихъ*?

А. Вѣрю, и нестерпѣливо ожидаю изданія въ свѣтъ сего любопытнаго пушешествія, чтобы прочесть описаніе прекраснаго *Кабинета*, кошорому даже удивлялся *слѣпой*, осматривая все съ чрезвычайнымъ вниманіемъ. Впрочемъ если *зрячіе*, увлекаясь пыл-

кимъ воображеніемъ, иногда описываютъ вещи какъ слѣпые, по чему же слѣпыми, при помощи воображенія, не описываютъ лучше зрячихъ? Если бъ и случилась какая ошибка; что нужды? вѣдь надобно жъ прикрасить иногда! —

Ванюша. Правда! однако жъ я осмѣливаюсь вамъ совѣтовать быть осторожнѣе въ вашихъ сужденіяхъ о книгахъ, а то опять напечатываютъ на васъ эпиграмму, въ какомъ нибудь Журналѣ.

Я. А развѣ уже была на меня эпиграмма?

Ванюша. Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ въ нашемъ окологкѣ. Вотъ у васъ лежитъ Дамскій Журналъ; позвольте посмотреть. Точно, это томъ No 20, 1823 года. Прочтите эпиграмму на 69 страницѣ.

Я. Жаль, что я прежде не зналъ объ этомъ, не читая Дамскаго Журнала. Я очень люблю эпиграммы, ни мало не сержусь, когда ихъ на меня пишутъ, и даже не понимаю, какъ можно сердиться за шулки, которыя не прогаютъ чести. Въ Литературѣ надобно иногда и посмѣяться. Однакожь прочтите эпиграмму: узнаю ли я себя?

Ванюша. (читаетъ):

Зеровъ, нашъ Журналистъ, ну, сколько ни ругаетъ,

Записки Честнина;

А публика ихъ знай читаетъ, да читаетъ,

Тутъ вспомнишь москву и слона.

Я. Хорошо! покажи книжечку. — Эпиграмма прислана къ Издацелю при письмѣ (отъ П. П. Свиньина). — „Безпристрастіе, являемое въ почтенномъ Журналѣ вашемъ, даетъ мнѣ надежду, что вы не откажетесь помѣстить въ нынѣшнемъ (*) Но Дамскаго Журнала прилагаемую при семъ эпиграмму, которая есть истинный опголосокъ почтеннѣйшей публики.“ — Прекрасно и сильно! Посланіе отъ имени почтеннѣйшей публики въ почтенный Журналъ! — Гдѣ же сочинитель письма подслушалъ эшоу опголосокъ? Публика бываетъ различная: Озеровъ имѣетъ свою публику, а Опера Мельникъ свою.

Ванюша. Но кто эшоу Г. Честнинъ?

Я. Неужели ты не примѣчаешь, что эшо имя дано только въ шутку, точно такъ какъ и прозваніе Зерова, Журналисту?

Ванюша. Что же вы скажете объ эпиграммѣ?

(*) Извините! нынѣшній Но на шоу разъ совсѣмъ оппечатанъ. Замѣч. Изд. Дамск. Журн. — Нынѣшнимъ называется шоу номеръ, который вышелъ въ свѣтъ, а будущій, который печатается. Что скажу о логикѣ письма? — Издаш Лисер. Лисск.

Я. Тупъ не доспаетъ только одного, а именно, надлежало бы подписать внизу, что она *остроумна*.

Ванюша. А о моськѣ и слонѣ?

Я. Сравненіе не доказательство. Надобно знать, какова моська и каковъ слонъ? — И какъ эпиграмма взята изъ Басень Крылова, то онъ же и признается въ другой Баснѣ (Слонъ на воеводствѣ), что не всѣ слоны одинаковаго достоинства, и что онъ видалъ одного, который:

„Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ проспѣ.“

Ванюша. Правда, Архипъ Ѳадеевичъ! Между шѣмъ, просшите, мнѣ надобно исполнить нѣкоторыя порученія, а вечеркомъ я зайду къ вамъ поговорить о портретѣ.

Я. Прощай, Ваня, до свиданія!

А. Ѳ. Зеровъ.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С В Ъ Т С К А Я Ж И З Н Ъ .

Лѣтъ шестьдесятъ онъ побывалъ на свѣшѣ:
 До двадцати рѣзвился и шалилъ,
 Влюбясь на двадцать первомъ лѣтѣ —
 Какъ мошылекъ въ цвѣсахъ кружилъ,
 Мечталъ, грустилъ,
 Обманывалъ, обманушь былъ.
 Лѣтъ въ тридцать онъ женился,
 Осцепенился.
 Служа Ѳемидѣ, щель въ чины,
 И славно пировалъ по милоспи жены.
 Гремѣлъ по Невскому блестящимъ экипажемъ,
 Со знашными въ связи — супругъ ихъ онъ дарилъ,
 Мужей кормилъ,
 И каждый рубль свой ворошилъ —
 И съ дажемъ!
 За подвиги сіи — и самъ онъ въ знашь допалъ,
 Прослылъ и Дипломашомъ,
 И Меценашомъ . . .
 Попомъ — какъ люди, захворалъ,
 Какъ знашный человѣкъ лечился,
 И съ помощью врачей — въ могилу опустился!

Б. Ѳедоровъ.

IV. ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ (*)

или РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

I.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

Критика. — Стихотворенія Ивана Ивановича Дмитриева, изданіе *шестое*, исправленное и уменьшенное. 2 ч. С. п. б. въ Тип. Н. Греча, въ 8. 358. стран. — Цѣна 15 рублей.

Почтенный Авторъ, одинъ изъ Попечителей Общества Любителей Россійской Словесности, позволилъ одному издаць свои сочиненія съ тѣмъ, чтобы вырученную сумму обратилъ на благотвореніе, которое съ просвѣщеніемъ составляетъ цѣль Общества. Это изданіе превосходитъ всѣхъ прежнихъ, и приложенный къ оному портретъ Автора опличается сходствомъ и красотою оцѣлки. При первой части находилъ крапкое Предисловіе Автора, и *Извѣстіе о жизни и Стихотвореніяхъ И. И. Дмитриева*, написанное Княземъ П. А. Вяземскимъ, по препорученію Общества Люб. Росс. Слов. — Стихотворенія И. И. Дмитриева извѣстны всякому, кто только учился Руской грамматкѣ: — каждый любитель Словесности знаетъ большую часть оныхъ наизусть, и почти во всѣхъ ро-

(*) Н. И. Гречу угодно было, въ 1 книжкѣ Сына Общества, назвать Разныя Извѣстія, помѣщаемыя въ Литературныхъ Листкахъ, Волшебнымъ Фонаремъ. — Да будетъ, какъ сказано. Dixit et factum est. Изд.

дахъ Поэзіи они признаны образцовыми. Кромѣ повпоренія всеобщихъ похвалъ, намъ ничего не остаеися сказать новаго о произведеніяхъ сего знаменитаго Поэта. Что же касается до *Извѣстія о жизни и Стихотвореніяхъ*, по не смотря на спрашныя заклинанія прошиву Крипиковъ, помѣщенныя на шести спраницахъ (отъ XLIV до L), мы осмѣлимся сдѣлать нѣсколько замѣчаній, основываясь на словахъ самаго же Князя П. А. Вяземскаго, находящихся въ семь извѣстіи въ концѣ XXXVIII и въ началѣ XXXIX спраницы.

г. Необыкновенная оспропа ума, глубокое познаніе свѣта, и много полезныхъ испинъ, изложенныхъ съ живосцію и краснорѣчіемъ, — вотъ опличительныя черны сего *Извѣстія*. Но соспавъ или планъ сей спашьи намъ каженія нѣсколько распоргнутъ множествомъ опспупленій и эпизодовъ, копорые не всегда имѣють связь съ жизнію знаменитаго Поэта и съ его произведеніями. Первые шестнадцать спраницъ написаны въ родѣ біографій, и прибавишь должно — образцовыхъ. За нѣмъ слѣдующъ опспупленія, копорыя хотя прекрасны въ часности и опдѣльно, но въ общемъ соспавѣ, кажется намъ, нѣсколько обременяють главный предметъ, и удаляють опъ цѣли. Впрочемъ намъ такъ кажется.

д. Мы полагаемъ шакже, что для похвалы опличнаго Поэта, блестящаго соспвеннымъ неоспоримымъ достоинствомъ, не надлежало бы унижать дарованій его предшеспвенниковъ или современниковъ, писавшихъ въ одномъ съ нимъ родѣ. Намъ кажется, что вообще сравнительное обзорніе дарованій, при безпреспанномъ

уеовершенствованіи нашей Словесности, можемъ вовлечь въ нѣкоторыя погрѣшности. У насъ было и есть много хорошихъ Писателей; (каждый въ своемъ родѣ, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ). Сравненіями мы пропиву воли можемъ лишиться ихъ заслуженнаго ими уваженія. Много было у насъ *первыхъ въ свое время*, которые теперь не могли бы помѣститься въ числѣ посредственныхъ, и кто намъ поручится, что чрезъ это дѣшъ не случится то же самое съ нѣкоторыми изъ нашихъ современниковъ? Это предположеніе не относится однакожъ къ произведеніямъ И. И. Дмишрѣева, которые, безъ всякаго сомнѣнія, всегда удержашъ свое достоинство, но мы осмѣлились сказать сіе единственно въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія, что при быстрыхъ успѣхахъ Россійской Словесности не должна похвалять одного на счетъ славы другаго; ибо нашъ Несноръ сподъ же великъ для своего времени, какъ Тацитъ въ просвѣщенномъ Римѣ. Главное достоинство челоѣка есть превосходство (la supériorité) надъ своими современниками. Духъ времени и степень образованія народовъ, составляющъ различіе въ дарованіяхъ — но заслуги шѣ же, и уваженіе должно быть то же самое.

3. Что касается до мнѣнія Автора о заслугахъ и дарованіяхъ И. А. Крылова, то мы осмѣливаемся сказать, что находимъ оное слишкомъ спрогимъ и даже приспрасшнымъ. Ссылаемся на чипашелей, можно ли говорить такимъ образомъ о семъ несравненномъ Баснописцѣ:

„Въ числѣ первыхъ (ш. е. Поэтовъ) сыскался одинъ (*) (ш. е. И. А. Крыловъ), который не только послѣдовалъ но, шакъ; сказашь, борясь, дерзнулъ съ нашимъ Поэтомъ (ш. е. съ И. И. Дмипріевымъ), переработывая Басни уже имъ переведенныя, и Басни превосходныя, и мы благодаримъ его за смѣлость.“ — Какъ? И. А. Крылова мы должны только поблагодарить за то, что онъ дерзнулъ бороться съ И. И. Дмипріевымъ, и осмѣлился подражать ему? — Но гдѣ это подражаніе? Слогъ И. А. Крылова совершенно *разлитный*, рассказъ ни мало не *сходствуетъ*; планъ басенъ Крылова оригинальный, а языкъ его есть, шакъ сказашь, возвышенное просціонародное нарѣчіе, неподражаемое въ своемъ родѣ, и споль же понятное и милое для Рускаго Вельможи, какъ и для крестьянина. Прибавимъ кътому *вымысль*, печаль генія, и мы рѣшительно можемъ сказашь, что И. А. Крыловъ есть первый *оригинальный* Рускій Баснописецъ, по изобрѣпленію, языку и слогу. Басни И. И. Дмипріева прелестны, но онѣ не народныя Рускія. Главнѣйшее ихъ достоинство есть чистота слога, и мы никакъ не согласимся съ Княземъ П. А. Вяземскимъ на счесть достоинства Крылова. Вошь, что онъ говоритъ: „Между пѣмъ забываетъ не должно, что онъ (ш. е. И. А. Крыловъ), часпо

(*) Мы кажешся, что здѣсь бы надлежало упомянуть также объ А. Е. Измайловѣ, котораго многія Басни имѣють большое достоинство, особенно въ отношеніи къ разсказу. К. П. А. Вяземскій слишкомъ строго и смѣло назвалъ всѣхъ прочихъ Поэтовъ, споящихъ за И. И. Дмипріевымъ, гаерами. Къ чему ведетъ это заключеніе?

творецъ содержанія прекраснѣйшихъ изъ своихъ Басень, и что если сіе достоинство не такъ велико въ отношеніи къ предмѣспнику его (И. И. Дмитриеву), который былъ изобрѣшателемъ своего слога и проч.“ — Если бы въ И. А. Крыловѣ не было другаго достоинства, кромѣ того, *то онъ гасто творецъ содержанія прекраснѣйшихъ своихъ басень*, то и сего одного было бы много; но онъ также *творецъ* своего слога, который, хотя вовсе не похожъ на слогъ его предмѣспника, но имѣетъ необыкновенную прелесть для того, кто знаетъ Руской народъ не въ однихъ только гостиныхъ. Слогъ Васень И. И. Дмитриева, по нашему мнѣнію, есть языкъ образованнаго свѣпскаго челоука; слогъ И. А. Крылова изображаетъ просподушіе и вмѣспъ съ нѣмъ замысловатость Рускаго народа; это Руской умъ, народный Руской языкъ, облагороженный философією и свѣпскими приличіями. Содержаніе его Басень представляетъ галерею Рускихъ нравовъ, но только не въ родѣ Теніера, а въ родѣ возвышенной исторической живописи, принадлежащей къ Руской народной школѣ. Впрочемъ, для И. И. Дмитриева оспается споль много преимуществъ, что ему легко успушишь другому первенство въ Басняхъ. Онъ *первый* въ Сапирахъ и Посланіяхъ, *первый* въ Сказкахъ, *первый* въ Пѣсняхъ (*), *одинъ изъ первыхъ* въ Лирической Поэзии, и *первый* въ мелкихъ стихотвореніяхъ. Этого слишкомъ довольно, чтобы навсегда оспашься безсмертнымъ на Рускомъ Парнассѣ.

(*) Рядомъ съ И. И. Дмитриевымъ можно посшавишь въ Пѣсняхъ, Нелединскаго - Мелецкаго.

Ни одинъ изъ нашихъ Журналистовъ не одѣдалъ понынѣ замѣчаній на сію спашью, отличную по многимъ отношеніямъ, и я ласкаюсь надеждою, что безпристрастные любители Словесности, увидявъ изъ словъ моихъ одно только желаніе объяснить то, что *мнѣ кажется* истиною. Не зная никакихъ парцій, ни личностей въ Литературѣ; я безъ робости иду по избранному мною пути, принимая охотно и съ благодарностію совѣщанія и замѣчанія, и емься еще чистаго сердца эпиграммамъ, хотя бы онѣ были написаны прямо на меня. Сдѣлавъ нѣкоторыя замѣчанія, я чистосердечно признаю достоинство спашьи К. П. А. Вяземскаго, и душевно желаю Руской Словесности бодрѣ подобныхъ произведеній.

О. Б.

2.

Литтературныя Новости.

Издатели *Полярной Звѣзды* имѣли ечасіе поднесши по экземпляру сей книжки Ихъ Величества Государынямъ Императрицамъ; и удостоились Высочайшаго вниманія. К. Θ. Рыльевъ получилъ два брилліаншовые перстня, а А. А. Бесшужевъ золотую прекрасной работы шабакерку и брилліаншовый перстень. Намъ весьма пріятно объявилъ, что Полярная Звѣзда споль же легко принята публикою; въ при недѣли раскуплено оной 1500 экземпляровъ: единственный примѣръ въ Руской Литературѣ; ибо, исключая Испорію Государства Россійскаго Г. Карамзина, ни одна книга и ни одинъ Жур-

жалъ не имѣли подобнаго успѣха. — Изъ числа выходящихъ въ С. Петербургѣ Журналовъ, нынѣ (14. Января) вышло въ свѣтъ двѣ книжки *Сына Отечества*, котораго добрая слава столь упожена въ 12 лѣтъ, что похвалы показались бы немѣспными. Здѣсь всегда полезное съ пріятнымъ находится въ согласіи. Поспѣшность, съ каковою Издашель сообщаетъ политическія извѣстія, точность выхода въ свѣтъ сего Журнала, чистота и правильность языка — отличаетъ С. О. отъ прочихъ. Между многими дѣльными спашьями, мы совѣтуемъ нашимъ Липерапорамъ прочесть корешенькое обзорѣніе Россійской Словесности, сочиненное самимъ Издашелемъ, который съ свойственною ему веселостию изложилъ важные предметы, и поправилъ нѣкоторыя погрѣшности вкравшіяся въ Обзорѣніе Словесности, помѣщенное въ Полярной Звѣздѣ. *Литературныя Прибавленія къ Сыну Отечества*, окончивъ успѣшно прошлогоднее поприще, начались весьма занимательною повѣстью: *Зеленый плащъ*. Въ 1822 году Липерапурныя Прибавленія едва расходились въ половину прошивъ С. О., а въ 1823 году число подписчиковъ почти сравнялось. Издашели выборомъ піесъ и своею точностию успѣли пріобрѣсти благосклонное вниманіе публики, которая весьма любитъ легкое и пріятное чтеніе. Долго, долго дожидались, пока историческая или спашиспическая спашья произведетъ у насъ въ кругу читающихъ подобное дѣйствіе, какъ заманчивая повѣсть! Впрочемъ, главное дѣло въ томъ, чтобы читали — все прійдетъ со временемъ. — Въ 1 книжкѣ Журнала *Благонамѣренный* лучшія спашья

Литер. листки. 1824. Ч. I. 5

лѣи, по нашему мнѣнію, сушь: Письма изъ Киргизской степи и Бухаріи, соч. Г. Яковлева, отличающіяся легкостью слога и занимательностью предмета, и Сказка: *Агунь*, соч. А. Е. Измайлова, напечатанная также въ Полярной Звѣздѣ: рассказъ прелестный, а изображеніе Агуна споль живо, что видишь предъ собою одного изъ шѣхъ разскащиковъ, копорые вездѣ и всегда видяшь удивительное, чудесное и необыкновенное. Сапирическая газета, помѣщаемая по временамъ въ Благонамѣренномъ, можешъ бышь полезною при спрогомъ наблюденіи правилъ вкуса и ошсуществіи личностей. Впрочемъ, *Литературныя личности*, и. е. сужденія, копия забавныя, о произведеніяхъ Словесности, весьма позволишельны, и ни мало не должны оскорблять Писателей. Примѣромъ тому можешъ служить спашья, напечатанная въ 1 номерѣ Благонамѣреннаго на 69 спраницѣ, гдѣ Издашель весьма забавно описалъ собственную литературную вечеринку, и назвалъ себя и своихъ спговарищей именами, копорыя конечно каждый примешъ за шутку. Онъ предспавляетъ себя вобруженнаго *фонаремъ критики*, разсппривающаго произведенія такъ называемыхъ баловней Поэтовъ и Прозаиковъ, и даже не пощадилъ своихъ собственныхъ произведеній. Спашья очень забавная! — *Литературныя Новости* при Рускомъ Инвалидѣ еще не обновилсь въ ныѣшнемъ году. Въ послѣднихъ вышедшихъ номерахъ мы съ удовольспвіемъ прочли опривки изъ Поэмы *Боянь*, соч. Г. Языкова. Эпосъ юный Поэтъ весьма много общаетъ, и его опыны превосходятъ многіе и зрѣлые труды нѣкошорыхъ спарыхъ Поэ-

новъ. — Въ Москвѣ обѣщающъ намъ издашь Альманахъ въ чепырехъ часпяхъ: подѣ заглавіемъ, *Мнемозина*. Издашели, Гг. Кюхельбекеръ и Кн. Одоевскій, говорящъ, что это изданіе дѣлаешся въ подражаніе Нѣмецкимъ Альманахамъ. Мы никогда не слыхивали объ Альманахахъ въ 4 часпяхъ, но если книга будетъ хороша, въ чемъ не сомнѣваемся — то чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

3.

ПРИДВОРНЫЙ МАСКЕРАДЪ

I ГЕНВАРЯ 1824.

По старинному обыкновению, въ день Нового года былъ маскарадъ въ Зимнемъ Дворцѣ, для входа въ который роздано 20.000 билетовъ. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ праздника, который столь сильно дѣйствовалъ бы на сердце и воображеніе, какъ маскарадъ сей при Высочайшемъ Россійскомъ Дворѣ: здѣсь сливаюшся въ одно высокая Европейская образованность и просвѣта время папріархальныхъ.

Государь Императоръ изволилилъ прохаживашся среди толпы народа, сиекавшагося со всѣхъ сторонъ, чшобъ узрѣть своего Монарха. Вся Императорская Фамилія также прохаживалась по всѣмъ комнашамъ; ласково привѣтствуя посѣпителей всякаго званія. Когда Его Величество изволилил шапцовашъ Польской, тѣсноша была споль большая, что одна пара съ прудомъ могла пройти, и зрители, только по приближеніи шапцующихъ, раздавались въ спорону и очищали дорогу. Въ толпѣ мнѣ случилось споятъ между Вельможею съ двумя звѣздами, спарикомъ съ сѣдою бо

родою и Бухарцемъ въ Азіяшскомъ костюмѣ. Это сосѣдство возбудило во мнѣ самыя пріяшныя чувствованія; я вспомнилъ о Наполеонѣ, находившемся на высочайшей степени величія и могущества: онъ всегда былъ окруженъ шѣлохранителями, свирѣпыми пришлецами изъ степей Африканскихъ, Мамелюками и многочисленною свитою приближенныхъ особъ, соеспалявшихъ непроницаемую ограду вокругъ своего повелителя. Здѣсь Александръ, подѣ эгидою любви народной, спокойно прохаживается въ полкѣ, какъ овецъ посреди своего семейства.

Въ Эрмищажѣ былъ вечерній столъ для приглашенныхъ особъ. Ничто не можешь сравниться съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ столовой залы. Сѣсны покрывы были сводомъ спекляныхъ шрубочекъ, образовавшихъ различныя фигуры, какъ то звѣзды, осьмиугольники, и пр. соединенныхъ между собою спекляными же колоннами. Сія прозрачная сѣсна увѣшена была цвѣточными гирляндами, и ярко освѣщена съ внутренней стороны. Сліяніе радужныхъ цвѣтновъ отъ преломленія лучей въ хрусталѣ, представляло удивительное дѣйствіе. Прибавьше къ тому отличныи оркестръ, очаровательное пѣніе придворныхъ пѣвчихъ и множество гостей обоого пола, блестящихъ зодомъ и драгоценными камнями, и вы невольно перенесетесь воображеніемъ на Олимпъ или въ волшебные чертоги благодѣтельныхъ Фей. Несравненный нашъ Поэтъ, Ив. Ив. Дмипріевъ, безъ сомнѣнія при видѣ столь чудеснаго освѣщенія сочинилъ слѣдующіе стихи въ своей прелестной Сказкѣ Вѣшана :

... по блескъ отъ хрусталеѣ
Сребристыя луны сражаясь съ лучами,
Которыя бѣ почлись за солнечныя нами,
Какъ яркой молніей слѣдишь Выпраны взоръ.

Однимъ словомъ, ни при одномъ изъ Европейскихъ Дворовъ, Новый годъ не празднуется сполъ великолѣпно, и вмѣстѣ съ тѣмъ сполъ торжественно — ибо у насъ всѣ сословія участвуютъ въ праздникѣ, и бывающъ въ гостяхъ у своего Монарха.

4.

Т Е А Т Р Ъ.

Россійскій Театръ весьма рѣдко освѣжается новыми произведеніями. Изъ всѣхъ драматическихъ первокласныхъ Писателей (въ числѣ коихъ мы поспавляемъ Гг. Хмельницкаго, Коконкина, Загоскина и Г. Писарева за его Комедию Лукавишь (*)), одинъ только Князь Шаховской исключительно посвящилъ себя обогащенію народной сцены, и его усердному таланту мы обязаны новыми пьесами, которыя по временамъ прерывающъ единообразіе нашего репертуара. Съ 1 по 14 число Генваря представлены были двѣ новыя пьесы: 1. *Судьба Ниджеля*, или все бѣда несчастному, романтическая Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, коей содержаніе, Князь Шаховской почерпнулъ изъ Романа Валпера Скопа. Пьеса весьма занимательная, расположенная въ цѣломъ и въ частяхъ съ отличнымъ познаніемъ сцены. 2. *Путешествующая танцовщица*, Водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный изъ

(*) Весьма жаль, что И. А. Крыловъ вовсе отказался отъ Театра.

Французской Комедіи: *l'Actrice en voyage*. Сей водевиль замѣчательнъ прекрасною музыкаю Г. Алябѣва, котораго паланшъ знапки цѣнятъ весьма высоко. Французская С. Пешербургская труппа Актеровъ часто угощаетъ своихъ поѣшпителей такъ называемыми новыми піесами. Съ 1 по 14 Генваря показалось на сценѣ, 6 новыхъ произведеній, а въ шомъ числѣ ни одной большой оперы и ни одной характерной комедіи. Фарсы, представляемыя на Французскихъ провинціальныхъ театрахъ, (которыхъ во Франціи болѣе, нежели у насъ постоянныхъ дворовъ), представляють Гг. здѣшнимъ анпрепренерамъ обильную жашву для *новостей*. Мольеръ, Реньяръ, Колень — Дарлевиль и прочіе первокласные Комики, которые навсегда останутся новыми, (ибо изящное не старѣется), кажется, не обращаютъ на себя вниманія здѣшней труппы, хотя образованная публика ни мало не виновна въ семъ выборѣ піесъ; ибо во время представленія Тарпюфа, театръ былъ полонъ. Нѣмецкіе придворные Актеры заслуживаютъ похвалу за выборъ піесъ на свои бенефисы. Все, что покажется отличнаго въ Германіи, представляется на Пешербургскомъ Театрѣ, хотя не съ равнымъ успѣхомъ, но по крайней мѣрѣ съ равнымъ усердіемъ. Въ первые 14 дней 1824 года, представлена была два раза національная Нѣмецкая Опера: *der Freyschütz* (Вольный стрѣлокъ), съ музыкаю знаменишаго композитора Вебера. Сія опера исполнена чудеснаго и основана на суевѣріяхъ среднихъ вѣковъ. Музыка превосходная, машины также заслуживаютъ вниманіе любопытныхъ. — *Préciosa*,

Комедія съ хорами, сочиненія Вебера, также принадлежишь къ числу прекрасныхъ театральныхъ зрелищъ. Весьма жаль, что Нѣмецкая пруппа не имѣешь пѣвцовъ, и что зрители только по оркестру могутъ судить о музыкальномъ сочиненіи.

5.

М о д ы.

Парижскія дамскія моды. Намъ кажется, что моды должны болѣе всего сообразоваться съ климатомъ, и если наши дамы съ такимъ усердіемъ перенимають одежду южныхъ странъ для своего украшения, то пусть же послѣдуютъ выдумкамъ, служащимъ для пользы. Въ Парижѣ дамы, выѣзжающія на балъ въ просповолосомъ уборѣ, накидываютъ на голову легкой капишонъ, сшитый изъ шафшы, вашированный и подложенный самою тонкою вощанкою или клеенкою, которая также сверху покрывается шафшою. Это спасительное предохраненіе отъ простуды при выходѣ изъ кареты и въ случаѣ, когда должно дожидаться экипажа, иногда на сквозномъ вѣтрѣ. Подъ ноги въ Театрахъ кладутъ родъ поршелей, выложенныхъ внутри мѣхомъ. Въспно сапоговъ и Англійскихъ маншій, носятъ нынѣ черныя бархатныя плащи, подбитые свѣшлымъ апласомъ и опушенные легкимъ мѣхомъ, болѣе горноспаемъ. Плащъ сей застегивается золотымъ аграфомъ или крючками. Модныя шляпки суть бѣлыя апласныя съ бѣлыми же перьями, и черныя бархатныя на Испанской фасонъ, съ богатою застѣжкой напередѣ, но безъ всякихъ перьевъ. Однакожь шюки и шюрбаны гораздо въ

большемъ употребленіи. Кто бы подумалъ, что *снѣзь* войдетъ въ моду! — Пришла и на него очередь. Опбросивъ цвѣты, надобно было взяться за противоположное, и такъ модная уборка волосъ называется: *Coëffure à la Neige*. Это не что иное, какъ множество крючковь, пешелекъ и запонокъ, перемѣшанныхъ въ волосахъ. Название сей уборкѣ, дано въ честь новой оперы: *la Neige* (*снѣзь*), а первый изобрѣвшійся головнаго убора, есть безъ сомнѣнія какой нибудь Поэшь - парикмахеръ, побывавшій въ Россіи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Одинъ изъ опличныхъ Липерашоровъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ: всѣ ли приключенія, описанныя въ спашѣ, подъ заглавіемъ: *Военная жизнь*, случились именно со мною? Какъ подобные вопросы могушь повпориться, но я, за благо разсудилъ отвѣчать въ моемъ Журналѣ, и повпорилъ сказанное въ предисловіи, а именно, что въ сей спашѣ собраны различныя приключенія, *видѣныя* и *испытанныя*, для составленія, такъ сказать, панорамы военной жизни. Различные случаи опносясь къ одному лицу, едисивно въ той цѣли, чтобы соблюсти планъ сочиненія, заключающійся въ *письмѣ къ пріятелю*, и чтобы не разрывалъ повѣствованія опспуплетіями. Однимъ словомъ: *Военная жизнь* есть *соиненіе*, для изображенія того, что предспавляется офицеру передъ фронтомъ во время сраженія, и что можешъ съ нимъ случиться въ кампаніи. Но главные анекдоты основаны на истинѣ.

Ө. Б.

Печатать позволяется.

Санктпешербургъ, 14 Генваря 1824 гога.

Цензоръ А. Бируковъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ,
ЖУРНАЛЪ
ПРАВОВЪ И СЛОВЕСНОСТИ.

ФЕВРАЛЬ 1824. № III.

Содержаніе: Проза. 1. Предразсудки или что
встарь по и нынѣ. 2. Сапирическій Словарь.
Стихотворенія: 3. Разнощикъ книгъ, опры-
вокъ изъ Комедіи. 4. Волшебный фонарь
или разныя извѣстія.

П Р О З А.

I.

П Р Е Д Р А З С У Д К И

ИЛИ

Ч Т О В С Т А Р Ъ , Т О И Н Ы Н Ъ .

De tous les animaux qui s'élèvent dans l'air,
Qui marchent sur la terre, ou nagent dans la mer,
De Paris au Pérou, du Japon jusqu'à Rome,
Le plus sot animal, à mon avis, c'est l'homme.

BOILEAU, Satire VIII.

Первый день испытаній.

Вхожу къ одному моему пріятелю, и за-
сѣаю его въ сильномъ волненіи духа. Онъ
прохаживался большими шагами по комнашѣ,
поширалъ руки, внезапно останавливался, двѣ-
далъ спранныя шѣлдвиженія, и былъ, какъ
говорится, внѣ себя. — Что съ тобою сдѣ-

далось? — спросилъ я съ безпокойствомъ. Онъ молчалъ. Скажи, ради Бога, что такое случилось? — „Я готовъ завтра же бросить все, и бѣжать!“ — сказалъ онъ. Куда? — „Все равно, хоть въ Киргизскую степь.“ Онъ кого же бѣжать? „Онъ людей.“ Ты сердисься на людей, сказалъ я: эго, братъ, спарое. Вспомни, что ты самъ принадлежишь къ роду словесныхъ пварей — и что если бѣ даже вздумалъ скрыться въ пещеръ, то и тогда останешься самъ съ собою — а на первый случай и этого довольно. Сердишься на людей за ихъ пороки: есть поже, что желать, чтобы ледъ не былъ холоденъ, а огонь жарокъ. Законы природы не измѣняются по нашимъ прихотямъ. Спрадай, перпи, наслаждайся и заспавляй другихъ перпшь. „Полно, полно!“ вскричалъ пріятель: „Философія швоя совсѣмъ не кшаши; я во все не намбрень пребовать онъ людей невозможнаго — , но хочу непременно, чтобы они были людьми, а не попугаями, чтобы не употребляли во зло благороднаго названія образованности, и окружая себя всѣми произведеніями чловѣческаго генія, сего, шакъ скажешь, оппечашка безсмертія души — не были споль же дики и суевѣрны въ великолѣпныхъ городахъ, какъ Гренландецъ или Эскимосецъ въ своей снѣжной хижинѣ. Однимъ

словомъ, я хочу не картинъ, не декораций просвѣщенія, но благодѣтельныхъ его плодовъ; не блеску, но теплоты и благошворнаго свѣта, который бы руководилъ людей на поприщѣ жизни и прогонялъ мракъ невѣжества. “ Ты многого желаешь, любезный другъ, сказала я; въ самомъ просвѣщенномъ Государствѣ, ты найдешь темныя мѣста, точно такъ же, какъ въ самой лучшей картинѣ. „Я долженъ короче объясниться съ тобою,“ отвѣчалъ пріятель: „повторяю, что не требую невозможнаго, но хочу, чтобы высшее сословіе, называющееся и называемое образованнымъ, котораго каждый членъ готовъ спрѣлаться съ вами, если его не назовеша просвѣщеннымъ и образованнымъ, чтобы высшее сословіе, говорю я, испребило въ нѣдрахъ своихъ предразсудки и суевѣрія, оспашки варварства, въ которыя не должна даже въришь нынѣ порядочная нянюшка.“ Согласенъ, сказала я, но не ужели между просвѣщенными людьми находящя предразсудки, это порожденіе невѣжества?“ „Сядишь и слушай,“ возразилъ пріятель: — „я расскажу тебѣ сегодняшнее мое приключеніе, и ты подумаешь, что мы живемъ еще во времена Кресцовыхъ походовъ!

„По довѣренности моей шепки, мнѣ надлежало получишь двадцать тысячъ рублей

омъ Господина Богапонова, для уплаты долговъ въ разныхъ магазинахъ, копорые ежегодно поглощаютъ при части дохода, на украшеніе ея бывшихъ, и настоящихъ прелестей прехъ ея дочерей. — Проживая въ деревнѣ, я бывалъ по сосѣдству въ домъ Богапонова, но въ Спологицѣ, гдѣ каждый кругъ знакомыхъ живетъ отдѣльно между собою, какъ бы на особомъ острову, я потерялъ изъ виду это старинное знакомство. Въ 9 часовъ утра я отправился къ Богапонову — вся наружность представляла, что домъ его устроенъ по образцу Европейскому. Меня встрѣпилъ швейцарь, спросилъ мою фамилію, и не находя меня въ списокѣ людей, для копорыхъ барина всегда *нѣтъ дома*, позвонилъ въ колокольчикъ, и я, взошедъ, по лѣстницѣ, встрѣпилъ лакея, копорый отворилъ мнѣ двери въ пріемную залу. Вышелъ камердинеръ и вѣжливо спросилъ меня: „не просишь ли я?“ — По счастью, нѣтъ, отвѣчалъ я, но старый знакомый, пришедшій за дѣломъ. „Ипакъ, я сей часъ доложу,“ — сказалъ камердинеръ, подвинулъ спуль къ камину и скрылся. Черезъ десять минутъ я услышалъ шарканье, и зная, что это означаетъ важную упрепку посещенья знашнаго человѣка въ халащѣ, поспѣшилъ на встрѣчу. Дверь отворяется — это Богапоновъ. „Здравствуйше, почтеннѣйшій!“

вскричала онъ. — Я просянуль руку, чтобы поздоровываться, но Богапоновъ опспунилъ при шага назадъ, примолвивъ: „войдите, войдите въ комнапу. Вы знаете, что *чрезъ порогъ не хорошо здоровываться.*“ Совсѣмъ не знаю, опвѣчалъ я, и привѣщспвую вездѣ людей, которыя опъ меня не опворачивающся.

„Вы забыли насъ,“ сказала Богапоновъ и „вовсе не посѣщаете.“ — Дѣла, болѣзнь, опвѣчалъ я. — „Обыкновенныя опговорки, “подхвасилъ Богапоновъ, — „но я хочу предспавить васъ женѣ моей и цѣлому семейству, которое очень вамъ обрадуется. Помнидите ли, какъ мы весело проводили время въ деревнѣ?“ —

Очень весело, сказала я свозъ зубы — потому что лгала изъ *учтивости.* — „Жена моя съ дѣпми и своими сеспрами сидитъ шецерь за чайнымъ столокомъ. Пойдемте къ ней; только я долженъ васъ предупредить, что она сегодня не очень весела, потому что *лѣвою ногою встала съ постели.*“ — Какъ, развѣ у вашей супруги болишь лѣвая нога, и она, вѣроятно, ушиблась или опсупилась? — спросилъ я. —

„О! нѣтъ,“ опвѣчалъ Богапоновъ: „у нее ноги здоровы, но вы знаете, что это означаетъ *несчастіе.*“ — Опять не знаю, сказала я, — ибо если бѣ спупилась лѣвою ногою означало несчастіе, то природа, для избѣжанія онаго, одарила бы насъ одною только ногою, чтобы

не было ни лѣвой, ни правой. „А почему знашь,“ возразилъ онъ, „можешь быть опъ того такъ много несчастія, въ мѣрѣ, что люди созданы съ двумя ногами?“ — Несчастіе происходишь опъ головы и сердца, опвѣчалъ я, а не опъ лѣвой ноги. — „Полно, полно,“ сказалъ Богапоновъ, — „я и забылъ, что вы Философъ и Сочинишель. Пойдемше!“ — Цѣлое семейство приняло меня очень привѣжливо, особенно сеспры Г-жи Богапоновой, съ кошплыми мы играли въ деревнѣ Французскія комедіи, въ коихъ я всегда предспавлялъ роль любовниковъ. Ты знаешь, что для романическихъ женщинъ и шеанральная роль любовника имѣешь прелеснь, и оспавляетъ пріятное воспоминаніе. „Ну, видишь ли, Машинька,“ — сказала Г-жа Богапонова своей средней сеспрѣ, „что не даромъ *мылась твоя кошка, вошь намъ и гость.*“ — „И у меня свѣчка погасла,“ подхвашила младшая сеспра. „Я сей часъ дагодалась, что будетъ *нечаянный гость.*“ — „А примѣшили ли вы,“ — сказала середняя сеспра, — „что когда Иванъ вносилъ вязку дровъ — *полно нечаянно выпало,* я потчасъ сказала: *будетъ нежданный гость!*“ — Я не разсудилъ за благо спорить съ женщинами *о примѣтахъ,* и сидѣлъ, потупя глаза въ землю. „Давно ли получили цѣсьма изъ деревни?“ — спросилъ наконецъ

Богашоновъ, „что новаго въ нашихъ кра-
 яхъ?“ — Вчера получилъ печальное извѣстіе,
 опвѣчалъ я, нашъ сосѣдъ, добрый Роммиспръ
 Безпечинъ скончался. „Ахъ, какъ жаль! вос-
 кликнули дамы: онъ былъ такой весель-
 чакъ!“ — „И славный охотникъ и знажокъ
 въ лошадахъ“ — сказала Богашоновъ. „Не
 даромъ у меня *чесалось переносье*,” — про-
 должалъ онъ, — „я угадалъ, что *о мертвомъ*
слышать.“ — Если бѣ сія примѣта была спра-
 ведлива, опвѣчалъ я, то во время господ-
 ствовавшихъ насморковъ въ нынѣшнюю сы-
 рую погоду, надлежало бы бысть моровой язвѣ,
 чшобы завсякимъ раздраженіемъ носовыхъ нер-
 вовъ получаешь извѣстіе о мертвомъ. „Неуже-
 ли вы не вѣрите *примѣтамъ*?“ — спросила
 меня хозяйка. Не вѣрю, сударыня. — „Что же
 васъ предостерегаетъ отъ несчастія и раз-
 ныхъ непріятныхъ случаевъ?“ — Отъ на-
 пасши хранишь Богъ, а предостерегаетъ здра-
 вый разумъ. — „Это фразы, сударь, фра-
 зы,” — возразила хозяйка; — „и шакъ знай-
 те, что у меня подъ окномъ цѣлую ночь
собака выла; я предчувствовала что *будетъ*
покойникъ въ семействѣ, а вамъ извѣстно,
 что покойный Роммиспръ былъ двоюродный
 племянникъ моей проюродной пещушки.“
 Завидую вашему познанію будущности, но
 не могу вѣрннъ шому, что прошивно моимъ

правиламъ и понятіямъ. „Какъ вамъ угодно; останемся при своемъ,“ — сказала улыбаясь хозяйка; „но я буду наблюдать за вами, и мимо вашей воли предостерегаю отъ несчастія.“ — Много благодаренъ за соучастіе! — Наконецъ надлежало объяснитьсь по дѣлу, и я сказала Богашову о причинѣ моего прихода. „Я очень обязанъ вашей шепушкѣ,“ оповѣчалъ онъ, „за то, что она продала дешево хлѣбъ для моихъ винокурень — но сегодня мнѣ не лѣзя плашить денегъ пошому, что я въ *понедѣльникъ никакихъ дѣлъ не предпринимаю, а особенно не выдаю денегъ.*“ Помилуйте! вскричалъ я, чѣмъ *понедѣльникъ* хуже *вторника*? Одно солнце свѣтитъ во всѣ дни; земля равно питаетъ насъ и производитъ свои произрашенія; небесныя вѣла слѣдуютъ одному порядку, и люди дѣлаютъ одинакія глупости — почему же *понедѣльникъ* долженъ имѣть вліяніе на частныя дѣла, которыя происходятъ отъ обыкновеннаго спеченія обстоятельствъ, должны имѣть свое начало и конецъ сообразно съ возможностью, и зависятъ отъ нашихъ силъ, способностей, узаконеній, а не отъ наименованія или порядка дней въ недѣль. Такимъ образомъ, въ *понедѣльникъ* не надлежало бы присутствовать въ судахъ, въ лавкахъ; читать, писать, готовить кушанье и проч. —

„Воля ваша, изъясняйше какъ вамъ угодно,“ отвѣчалъ хладнокровно Богашоновъ, „но я не пресуплю моего правила, ибо въ энихъ вещахъ не разсуждаю.“ — Опъ того по, что вы не хотише *разсуждать*, происходяшь *примѣты*, отвѣчалъ я. „Вспомни,“ сказала Богашоновъ женъ своей, какъ у меня вчера чесалась *львая рука* — видишь, что пришлось *отдавать деньги*.“ — „А у меня, напрошивъ, чесалась *правая рука*,“ сказала хозяйка. — „Эпо опъ того, что ты завтра получишь *деньги* на покупку шали, копорую ты выбрала для себя у Бухарца.“ — За изъясненіе этой *примѣты* нѣжный мужъ награжденъ былъ поцѣлуемъ, а я вознамѣрился распрощаться съ Богашоновымъ, сожалья о напрасномъ приходѣ, а еще болѣе о томъ, что прое дѣшей его были свидѣтелями нашей бесѣды, и безъ сомнѣнія заразясь подобными же предразсудками. Богашоновъ очень вѣжливо извинялся, просилъ меня прійти завтра, и даже проводилъ до самой передней. Въ шоропахъ и въ досадѣ я накинулъ на себя шубу на выворотъ, и Богашоновъ примолвилъ: „вошь и это худой знакъ, и какъ бы наказаніе за вашу недовѣрчивость къ поведѣльнику. *Навыворотъ надѣть платье*, значишь *быть пьяну или биту*.“ — Пьянъ я буду развѣ восторгомъ, отвѣчалъ я, а бишь былъ и шеперь —

но только нравственнымъ образомъ. Между тѣмъ прощайше до завтра. — Я спустился на улицу, и захлопнувъ за собою двери, еще оглянулся кругомъ, чинобъ увѣришься, не въ лѣсу ли я. — Для разсѣянiя моего горя я пошелъ къ нашему общему прiятелю Веселину, котораго просвѣщенный умъ и любезность должны были вознаградить меня за мою неудачу. Я вспомнилъ, что сегодня день именинъ старшей его дочери, умной дѣвочки лѣтъ 11-ти; и такъ по дорогѣ зашелъ въ Англійскiй магазинъ, и купилъ игольникъ съ иглами. Я не засталъ дома Веселина, и такъ поздравивъ дочь его, отдалъ ей подарокъ. Г-жа Веселина очень благосклонно приняла этотъ знакъ моего вниманiя, и сказала своей дочери: „возьми, душа моя, гривенничекъ, и отдай Архипу Фадеевичу; ты знаешь, что *жельза не лѣзя дарить, а должно продавать.*“ — Я не могъ скрыть моей досады. — Неужели и вы вѣрите въ примѣшны? спросилъ я. Едва лишь вырвался изъ области очарованiя, и снова попалъ въ волшебный замокъ. При вашемъ просвѣщенiи, при вашей любезности, можно ли заниматься такими пустыми вещами? — „Нѣтъ, сударь,“ возразила Г-жа Веселина: „я сама прежде смѣялась, но опытъ удостоверилъ меня въ противномъ. Примѣшны мои всегда сбываются. У меня сегодня разби-

лось зеркало, и я чрезвычайно беспокоюсь, чтобы не случилось несчастія.“ — Несчастье — потеря зеркала, отвѣчала я, невольно разсмѣявшись, и поширая правый глазъ, копорый, не знаю какъ то, засорился. Г-жа Веселина пошчасъ вывела изъ сего важныя послѣдствія. „Вопшь видите, вы смѣетесь, потому что у васъ правый глазъ чешется, а мнѣ вѣрно плакать, потому что у меня чешется лѣвый глазъ.“ — Ахъ, сударыня! у меня чешется языкъ, чтобы сказать вамъ, что машери семейства, женщинъ воспитанной и образованной, право спыдно вѣришь предразсудкамъ, копорые неприяшно встрѣчаютъ даже въ простомъ народѣ; предразсудкамъ, копорые перейдушь къ дѣляямъ и заразятъ оными нѣлаое поколѣнне. „О! вы, господа Ученые, ничему не вѣрише,“ сказала улыбаясь Г-жа Веселина. — Вѣримъ вѣроятному и полезному для блага рода человѣческаго, но вооружаемся противу спранныхъ и вредныхъ предразсудковъ, копорые дѣлають челоуѣка невольникомъ всѣхъ окружающихъ его предметовъ. Между шѣмъ позволите попросить у васъ иглы съ ниткою, чтобы сшить рукопись одной спашыцъ, посылаемой мною въ Журналь *Сѣверный Архивъ*. — „Лизанька!“ вскричала Г-жа Веселина, „подай мнѣ иголку!“ — Дочь принесла,

и Г-жа Веселина, отдавая мнѣ оную, уколола меня въ палець такъ больно, что я невольно вскрикнулъ. Помилуйте, сударыня, сказала я: довольно, что меня будущъ колошь кришиками и эпиграммами по напечатаніи спашьи: зачѣмъ же вы хошите колошь меня предъ выходомъ оной въ свѣсь? — „Эта операція не касается до вашего сочиненія,“ отвѣчала Г-жа Веселина: „но подавая иголку, надобно непременно уколоть, чтобы не поссориться.“ — Я скорѣе поссорюсь за предразсудки, нежели за оказанную мнѣ услугу. — Однако жь время не шерпишь, просише до свиданія!

Вышедъ на улицу, я началъ раздумывать о непосязжимости нравственней природы челоуѣка, копорый нерѣдко соединяешъ въ себѣ удивительныя прошивоположенности: сомнѣваешся въ очевидныхъ и, такъ сказать, математическихъ истинахъ, и вѣришь исчадіямъ уродливаго воображенія. На поворотѣ въ другую улицу попался мнѣ Г. Грифонинъ, копорый, не давъ мнѣ времени опомнишься, началъ рассказывать о своей ссорѣ съ хозяиномъ дома, гдѣ онъ нанималъ кварширу. „Предсавъше себѣ,“ сказалъ онъ: „между нами однажды пробъжала черная кошка, и съ шѣхъ поръ, изъ лучшихъ друзей, мы сдѣлались врагами.“ — Онъ хошѣлъ продолжашъ, но это

объясненіе шакъ разсердило меня, что я, приподнявъ шляпу, бросился бѣжать отъ него изо всѣхъ силъ. Опять примѣшы, думаль я, опять предразсудки! — куда мнѣ скрышься отъ нихъ? Между тѣмъ ударило при часа, и я вспомнилъ, что обѣщаль сегодня обѣдать у пріятелиа моего Хлѣбосолова, у котораго въ сей день собирается очень пріятельное общество. Въ передней мнѣ сказали, что господа только что сѣли за столъ, и я, по коронскому моему знакомству, безъ обиняковъ, явился въ столовую залу. Добрый хозяинъ чрезвычайно обрадовался и громко-гласно вскричалъ: „подайте приборъ, милости просимъ!“ Но хозяйка, окинувъ взоромъ гостей, поблѣднѣла отъ ужаса и дрожащимъ голосомъ сказала своему сыну: „встань Ваня, и сядь за особенный столъ.“ — „Зачѣмъ?“ спросилъ Хлѣбосоловъ, „мѣста довольно.“ — „Пожалуйста не спорь,“ возразила хозяйка, сочши, насъ будетъ *тринадцать* *человѣкъ за столомъ*, включая Архипа Фадеевича.“ — „Какая нужда?“ сказалъ Хлѣбосоловъ. „Очень большая,“ отвѣчала жена его, „ибо непременно *будетъ покойникъ*. Я крайне боюсь этой примѣшы, и прошу тебя исполнить мое желаніе.“ — Я отъ досады не могъ промолвить ни одного слова, и принялся за супъ, углубя взоръ мой въ шарелку. Пожалуйше,

подвиньше ко мнѣ соль, сказалъ я дочери Г-на Хлѣбосолова. Мать поропливо посмопрѣла на дѣвушку и воскликнула: „*смѣйся, смѣйся, душа моя, подавая соль, чтобы не поссориться*!“ — и милая дѣвушка, прошиву желанія, должна была показашь свои прекрасные зубы. У меня съ досады запряслись руки, и я уронилъ солонку. „Ахъ, Боже мой!“ воскликнула съ препешомъ Г-жа Хлѣбосолова „*будетъ бѣда, соль просыпалась!*“ Нѣсколько пожилыхъ жѣнщинъ повпорили аханье, и грустное молчаніе заступило мѣсто веселаго разговора. Хлѣбосоловъ хошѣлъ что-то сказащъ прошиву предрасудковъ, но его не слушали, повпорая, что весьма спранно не вѣришь *примѣтамъ*, которыми вѣрили наши *предки* и нынѣ вѣрятъ въ лучшемъ обществѣ. Мы завели рѣчь о другихъ предметахъ. Между шѣмъ, сидѣвшій по лѣвой моей споронѣ гусарскій офицеръ понросилъ меня налишь ему въ рюмку сошерну. Я взялъ бушылку, и лишъ только влилъ нѣсколько капель, какъ пожилая шешушка Г. Хлѣбосолова, закричала звонкимъ голосомъ: „*не наливайте чрезъ руку, это худая примѣта, или ссора или несчастье!*“ Досада моя обрашилаь наконецъ въ смѣхъ. Худая примѣта, сударыня, сказалъ я, когда за споломъ нѣшъ вина, ссора, когда его много, а несчастье, ко-

гда оно составляет единственное упражне-
 ние человека. Сама хозяйка нѣсколько разве-
 сидлась. „О чемъ вы думали минушь за
 десять до вашего сюда прихода?“ спросила
 она меня. О вашей *любезности*, сударыня,
 отвѣчалъ я изъ *вѣжливости*. — „На эпошь
 разъ я вамъ вѣрю,“ примолвила она, „ибо *взяв-*
шись за первый кусокъ я вздумала *объ васъ*,
 и сердилась, что вы измѣнили слову, и не-
 пришли къ намъ обѣдать. Вошь видите, что
 мои примѣшны сбываются.“ — Въ эпошь слу-
 чаѣ, изъ самолюбія, я готовъ вѣришь примѣ-
 шамъ, отвѣчалъ я. — Извѣстно, что къ кон-
 цу эпола веселіе сильнѣе дѣйствуетъ въ
 собесѣдникахъ, и наша бесѣда сдѣлалась жи-
 вѣе. Казалось, что всѣ уже примѣшны кончи-
 лись, однакожъ, прозорливая шепушка замѣ-
 шила, что одинъ изъ гостей, Г. Свирѣлкинъ,
 сидѣлъ между двухъ сестеръ, и сказалъ ему:
 „вамъ женишься въ нынѣшнемъ году.“ — „Очень
 радъ, сударыня, но почему вы эпо узнали?“
 — „Пошому, что если кто безъ намѣренія
 сядетъ *между двухъ братьевъ* или *между*
двухъ сестеръ, то вѣрно или *замужъ итти*
 или *жениться*.“ Нашъ Свирѣлкинъ весьма
 обрадовался эпой примѣшгъ, и разнѣжившись,
 началъ осыпашъ вѣжливостями своихъ сосѣ-
 докъ, — но въ самое эпо время мы вспали
 изъ за эпола, и перешли въ другую комнашу

пить кофе. Входя въ залу, хозяйка разсердилась на лакея, и немедленно погасила одну изъ трехъ свѣчь, споявшихъ на споль. „Знай-те господинъ недовѣрчивый“, сказала, она мнѣ, „что *три свѣчи* на споль, весьма дурная *примѣта* — и означаетъ покойника.“ — Я засмѣялся, и добрая Г-жа Хлѣбосолова также не могла не улыбнуться, искренно сожалея, какъ она говорила, о моемъ упрямствѣ. Между тѣмъ, богато убранная кормилица вошла въ комнашу, держа на рукахъ прекраснаго какъ Амуръ младенца, послѣдній залогъ любви очасливаго супружества Гг. Хлѣбосоловыхъ. Я не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: какой прелестный и здоровый малюшка, какъ онъ свѣжъ и румянь! — Въ сію минушу ребенокъ закашлялъ и заплакалъ, а мать и шешушка обратились ко мнѣ съ упреками, увѣряя, что я моими *похвалами* *сглазилъ* его. Г-жа Хлѣбосолова и шешушка хотѣли принудить годовалое дитя плюнуть, чтобы разсвѣять дѣйствіе моего дурнаго глаза. — Ребенокъ еще болѣе расплакался, мать начала сердиться, отецъ заботиться, шешушка поглядывашъ на меня косо, и что-то говоритъ сквозь зубы. Кормилицъ велѣли опнести ребенка въ дѣшскую, чтобы обмыть его *нащептанною водою съ угольями*; всѣ дамы, и самъ Хлѣбосоловъ, побѣжали

туда же; все пришло въ разстройство, всѣ почитали меня причиною случившагося несчастія, и я, схвативъ шляпу, бросился бѣжать домой, и, какъ видишь, нахожусь въ досадѣ, въ опчаяніи, что принужденъ жить съ людьми, которые, принимая на себя личину образованности, скрывающагося во мракъ невежества отъ благодѣтельныхъ лучей истиннаго просвѣщенія, и гоняющагося за бодлыми дѣшными огнями. Что пользы во множествѣ книгъ и Журналовъ, издаваемыхъ въ разныхъ странахъ Европы, когда люди лучшаго общества, такъ называемаго большаго свѣта, почерпающъ первыя впечатлѣнія отъ своихъ нянюшекъ и дядекъ, въ послѣдствіи учащагося краснорѣчію во Французскихъ романахъ, познанію людей въ гостинныхъ, а Философіи въ поэтическихъ вымыслахъ разгоряченнаго воображенія! Съ такими людьми, вся жизнь покажется вѣчнымъ *понедѣльникомъ*.“ —

Любезный другъ! сказала я: то, что въ тебѣ производишь опчаяніе, во мнѣ возбуждаетъ смѣхъ. Въ Киргизской степи, ты также найдешь Бурхановъ, ворожей, и предрасудки; но тамъ, ты бы не сдѣлалъ изъ нихъ никакого употребленія: а здѣсь, я первый воспользуюсь ими и составлю спашейку для моего Журнала, кошорая, если не принесетъ ни пользы, ни удовольствія моимъ читателямъ.

лямъ, шо по крайней мѣрѣ наполнишь ли-
сенокъ — а эшо пакже важная вещь для Жур-
налиста.

Ө. Б.

II.

О П Ы Т Ъ

САТИРИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

для людей такъ называемаго большаго
СВѢТА.

Добродѣтель. Блестящій плащъ, которымъ
многіе прикрываютъ свою неопрятность.

Остроуміе. Родъ декорацій, покупаемыхъ
за деньги. Чѣмъ кто богаче, тѣмъ ка-
жешся остроумнѣе.

Долги. Модное убранство, безъ котораго
нельзя показаться въ большемъ свѣтѣ.

Высокомѣріе. Родъ оспы у знашныхъ людей,
особенно недавно попавшихъ въ знашь.

Болезнь, для которой существуешь одно
только лекарство — паденіе.

Этикетъ. Тюрьма, для заключенія въ оной
веселости природнаго характера, откρο-
венности и проч.

Банкротство. Модный образъ ловли, коко-
рый нынѣ употребляютъ прошиву кре-
дитшоровъ, шочно такъ, какъ прошиву
зайцевъ.

Фанфаронство. Модное оружіе, которое употребляютъ люди такъ называемаго большаго свѣта. Это оружіе имѣетъ такое же свойство, какъ и копье Брадаманты; до кого только прикоснешся, тотчасъ ошпалкиваетъ

Дурачество. Модная шляпа, прикрывающая голову фанфарона.

Вѣжливость. Модная комедія, играемая съ большимъ успѣхомъ.

Честь. Частица рѣчи, которую непременно должно употреблять между разговорами въ хорошемъ обществѣ.

Лицемеріе. Модное пришираніе, употребляемое съ пользою въ свѣтѣ.

Выгода. Ключикъ, которымъ люди заводятся какъ часы.

Ложь. Употребляется въ Логикѣ вмѣсто силлогизмовъ.

Словесность. Гробъ, для такъ называемаго шону большаго свѣта. Модный человекъ хорошаго шона не можетъ на нее смотреть, не чувствуя спазмовъ.

Хлебосолецтво. Привилегія на пьянство.

Самолубіе. Волшебное зеркало, въ которомъ обыкновенный человекъ представляется великимъ, глупецъ мудрымъ, празднотлюбецъ трудолюбивымъ, дурной красавцемъ, скучный остроумнымъ и проч.

- Зеркало** сіе находишся въ уборныхъ, почши у шрехъ часпей всего населенія Европы.
- Любовь.** Одежда, въ кошорую наряжаешся *выгода* предъ свадьбою.
- Науки.** Горькое и непріятное лекарство для молодыхъ людей и женщинъ.
- Невинность.** Одежда, вышедшая изъ моды, подобно фижмамъ и робронамъ.
- Храбрость.** Весьма часпо не что иное, какъ то же самое, что *беременность горы* въ баснѣ Эзоповой.
- Память.** Мъшокъ, въ кошоромъ прежде прятали науки — а нынѣ недоспашки ближнихъ.
- Деньги.** Ключи для оппиранія сердець.
- Клевета.** Моровая язва въ обществвахъ.
- Правда.** Глухонѣмая гостѣя въ большомъ свѣпѣ.
- Ноевъ ковчегъ.** Уменьшенное, но вѣрное, изображеніе міра: живошныхъ множество, людей мало.
- Дружба.** Любимое *выраженіе* модныхъ людей и женщинъ.
- Умъ.** Кукла, кошорая вышла изъ моды между взрослыми дѣшными.
- Румянецъ.** Прежде получали его въ наслѣдство онъ родишелей, и пошому былъ онъ *имѣніе родовое*, а нынѣ покупаюшъ его въ фарфоровыхъ чашечкахъ въ магазинахъ, и

пошому онъ есть имѣніе *благопріобрѣтенное*, копорымъ можно располагашь какъ заблагоразсудишя.

Точность въ условіяхъ. Старая дорога, по кощорой уже не ѣздяшъ.

Откровенность. См. *Добродѣтель.*

Картежная игра. Силки, для ловли пшиць, называемыхъ воронами.

Чтеніе. Угаръ, производящій спазмы и головную боль; почему и стараюшя изгоняшъ оный изъ гощиныхъ комнашъ и кабинетшвъ.

Кабинетъ. У модныхъ людей мѣсто складки книжныхъ поваровъ, гдѣ шакже пишущя векселя и любовныя письма.

Чины. Прилагашельное, безъ копораго *существовательное* было бы споль же невидимо, какъ газы въ физическихъ и химическихъ опышахъ.

Богатство. Микроскопъ, чрезъ копорый показываюшъ въ большомъ свѣшъ козявокъ и букашекъ.

Покровительство. Покровъ на глазахъ легковерныхъ искашелей.

Замужство. Оспроумное сочиненіе въ подражаніе баснѣ объ Акшеонѣ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

Ш.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗНОЩИКЪ КНИГЪ.

Сцена, изъ Комедіи: Ротмистръ Громиловъ.

ЯВЛЕНІЕ 20.

Громиловъ, Лукьянычъ и Матвѣй.

Лукьянычъ (за кулисами.)

Ты слышишь, не досужно!

Поди съ Романами, поди, любезный, прочь!

Матвѣй (въ дверяхъ).

Мнѣ баринъ

Лукьянычъ (въ дверяхъ).

Барыня не сдишь другую ночь,

Какъ шы къ намъ зашацилъ какихъ - шо привидѣній

Въ Непродскомъ замкѣ!

Громиловъ.

А, дружокъ! какихъ швореній

Принесъ? —

Матвѣй.

Еще всякія.

Лукьянычъ.

Я не хошѣлъ пускашъ,

Вѣдъ наша матушка двѣ ночи поживашъ

Съ книгъ не извоила . . . все спрашныя приносимъ.

За чпо жалѣ дашь рубля, за шо онъ десянь просимъ.

Такой онъ озорникъ!

(Уходитъ).

Матвѣй.

Мнѣ здѣсь не велика.

Пожива

ГРОМИЛОВЪ (садясь).

Вынимай премудрость изъ мѣшка!

Ну что шамъ ешь?

МАТВѢЙ (вынимая книги).

Любимъ . . . Валеріанъ . . .

ГРОМИЛОВЪ (читая надпись).

А, Драмы

Егора Ганина . . . ну, опложи.

МАТВѢЙ.

Программы . . .

ГРОМИЛОВЪ.

Нѣшь, мимо . . .

МАТВѢЙ (подавая книгу).

Вотъ Романъ Лорензо Спаркъ.

ГРОМИЛОВЪ (отдавъ).

Возьми!

МАТВѢЙ (показывая книгу).

Милена.

ГРОМИЛОВЪ.

Мико!

МАТВѢЙ.

Тѣнь . . .

ГРОМИЛОВЪ.

Останешся съ пѣньми.

МАТВѢЙ.

Эвър де Расинъ . . .

ГРОМИЛОВЪ.

Подай мнѣ Рускаго Расина.

Есть Озерова?

МАТВѢЙ.

Нѣшь. одинъ изъ магазина

Плавильщикова взялъ я экземпляръ, и пошлю —

Тогда же продашь я. — (Подавая книгу.)

Оракуль.

ГРОМИЛОВЪ.

Брось!

МАТВѢЙ.

А вошь —

Въ пяти часяхъ, сударь, возмите: Анекдоты!

ГРОМИЛОВЪ.

Что спиошь?

МАТВѢЙ.

Семь рублей.

ГРОМИЛОВЪ.

А при?

МАТВѢЙ.

Намъ переплелы

Дороже.

ГРОМИЛОВЪ (взявъ книгу).

Гдѣ же шесть? шущъ шолько часъ одна.

МАТВѢЙ.

Шесть книгъ въ одной, сударь . . .

ГРОМИЛОВЪ.

Ну, великажь она!

МАТВѢЙ.

Хражь правосудіа!

ГРОМИЛОВЪ.

О какъ обезображень!

И перепленъ хощь брось . . .

МАТВѢЙ.

Тушь переплелъ не важень,

А книжка славная. —

ГРОМИЛОВЪ (взявъ одну книгу).

Что это?

М А Т В Ъ Й.

Рихардешь,

Поэма въ двухъ часяхъ. —

Г р о м и л о в ъ.

Гдѣ жь часья вшорая? нѣшь?

М А Т В Ъ Й (*сыскавъ одну книгу*),

Вопь и вшорая часья.

Г р о м и л о в ъ (*пересматривая ее*),

Однако жѣ не другая.

На первомъ лишѣ листѣ написано: вшорая,

И шо чернилами, а книга все одна.

М А Т В Ъ Й.

Случается у насъ — на полкъ не видна!

Г р о м и л о в ъ.

Я книги брашь хочю для чшенья, не для полки.

М А Т В Ъ Й.

У насъ, сударь, не всѣ — въ такіе входяшь полки.
Полночный колокодъ.

Г р о м и л о в ъ.

Его не надо нѣ.

А эшо . . . (*указываетъ на другую книгу*).

М А Т В Ъ Й.

Сонникъ здѣсь.

Г р о м и л о в ъ.

Онъ сочинень во снѣ —

Иль на яву?

М А Т В Ъ Й.

Того и продавцы не знаютъ

Г р о м и л о в ъ.

Однако жѣ — прешіе изданье!

М А Т В Ъ Й.

Раскупають!

Г р о м и л о в ъ .

Да кто же, мнѣ скажи, его вамъ сочинялъ?

М а т в ѣ й .

Подрядчики. — Одинъ реляціи собиралъ,
Писалъ Ишорію, которой не учился;
Иной и буквари писашъ намъ подрядился.
Нѣмецкій, Англійскій, Французскій сочинилъ,
Шисьмовникъ, Пѣсенникъ и Сонникъ.

Г р о м и л о в ъ .

Удивилъ!

М а т в ѣ й (подавая двѣ книги).

Вошь сударь, Арфа Музъ, а вошь Вѣнокъ для Грацій.

Г р о м и л о в ъ (развернувъ одну).

Спихи! (читаетъ) О баловень природы! нашъ Горацій!
Посланіе въ отвѣтъ Посланію. — (кинувъ книгу.)

Бросашъ!

Тутъ видно вздумали другъ друга величашъ.
Кто слѣпъ, того зовушъ пріятели Мильтономъ,
Кто съ шишкой на носу, Россійскимъ Цицерономъ!

М а т в ѣ й (подавъ одну книгу).

Вошь, сударь, книжка шо.

Г р о м и л о в ъ (пробѣжавъ первую
страницу).

Высоко и щемно!

Не въ модѣ простота! Нельцо — мудрено!
Однако жъ хваляшъ вздоръ, его не понимая,
Египетскою шьмой смыслъ бѣдный прикрывая.
Словами лишь шумяшъ, свѣтъ испины закрышъ,
Дурачештво людей и въ книгахъ говоришъ!

М а т в ѣ й (подавая книжку).

А вошь еще Журналь, который всѣхъ ругаешъ!

Г р о м и л о в ъ .

Но въ эпюмъ нумеръ никшо не нападаешъ.
Ругашельства шушь ишь.

М А Т В Ъ Й.

Издашель болонь былъ.

Г р о м и л о в ъ (взявъ одну книгу).

Анахарсисъ . . . изъ книгъ — Льва Лидина!

М А Т В Ъ Й.

Купиль

Я слишкомъ двѣспи книгъ у Лидина!

Г р о м и л о в ъ.

Съ чего же

Онъ книги продаваль!

М А Т В Ъ Й.

Онъ дашь просиль дороже

За нихъ, и я узналь опъ мальчика его —

Онъ въ крайности большой, и эпто опъ пого,

Чтно дѣлился всегда послѣднимъ онъ съ родными. —

Хопъ книги любиль онъ, всѣ дни проводиль съ ними,

Но какъ ни дорожилъ, и какъ ни сберегалъ —

Всѣ опдалъ до одной — а деньги въ Псковъ послалъ.

Сшарушка мапъ его больна, и на аптеку

Онъ продавъ для нее свою библиошеку.

Г р о м и л о в ъ.

Сынъ добрый!

М А Т В Ъ Й.

Дешево былъ долженъ уступиль.

Намъ дорого продашь, а въ прешь цѣны купишь.

Г р о м и л о в ъ.

Послушай, у шебя я книгъ не опбираю,

А все, что продавъ онъ, назадъ я покупаю!

М А Т В Ъ Й.

Иное я сбыль съ рукъ . . .

Г р о м и л о в ъ.

Найди и принеси.

М А Т В Ъ Й.

А что прибавише прошивъ цѣны?

ГРОМИЛОВЪ.

Проси

На совѣснѣ, — все дамъ.

М а т в ѣ й (въ сторону).

Барышъ мнѣ славный, вѣрный!

Такъ, сударь, завтра же . . . прощайше.

(Уходитъ съ лѣшкою).

Б. Федоровъ.

IV.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

ИЛИ

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

А. Новыя книги и Журналы (*). *Основанія Россійской Словесности*, С. П. б. 1823 въ шипогр. И. Глазунова, изданіе пятое, въ 8. 121 стран. Небольшая сія книга раздѣляется на двѣ части. Первая содержишь въ себѣ Грамматику и первоначальныя правила стихосложенія, а вторая Риторикѣ и общія понятія о Поззці, съ примѣрами изъ различныхъ Авторовъ. Мы уже имѣли случай говорить о достоинствѣ сего сочиненія въ V-й книжкѣ Сѣвернаго Архива на 1823 годъ; и пощому намъ ничего болѣе не оспашеся, какъ указать мѣсто, гдѣ она продается, а именно: въ домѣ Сочинителя, Дѣйств. Сп. Сов. А. С. Никольскаго на Липейной улицѣ, за церковью Спаса Преображенія, подъ No. 417. Цѣна здѣсь въ С. Пешербургѣ равно какъ и съ пересылкою 5 рублей.

(*). Мы говоримъ только о тѣхъ, которыя вышли съ 14 до 28 Января.

Мы объявляли въ No. XXIV Сѣвернаго Архива объ *Украинскомъ Журналѣ*, издаваемомъ при Харьковскомъ Университетѣ; теперь, получивъ первыя три книжки, долгомъ поставляемъ познакомиться нашихъ читателей съ симъ новымъ изданіемъ. Первая книжка содержишь въ себѣ: I. Опъ Редактора, т. е. изложеніе причинъ, побудившихъ Университетъ издавать сей Журналъ, и изъясненіе цѣли онаго. II. Разборъ Оды Ломоносова изъ Юва, сочин. А. С. (Сей разборъ продолжается во второй и оканчивается въ третьей книжкѣ). Эта статья показываетъ, что Авторъ одаренъ разборчивымъ вкусомъ и имѣетъ свѣдѣнія въ Эстетикѣ и въ древнихъ языкахъ. У насъ поприще Крипки слишкомъ обширно и много мѣстъ на ономъ незанятыхъ. Желаемъ, чтобы наши Литераторы болѣе занялись сею часною Словесности, для очищенія, такъ сказать, отъ нашей литературной руды чистаго золота. Только одно невѣжество боится Крипки, или какъ сказалъ И. А. Крыловъ:

Одни поддѣльные цвѣшны

Дождя бояшся.

III. О воспитаніи. (Спихи). Много хорошихъ спиховъ, но болѣе прекрасныхъ мыслей. Впрочемъ весьма прудно предсавлять полемическіе и педагогическіе предметы въ ципическихъ образахъ, и эпошь опытъ весьма удаченъ. IV. О гордости и смиреніи, статья нравственная. V. О Харьковскомъ Обществе Наукъ. — Книжка II. I. Разборъ Оды и проч. II. Описаніе Харьковского Института благородныхъ дѣвиць. III. Грусть, и при Эпиграфѣ (спихи). IV. О щерпѣни, статья нрав-

ственная. V. Извѣстіе, о попечительствѣ для бѣдныхъ духовнаго званія. — Книжка III. I. Разборъ и проч. II. Посланіе къ Е. М. Ф., соч. А. С. Стихи очень пріянные, исполненные чувства и свѣжести мыслей. III. О признашельности. IV. Нѣчто о приспращіи. Спашья нравственныя. V. О Студенскомъ Библейскомъ Сотовариществѣ въ Харьковѣ. — Изъ сего исчисления спашей, заключающихся въ трехъ первыхъ книжкахъ Украинскаго Журнала, читашель можешъ удобно постигнушь цѣль онаго, а предѣлы нашихъ листковъ не позволяющъ намъ распространиться въ подробномъ разборѣ всѣхъ спашей. Однакожь, отдавая полную справедливоспъ сему Журналу, мы должны сказапъ опкровенно наше мнѣніе вообще на счетъ Журналовъ, издаваемыхъ Обществами и учеными Сословіями. Мы швердо увѣрены, что гораздо было бы лучше, если бь они издавали *Труды* въ особыхъ книжкахъ, выходящихъ въ свѣсь въ неопредѣленное время.хлопошы при соспавленіи книжекъ Журнала, поспѣшноспъ и многія другія обстоятельства супъ причиною, что *Журналъ*, а особенно липературный, никогда не можешъ сравняпъся съ *книгами*, издаваемыми Обществами. Въ семъ случаѣ всякая спашья представляешся Публикѣ въ насшоющей своей опдѣлкѣ, обдуманная и уже прежде оцѣненная Обществомъ. Даже и самое самолюбіе Авшора удовлетворяешся болѣе помѣщеніемъ своей спашьи въ *книгѣ* нежели въ *Журналѣ*, который обшкновенно чрезъ нѣсколько недѣль забываешся. Примѣры сказаннаго мною имѣемъ мы въ предѣлахъ Россіи.

Труды Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности превосходяшь всѣ Литературныя Журналы, а особенно издаваемые Обществами. *Труды* Санктпетербургской Академіи Наукъ, Варшавскаго Общества Любителей Наукъ и *Труды* Краковскаго Университета пользуются Европейскою славою. Однимъ словомъ, по нашему мнѣнію частныя люди должны издавать *Журналы*, а ученые Общества составлять *книги*, и тогда наступитъ полезное равновѣсіе въ Литературѣ къ общей пользѣ и славѣ отечества.

Отечественныя Записки №. XLV, т. е. I-й на 1824 годъ. Почтенный Издашель сего Журнала началъ оный въ нынѣшнемъ году спашею собственнаго своего сочиненія: *Плаваніе по Волгѣ въ Казань и къ развалинамъ Болгаръ въ 1823 году*. Эта спашья изумляетъ насъ своимъ слогомъ, содержаніемъ и расположеніемъ. Первыя одиннадцать страницъ написаны въ родѣ чувствительнаго путешествія, въ подражаніе Сперну. Отъ 11-й до 15-й заключается *Панорамическій взглядъ (!)* на Казань, по есть, Сочинитель исчисляеть по именамъ возвышенныя предъ прочими зданія, и представляетъ каршину рѣки Казанки *извивающейя между кустами*. Наконецъ отъ стр. 16 начинается *Видѣніе*, (въ родѣ Видѣнія Мурзы, соч. Державина). Сочинитель приходитъ въ воспоргъ, и видитъ предъ собою взятіе Казани, битвы, пожары и побѣду Рускихъ надъ Ташарами. Эшошь подвигъ Россійскаго оружія описанъ Сочинителемъ въ *настоящемъ* времени (говоря грамматически)

Всѣ Литерапторы и просвѣщенные любители Словесности признали единогласно, что взятіе Казани описано превосходно Г. Карамзинымъ въ VIII томѣ Исторіи Государства Россійскаго, и составляетъ одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ въ семь опшлочномъ сочиненіи. Но Сочинитель *Плаванія по Волгѣ* не удовольствовался онымъ, и сдѣлавъ 23 выписки изъ Исторіи Государства Россійскаго, рассказалъ сіе происшествіе своими словами и по свѣому, предспавляя, будто онъ, находясь въ воспоргѣ, видѣлъ все въ подлинникѣ. Миѣ кажется, что это можно бѣ было исполнить безъ споль опдаленнаго путешествія. Въ описаніи не только испощены всѣ извѣспныя прилагательныя имена, метафоры и гиперболы, но даже изобрѣспены новыя. Правила Логикн такъ же не вездѣ наблюдаены въ точности, и мы, въ доказательство, выпишемъ нѣкопорыя выраженія. Спашья начинаешся восклицаніемъ: „Брегъ, брегъ плаванію по Волгѣ!“ — (См. спр. 1.) Спрашиваемъ у всѣхъ нашихъ читателей, что это значить: *брегъ плаванію по Волгѣ!* — Если это подражаніе Письмамъ Рускаго Путешественника, то оно неудачно; ибо у Карамзина Письмо изъ Дувра начинаешся: „Берегъ! берегъ! мы въ Дуврѣ и я въ Англии.“ (См. Соч. Карамзина, часпъ V, спр. 129). Другое Письмо Рускаго Путешественника начинаешся, изъ Кроншпата „Берегъ! опечесиво! благословляю васъ!“ (См. Соч. Карамзина, ч. V спр. 284). Въ приведенныхъ нами выраженіяхъ изъ Карамзина, мы видимъ сильное чувство, но при томъ и смыслъ — *а брегъ плаванію*, — признаюсъ,

оспаешся для насъ загадкою. На стр. 4 въ 5 строкѣ періодъ начинается словами: „Упоенный вѣяніемъ Зефировъ, я провель цѣлую ночь на палубѣ“ и проч. — Я полагаю, что упишесь вѣяніемъ Зефировъ, еспь не только новое выраженіе, но даже и чувство, которое понынѣ не появлялось ни въ одномъ сенсимаментальномъ пупешесствіи. — На сей же 4-й страницѣ въ 13, 14 и 15 строкахъ сказано: „Послышались звуки *лютень* и заунывныхъ пѣсней Мордовскихъ рыболововъ, только плески водъ прерывали изрѣдка гармонію эха.“ — Да позволено будетъ усомниться, почно ли Мордовскіе рыболовы играли на *лотняхъ*, п. е. на лирахъ, — Намъ извѣстно мусикійское орудіе, называемое *балалайкою*, которое въ употребленіи между Мордовскими рыболовами. Увы! воскликну я, сподъ же разнѣжившись, прѣшло время, когда звуки лиръ раздавались на берегахъ Греціи! и проч. и проч. — За симъ просимъ исполкованія, что значить: *гармонія эха, прерываемая плескомъ водъ?* Мы сего понынѣ не подслушали въ природѣ. На стр. 5 Сочинитель, увѣдомивъ своихъ читашелей, что онъ спалъ на *коврѣ*, и проснувшись ошъ сильнаго качанья барки, выбѣжалъ въ *халатѣ* на палубу, говоритъ: „спѣшу на лѣспницу, но при первомъ шагѣ (чьемъ) на нее (?) окаченъ былъ съ головы до ногъ *холодною* волною и ослѣпленъ *яркою* молніею.“ — Спрашивается: что здѣсь означаютъ прилагательныя *холодная* и *яркая*? — Волга не шеплица, и въ ней нельзя окачиваться теплою водою, а молнія можеть ли бытъ *не яркая*? — На стр.

6 въ 5 спрокѣ сказано: „Волга кипѣла бѣлою пѣною.“ — Опянь вопрось: можешь ли бышь пѣна не бѣлая? Но я бы наскучилъ чипапелямъ выписками; приведемъ въ примѣръ нѣсколько гиперболю, для подкрѣпленія сказаннаго нами. Спр. 27 и 28: „За широкимъ дубовымъ валомъ и глубокимъ рвомъ *сидятъ* 30.000 опчаянныхъ Казанцевъ и 2.700 Ногайцевъ.“ — Какая картина! 32.700 человекъ, *сидящихъ* за дубовымъ валомъ! — Что означало это *сидѣнье*? не былъ ли по какой Ташарской маневръ? Просимъ исполкованія. — Одно мѣсто показалось намъ споль забавнымъ, что мы выписываемъ оное цѣликомъ для доказательства, что изъ отдѣльныхъ фразъ не составляемъ иносказательнаго смысла. (См. спр. 19 и 20.) „*Могильная пишина царствуетъ* въ Казани и въ спанѣ Рускомъ, одни *сиповатые* оқлики часовыхъ нарушають безмолвіе темной ночи. Вдругъ блеснула *вдали* искра со стороны Казанской (*sic!*), блеснула и пропала; опводный спражь *встрепенулся*, *всмапривается*: „не *перелетной* ли огонь, не звезда ли упала съ *гернаго* неба?“ думаетъ онъ. Нѣтъ! искры сыплются какъ изъ подъ *жельзнаго* копыта *борзаго* коня, — бодрый спражь *припадаетъ* къ *сырой* землѣ и — слышишь лошадиный пощопъ; онъ спановишь на сошки *лѣткую* пищаль свою, не переводишь духу, *зоркія* очи свои *вперяетъ* въ *ногнцю* мглу и видишь *крадется* всадникъ въ *богатой* бронѣ. . . . Онъ уже въ рукахъ его! (кто? у кого?) Это былъ Мурза Камай, бѣглець изъ Казани. Онъ доносишь Государю о настоящемъ положеніи крѣпости и проч.“ — Чпобы ска-

зашь, что часовой видѣль бѣгущаго изъ Казани Мурзу Камаю — сосшавлена цѣлая пѣсня! — Спрашиваемъ: могла ли бытъ *могильная* пишина и *безмолвіе* шемной ночи, когда *сиповатые* оклики часовыхъ раздавались кругомъ? — Эпо несообразность; но вошь сила піипического воображенія: *искра* опъ копыта лошадинаго, *вдали* показалаь *перелетнымь* (не перелетнымь ли?) огнемь или *звѣздою*, упавшею съ *гернаго* неба! — Чѣмъ же бы эша *искра* показалаь *вблизи*? — Замѣшимъ, что о всадникѣ, кошорый *лгитя* шакъ бышро, что искры сыплюшя изъ подь копышъ, не лзя въ шо же время сказашь, что онъ *крадетя*. Какъ же часовой въ ночной мглѣ замѣшилъ *богату* броню? Неужели при свѣшъ *искры*? — Наконецъ часовой прицѣливаешя. Авторъ восклицаешъ: „онъ уже въ рукахъ его!“ (кто? у кого?) — Чипашель полагаешъ, что часовой убилъ Камая или самъ схвачень, — анъ нѣпъ, бѣглець въ сіе время доносишъ Государю и пр. Оставляемъ чипашелямъ сдѣлашь заключение о красотиѣ сего краснорѣчиваго опривка, и объявляемъ, что вся спашья написана въ подобномъ родѣ, и чѣмъ далѣе, шѣмъ сильнѣе, или какъ говоритъ пословица: чѣмъ дальше въ лѣсъ, шѣмъ больше дровъ. Вошь упошребленіе, кошорое Сочинишель спашьи сдѣлалъ изъ 25хъ выписокъ изъ Исторіи Госуд. Рос., соч. Г. Карамзина — на своихъ 22 страницахъ! Вошь давно ожидаанные плоды пушешествія, о кошоромъ было сказано въ объявленіи объ изданіи Опечешвенныхъ Записокъ на 1824 годъ! Мы удерживаемся похвалами, и ожидаемъ продолженія. Къ сей спа-

пѣ прилагается каршинка, изображающая видъ Казани, съ новымъ памянникомъ, въ видѣ пирамиды, вышиною въ 10 сажень. Вопѣ чѣто говорипѣ объ онѣмъ Сочинипель спашѣи: „Сей памянникъ, возвышаясь одинъ на широкой равнинѣ — возбуждаепѣ легко для пламеннаго воображенія мысль о Египешскихъ пирамидахъ, разсѣянныхъ по необозримымъ степямъ Африки.“ — Признаюсь чѣто надобно имѣти слинкомъ *пламенное* воображеніе, чѣтобы памянникъ, вышиною въ 10 сажень, могъ возбудиши мысль о Египешскихъ пирамидахъ! При семъ замѣнимъ, чѣто по Руски нельзя сказаши: возбуждаепѣ для воображенія, но возбуждаепѣ въ воображеніи. — Но о Грамматикѣ поговоримъ съ Г. Сочинипелемъ послѣ. — *Памятныя Записки Александра Васильевича Храповицкаго*, продолжающіяся уже нѣсколько лѣтъ. Спашѣя прекрасная, но занимашельна болѣе для Издашеля, имѣющаго у себя рукописъ, нежели для чинашелей, изъ коихъ не каждому извѣстны имена, означенныя шолько заглавными буквами, и происшешвія, о коихъ упоминаепѣя опривисно безъ всякой связи. — *Молитва, сочиненная по повелѣнію Годунова*, была бы любопытна, если бѣ Издашель означилъ съ почноспію испочникъ, изъ коего она почерпнула. У меня находипѣся множештво подобныхъ рукописей, кошорыхъ я однакожъ не смѣю предсшавипѣ Публикѣ, поштому, чѣто не увѣренъ въ ихъ досповѣрности. — За *Памятникъ благодештія Донскаго войска и Графа Матвѣя Ивановича Платова*, благодаримъ Издашеля; шолько сожалѣемъ, чѣто имена не высшавлены. — *Про-*

вѣрка къ Кавказскимъ водамъ пребудеть также выписки именъ чудесно-излечившихся, и поболѣточности въ медицинскихъ и физиологическихъ разсужденіяхъ. О слогѣ не говоримъ ни слова: — Наспугаешь одна изъ важнѣйшихъ спашей въ О. З.: *Переписка* съ иногородными Корреспондентами. Здѣсь, не касаясь предметовъ, мы должны замѣтить, что намъ весьма странно кажется встрѣчать во всякомъ письмѣ *похвалы* Издашелю и его изданію. Ссылаюсь на всѣхъ моихъ собратій, Журналистовъ, что при всякой присланной спашѣ, Сочинители оныхъ изъ вѣжливости присоединяють комплименты, которыхъ понынѣ ни одинъ изъ Журналистовъ не печаталъ: Помѣщая похвалы себѣ и своему Журналу въ своемъ собственномъ изданіи, признаюсь, кажется мнѣ странно и даже не весьма прилично. — Такъ называемыя С. Пешербургскія современныя льшописи заключають въ себѣ весьма любопытную спашью о путешествіи Его Императорскаго Величества, перепечатанную изъ С. Пешербургскихъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Академіи Наукъ. — Весьма любопытна также спашья: Судходство къ Пешербургу въ 1823 году. Но какъ источники, откуда сіи извѣстія почерпнушы, не показаны, то мы и оставляемъ оныя безъ разбора (*). *Veritas nunquam latet?*

(*) Мы не смѣемъ выписывать выраженій, коими Издашель Оп. Запис. почтилъ Гг. Студентовъ Медико-Хирургической Академіи, игравшихъ на Лашинскомъ языкѣ Теренціеву драмму Андрію. Просимъ нашихъ читашелей прочесть въ №. 45 О. З. на стр. 141, періодъ отъ 19 до 27 строкъ.

Съ удовольствіемъ извѣщаемъ нашихъ читателей, что *Журналъ Изящныхъ Искусствъ*, издаваемый Г. Григоровичемъ, будетъ продолжаться и на 1824 годъ. Занимательность и отличный выборъ предметовъ, заключающихся въ семь изданіи, поставляютъ оное въ число первоклассныхъ въ своемъ родѣ. Художникъ можетъ почерпнуть въ семь *Журналъ* теорію Искусствъ, и изощрять вкусъ свой учеными разборами лучшихъ произведеній Художествъ, а свѣтскій человекъ и любитель изящнаго найдетъ въ ономъ пріятныя и наслаждающіяся статьи, которыя познакомятъ его съ Исторіею Искусствъ и отличными памятниками оныхъ, разсѣянными въ разныхъ странахъ Европы. Недавно вышедшая въ свѣтъ V книжка сего *Журнала* содержитъ въ себѣ: 1. О характерѣ Художествъ у Египтянъ и причинахъ онаго. 2. О костюмѣ Персовъ во времена владычества Ахеменидовъ и Царей династіи преемниковъ Александра. 3. Опытокъ изъ II пѣсни *Виргиліевой Энеиды*, въ стихахъ, соч. Д. Шелехова. 4. Блескъ очей, стихотвореніе Э. Глипки. 5. О предѣлахъ между Живописью и Поэзіею и проч. 6. Жизнеописаніе Михель Анжело Буонароши. 7. Новыя произведенія Искусствъ. При сей книжкѣ прилагается портретъ Михель Анжело, гравированный Г. Фридеричомъ подъ смотрѣніемъ Г. Упкина. — Цѣна годовому изданію, т. е. одной части, изъ 6 книжекъ состоящей, въ С. Пешербургѣ 50 руб., съ пересылкою 35 рублей. Подписка принимается въ каванирѣ Издашеля, Василія Ивановича Григоровича, на В. О. въ 4 линіи въ домѣ

Коспюриной No. 41. Иногородные благоволятъ адресоваться въ С. Пешербургскій Почшампъ или прямо къ Издашелю.

Литературныя извѣстiя. И. А. Крыловъ, кошорый такъ долго опдыхаль на своихъ лаврахъ, намѣреваеться издашь вновь свои Басни, и прибавишь 7-ю часпъ, кошорая будешъ состояшь изъ 20 новыхъ Басень. — Изъ сихъ Басень, чипанныхъ въ нѣкошорыхъ обществахъ, мы замѣпили слѣдующiя: Кошъ и Соловей, Кошель и Горшокъ, Ворона, Пляска рыбъ и Прихожанинъ: послѣдняя можешъ служишь руководспвомъ Кришикамъ, кошорымъ кажешся все дурно, чшо не ихъ прихода. Радуемь пробужденiю паланпа перваго Рускаго Баснописца, и неперпѣливо ожидаемъ исполненiя сего намѣренiя. —

Изъ числа выходящихъ въ С. Пешербургѣ книгъ и Журналовъ, продажа оныхъ въ сравненiи Пешербурга съ Москвою производишь какъ то къ 1-му, поешъ, если въ Пешербургѣ расхидишь 100 экземпляровъ, то въ Москвѣ только 10. Большая часпъ, или лучше сказашь, почти есъ Романы печатающься въ Москвѣ, и расълающься опшуда по ярмонкамъ и городамъ. Весьма жаль, чшо почпенный Издашелъ Опечеспвенныхъ Записокъ, кошорый почти всякой годъ посѣщаешъ Нижегородскую ярмонку, не сообщилъ намъ поньиъ извѣспiя о книжной шорговлѣ, производящейся въ семъ городѣ во время ярмонки, и о средспвахъ, упошребляемыхъ продавцами книгъ къ распростапенiю сей опраси промышленности въ цѣшрѣ Россiи. Эша

спашья была бы весьма любопытна, и объяснила бы загадку, ошъ чего Сочинители и Литераторы жалующя на безуспѣшный и медленный ходъ торговли — а продавцы книгъ богатѣющъ. Надлежало бы опыскашь точку соединенія сихъ крайностей, для общей пользы и взаимныхъ выгодъ.

Художественныя извѣстiя. В. А. Жуковский, котораго пишическимъ изображенiямъ природы мы удивлялись въ его прекрасныхъ стихахъ, недавно подружился съ сеспрою любимой своей подруги, Поэзи — Живописью. Онъ издалъ 6 видовъ Павловска, срисованныхъ имъ самимъ съ натуры, и прекрасно выгравированныхъ въ Дерпшъ Г. Кларою: 1. Вороша сада. 2. Семейственная роща. 3. Ферма. 4. Розовый павильонъ. 5. Домъ Е. И. Нелидовой. 6. Развалины Аполлонова храма. Всѣ сiи виды продающя, въ особенной оберткѣ, у Гг. Книгопродавцевъ Сень - Флорана, Сленина и въ бывшемъ магазинѣ Плавильщикова по 15 рублей. Деньги предназначены на воспитанiе одного малолѣшняго сироты: нужно ли говорить болѣе?

Педагогическое извѣстiе. Господа Курнаны (Cournand), сыновья опличнаго Французскаго Профессора и Автора, воспитанные сами въ Парижскомъ Университетѣ, заслужили всеобщее одобренiе здѣшней публики, за порядокъ, находящiйся въ содержимомъ ими пансионѣ, за неусыпное попеченiе о нравственности воспитанниковъ, и успѣхи сихъ послѣднихъ въ Наукахъ, а особенно въ древнихъ и новыхъ языкахъ, Математикѣ, Исторiи и Географiи. Сей пансионъ давно

уже извѣстенъ съ весьма хорошей стороны. Мы его знаемъ еще съ того времени, когда онъ сосполялъ въ вѣдѣніи Аббата Николая, бывшаго въ послѣдствіи Начальникомъ Ришельевского Лицея въ Одессѣ. Послѣ того сіе заведеніе было въ управленіи Г. Жакино, извѣстнаго шѣмъ, что у него воспитывался несравненный нашъ Батюшковъ, а наконецъ сей пансіонъ перешель къ Г. Барону Шабо, ошъ коего приняли оный братья Курнаны, съ юности посвятившіе себя педагогическому званію. Старшій братъ былъ призванъ изъ Франціи однимъ изъ знашнѣйшихъ Рускихъ вельможъ, для воспитанія его дѣшей, а младшій пригласень Г. Барономъ Шабо для учрежденія сего пансіона по образу Французскихъ Лицеевъ или Гимназій. Съ шѣхъ поръ, какъ Гг. Курнаны управляюшъ онымъ, вышло уже въ свѣшъ нѣскольکو молодыхъ людей, которые, находясь въ Государственнѣйшей службѣ, дѣлаюшъ честь сему заведенію. Мы полагаемъ, что родителемъ пріятно будетъ узнать, что бывшій публичнѣйшій экзаменъ въ семъ пансіонѣ въ Декабрѣ 1823 года, пріятнымъ образомъ изумилъ посѣшителей. Изъ числа опличившихся воспитанниковъ, болѣе прочихъ получили награду за прилежаніе и благонравіе: Гг. Шварцъ, Армспронгъ, Дюбю, Каспильонъ, Георгій и Николай Герсевановы, въ вышнихъ классахъ, и Гг. Висконши, Графъ Ожаровскій, Гаевскій и Таракановъ въ низшихъ классахъ.

М о д ы.

Напрасно Г. К. удивлялся въ №. 20 Рускаго Инвалида, что я опдѣлилъ Парижскія моды ошь Пешербургскихъ. Должно вспомнишь, что когда въ окрешносняхъ Парижа производися собираніе винограда, у насъ уже должно запасапьяся шубами; ибо Ноябрь мѣсяць не всегда бы-ваешъ пакъ благопріятень для Пешербургскихъ жишелей, какъ въ прошломъ 1823 году. Только шеперь, ошь 15 Генваря, пишушь изъ Парижа, что щеголихи начали носишь шубы, кошорыя у насъ употребляюпья совсѣмъ не изъ щегольства. Въ Парижѣ щеголихи опушаюпья гродешуровые капоты собольимъ мѣхомъ, по поламъ и по рукавамъ, а у насъ люди средшвеннаго сосшоянія, а особливо женщины, носяпья цѣльныя собольи шубы. И пакъ, Г. К. можешъ удосповѣрипьяся, что у насъ въ Россіи сущешвуюпья свои собшвенныя *зимнія моды*, появляющіяся гораздо прежде, нежели въ Парижѣ. Дамы въ Парижѣ носяпья нынѣ бархашныя шляпки съ чешвероугольными верхами, или, какъ говоряпья фабриканшы, съ чешвероугольными шляпными кузовами, украшенными марабу, пакимъ образомъ, что всякой уголь находипья между двумя перьями сего рода, а свсрхъ шого спереди приколопья большой букешъ оныхъ. Тюрбаны носяпья болѣе въ видѣ наколокъ, кошорыя парикмахеръ сочиняешъ въ уборной комнапья дамы, собирающейя на балъ. Дно сихъ шюрбановъ бываешъ прозрачное. Парижскій Журналь описываешъ уборку головы à la Régulienne, или Перуанскую, сосшоящую изъ

красныхъ перьевъ, искусственнаго крыжовнику и бриліаншовой повязки. Эпошъ нарядъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ модницахъ. Мушцины на прогулкахъ носятъ серсуки, но по окончаніи своего шуалеша, показываются въ длинныхъ плащахъ. Плащи подкладываютъ плюшемъ или голубымъ бархатомъ.

О т ь И з д а т е л я .

Увѣдомляю почтенныхъ моихъ читателей что на Сѣверный Архивъ съ Липерапурными Листками собирается шуча, изъ коей посыплются, какъ градъ, Крипики и Эпиграммы. Проспосердечіе моего *Ванюши Самоузки* (См. Лист. Листки No. II, 1824), шому виною, и шакъ, я долженъ буду прибѣгнуть къ нему, чтобъ онъ доставилъ мнѣ средства къ защитѣ моихъ изданій, въ которыхъ находишся много недоспашковъ, но, безъ сомнѣнія, нѣтъ невѣроятностей и смѣшиванія годовъ, эпохъ и происшествій, наподобіе лопе-рейныхъ билешовъ. За эшо, кажешся, я могу ручашся, не взирая на шо, что въ Сѣверномъ Архивѣ не напечатано похвалъ Сѣверному же Архиву. — *Sapere aude.* — *Издатель.*

Печатать позволяется.

Санкшпетербургъ, 28 Января 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ,
ЖУРНАЛЬ
ПРАВОВЪ и СЛОВЕСНОСТИ.

ФЕВРАЛЬ 1824. No IV.

Содержаніе: Проза. 1. Прогулка по тротуару Невскаго проспекта. Стихотворенія: 2. Элегія. 3. Нереида, соч. А. Пушкина 4. Волшебный фонарь или разныя извѣстія.

П Р О З А.

I.

ПРОГУЛКА ПО ТРОТУАРУ НЕВСКАГО
ПРОСПЕКТА.

Wer geht, sieht im Durchschnitt anthropologisch und kosmisch mehr, als wer fährt. . . Fahren zeigt Ohnmacht, gehen Kraft. Schon deswegen wünschte ich nur selten zu fahren, und weil ich aus dem Wagen keinem Armen so bequem und freundlich einen Groschen geben kann. Wenn ich nicht mehr zuweilen einem Armen einen Groschen geben kann, so lass mich das Schicksal nicht lange mehr leben.

СЕМЕ.

Кто идешь пѣшкомъ, видишь гораздо больше, въ нравственной и физической отношеніи, нежели тотъ, который ѣдетъ. . . Вѣхай означаять слабость, ятши пѣшкомъ силу. Я желаю какъ можно рѣже ѣздить даже пошюму, что изъ экипажа не могу шакъ удобно и дружески подать бѣдному нѣсколько копѣекъ. И пусть лучше Судьба сократишь жизнь мою, нежели доведешь до того, чтобы я былъ не въ состояннн подать иногда бѣдному нѣсколько копѣекъ.

ЗЕМЕ.

„Куда ты идешь?“ — спросилъ меня Горевъ. Прогуливаясь по Невскому проспекту.
Литер. Листки. Ч. 1. 8

пу, ошвѣчалъ я. „Почему жь не въ другомъ мѣстѣ?“ Пошому, что Пешербургъ почищается однимъ изъ лучшихъ городовъ въ мѣрь, а Невской проспектъ лучшею улицею въ Пешербургъ, слѣдовательно одною изъ лучшихъ въ свѣтѣ. „Правда;“ сказала Горевъ, „что Невской проспектъ, а особливо лѣвая его сторона, п. е. противоположная Гостинному Двору, представляетъ единственное въ мѣрь зимнее гульбище. Ширина прогуара, чистота онаго, теплота ошъ отраженія лучей, и наконецъ скамьи для насъ, стариковъ, все эшо прекрасно и безподобно. Но я не люблю толпы людей, которые тѣсняются и толкающъ другъ друга безъ всякой причины, и спѣшащъ, не зная куда и за чѣмъ.“ — Эшо сщеченіе людей меня именно привлекаетъ, сказала я, и пошому, исключая время морозовъ и ненастья, я всякой день привѣспвую взорами моими спрѣлку на городской башнѣ, при переходеніи оной ошъ вшораго до четвертаго часа. „Не понимаю;“ возразилъ Горевъ, „какъ можно находить удовольствіе въ толпѣ незнакомыхъ людей, и шерпѣливо сносить толчки для шого шолько, чтошъ имѣшь наслажденіе ходишь безъ дѣла взадъ и впередъ. Совсѣмъ иное было у древнихъ Грековъ и Римлянъ, которые съ ушрадо вечера тѣснились на площадяхъ; но шамъ

разсуждали о Полишикѣ, о дѣлахъ Государственныхъ и о Философіи; — а мы идемъ на гульбище за шѣмъ, чшобы показать искусство нашего поршнаго, посовѣшовавшись съ пріишелями, гдѣ бы вмѣстѣ пообѣдать или провестъ вечеръ, и чшобы кланяться всѣмъ случайнымъ людямъ, для удостовѣренія нашихъ заимодавцевъ и кандидатовъ въ заимодавцы о нашихъ сильныхъ связяхъ, и о нашемъ могуществѣ. Суеша!“ — Все это опчаспи правда, сказала я; но неужели ты думаешь, что древніе ходили на площади, какъ въ школу, учишься Полишикѣ и Философіи? — Повѣрь, любезный другъ, что древніе по большой части, были шакіе же въшренники, какъ и мы, новые, и шогда, какъ ихъ мудрецы шепенничали подѣ поршиками, и преподавали Споишескую Философію, ихъ женщины, подобно нашимъ дамамъ, плакали о смерти любимой собачки, и смѣялись разоренію мужей, а мущины предавались опчаянію опъ немилоспи вельможи, и хладнокровно смолрѣли на несчастія опечесшва. Въ числѣ многихъ нашихъ преимуществъ надъ древними, главное еспъ што, что мы гораздо опкровеннѣе ихъ въ словахъ, поступкахъ, и даже не спыдимся дѣлать шакія вещи, о коихъ прежде не смѣли говорить безъ краски въ лицѣ! Но это поспоронній предметъ; обращаюсь къ нашему: ты

но самымъ бездѣлицамъ можешь судить объ опкровенности нашего вѣка. У насъ, напримеръ, никто теперь не скажетъ, что онъ идетъ на проуаръ Невскаго проспекта поговорить о Политической Экономіи или о военныхъ происшествіяхъ: всякой признается съ перваго слова, что онъ идетъ людей посмотреть и себя показать. Я увѣренъ, что и древніе ходили за симъ же важнымъ дѣломъ на свои площади, но только прикрывали ничтожность своихъ намѣреній благовидными предложениями. Повѣрь, что съ ихъ Орапорами, Софистами и Философами, было тоже, что и съ нами, Журналистами. Бѣдные мудрецы изнемогали оныя успалости, чтобы объяснять и доказывать своимъ согражданамъ полезныя истины, а граждане, стоя вокругъ поршиковъ, разговаривали между собою объ обрѣзанномъ хвостѣ Алкивіадовой собаки, о бѣгунахъ Гипція, о прекрасномъ станѣ танцовщицы Гликеріи, о Фалернскомъ винѣ Лукулла. Точно такъ же и мы, бѣдные Журналисты, пишемъ, пишемъ, а наше писаніе столько же занимаетъ нашихъ соопечественниковъ, какъ любопытное извѣстіе о бывшемъ недавно сильномъ вѣтрѣ на берегахъ Чермнаго моря. Люди всегда будутъ людьми; природа упряма нашихъ Полишиковъ, и не такъ легко измѣляешь свои законы. Мнѣ даже кажется

ся, что посредствомъ Математики можно узнать по числу глупостей нынѣшняго дня, сколько глупостей было сдѣлано въ Римѣ или въ Александріи въ эпошъ же день ровно за двѣ тысячи лѣтъ. „Судя по своимъ рѣчамъ,“ сказалъ Горевъ, „ты, кажешься, имѣешь не весьма выгодное мнѣніе о родѣ человѣческомъ.“ Напрошивъ шого, возразилъ я, никто болѣе меня не любитъ человѣчества, не взирая на то, что я имѣю сильныя причины жаловаться на людей. Я люблю родъ человѣческій со всеми его пороками и добродѣтелями, и даже увѣренъ, что въ природѣ человеческой находящіяся оныя въ совершенномъ равновѣсіи между собою. Однакожь любовь моя къ человѣчеству, точно такъ какъ ртуть въ термометрѣ, понижается или возвышается въ моемъ сердцѣ, по мѣрѣ колебанія вѣсовъ добра и зла. Эгоизмъ людей приводитъ любовь мою на точку замерзанія; неблагодарность ниже; жестокосердіе еще ниже; несправосудіе еще ниже; коварство и зависть еще ниже, и такъ далѣе. За то блестящія стороны человѣчества согрѣваютъ термометръ моего сердца, какъ будто въ Счастливой Аравіи. Любовь къ человѣчеству, состраданіе, правосудіе, великодушіе и другія добродѣтели быстро приводятъ кровь мою въ волненіе, и мой сердечный термометръ едва

не лопаешся отъ жару. Правда, что последнее обстоятельство не весьма часто случается, однакожь и не столь рѣдко чтобы мнѣ сдѣлаться мизантропомъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы пришли на тротуаръ Невскаго проспекта, и усѣлись на желѣзной скамьѣ, чтобы посматрѣвъ на толпу гуляющихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ насладиться теплою солнечныхъ лучей, кошорые въ Петербургѣ также рѣдки, какъ ананасы. „Познакомь меня съ публикою,“ сказала Горевъ: „ты вѣрно многихъ знаешь, посѣщая всякой день это гульбище.“ Знаю по наружности, по приемамъ и по слухамъ, отвѣчалъ я, и головъ подѣлился съ побою моими свѣдѣніями. Видишь ли ты эсихъ шрехъ щеголей, быспро спремѣющихся сквозь толпу, съ довольнымъ видомъ и разбѣгающимися кругомъ взорами. Это пріумвирашъ законодащелей моды, изъ коихъ одинъ, богачъ съ *минусоль*, (*) играешъ ролю Октавіа или первоприсуществующаго. По счастію, у насъ большая часть молодыхъ людей заняша военною или гражданскою дѣйсствительною службою, и пошому, эша модная Магиспрашура не имѣешъ большаго числа подчиненныхъ. У насъ вѣщъ особеднаго сословія, составленнаго изъ

(*) Смощр. Но. 1 Литераш. Лиспковъ.

юндшей, кошорыхъ Французы называютъ пещи-
мешрами, а Англичане фашонебль (fashionable).
Здѣсь кругъ молодыхъ празднoлюбцевъ заклю-
чается въ весьма пѣсныхъ предѣлахъ, и едва
ли составилъ двѣ дюжины, включая въ это
число и спарыхъ вершопраховъ. Все ихъ за-
нятіе состоитъ въ дѣланіи изъ себя копій
Парижскихъ модныхъ каршинокъ, въ прищунле-
ніи Французскихъ оспрыхъ словъ, и въ повшо-
реніи испарившихся кадамбуровъ. — „Но какъ
же ихъ принимаютъ въ обществахъ?“ спро-
силъ Горевъ. Очень хорошо, отвѣчала я, осо-
бенно въ шѣхъ домахъ, гдѣ по числу лошадей
встрѣчаютъ, а по числу душъ провожаютъ. (*)
Они нужны для умноженія визитныхъ каршо-
чекъ съ звонкими именами, для увеличанія
числа карешъ передъ крыльцемъ, наконецъ для
того, чтобы ихъ пустословіемъ наполнишь
промежутокъ времени между каршами, шан-
цами и ужиномъ, и заняшь иншервалы (**)
въ мазуркахъ, экоссезахъ и Французскихъ
кадриляхъ. „Важные люди!“ воскликнулъ Го-
ревъ. — Повѣрь, любезный другъ, что какъ въ
нравственномъ мірѣ, такъ и въ физическомъ,

(*) Въ старину говорили: по плашью встрѣчаютъ, а по
уму провожаютъ. Другія времена, другіе нравы.

(**) Иншервалъ есть военный терминъ, означающій по-
рожнее мѣсто между рядами, шеренгами и пр.

ничего иль нѣтъ ненужнаго. Напримѣръ, люди, о которыхъ мы теперь говоримъ, суть тоже въ составѣ общества, что мадрепоры (*) въ Естественной Исторіи. — „Я бы ихъ во всемъ извинилъ,“ сказалъ Горевъ, „но мнѣ досадно, когда я вижу среди бѣлаго дня, на улицѣ, въ столицѣ шоржесивующей Россіи, Рускихъ дворянъ, коверкающихъ безъ всякой нужды Французскій языкъ, чшобы сказаць встрѣчному и поперечному нѣсколько общихъ реченій о состояніи шермометра или о вчерашнемъ балѣ. Скажи, пожалуйста, неужели они спыдятся показаться въ публикѣ Рускими, и презирающъ отечественный языкъ, пошому, что эшимъ языкомъ говорашъ въ Госпиномъ дворѣ?“ — Они шакъ глубоко не разсуждающъ, отвѣчалъ я, но вошь истинная причина эшого несноснаго полуфранцузскаго болтанья. Кшо говорашъ по Французски, ишобъ съ перваго слова почишающъ чедовкомъ *воспитаннымъ*, принадлежащимъ къ высшему сословію. Здѣсь подразумѣваешся, что его родители были въ состояніи плашшь штысячи по двѣ въ годъ, въ какомъ нибудь пансіонѣ за его *прокормленіе*, или со-

(*) Мадрепоры, живощіе рѣствія: звено, соединяющее въ цѣпи существъ царство живощихъ съ царствомъ прозябаемыхъ.

держашь залешнаго иношпранца у себя въ домъ. Эшо у насъ называется *воспитаніемъ*, и человекъ, который говоритъ только по Руски, хошя онъ знаетъ вдвое болѣе, нежели весь модный свѣсъ съ его многоязычіемъ, называется просто *умнымъ мужикомъ*, а пущомеля, при всякомъ случаѣ говорящій глупости по Французски, называется человекомъ *воспитаннымъ*. — „Соглашаюсь съ эшимъ,“ сказала Горевъ „если спанемъ производимъ слово воспитаніе опъ *пищи, питанія*. Я полагаю,“ продолжалъ онъ, „что эшо Французское лепешаніе между Рускими, можно уподобишь почшовому колокольчику. Раздается звонъ, почшаліоны выбѣгають, ожидаютъ богатаго экипажа — и являешся пущая телѣга.“ — Можно сдѣлать и другое сравненіе, возразилъ я. Дѣти, оставленныя въ темнотѣ, поють и кричатъ, чтобы разогнашь свой страхъ: наши *воспитанные*, для шого начинаютъ разговоръ Французскими фразами, чтобы другіе подумали, что у нихъ есть умъ, и что они кое-чему выучились во время своего *воспитанія* или *воскормленія*. — „Тебя уже упрекали однажды,“ сказала Горевъ, „что ты, жалуясь на злоупотребленіе Французскаго языка, повпоряешь сказанное въ старыхъ Журналахъ *Живописецъ* и *Собесѣдникъ*: смотри, чтобы себя не под-

слушали.“ — Пожелалъ бы я и моимъ *возражателямъ* повторить *многое*, но „*Но*,“ возразилъ Горевъ, „великое слово для современниковъ, и ничтожное для потомства, предъ коимъ исчезнушь всѣ приличія, связи и прочія причины къ молчанію. *Но*, ты кажешься не любишь *отступлений* или *эпизодовъ*, а между тѣмъ самъ отдаляешься отъ своего предмета, и я боюсь, чтобъ мы на шуарѣ не вздумали проповѣдывать о воспитаніи и любви къ отечественному языку.“

— Любезный другъ! отвѣчалъ я, вся жизнь человѣческая наполнена *отступленіями* отъ истинной цѣли. Человека можно уподобить книгѣ: званіе его или *сословіе*, къ которому онъ принадлежитъ въ обществѣ, есть *заглавіе*; наружность *предисловіе*, а поступки *содержаніе*. Воинъ, Судья, Диваншарторъ, Купецъ, холостой или женатый, супруга и мать, не обязаны ли исполнять въ точности своихъ обязанностей, сообразно своему *заглавію*? Но что мы видимъ? Три четверти *цѣлаго сочиненія* почти всегда наполнены *отступленіями* Не дай Богъ никому изъ постороннихъ лицъ играть ролю въ *эпизодахъ*, особенно въ *судейскихъ*! —

Въ это время приблизился старой мой сослуживецъ, Роммиспръ Добровъ, съ своею

молодою супругою, и пригласилъ меня прогуляться вмѣстѣ съ ними. Здѣсь я долженъ сдѣлать снова маленькое *отступленіе* и познакомить моихъ чичашелей съ эшимъ благороднымъ семействомъ. Г. Добровъ, *воспитывался* въ родительскомъ домѣ, а *учился* въ Московскомъ Университетскомъ благородномъ Пансіонѣ, которому Россія и человѣчество обязаны споль многими почтенными мужами. Избравъ военное поприще, Г. Добровъ служилъ съ честью до шѣхъ поръ, покараны, понесенныя за опечество, не принудили его выйти въ отставку. По счастью, родители его были неохотники до баловъ, праздниковъ, мебели и экипажей, и пошому берегли себѣ порядочное имѣніе, доставившее ему независимый *жребій* въ *увѣщѣ*. Занимаясь Науками, и проводя время въ кругу малаго числа людей образованныхъ, Добровъ не думалъ о женидбѣ. Нечаянный случай рѣшилъ его участь. Въ Москвѣ былъ онъ приглашенъ одною изъ своихъ родственницъ присутствовать на экзаменъ въ женскомъ пансіонѣ, содержимомъ *ученою* Фрацузенкою. Наружность одной дѣвицы, назначенной къ выпуску, плѣнила его. Она получила всѣ первыя призы за Науки, но въ атешашѣ нравственности оставалось порожнее мѣсто, и Мадамъ сказала за тайну родственницъ Г.

Доброва, что прекрасная Эмилия несколько упряма и насмѣшлива. Это однакожь не охладило любви Доброва, и онъ, познакомившись въ домъ опекуна Эмилии, вскорь пріобрѣлъ ея взаимность, а подписавъ, не читая, квишанцію опекуну за управление ея имѣніемъ, снискалъ и его согласіе. Женившись, Добровъ удостоверился, что его жена обладала качествами совершенно противоположными апешпашамъ своего пансіона. Она имѣла самый покорный характеръ, веселый нравъ, но ошюдь не насмѣшливый, и за то, кромѣ Французскаго языка, совершенно ничего не знала. Историческія ея познанія ограничивались нѣсколькими названіями древнихъ Царей; Географическія, наименованіемъ рѣкъ, морей и главныхъ городовъ, и по съ Французскими окончаніями: однимъ словомъ, прекрасная Эмилия, получившая на экзамень первые призы за Науки, не имѣла никакого объ оныхъ поняшія, хотя знала болѣе другихъ пансіонерокъ, имѣя лучшую память. Г. Добровъ хотѣлъ освѣдомишься о причинѣ сихъ несообразностей, и жена объяснила ему эту загадку въ коропкихъ словахъ. Содержательница пансіона, совершенная невѣжда, но женщина сварливая и надменная, завела пансіонъ единственно въ той цѣли, чтобы повельвать, и имѣшь случай съ кѣмъ нибудь ссориться, потому что мужъ

ея по роду своихъ заняшій весьма рѣдко осматривался дома. Вся наука въ семь пансіонѣ заключалась въ безпрестанномъ повтореніи великаго правила: *Tenez vous droit et parlez Francais* (держитесь прямо и говорите по Французски). Вся нравственность состояла въ томъ, чшобы удерживаться ошъ смѣху, когда Мадамъ дѣлала глупости и ворожила, по горѣнію свѣчи и проч., будущъ ли деньги? Наконецъ Г-жа Доброва успѣдилась сама своего невѣжества, и, подъ руководствомъ своего мужа, начала учиться Рускому языку, ошечественной Исторіи, Географіи, и другимъ необходимымъ для благовоспитанной женщины наукамъ. Любопытство ея возрасало по мѣрѣ пріобрѣтенія свѣдѣній, и она очень любила разговаривать объ Исторіи и Словесности. — „Вы должны мнѣ рассказать краткую исторію Невскаго проспекта,“ сказала мнѣ Г-жа Доброва „потому что не зная окружающихъ меня предмешовъ, брожу я, среди великолѣпныхъ зданій, какъ въ лѣсу.“ — Охотно, сударыня, но съ чего начашь? — „Съ начала, ш. е., скажите мнѣ что здѣсь было до построения Цесербурга.“ — Лѣсъ, чрезъ который Императоръ Петръ Великій велѣлъ прорубить широкую дорогу, длиною въ 4 вершы, въ то самое время, когда строили Алексан-

дро - Невскую Лавру (1). Послѣ того посреди дороги посажены были въ четыре ряда деревья, и эта аллея получила названіе Невскаго проспекта. Плѣнные Шведы, содержа оную въ чистотѣ, и двѣ шріумфальныя арки, построенныя въ аллеѣ, возвѣщали надменнымъ врагамъ о вѣчномъ водвореніи Рускихъ въ странѣ, ознаменованной побѣдами Александра Невскаго съ храбрыми Новгородцами. Гдѣ нынѣ возвышается великолѣпный Гостинный дворъ, шупъ была прекрасная березовая роща, предназначенная для публичнаго гульбища. Но когда начали строить на Невскомъ проспектѣ домики, въ суешь и суматохѣ, случающихся обыкновенно при быспромѣ построеніи города роща и деревья, оставленныя по обѣимъ сторонамъ улицы, были вырублены, не взирая на запрещеніе Петра. Государь чрезвычайно эшимъ огорчился, и Указомъ (2) опредѣлялъ разыскашь и строго наказашъ виновныхъ: но по предшательству Императрицы Екатерины I, смягчилъ справедливый свой гнѣвъ. — „Гдѣ же въ то время былъ Гостинный дворъ?“ — На Петербургской сторонѣ близъ Троицкой церкви. Онъ былъ двухъ-этажный изъ дерева и кирпича (3),

(1) Въ 1713 году.

(2), 9 Февраля 1720 г.

(3) Построенъ въ 1713 г.

шакимъ образомъ, какъ нынѣ спролшея домы въ Пруссіи. Тамъ же была деревянная Рапуша. Наконецъ, когда число жищелей начало умножаться на Адмиралшейской споронѣ, большая часть купцевъ перенесла свои лавки на Мышный дворъ (1); у погдашняго *Зеленцаго*, а нынѣшняго *Полицейскаго* мѣста, гдѣ шеперь находится домъ Г. Косиковекаго. Это было огромное каменное чешвероугольное зданіе, имѣвшее около спа съ небольшимъ лавокъ. Во время бывшаго въ 1736 году пожара, превратившаго въ пепель болѣе тысячи домовъ, сей Госпинный дворъ сгорѣлъ, а въ слѣдующемъ году, на томъ мѣстѣ, гдѣ была березовая роща, построили деревянный, который при Императрицѣ Екатерины II сломанъ, и замѣненъ каменнымъ. Здѣсь хранятся несмѣшныя сокровища въ магазинахъ, находящихся внутри двора, изъ коихъ шовары оппускаются опномъ въ разные Россійскіе города. Это средоточіе внутренней торговли, и вы ошибешесь, если будеше полагать, что богатство купцевъ состоить въ томъ только, что выславдено въ лавкахъ. Лавки въ Госпинномъ дворѣ служатъ единственно вмѣсто вывѣсокъ или обращиковъ (*échantillons*). На томъ мѣстѣ, гдѣ сгорѣлъ

(1) Построенный въ 1719 году.

прежній Гостинный дворъ, знаменитый Архипекшоръ, Графъ Распрелли, по повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны, построилъ въ 1755 году деревянный *Зимній Дворецъ*. Здѣсь жила Елисавета, прѣвзая въ столицу изъ Царскаго Села, и здѣсь кончила она свое земное поприще. Императрица Екатерина II, будучи Великою Княгинею, весьма часно проводила уединенные свои часы въ семь дворцъ, занимаясь Науками, и изученіемъ Россійскаго языка. Въ 1762 году сей Дворецъ сломанъ и часнъ мѣсца подарена погодашнему Генераль-Полиціймейстеру Генералу Чичерину, который построилъ здѣсь великолѣпный домъ, принадлежавшій въ послѣдствіи Князю А. Б. Куракину, послѣ того Коммерціи-Совѣшнику Перепцу; наконецъ достался нынѣшнему хозяину. Въ началѣ царствованія Императора Александра I въ семь домъ находилось Музыкальное Собраніе, родъ клуба, въ коемъ были членами все знатнѣйшее Дворянство. Блестящія балы, посѣщаемыя Августѣйшею Императорскою фамиліею, служили средоточіемъ удовольствій лучшаго общества, и разливали веселость на всю столицу. Тогда молодому человѣку, или общу семейства, не надлежало знакомиться въ пятидесяти домахъ, чтобы блеснуть самому или доставить случай дочерямъ своимъ оп-

личиться ловкостію и пріятностію. Съ уничтоженіемъ Музыкальнаго Собранія, исчезло послѣднее убѣжище общественныхъ забавъ, и молодой благовоспитанный человекъ долженъ перясть половину жизни на эпикешные визиты, чѣмъ имѣть удовольствіе танцовать на званомъ балѣ. „Но зачѣмъ же здѣшнее богатое Дворянство и чиновники не составяють Дворянскаго Собранія, на подобіе Московскаго?“ — Безъ сомнѣнія эшо было бы очень хорошо, и оживило бы столицу, и можетъ быть со временемъ все эшо устроится. А нынѣ Петербургъ есть одна столица въ мірѣ, неимѣющая публичныхъ забавъ для высшаго класса общества.

(Продолженіе впрѣдъ.)

II.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Э л е г і я. (*)

Проспишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
 Моей любви несчастное волненье?
 Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье?
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой
 И всѣхъ дарить надеждою пустой
 Твой чудный взоръ, по нѣжный, по унылой?
 Мною овладѣвъ, мнѣ чувствуя омрачивъ,
 Увѣрена въ любви моей безумной,
 Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ шумной,
 Всѣды чуждъ, угрюмъ и молчаливъ,
 Терзаюсь я досадою одинокой:
 Ни слова мнѣ, ни взгляда.... другъ жестокой!
 Хочу ль уйти — съ боязвью и мольбой —
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
 Заводишь ли красавица другая
 Двусмысленный со мною разговоръ,
 Спокойна ты, веселый швой укоръ
 Меня мершвишь, любви не выражая.
 Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
 Наединѣ заспавъ меня съ шобой,
 Зачѣмъ себя привѣшшвуешь лукаво?
 Чшо жъ онъ тебѣ? — скажи, какое право

(*) Авторъ сихъ стиховъ прислалъ оныя ко мнѣ для помѣщенія въ Литературныхъ Листкахъ, по шой причинѣ, что они были напечатаны въ другомъ изданіи съ нѣкоторыми ошибками. Изд.

Имѣешь онъ блѣднѣть и ревновать?
 Но я люблю; наединѣ со мною
 Ты шакъ нѣжна! лобзанія твои
 Такъ пламенны! слова твоей любви,
 Такъ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣшны мученія мои,
 Но ты вѣрна: себя я понимаю.
 Мой милый другъ! не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
 Не знаешь ты, какъ шяжко я спрадаю.

2.

Н Е Р Е И Д А.

Среди зеленыхъ волнь, лобзающихъ Тавриду,
 На упренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
 Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнушь.
 Надъ ясной влагою полубогиня грудь
 Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала,
 И пѣну изъ власовъ спруею выжимала.

А. Пушкинъ.

III.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

или

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

Г. Ольдекопъ, Издапель С. Пешербургскаго Журнала на Нѣмецкомъ языкѣ (St. Petersburg. Zeitschrift), по справедливости заслуживаетъ благодарности Русскихъ за похвальное свое намѣреніе знакомить иноспранцевъ съ произведеніями Россійской Литературы, и сообщать историческія и статистическія свѣдѣнія о Россіи. Г. Ольдекопъ почерпаетъ лучшія свои статьи изъ Русскихъ Журналовъ, и намъ кажется, что гораздо было бы лучше для него, и полезнѣе для его читателей, если бы онъ ограничился извлеченіями изъ различныхъ произведеній Россійской Литературы. Тогда бы онъ совершенно достигъ предположенной себѣ цѣли, и Нѣмецкіе Критики не имѣли бы права вооружаться противу помѣщаемыхъ въ его Журналъ стихотвореній, которыхъ (исключая весьма малое число) вовсе не служатъ къ украшенію онаго. Мы также крайне сожалѣемъ, что Г. Ольдекопъ, издавая свой Журналъ въ Пешербургѣ, представляетъ иногда такія сужденія о произведеніяхъ Руской Слоvesности, что можно подумать, будто бы Журналъ его издается въ спранѣ, куда всѣ литературныя новости доходятъ только по слухамъ. Это происходитъ отъ того, что онъ

слишкомъ довѣряешь собственнымъ своимъ силамъ и своему познанію Рускаго языка, и не желаешь прислушиваться къ мнѣніямъ Рускихъ Липерапоровъ и пользоваться ихъ совѣсами, которые были бы ему весьма выгодны. Опъ сего-по мы вспрѣчаемъ въ его Журналѣ подъ чужими спашьями его собственныя примѣчанія и вопросы, иногда вовсе излишніе и сообщающіе предметамъ совершенно иной смыслъ. Часно также переводы его, опъ незнанія коренныхъ Рускихъ словъ и пословицъ, появляющся въ превращенномъ видѣ. Все это можно бѣ было объяснить и исправить при минушномъ свиданіи съ Сочинителемъ спашьи или Издашелемъ Рускаго Журнала, изъ котораго она заимспвована. Доказашельспва сказаннаго нами оспавляемъ до перваго удобнаго случая, а нынѣ намѣрены мы предспавить нашимъ читашелямъ образчикъ сужденій Г. Ольдекопа о характерѣ Рускихъ Журналовъ.

Главный предметъ нѣжності Г. Ольдекопа сущь: *Рускій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости и Литературныя Новости*, при ономъ издаваемыя. Мы не скажемъ ни слова о достоинствѣ сихъ Журналовъ; ибо увѣрены, что каждый изъ нашихъ читашелей понынѣ успѣлъ объ оныхъ соспавить собственное свое мнѣніе, но не можемъ одобритъ Г. Ольдекопа за то, что онъ, желая похвалитъ Гг. Издашелей, А. Ѳ. Воейкова и В. И. Козлова, совершенно перемѣшалъ ихъ заслути по сему изданію, и надѣлил одного изъ нихъ принадлежностію другаго. Вотъ что онъ говоритъ объ изданіяхъ и Издашеляхъ: „Die Zeitung selbst erscheint täglich, und wer mit derglei-

chen Arbeiten vertraut ist, weiss, wie schwierig es ist, jedesmal und in der Eile hinreichenden interessanten Stoff zu finden. Herr Woyeikow hat, unsrer Meinung nach, diese Aufgabe mit Glück gelöst; Mühe und Fleiss sind unverkennbar. Die Neuigkeiten der Litteratur enthalten viele interessante Uebersetzungen, auf deren Werth man um so mehr bauen darf, da Hr. Kosof nicht bloss versichert, die Deutsche Sprache gut zu verstehen, sondern sie wirklich vollkommen versteht. Т. е. Газета (Р. И.) выходитъ ежедневно, и кто только знакомъ съ трудомъ подобнаго рода, тотъ знаетъ, какъ мудро всегда и при томъ съ поспѣшностію, найти доспащочное число занимательныхъ предметовъ для наполненія листка. Г. Воейковъ, по нашему мнѣнію, исполнилъ сіе предпріятіе весьма счастливо; труды его и прилежаніе неоспоримы. Литературныя Новости заключаютъ въ себѣ множество занимательныхъ переводныхъ спашей, на достоинство коихъ шѣмъ болѣе можно положиться, что Г. Козловъ знаетъ Нѣмецкій языкъ, не по его собственному увѣренію, но на самомъ дѣлѣ. — Справедливо ли это замѣчаніе, увидимъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1. Занимательныя предметы въ Рускомъ Инвалидѣ суть офиціальныя спашьи, которыми въ продолженіе года наполняются при четверти сей Газеты, а пошому нѣтъ *трудности* и не требуется *поспѣшности* при собираніи *занимательныхъ* предметовъ. 2. Сказанное на щепь *трудова* и *прилежанія* при составленіи сей Газеты, относится въ полномъ смыслѣ къ Г. Козлову, который одинъ занимается одою, что мнѣ очень из-

вѣспно; ибо я печатаю Сѣверный Архивъ уже другой гдѣ въ одной шипографіи съ Рускимъ Инвалидомъ. Г. Воейковъ есть шолько главный Редакторъ или, какъ говорятъ Французы, Rédacteur principal. 3. Напрошивъ шого похвалы, копорыми Г. Ольдекопъ осыпаетъ Г. Козлова за Литературныя Новости, опносяся прямо къ Г. Воейкову, и сказанное на счетъ познаній Г. Козлова въ Нѣмецкомъ языкѣ здѣсь вовсе не умѣста, пошому что большая часть повѣстей переведена не имъ, но Гг. Соколовымъ, Тилло и другими. Въ сихъ Новостяхъ помѣщаются также переводы и съ Французскаго языка, причемъ познаніе Нѣмецкаго не можетъ составлять главнаго достоинства, копорое заключается въ выборѣ піесъ, зависящемъ отъ воли главнаго Редактора. Къ шому же истинное и неоспоримое достоинство Литературныхъ Новостей заключается въ стихотворной части оныхъ, за что мы благодарны Г. Воейкову, тщательнѣ занимающемуся собираніемъ отличныхъ произведеній Поэзіи, и украшающему свой Журналъ по временамъ собственными шудами. Все это Г. Ольдекопъ могъ бы подробно узнать отъ перваго встрѣтившагося ему Рускаго Литератора, или отъ самихъ Издашелей, что сдѣлать весьма легко, проживая въ одномъ съ ними городѣ. — Сужденіе Г. Ольдекопа о Журналѣ: *Благонравный*, еще болѣе наполнено невѣроятностями, и испещрено оспрошами, копорыя, по справедливости, должны опносыться къ нему самому, какъ читатели увидятъ изъ послѣдующаго. Вотъ какъ Г. Ольдекопъ опзываетъ о Благо-

наибренномъ и его Издашелъ: „Hr. Ismailof ist ein guter Fabeldichter, ein strenger, aber gründlicher Kritiker dichterische Werke und hat auch in dem verflossenen Jahre mehrere Beweise in seiner Zeitschrift hievon gegeben, was um so mehr zu loben ist, da er nur fast allein sich die Mühe giebt dichterische Werke ausführlich zu erörtern und die Fehler und Vorzüge derselben unpartheiisch zu zeigen. Ausser ihm findet sich nur Aehnliches zuweilen in dem Beförderer der Aufklärung, und zwar, wie man es an diesem Journale gewöhnt ist, sorgfältig und gründlich ausgearbeitet; andere Herren (exempla sunt odiosa) geben sich diese Mühe nicht. Sie versichern allenfalls, das Werk gelesen zu haben (si fabula vera), äussern, dass es manche Mängel besitze, dass der Vf. durch grössere Aufmerksamkeit vollendet werden könne u. s. w. Nur dann sind sie ausführlicher, wenn sie aus gewissen Ursachen (die leider manchmal Persönlichkeiten genannt werden können) dem Verfasser des Buches, wie man zu sagen pflegt, gern eines anhängen wollen. — Hr. Ismailof, dessen Verdienst um die Russische Litteratur wir gern und freudig anerkennen, meint es wirklich gut; dies beweist schon der Titel seiner Zeitschrift; aber wir wünschen, dass ihn eben diese gute Meinung nicht hindern möge, es mit seinem Journale noch besser als bis hier zu meinen, und es ist namentlich von einer gewissen Buntscheckigkeit des Inhalts zu befreien, an der es jetzt leidet.

Т. е.: „Г. Измайловъ есть хороший Баснописецъ, строгій, но основательный и справедливый Криптикъ стихотворныхъ пвореній, и въ прошломъ году предсхавиль многія шому до-

казашельства въ своемъ Журналѣ. Сіе пѣмъ похвальнѣе, что почши онъ одинъ принимаешъ на себя шрудъ подробно разбирашъ стихошворныя произведенія, и безприсрасшно показывашъ ошибки и превосходства оныхъ. Кромѣ его (мы переводимъ *буквально*) находимъ подобное иногда только въ *Соревнователь Просвещенія*, и сіе, какъ мы привыкли видѣшъ въ ономъ Журналѣ, обрабошано съ раченіемъ и основашельноштію; другіе господа (*exempla sunt odiosa*, ш. е. примѣры ненависны!) не принимаюшъ на себя сего шруда. Они иногда увѣряюшъ, что читали сочиненіе (*si fabula vera*, если басня сія справедлива), говоряшъ, что оное имѣетъ нѣкоторыя недоспащкі, что Сочинитель, при бѣльшемъ вниманіи можетъ усовершеншвовашься, и ш. д. Они тогда только пишушъ подробнѣе, когда по нѣкоторымъ обшояшельствамъ (кои, къ сожалѣнію, иногда могутъ назвашься *личностями*) хощашъ, какъ говоритъся, *пристѣкнуть* Авшора. — Г. Измайловъ, коего заслути въ Руской Липерашурѣ мы признаемъ охощно и съ удовольшвіемъ, имѣетъ въ самомъ дѣлѣ благія намѣренія: эшо доказываешся уже и заглавіемъ его Журнала; но мы желаемъ, чтошбъ именно сіи благія намѣренія не препяшшвовали ему впредъ имѣшъ еще лучшія намѣренія въ изданіи своего Журнала, и освободитъ оный опъ какой-шбеспрошы содержания, коею онъ нынѣ спраждешъ. “

На эшо замѣчаніе Г. Ольдекопа мы будемъ такъже опвѣчашъ по пункшамъ: 1. Что Г. Измайловъ ешъ хорошій Баснописецъ, объ эпомъ

мы не споримъ; но чѣмъ онъ былъ основательный и справедливый Кришикъ пѣщическихъ твореній, этого мы понынѣ не видали, хотя, по его прекрасному Опыту о Баснѣ, и не сомнѣваемся, что онъ имѣлъ всѣ нужныя къ тому способности. Не знаю, гдѣ Г. Ольдекопъ нашелъ тому доказательства; ибо ни въ прошломъ, ни въ прошедшихъ годахъ *Благонамѣреннаго*, Г. Измайловъ не занимался крипическими разборами пѣщическихъ твореній (*dichterische Werke*.) Правда, что въ *Благонамѣренномъ* помѣщались по временамъ крипическія замѣчанія о Театрѣ, но почтенный Издатель объявилъ, что это были спашьи сообщенія. Равномѣрно крипическіе споры о Трагедіи: Федра, принадлежатъ Г. Чеславскому и другимъ, также какъ и легкія, веселыя замѣчанія на нѣкоторыя журнальныя пѣсы. Г. Измайловъ имѣлъ столь много заслугъ на поприщѣ Словесности, что вѣроятно не захочетъ пользоваться несправедливыми похвалами. И такъ, все сказанное Г. Ольдекопомъ на счетъ трудовъ Г. Измайлова по части Кришики *пѣщическихъ твореній* принадлежитъ къ *пѣщическимъ вымысламъ*, и не имѣетъ никакого основанія. 2. Г. Ольдекопъ, сказавъ, что только въ *Благонамѣренномъ* и въ *Соревнователь* помѣщаются Кришики, основательно и прудолубиво обработанныя, объявляетъ, что всѣ прочіе Журналисты судятъ о книгахъ, не читая оныхъ. Быть можетъ! и первый тому примѣръ видимъ у Г. Ольдекопа, который, если бы читалъ *Благонамѣреннаго*, то вѣрно бы нашелъ въ ономъ другія достоинства, кромѣ Кришики

пипическихъ пвореній, копорыхъ вовсе въ немъ не бывало. Лапинскія фразы, упошребленныя Г. Ольдекопомъ для смягченія своего спрогаго сужденія, опызываются школярспвомъ среднихъ вѣковъ, и ни мало не оправдываютъ его въ глазахъ просвѣщенныхъ читашелей. Чпо подумають иноспранцы о нашей Литерашурѣ, если увидятъ въ Журналѣ Г. Ольдекопа, чпо шолько одна личность заставляетъ дѣйствовать всѣхъ нашихъ Крипиковъ, за исключеніемъ Г. Измайлова? Спрашиваемъ его, на чемъ онъ основалъ сіе мнѣніе? Для чесши Руской Литерашурѣ, мы намѣрены поспорить съ нимъ въ одномъ изъ иноспранныхъ Журналовъ, и подробно доказать несправѣдливоспъ его замѣчаній. 3. Г. Ольдекопъ упрекаетъ Г. Измайлова въ шомъ, чпо въ его Журналѣ слишкомъ много разнообразія: новое доказательство, чпо почтенный Издашель С. Пешербургскаго Журнала не читалъ Благонамѣреннаго; ибо, не касаясь достоинствъ спашей, смѣло можно сказать, чпо это разнообразіе болѣе всего поддерживается Журналѣ: Благонамѣренный — копорый шѣмъ опличается отъ прочихъ Журналовъ. 4. Чпо же касается до совѣша, даннаго Г. Ольдекопомъ Г. Измайлову, бышъ болѣе *благонамѣреннымъ* — то на сіе предоспавляемъ опвѣчать самому Издашелю Благонамѣреннаго.

Сказавъ наше мнѣніе на счѣшъ сужденія Г. Ольдекопа о Рускихъ Журналахъ, мы повшоряемъ нашу благодарноспъ за помѣщеніе многихъ занимательныхъ спашей въ С. Пешербургскомъ Журналѣ, копорыя болѣе познакомятъ иноспранцевъ съ Россією, и пришомъ осмѣливаемся пред-

ложишь слѣдующія прозбы: 1. Перечитываешь переведенныя списки съ Авшорами оныхъ или Издашелями Журналовъ, а въ случаѣ, если бь они не знали Нѣмецкаго языка, совѣповашься съ Рускими Липерашорами, имѣющими доспапочныя свѣдѣнїя въ обоихъ языкахъ. 2. Не спавишь подь чужими списьями своихъ замѣчанїй и вопросовъ, копорые легко могушь объяснишься при личномъ свиданїи. 3. Какъ можно менѣ помѣщашь стихопворенїй, копорыя, сказашь по совѣспи, не весьма украшають Журналь Г. Ольдекопа. 4. Вовсе не помѣщашь анекдотовъ, названыхъ Г. Ольдекопомъ Fresco - Anekdoten, копорые могушь распроспранить въ Германїи весьма невыгодное мнѣнїе о вкусѣ нашей публики. Напримѣръ анекдотъ объ одной дамѣ, копорая, желая опдашь въ наймы кварширу, нечаянно приклеила билетъ къ своему плащю, и такимъ образомъ выѣхала въ ряды, не принадлежишь ни къ Словесности, ни къ Исторїи, ни къ правиламъ Логики. 5. При переведенныхъ списьяхъ означаешь на Нѣмецкомъ, а не на Рускомъ языкѣ, опкуда онѣ почерпнушы. 6. Иногда совѣповашься съ Рускими Липерашорами въ разсужденїи выбора списей и настоящаго значенїя коренныхъ Рускихъ словъ и пословиць, копорыя часто вспрѣчаюшся у Г. Ольдекопа въ преврапномъ смыслѣ. 7. Не прогнѣвашься на насъ за наше искреннее изьясненїе, сдѣланное единспвенно въ намѣренїи, бышь полезными Г. Ольдекопу, и обратишь его вниманїе на предметы, копорые кажутся, ускользнули опъ его взоръ. Мы бы охопнѣ жедали лично объяс-

нясья въ подобныхъ случаяхъ, но болѣе полушора года не имѣвъ удовольствія встрѣчась почтеннаго Издашеля С. Пешербургскаго Журнала, должны были прибѣгнуть къ посредству книгопечашанія, имѣмъ болѣе, что и самъ Г. Ольдекопъ дѣлаемъ замѣчанія подѣ нашими спашьями безъ нашего вѣдома.

Θ. Б.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

— А. Жофре (Jauffret), обучающій въ С. Пешербургѣ Французскому языку, и извѣстный соприудничесвомъ своимъ съ Г. Сень-Тома (Saint-Thomas) въ переводѣ осьми шомовъ Исторіи Государства Россійскаго, намѣренъ въ нынѣшнемъ великомъ посту опкрышь Липературные вечера, по примѣру Г. Сень-Мора, кошорый двѣ зимы занималъ Пешербургскую и одну зиму Московскую публику. Г. Сень-Моръ привлекалъ къ себѣ любителей Французской Словесности единшвенно искусшвомъ декламациі, но Г. Жофре говоритъ въ своемъ объявленіи: *J'ai pensé, qu'on me sauroit peut-être gré d'ouvrir un Cours abrégé de Littérature Française, pour l'utilité de la jeunesse studieuse, et l'agrément des personnes, qui voudroient consacrer quelques heures de loisir à entendre recapituler avec méthode leurs connoissances littéraires, et lire les plus beaux passages des meilleurs écrivains Français de l'ancienne et de la nouvelle école. Ce Cours sera de 10 séances.* Т. е.: „Я полагаю, что удостоюсь одобренія, если опкрою сокращенный курсъ Французской Липературы для пользы любящаго Науки юно-

шества и для удовольствія особъ, которыя пожелающъ посвящать нѣсколько свободныхъ часовъ на слушаніе методическаго повпоренія своихъ литерашурныхъ свѣдѣній, и чтенія лучшихъ мѣстъ изъ отличныхъ Французскихъ Писателей старинной и новой школы. Сей курсъ будетъ состоять изъ 10 засѣданій“ и проч. — Желая всевозможнаго успѣха Г. Жофре, мы не понимаемъ, какъ можно въ 10 уроковъ пробѣжать курсъ Литерашуры, и вмѣстѣ съ тѣмъ прочесть лучшіе опривки изъ отличныхъ Французскихъ Писателей. Даже и знамениая Ланкасперская метода взаимнаго обученія не представляетъ споль быспрыхъ средствъ къ преподаванію начальныхъ основаній грамашы. Но мы живемъ въ вѣкъ изобрѣшеній, и спакъ не хотимъ осуждать, не видавъ опыта. Что же касается до вопросовъ, сдѣланныхъ намъ въ нѣкоторыхъ обществахъ, въ какомъ Университетѣ (*) Г. Жофре находится Профессоромъ, мы на это отвѣчать не можемъ, ибо не знаемъ.

— Мы объявили въ №. 3 Листковъ, что Г. Крыловъ написалъ 20 новыхъ Басень; теперь мы узнали досповѣрно, что новыхъ Басень написано имъ всего 27, и безъ сомнѣнія при новомъ изданіи будетъ 30 или болѣе. Почтенный Авпоръ, по совѣпу своихъ друзей, желаетъ издать оныя съ возможнымъ типографическимъ совершенствомъ и украситъ отличными каршинками. Знаменишому нашему рисовщику, Г. Орловскому,

(*) Г. Жофре подписался на объявленіи: Professeur de Littérature Française.

предстоитъ блестящее поприще, сочетать славу свою со славою перваго Рускаго и одного изъ первыхъ Европейскихъ Баснописцевъ, и мы надѣмся, что онъ, изъ любви къ Наукамъ и Изысному, приметъ на себя сей трудъ, за который будешь ему благодарна цѣлая Россія.

Мы получили извѣстіе изъ Москвы, что Бакчисарайскій Фоншанъ, Поэма, соч. А. Пушкина, уже скоро будешь оппечашана. Содержаніе сей Поэмы очень просто: Крымскій Ханъ Гирей любилъ Черкашенку Зарему, которая одна владычествовала въ его Сералѣ и сердцѣ. Въ одномъ изъ своихъ набѣговъ на Польшу, Гирей взялъ въ неволю Польскую Княжну Марію, влюбился въ нее и забылъ Зарему. Съ сего времени исчезло его благополучіе, и веселость оппелѣла изъ роскошнаго его Гарема. Прелестная Марія, вѣрная Религіи оппцевъ своихъ, не соглашалась бытъ супругою Гирея, и проводила уединенные часы въ молишвахъ и слезахъ. Влюбленный Гирей не смѣлъ упопребить своей власши, чтобы принудить Польскую Княжну сдѣлаться его женою. Онъ предался оппчаянію и меланхоліи. Между тѣмъ Марія скончалась, и Гирей, подозрѣвая Зарему въ убійствѣ, велитъ лишить ее жизни. Авторъ сей Поэмы писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Пешербургъ: „Недоспаешь плана; не моя вина, я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces lois des vers, je pliais les accents

De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ Бакчисарайскій Фоншанъ единственно для себя, а печашаю пошому, что“

и проч. — Правда, что недоспаетъ связности въ планѣ, но красоты Поэзіи, гармонія языка, картины, заставляющія забывать самыя несовершенства. Съ произведеніями Пушкина бываетъ поже, что со всякимъ прелестнымъ и любимымъ предметомъ: видишь недоспапки, но чувствованія заглушаютъ голосъ холоднаго разсудка, и сердце невольно предупреждаетъ желанія. Говоришь ли намъ о правилахъ, гдѣ каждый стихъ, каждая черта обворожаютъ и заставляютъ забываться! А. Пушкинъ написалъ другую Поэму, подъ заглавіемъ: *Онегинъ*, которой содержаніе чрезвычайно разнообразно, по увѣренію особъ, имѣвшихъ случай читать оную въ рукописи. Это исторія молодого человѣка, воспитаннаго въ деревнѣ, который прѣзжаетъ въ столицу на службу, описываетъ свои связи, знакомства, приключенія и различныя впечатлѣнія при видѣ многихъ предметовъ. Одинъ просвѣщенный любитель Словесности писалъ къ намъ изъ Кіева, что Поэма *Онегинъ* есть лучшее произведеніе неподражаемаго Пушкина. Мы просимъ извиненія у почтеннаго Автора, что безъ его вѣдома осмѣливаемся помѣстить нѣсколько стиховъ изъ *Онегина*, которые завезены сюда въ умѣ, и продиктованы наизустъ, а потому можетъ быть и съ ошибками, по крайней мѣрѣ для насъ непримѣтными. Это описаніе первой Руской панцовщицы въ балетѣ:

„Блестательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою Нимфъ окружена,
Споитъ Истомина. — Она,

Одною погой касаясь пола,
 Другою медленно кружишь....
 И вдруг прыжокъ, и вдруг летишь....
 Летишь — какъ пухъ отъ устъ Эола!
 То спань совьешь, то разовьешь,
 И быстрой ножкой ножку бьешь.“

Какая живая картина! Вошь истинная Поэзія! Прилагательное *полувоздушна*, съ перваго слова характеризуешь дарованіе. Танцовщица не спойшь на землѣ, она носится въ воздухѣ и только *касается* пола, послушная *волшебному смычку*. По нашему мнѣнію, ни одинъ изъ Рускихъ Поэтовъ не имѣешь магической силы Пушкина однимъ взглядомъ оспанавливать лешучіе предметы (*fixer les objets*), и сославлять изъ оныхъ живыя картины. Его воображеніе есть зеркало, въ которомъ природа отражается въ своемъ истинномъ видѣ: Поэзія поручила ему свои краски, и Геній Изящнаго кисть свою. Но повинъ одинъ только Хариты управляющъ его пламенною душею. Придетъ время, когда и важныя Музы обратятъ на себя вниманіе юнаго своего питомца, и укажутъ ему въ отечественныхъ событіяхъ предметы, достойныя его высокаго таланта.

— На Рускомъ Парнассѣ носятся слухи, что нѣсколько Либреттистовъ и одинъ Книгопродавецъ вознамѣрились къ будущему 1825 году издать Альманахъ въ родѣ *Полярной Звѣзды*, подъ заглавіемъ: *Сѣверные цвѣты*. Хотя нашъ Сѣверъ не весьма славится цвѣтами, однакожь при стараніи можно кое-что выслѣять. Желаемъ и надѣемся успѣха, тѣмъ болѣе, что смена

Литер. Листки. Ч. I.

весьма рано посѣяны. Это соперничество ни сколько не повредишь Полярной Звѣздѣ, наполнивъ того возродишь въ Издашеляхъ соревнованіе, что также послужитъ къ пользѣ чинашелей. Кто покупалъ въ продолженіе двухъ лѣтъ Полярную Звѣзду, тотъ купитъ и въ третій разъ, особенно зная отличныя дарованія Издашелей, Гг. Бешужева и Рыльева.

— Г. Плюшаръ, перепечатаешъ здѣсь въ С. Петербургѣ Поэму *Смерть Сократа* (La mort de Socrate), сочин. извѣснаго Ламаршина, по той причинѣ, что всѣ привезенные изъ Парижа экземпляры уже распроданы. Желающіе купить сію Поэму могутъ адресоваться къ Г. Плюшару въ домъ Коссиковского у Полицейскаго моста.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Мы уже объявляли прошлаго года въ Сѣверномъ Архивѣ объ изданіи Г. Давомъ гравированныхъ портретовъ всѣхъ Рускихъ Генераловъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Жителямъ здѣшней столицы извѣстены таланты Г. Дава, который почищается однимъ изъ лучшихъ портретныхъ Живописцевъ въ Европѣ. Галерея портретовъ Россійскихъ Генераловъ, писанныхъ по повелѣнію Его Императорскаго Величества, почти приведена уже къ окончанію, и всѣ, имѣвшіе случай видѣть оную въ Эрмитажѣ, удивляются сходству портретовъ и истинному воображенію Живописца, который представилъ каждое лице въ особенномъ положеніи. Но лучший изъ всѣхъ

еще поршреть Государя Императора, во весь росль въ Кавалергардскомъ мундирѣ, и можно смѣло сказать, что до сихъ поръ не было еще столь похожаго и столь искусно опдѣланнаго. Сей поршреть превосходитъ писанные Жераромъ и Лоренсомъ, и единственнъ въ своемъ родѣ. Обращаясь къ собранію гравированныхъ поршретьвъ Генераловъ, въ числѣ коихъ будуще находитья поршреты: Его Величества, Фельдмаршаловъ: Князя Купузова-Смоленскаго, Князя Барклая де Толли, и всѣхъ Генераловъ, мы увѣрены, что Рускіе патриоты поддержать сіе предпріятіе Г. Дава, прославляющее Россію и ея защитниковъ. Всѣхъ поршретьвъ будуще около ста; подписная цѣна 600 руб.; половина должна бытъ уплачена впередъ, а остальные по описаніи 35 поршретьвъ. Понинѣ вышло въ свѣтъ около 20. Опишися съ пребываніями можно къ самому Г. Даву, или къ Книгопродавцу, Г. Сеиъ-Флорану. Цѣна за каждый поршреть *avant la lettre* на лучшей бумагѣ 25 и 20-рублей, за обыкновенный поршреть 10 рублей.

М А С Л Я Н И Ц А.

Масляница, называемая въ Каполическихъ земляхъ Карнаваль (Carnavale) (*), празднуется съ необыкновенною веселостію во всѣхъ споли-

(*) Дюканжъ производить слово: Carnavale отъ Carn-avale, отъ большаго употребленія мяса передъ началомъ поста. Мнѣ кажется, что слово сіе произошло отъ Carno-vale, ш. е. прощай, мясо! —

цахъ Европы. Особенно въ Италіи, народъ, не смотря на свой угрюмый характеръ, въ сіе время съ жадностію наслаждается всѣми шумными забавами, кошорья припоминають древнія Сапурналіи и Вакханаліи. Венеція и Римъ оплещаются своими блестящими Карнавалами, привлекающими множество иностранцевъ изъ Германіи и Англіи. Венеціанскій Карнаваль продолжается опть праздника Рождества Христова до Великаго поста. Съ утра до глубокой ночи, всѣ улицы, а особенно площадь Св. Марка, покрыты маскированными людьми разнаго возраста, пола и еостоянія. Огромные дома, по обыкновенію имѣющіе множество большихъ оконъ и балконовъ, украшены богатыми коврами и наполнены зришелями. Разнаго рода фигляры, пѣвцы, музыканты, импровизаторы, показываютъ свое искусство подъ открытымъ небомъ, и довольствуются добровольнымъ подаваніемъ поспешителей. Каналы покрыты великолѣпными гондолами съ разноцвѣтными флагами и вызолоченными кормами. Во всѣхъ широкіихъ, кофейныхъ и чайныхъ домахъ гремитъ музыка, и привлекаетъ толпы масокъ забавляясь танцами. На Театрѣ играютъ лучшія оперы съ утра до вечера и кассино, редушны и прочія публичныя собранія, одни передъ другими стараются заманить къ себѣ лучшее общество, оплещены оркестромъ, декорациею комнатъ, вкуснымъ столомъ и освѣщеніемъ. Оплещительная черта Венеціанскаго Карнавала естъ бѣгъ гондоль на взморьѣ, или регата, представляющій весьма пріятное для глазъ зрѣлище. Въ Римѣ, сверхъ

увеселеній, свойспивенныхъ большому городу, и сверхъ гулянья въ маскахъ по городу пѣшкомъ и въ экипажахъ, во время котораго гуляющіе бросаютъ другъ въ друга конфетками, въ Масляницу происходитъ скачка на лошадяхъ. Праздникъ продолжается только 8 дней, и прекрасно описанъ знаменитымъ Гётте (*). Въ Парижѣ обыкновеніе прогуливались въ маскахъ по городу также существовало, но съ нѣкотораго времени принадлежишь только среднему сословію. Въ Россіи въ древнія времена и даже до ПЕТРА ВЕЛИКАГО, надѣвашъ на себя маску, почиталось дѣломъ непристойнымъ, и Рускіе всегда смѣялись надъ Нѣмцами, надѣвавшими на себя *рожи*. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, желая совершенно искоренить прежніе предрасудки, нѣсколько разъ предспавлялъ народу зрѣлище маскированныхъ и переодѣтыхъ группъ, приглашая къ симъ забавамъ знатнѣйшихъ Бояръ своего Двора. Но сей примѣръ не подѣйствовалъ, и обыкновеніе наряжаться въ маски сохранилось въ народѣ только въ Святочные дни, и то въ вечернее время. Увеселенія Рускаго народа во время Масляницы состоятъ въ кашаніи на горахъ и въ саняхъ, и подчиваніи другъ друга блинами. Было время, что сіи забавы были общими для вельможъ и для простаго народа: нынѣ высшее сословіе составляетъ зрителей, а народъ *дѣйствующъ*

(*) Одинъ Нѣмецкій путешественникъ, бывшій въ Римѣ во время Карнавала въ 1822 году, говоритъ, что прежнее веселіе и забавы оспались только въ наружности и обрядахъ.

щія лица въ этой общей *интермедіи*. Хорошее общество веселился нынѣ въ кругу своихъ знакомыхъ, и изъ числа публичныхъ забавъ посѣщаешь только театръ, и два маскарада, т. е. въ послѣдній день Руской Масляницы, въ Воскресенье, и во вторникъ въ Нѣмецкую Масляницу. Характерныхъ и замысловатыхъ масокъ нынѣ весьма мало. На все существуетъ мода: я помню блестящіе Маскарады у Фельена (въ бывшемъ домѣ Кушелева, гдѣ теперь Главный Штабъ Его Императорскаго Величества), на которыхъ являлись разнородныя характерныя, прельщавшія вкусомъ и богатствомъ маски, кадрили различныхъ народовъ и проч. Нынѣ въ Маскарадѣ на большомъ Театрѣ только прохаживаются, а прежде во всѣхъ комнахахъ танцовали, и это вовсе не считалось *дурнымъ тономъ*. Другія времена, другіе нравы! — Но мнѣ кажется, что послѣ необыкновенныхъ полипическихъ явленій, попрясавшихъ Европу въ продолженіе 30 лѣтъ, люди вообще сдѣлались угрюмѣе. Любезные и въпренные Французы, вопреки своему народному характеру, бросились въ Полишику, которая вообще всѣмъ ихъ забавамъ какую-то дипломатическую важность, очень похожую на скуку. Англичане проводятъ половину жизни за столомъ, въ пушеческихъ и коммерческихъ расчетахъ. Нѣмцы философствуютъ и на крыльяхъ Романтической Поэзіи носящаяся въ надоблачномъ мірѣ, а мы, Рускіе, вмѣсто того, чтобы покоиться на лаврахъ, подъ сѣнію прозеевъ, и предаваться невиннымъ забавамъ, — мы, изъ подражанія иностранцамъ, зѣваемъ въ по-

злащенныхъ гостинныхъ. Всѣ путешественники удивляются въ Пестербургѣ богатству нарядовъ и экипажей, убранству домовъ, роскошнымъ обѣдамъ и проч. И пакъ при нашихъ средствахъ, если бы опять вошли въ моду публичныя балы, маскарады, музыкальные вечера, и прочія общія увеселенія, необходимыя въ нашемъ климатѣ, тогда не только бы Масляница, но и цѣлая зима сдѣлалась разнообразнѣе, а городъ веселѣе. Преклоняю колѣна предъ богинею Моды, и прошу услышать усердныя мои прозбы.

Н О В О Е З А В Е Д Е Н І Е .

Г. Дюбоа, Французскій уроженецъ, завель на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Вебера кофейный домъ, совершенно въ родѣ Парижскихъ. Комнаты убраны не только со вкусомъ, но даже съ великолѣпнѣмъ, освѣщены газомъ и предспаляютъ всѣ удобства для подобнаго заведенія. Это самая вѣрная копія Парижскихъ кофейныхъ домовъ, но жаль, что здѣсь недоспаеетъ Парижскихъ оригиналовъ для оживленія сего новаго храма Гаспрономіи. Я говорю о пакъ называемыхъ *habitués*, ш. е. о людяхъ, которые по правиламъ посѣщаютъ Парижскіе кофейные дома, и составляютъ весьма пріятное и оспроумное общество. Въ кофейномъ домѣ Г. Дюбоа, вы найдете все, что только существуетъ въ *Caffé de Mille colonnes* или въ *Caffé Tortoni*. Мраморныя споліки, шашки, домино, каминны съ пылающими угольями, всѣ возможные роды конфетшувъ, ликеровъ и плодовъ въ спиртахъ и лике-

рахъ, всѣ прохладительныя напитки и лакомства, и наконецъ великолѣпную каѳедру (comptoir), гдѣ хозяйка ожидаетъ гостей, наблюдаетъ за исправностію услуги, рассчитывается съ посетителями. — Кажется, что кажимъ-то очарованіемъ переносишься въ Парижъ, и только Рускіе Журналы, смиренно ожидающіе читателей, напоминаютъ что вы въ Пешербургѣ.

П А Р И Ж С К І Я М О Д Ы.

(Опѣ 12 Февраля новаго сѣчья).

Мебель. Въ будуарахъ (boudoir) или дамскихъ кабинетахъ, вмѣсто ковровъ постилаютъ на полъ кожи барсовъ, шигровъ или бѣбровъ (*). Нѣсколько кожъ одного изъ сихъ звѣрей сшивается вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы покрыть полъ цѣлой комнаты. По угламъ находящіяся огромныя серебряныя когти, прикрѣпленныя къ паркету.

При полуосвѣщеніи комнаты употребляютъ лампы; при полномъ освѣщеніи зажигаютъ въ жирандоляхъ и люстрахъ свѣчи, а вмѣсто лампы занимаютъ вазы съ природными цвѣтами.

Освѣщеніе газомъ входитъ въ большую моду: подвижныя газовыя лампы въ большемъ употребленіи. Одна такая лампа можетъ горѣть въ продолженіе 12 часовъ сряду, а свѣтъ оной равняется шести свѣчамъ.

Модный экранъ къ камину, состоитъ изъ букета цвѣтовъ, вырѣзанныхъ на картонѣ или

(*) Бѣбрь, родъ дикой лесной кошки.

на желѣзномъ лакированномъ листѣ. Корни цвѣшовъ сославляютъ ручку, для перестановки экрана съ мѣста на мѣсто.

Упопрѣбительныя бронзы суть темнаго цвѣта, пакъ называемаго *vert antique*. Даже столовыя лампы и подсвѣчники, дѣлаемые обыкновенно въ видѣ колоннъ, непременно должны бытъ изъ сего рода мешалла.

Стулья покрывающя перкалиномъ, имѣющимъ цвѣтъ сребристосѣрый, или цвѣтъ Африканскаго девянника, п. е. смоковницы (*perkaline glacée et d'un gris argentin*). Швы закрыты широкимъ басономъ или шесьюю одного цвѣта съ мебельми.

Дамскіе наряды. Упренія шляпки дѣлающя изъ гродешура темнаго цвѣта, съ подкладкою голубаго, малиноваго или пунцоваго цвѣта. На кузовѣ шляпки, вмѣсто прежнихъ длинныхъ узловъ, находящя 8 ромбовъ, п. е. равноснороннихъ косоугольныхъ чепвербоугольниковъ, имѣющихъ два острыхъ и два тупыхъ конца, или, какъ Французы называютъ, *losange*. Кругомъ шляпки по концамъ пришива черныя блонды, длиною въ чепвертъ вуала.

Самый модный дамскій нарядъ есть слѣдующій: платье украшено ошь низу нашивками (*les garnitures*) почти до половины; грудь и плечи открыты; рукава чрезвычайно коротки, и перчатки въ половину руки до локтя; корсажъ съ легкою уборкою. Платье должно бытъ шюлевое, креповое или газовое. Головной уборъ: шюрбанъ или полшюрбанъ, цвѣты или банты

изъ леншъ, перья или жемчуги. Цвѣтъ платья розовый, бѣлый, голубой или черный.

Всѣ Парижскія щеголихи носятъ нынѣ черныя перчатки длиною въ половину руки до локтя. Черныя бархатныя и креповыя платья имѣютъ приборъ изъ бѣлыхъ блондъ, въ видѣ дешковъ или воланшовъ (volans de blonde); шюки изъ чернаго крепа украшены перьями марабу, и чернаго цвѣта, шочно такими, какія употребляются въ офицерскихъ сулланахъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Свѣдѣннѣебургъ, 28 Февраля 1824 года.

Цензоръ А. Буцковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ,
ЖУРНАЛЬ
ПРАВОВЪ И СЛОВЕСНОСТИ.

МАРГЪ 1854. No V.

Содержаніе: Проза. 1. Прогулка по тротуару Невскаго проспекта. (Прод.) Стихотворенія: 2. Къ ней. 3. Элегія. 4. Волшебный фонарь или разныя извѣстія.

П Р О З А.

I.

ПРОГУЛКА ПО ТРОТУАРУ НЕВСКАГО
ПРОСПЕКТА.

(Продолженіе.)

„Вопль домъ, припоминающій мнѣ пріятныя дни моей юности,“ сказала Г. Добровъ, указывая на величественное зданіе, принадлежащее роду Спрогановыхъ. „Я помню, когда при жизни покойнаго Графа Александра Сергѣевича собиралось здѣсь лучшее общество, отличные Липерапоры и Художники (*). Дарованіе было первое право на знакомство, и личное достоинство всегда предпочиталось случайнымъ преимуществамъ.“ Это было

(*) Какъ и нынѣ.

испанный храм госпенримства и вкуса, сказала я, здѣшняя картинная галлерей почищается одною изъ первыхъ между часными. — „Я бы желала видѣть оную и читашь описаніе,“ сказала Г-жа Добрава. — Это весьма не прудно, описывчалъ я; что же касается до описанія галлерей, то вы можете удовлетворить ваше любопытство сегодня же, прочитавъ..... „Вѣрно въ Опечесивенныхъ Запискахъ?“ — возразила она. — Нѣтъ, въ особо изданномъ подробномъ каталогѣ (*), описывчалъ я; но если вы вздумаете осматривать рѣдкости, находящіяся въ семь домѣ, то не забудьте Минералогическаго кабинета, драгоценнаго собранія Греческихъ и Римскихъ древностей, изъ коихъ многія найдены въ Сибири, и наконецъ богатой библіотеки и эстамповъ. Большая часть всѣхъ сихъ сокровищъ собраны покойнымъ Графомъ Александромъ Сергѣевичемъ во время продолжительной и дѣлительной его жизни. — „Не имѣ ли построень домъ?“ спросила Г-жа Добрава — Нѣтъ, оцемъ его, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, по чершежу знаменишаго Архипектора Графа Распрелли. Знаете ли вы, какъ иностранцы называютъ Невскій проспектъ?

(*) Catalogue raisonné des tableaux, qui composent la collection du Comte A. de Stroganoff, à St. Pétersbourg, 1800. in 8.

Улица *Вьротерпимости*. (Toleranz-Strasse)
 И въ самомъ дѣлѣ, я не знаю ни одного города въ Европѣ, въ кошоромъ бы на одной улицѣ находилось сполько церквей различныхъ вѣроисповѣданій. — „Эпо правда,“ сказала Г-жа Добрава, „но мнѣ спыдно вамъ признашья, что я не знаю, какому именно вѣроисповѣданію принадлежанъ сіи церкви, и вы меня одолжите, если не польнишесь разсказать.“
 — Очень радъ. Напрошивъ дома Графа Спроганова находилсъ Голландская Реформатская (*). Въ Большой Конюшенной, почти на углу Невскаго проспекта, на лѣвой сторонѣ, вы видите Французскую и Нѣмецкую Реформатскую церковь (**), а напрошивъ оной Евангедическія

(*) Построенная въ 1730 году.

(**) Съ 1708 по 1723 годъ иностранцы Люшеранскаго и Реформатскаго исповѣданій, кошорые жили по близости Адмиралшейсва, опсправляли Богослуженіе поочередно въ домѣ Адмирала Корнелія Крюйзѣ. Въ 1723 году основанъ приходъ Французскаго Реформатскаго исповѣданія, спараніями двухъ Принцевъ Гессень - Голшпорпскихъ, находившихся въ Россійской службѣ, Прускаго Посланника Мердефельда, Генераловъ: Дефорша, Дюпре, Декулона и другихъ. Въ 1731 году построена была въ семь мѣспѣ деревянная церковь, сгорѣвшая въ 1762 году, а въ 1770 построена каменная.

церкви Шведскаго и Финскаго приходовъ (*). Евангелическая церковь Св. Петра во первыхъ замѣчательна тѣмъ, что она построена по чертежу знаменитаго Фельдмаршала Графа Миниха, и заложена имъ же самимъ (**); а во вѣпорыхъ, по находящемуся при ней Главному Нѣмецкому Училищу (***), въ которомъ обучающіяся за самую умеренную плату дѣти обоюго пола почти всѣхъ звѣшнихъ иноспранцевъ и многихъ Рускихъ чиновниковъ. Можно утвердительно сказать, что, исключая казенныя заведенія, Пешровское Училище есть самое лучшее и самое полезное педагогическое учрежденіе. Кро-

(*) Общая деревянная церковь построена въ 1738 году. Шведскій приходъ отдѣлился отъ Финскаго въ 1745 году. Шведская каменная церковь построена въ 1767, Финская въ 1803 году.

(**) Прежде существовала здѣсь деревянная церковь, построенная въ 1708 году. Нынѣшняя заложена въ 1728 году, освящена въ 1738 году при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, которая пожаловала 1000 рублей на постройку органовъ.

(***) Основана въ 1760—1762 году. Императрица Екатерина II пожаловала 2000 р. Наслѣдникъ престола В. К. Павелъ Петровичъ 1000 р. Изъ частныхъ людей: купецъ Штегельманъ 12000 р., Сшп. Сов. Штелинь 8000 р. и многіе другіе.

мѣ получаемаго здѣсь образованія, весьма полезно и то, что дѣши различныхъ сословій сближающагося между собою силою привычки и дружества, которыя иногда въ продолженіе цѣлой жизни приносятъ усладительные плоды для общей пользы. Я видѣлъ однажды чиновника, украшеннаго орденами, который дружески бесѣдовалъ въ магазинѣ съ купцомъ, своимъ со товарищемъ по училищу, и знаю нѣсколько случаевъ, въ которыхъ школьные друзья выручали изъ несчастія спарыхъ своихъ поварищей, принадлежащихъ къ высшему сословію. Вошь Каполическая церковь, одно изъ лучшихъ зданій на Невскомъ проспектѣ (*). При ней также находится школа, состоящая нынѣ въ вѣдѣніи Монаховъ Доминиканскаго Ордена. Церковь сія замѣчательна тѣмъ, что въ ней покоятся бранные останки героя Моро и Польскаго Короля Спа-

(*) Она заложена въ 1763 году, и стоила въ то время 105 000 руб. Римскій Императоръ Іосифъ пожаловалъ на постройку оной 8000 р. Польскій Король Спаниславъ Августъ 1000 р; остальная сумма собрана изъ добровольныхъ пожертвованій Каполиковъ. Прежде сего Каполическая деревянная церковь была на дворцовой набережной и сгорѣла въ 1737 году. Нынѣшняя освящена въ 1785 Папскимъ Нунціемъ Аркеши и Мишрополиномъ Сеспренцевичемъ-Богушемъ.

нислава Августа. Далѣе, слѣдуя лѣвою стороною улицы, вы увидите Армянскую церковь, заключающую рядъ иностранныхъ церквей, находящихся между Полицейскимъ и Аничковымъ мостами (*). На всемъ этомъ проспективѣ находится одна только Русская Соборная церковь Казанскія Божіея Матери, превосходящая всѣ прочія своимъ богатствомъ, красотою и величественною Архитектурою. Это незабвенный памятникъ царствованія Императора Александра I, украсившаго сей храмъ профетіями, приобретенными надъ врагомъ, коего могущество сокрушилось о твердый щипъ Вѣры и любви къ Государю и опечесству вѣрнаго Русскаго народа. Я говорю о непріятельскихъ знаме-

(*) Армянскій приходъ сущесвуемъ въ С. Петербургѣ съ 1710 года, и прихожане собирались прежде для Богослуженія въ общесвенномъ домѣ на Васильевскомъ острову. Нынѣшняя церковь основана въ 1771 году щедростію покойнаго Дѣйст. Стат. Сов. Лазарева, который пожертвовалъ на построение церкви 35.000 р., а на покупку мѣста и на построение домовъ 80.000 р. Сей храмъ освященъ Архіепископомъ Іосифомъ въ 1782 году. Здѣсь должно замѣтить, что во всѣхъ Богоугодныхъ и полезныхъ заведеніяхъ для Армянскаго народа, мы всегда въ первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ фамилію Лазаревыхъ.

лахъ, находящихся въ Казанскомъ соборѣ, ключахъ покоренныхъ городовъ и жезлахъ Французскихъ Фельдмаршаловъ. Мы слишкомъ близки къ симъ великимъ происшествіямъ, чшобы судить объ оныхъ съ должнымъ хладнокровіемъ; но попомнѣнью съ удивленіемъ будешь воспоминашь Исторію первой четверти XIX столѣтія, и достойно оцѣнишь подвиги своихъ предковъ. Подъ профеями народной славы почіеешь прахъ Фельдмаршала Князя Купузова-Смоленскаго, избраннаго Монархомъ въ опечесшвенную войну для исполненія великихъ Его предназначеній. Храмъ сей построень Рускимъ Архитекторомъ Надворнымъ Совѣщникомъ Воронихинымъ, ученикомъ С. Петербургской Академіи Художествъ, подъ надзоромъ Комиссета, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ Графа А. С. Спроганова (*). — „Благодарю васъ,“

(*) Прѣжняя церковь Казанскія Богоматери основана при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ 1732 году. Она была каменная, съ деревянною колокольнею, имѣвшею вышины со шпиромъ 28 сажень. На колокольнѣ били часы въ колоколь по спѣннымъ часамъ, находившимся вкупри церкви. Въ сей церкви, опѣ начала построения оной, совершались молебствія во всѣ поржесшвенные случаи, и съ 1745 сочетавались бракомъ Высочайшя Особы Императорскаго Дома. Ны-

сказала Г-жа Доброва, „что вы мнѣ дали хотя малое поняшіе о находящихся здѣсь церквахъ.“ — Я долженъ вамъ сказать ксташи, продолжалъ я, что если эта улица приобрѣла себѣ названіе *Въротерпимости*, но безъ сомнѣнія заслуживаетъ равномѣрно наименованіе улицы *гостеприимства*. Посмотрите какъ нашъ Госпинный Дворъ осажденъ разнородными магазинами, которые, подобно Тишанамъ, копѣвшимъ согнать съ Олимпа благодѣтельствовавшихъ имъ боговъ, угрожаютъ Русскихъ купцевъ уединеніемъ подъ ихъ обширными сводами и купленными въ Госпиномъ же Дворѣ поварами, привлекающъ къ себѣ толпы легковѣрныхъ покупателей. — „Но вы конечно говорите не обо всѣхъ магазинахъ?“ спросила Г-жа Доброва. — Безъ сомнѣнія. — „Итакъ, назовите мнѣ лучшіе, не упоминая вовсе о прочихъ.“ — Очень радъ, сударыня. — „Но погодите, мнѣ надобно зайди въ эшошъ магазинъ,“ сказала улыбаясь Г-жа Доброва. „Не бойтесь и не хмурьтесь. Я читала вашу Модную лавку (*), дала себѣ слово исправиться и на первый случай опказаться отъ всѣхъ вещей, которыя можно сдѣлать дома, опре-

нѣшняя церковь заложена въ 1801 году, освящена въ 1811 году.

(*) См. Полярную Звѣзду 1824 года.

дѣливъ отдаваешь неимуцимъ деньги, слѣдующія за *фасоно*. Мнѣ надобно бальное платье, и моя домашняя швея еще не достигла вѣпой степени совершенства.“ — Согласенъ, и на этомъ условіи гошовъ дожидашься васъ на улицѣ.

Я съѣлъ на скамью и занялся разсматриваніемъ прохожихъ. Я не со всѣмъ вѣрю Лавашеру, чшобы по чертамъ лица, по походкѣ и по почерку письма можно бы узнавать характеръ и душевныя свойства человека, но совершенно увѣренъ, что по симъ примѣтамъ можно постигнушь мысли и чувствованія, занимающія человека въ минушу дѣлаемыхъ надъ нимъ наблюдений. Всякой примѣчаетъ легко въ лицѣ другаго изображеніе грубыхъ спрасшей, какъ то: гнѣва, досады, громкой радости, сильной привязанности и проч. Но надобны большая привычка и нѣкошорое искусство, чшобы въ чертахъ лица, взорахъ, походкѣ и движеніяхъ замѣшить спрасши упонченныя, кошорыя ошъ первыхъ грубыхъ началъ раздѣлились на многія отрасли въ людяхъ образованныхъ, и сокрываюнея подъ общимъ покровомъ приличій, непроницаемымъ для неопытнаго глаза. Посмотрите, напримеръ, какъ эта женщина, проходя мимо другой, бросаетъ быспрый на нее взглядъ, и однимъ взоромъ обнимаешь всю ея наружность

со шляпкою, шалью и бархатнымъ капотомъ. Эпощъ магическій взглядъ имѣешь такую силу, что кажешься, подобно магниту, готовъ привлечь къ себѣ все богатство убранства. Вы думаете, что это зависить? Нѣтъ, это женская суестьность. — Эпощъ взглядъ сопровождается какою-то полугорькою улыбкою, которая однакожь изображаетъ не презрѣніе, но самодовольство. Эпа улыбка означаетъ слова: хоть я не имѣю такого богатаго наряда, но я лучше! — Неужели вы думаете, что эти пошупленные взоры, изрѣдка бросаемые вверхъ, и эпа корошенькая пошупъ, означаютъ скромность? Нѣтъ, это ремесло скромности. Невинность не знаетъ всѣхъ сихъ уловокъ, и сморришь смѣло, не предполагая никакого умысла. Только нескромность другихъ заставляетъ ее краснѣть и пошуплять глаза. — Эпощъ озабоченный человекъ, который съ такимъ напряженіемъ сморришь въ толпу идущихъ къ нему на встрѣчу, чтобы не прозваться поклониться нужнымъ людямъ, вѣрно или имѣешь шажбу, или ищешь себѣ мѣста. Кажется, что оцъ него не много ожидаютъ взаимности, потому что на его низкіе поклоны и полное обнаженіе головы едва отвѣчаютъ легкимъ движеніемъ шеи. Но посмотрите, какъ онъ вдругъ выпрямился, какъ величественно поднялъ голову, сощурилъ

глаза, и какъ, масперски раздувая щеки, освѣ-
жаешь грудь свою Эоловскимъ дыханіемъ. По-
нимаю. Онъ встрѣшилъ человѣка, котораго
имѣешь въ немъ нужду: это метода взаим-
наго обученія. Я всегда узнаю купца, въ ка-
кой бы онъ ни былъ одеждѣ и въ какомъ бы
ни былъ мѣстѣ. Не знаю, по какому чувству
проницанія я всегда примѣчаю въ чертахъ
озабоченнаго разсчетами лица, опухляки преис-
курапта, дебешу и кредитшу, которые, тяже-
ло осядая на душѣ, отражаются въ игрѣ фи-
зіогноміи. Вотъ два купца встрѣтились:
одинъ полнѣе, свѣжѣе и румянѣе, одѣтъ бога-
то и веселѣе; другой одѣтъ небрежно, блѣденѣе,
худощавѣе и задумчивѣе. Посмотрише, съ ка-
кою гордостію румяный купецъ принимаетъ
въживоспи блѣднаго. Вы подумаете, что
сей послѣдній имѣешь нужду въ первомъ? —
Правда! Но какого рода нужду? Этого за-
думчивый едва только ухватился за колесо
Форшуны; его еще беспокоятъ бури и почпо-
вые дни, а другой уже свалился съ колеса —
но съ полнымъ мышкомъ. Онъ при корабле-
крушеніи пользуется ошашками разбиаго
судна, какъ дикіе ушесисскихъ береговъ Афри-
ки, то есть, онъ промышляетъ банкрот-
ствомъ, теряетъ во всѣхъ коммерческихъ
оборопахъ, а жена его идѣши покупаетъ
дома. Кишайскія пѣни! — Худощавый купецъ

просишь румяного, чтобъ онъ избавилъ его отъ подводныхъ камней конкурса. — Тщешныя мольбы! Что попало въ расчетъ, того и весь родъ человѣческой не выпросишь! — Эпошь господинъ, идущій съ богато-убранною дамою, который не охотно кланяется скромно одѣшымъ людямъ, прежнимъ своимъ знакомымъ, и нѣжно привѣщиваетъ новыхъ пріятелей, по недавности связи, едва узнающихъ его, есть бѣднякъ, женившійся на миллионномъ приданомъ. Онъ хочетъ забыть самъ и заставишь другихъ забыть о прежнемъ своемъ состояніи. Я, можешь быть, не угадалъ бы о его намѣреніи, если бь онъ не такъ часто оглядывался на свой великолѣпный экипажъ, и не такъ часто приказывалъ своему кучеру, то дожидаться, то слѣдовать за собою. Посмотрише, какъ гордо выступнаешь эпошь юноша, и съ какимъ довольнымъ видомъ онъ ищетъ взорами своихъ знакомыхъ — это Поэшь, напечатавшій стихи свои въ Журналъ. Ему кажется, что эхо типографскихъ станковъ разнеслось по вселенной, и что вся публика нешерпѣливо жаждаетъ увидѣшь Авшора прекраснаго произведенія. Для того-то онъ съ ушра здѣсь прогуливаетъ. Если бь онъ зналъ. но я даже мысленно не хочу превозитъ его невиннаго наслажденія. Я воображаю себѣ, съ какимъ восторгомъ онъ

будешь внимать похваламъ своихъ друзей, кошорые станушь величать его Гораціемъ и Анакреономъ. Вотъ онъ встрѣнился съ Журналистомъ, и очень вѣжливо его привѣщивуешь, а топъ въ свою очередь кланяешся прославленному Стихотворцу, который не примѣчаетъ его и снимаешь шляпу — передъ пустою карешою съ раззолоченнымъ гербомъ на дверцахъ. Еслибъ мнѣ завязали глаза, то я бы, кажется, по одному шарканью и шѣсношъ узналъ, что здѣсь появился человекъ, проживающій тысячь полтора ста въ годъ, имѣющій прелестныхъ дочерей, дающій блестящіе балы и вкусные обѣды. Молодые люди, гаспрономы, разсыянные въ свѣшъ, и даже ученые, нарочно сворачиваюшь съ дороги, чтобы встрѣшишья съ нимъ, и заплашишь, за приглашительный билетъ, самымъ сердечнымъ привѣщивіемъ. Но вотъ совсѣмъ не кшапи появился человекъ, который, подобно убійственному вѣпру Аравійской пущыни, разгоняешь толпы. Кажешся, что эшошъ человекъ ищешъ своихъ кредиторовъ, чтобы припомнишь имъ о наскупающихъ срокахъ векселей. Опъ него не опворачиваюшься, а прячушь, и если нельзя избѣгнушь, то показываюшь, что слишкомъ заняшы важнымъ разговоромъ — о погодѣ.

Я хотѣлъ продолжать мои наблюденія, но Г-жа Доброва вышла изъ магазина, и я долженъ былъ оплошиться до другаго времени. — „Прошу васъ исполнить обѣщаніе и наименовать мнѣ лучшіе магазины“ сказала она. — И другія заведенія, служащія къ пользѣ и удовольствію, примолвилъ Г. Добровъ. — Извольте же, начинаю съ магазиновъ.

(Окончаніе впродѣ.)

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КЪ НЕЙ.

Любовь въ швоемъ лицѣ передъ меня предшала,
 Ты жизни мнѣ пути цвѣтами устпала,
 И я могу ль тебѣ неблагодарень бѣшь?
 Могуль когда нибудь я пересташь любить?

Ты сердцу жизни огонь, свѣшпильникъ думы, зора,
 Вина молчанія, и почникъ разговора,
 Тобой единою, доколѣ живь, горю,
 Въ тебѣ срѣшаю я и солнце и зарю,
 Ты душу мнѣ дала и мысль воспламенила,
 Ты бытіе мое собою оживила,
 Ты усугубила къ прекрасному мой жарь,
 Ты возродила Музь неоцѣненный дарь,
 Тобою воздуха прохладой наслаждаюсь,
 Тобою запахомъ лилей и розъ питаюсь;
 Сіелеш тускло мнѣ средь лѣша солнца свѣшь,
 Когда опрадъ моихъ, тебя, со мною ишь.

О пы! которую любишь давно я смѣю,
 Которую назвашь боюсь и не умѣю! . . .
 Ты въ обществвахъ, въ лѣсахъ все для меня одна,
 Тебѣ самой въ лице я говорю: она!

Все въ мірѣ зримое шеперь передъ глазами,
 Смерть скосишь въ очередь желѣзными руками;
 Все здѣсь блестящее сіяніемъ, красой,
 Все рано, поздно ли, у смерти подъ косой:
 Завоевателей надушь примѣшы славы,
 Изгладишся Ашшилль, Башыевъ слѣдъ кровавый,

Носящій здѣсь гордецъ кичливое чело
 Почувств-нуешь, увы! Сашурново крыло,
 На раменахъ оно не долго пягошѣеть
 И червь въ могильный доми прокрасься въ мигъ успѣешь,

Такъ смертныхъ жизнь прейдешь, пройдушь мечшавья
 сны,

Какъ дуновение зефира средь весны!
 Пріятный шумъ ручья, луга, долины, горы,
 Пришельцевъ новыхъ въ міръ ушѣшашъ слухъ и взоры;
 Но ты, какъ солнечныхъ сіяніе лучей,
 Вѣкъ будешь жишь въ сердцахъ и памяти людей!

А я, въ лебяжій пухъ по смерти облукся,
 Какъ Флаккъ съ пернапыми на воздухъ явлюся,
 Привыкнувъ на землѣ любовію горѣшь,
 Въ пространствахъ міріады себя я спану пѣшь!
 Заспаваю цѣлый міръ тебѣ одной дивисься,
 И пѣснь изъ вѣка въ вѣкъ немолчно покашишься.
 Отъ Норда грознаго до Юга береговъ,
 Отдастся звукъ шобой внушаемыхъ стиховъ;
 Услышишь о тебѣ попомство разговоры:
 Какъ имя славное для Музъ Елеоноры,
 Твое названіе подобно загремишь!
 Въ безвѣсныя sprawy спрѣлою полетишь!

Исполненная силъ и свыше вдохновенья,
 Любовь тебѣ спасешъ отъ мрака и забвенья:
 На крыльяхъ генія должна ты воспаришь!
 Поэша другъ — должна съ нимъ вѣчность раздѣлишь!

* * *

ПРЕДСКАЗАНІЯ ДАНТА. (*)

Элегія,

Кто, сей таинственный, возсѣлъ на берегъ Арны?
 И лавръ и кипарисъ на лиръ у пѣвца;
 Онъ пѣлъ, но мрачна скорбь въ чертахъ его лица:
 „О Дантъ, какъ Ипполитъ изъ спѣвъ Демнъ изгнанный,
 Жестокой мачихой злословимый своей,
 Такъ, изъ Флоренціи ты скрощься печальный! . . .
 „Гошовъ уже тебѣ и близко жребій сей —
 И насмаетъ уже всѣхъ бѣдствій исполненіе:
 Римъ золопомъ цѣнишь святыню алтарей! —
 „И на изгнанниковъ ложится преступленіе,
 Всѣ клики пропавъ ихъ! — но Мценнѣ возсаетъ
 Въ награду Ишинъ и Злу на пораженіе!
 „Увы! чего тебѣ дороже въ мѣрѣ нѣшь,
 Похитяшь у себя! вошь первое изъ шерній,
 Для сердца своего, изнываго ошь бѣдъ!
 Ты долженъ испытать средь многихъ злоключеній
 Сколь горекъ хлѣбъ чужой, какъ шажело спонамъ
 Выходишь и нисходишь чужихъ домовъ спупени! . . .“
 Умолкъ пѣвецъ, взоръ поднялъ къ небесамъ,
 Въшрѣ въ Апенинахъ выль, взвивался прахъ лепучій —
 И надъ Флоренціей висѣли черны шучи. . . .

Норовъ.

(*) Кромѣ перваго и послѣдняго шерцешовъ, всѣ прочіе,
 суть собственныя слова Данта, переведенныя мной изъ
 XVII пѣсни его Поэмы: Р а й. Соч.

Ш.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

или

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Н Е К Р О Л О Г І Я .

Александръ Ивановичъ Лореръ, род. 1779 г., скончался 17 Февраля 1824 года. — Благородная душа, просвѣщенный умъ, усердная служба и нѣсколько блестящихъ подвиговъ, сушь доснапочныя права на благодарносшь согражданъ, и на мѣспю въ современныхъ событіяхъ, безъ всякаго вниманія на степенъ и почести. Одно утѣшеніе для челоука добродѣшельнаго при кончинѣ его состоишь въ томъ, что онъ оставляешъ по себѣ добрую память: главнѣйшая обязанносшь друзей его есшь сохраненіе памяти опличныхъ его качествъ и дѣяній для примѣра другимъ и для утѣшенія себѣ. Вошь причины, побудившія меня предсавишь краткое начертаніе военнаго поприща покойнаго А. И. Лорера, и изобразишь нѣсколько опличныхъ его подвиговъ на полѣ брани, кошорыхъ я самъ былъ свидѣшелемъ.

А. И. Лореръ въ весьма молодыхъ лѣтахъ былъ записанъ въ военную службу. Въ 1783 году онъ считался Капраломъ Лейбъ-Гвардіи въ Конномъ полку. Въ 1795 году переведень Сержантомъ Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій полкъ, а въ 1796 году выпущень въ Армію Ропмиспромъ, и до 1803 года служиль въ Полшавскомъ Легконномъ, Рязанскомъ Кирасирскомъ, Тверскомъ и Новороссійскомъ Драгунскихъ полкахъ. Въ семь году

онъ поспуилъ въ новоформировавшійся тогда Уланскій Его Императорскаго Высочества, Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича полкъ въ Ропмиспрскомъ чинѣ, и въ 1805 году выспуилъ съ полкомъ за границу. Всей Россійской Арміи извѣстно, какою славою покрывся сей полкъ въ сраженіи подъ Аусперлицемъ, которое въ Исторіи сего полка еспь первое. Полковымъ Командиромъ онаго былъ тогда Генераль-Маіоръ Бар. Егоръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, человекъ испышаннаго мужесства, опличный по службѣ и любимый офицерами и солдатами. Надлежало боролсь съ превышающими силами непріятели или успуилъ важную позицію. Французская Гусарская колонна, состоявшая изъ трехъ полковъ, двинулась впередъ, чшобы сбить съ мѣста нашу кавалерію; и Уланскій Его Высочества полкъ успремился на непріятели для предупрежденія его движеній. Съча одвлалась ужасная и бой почти рукопашный. Уланы опрокинули непріятели и, разбивъ его, бросились въ погоню. 12-пи пушечная Французская батарея прикрывала опспуление своей кавалеріи, и гибельнымъ картечнымъ огнемъ намѣревалась опшановить быспрошу нападенія нашихъ. Уланскій полкъ бросился опромешью на пушки; и батарея не спала. — Въ сіе время непріятельская пѣхота причиняла большой вредъ Уланскому полку сильнымъ изъ мѣсу ружейнымъ огнемъ и принудила его удѣржать свое спремленіе. Между шѣмъ непріятельская кавалерія успроилась, и получивъ подкрѣпленіе, бросилась на разспроенныхъ

многими поперями Улань, и привела ихъ въ замѣшательство. Превышающее число непріятеля обременяло храбрыхъ Улань, и каждому изъ нихъ надлежало защищаться противу нѣсколькихъ всадниковъ. Въ семь-ю замѣшательствъ Генераль Бар. Меллеръ-Закомельскій раненъ, и Офицеры, числомъ до двадцати, составили вокругъ его непроницаемую фалангу и мужественно защищали своего Начальника. Но силы ихъ истощились, и они должны были уступить множеству. Почти всѣ израненные, они взяты въ плѣнъ съ своимъ Генераломъ, и съ военными почестями препровожжены во Французскую главную квартиру, гдѣ Французскіе Офицеры приходили ихъ смотрѣть и утѣшать, какъ примѣрныхъ воиновъ. Въ числѣ сихъ мужественныхъ защитниковъ чести Рускаго оружія, находился также А. И. Лореръ, за что и награжденъ, по размѣнѣ плѣнныхъ, орденомъ Св. Анны 3 класса. Послѣ сей кампаніи, онъ былъ произведенъ въ 1806 году въ Майоры и сдѣланъ Эскадроннымъ Командиромъ.

Не отдохнувъ еще отъ сей многопрудной кампаніи, Россія, должна была снова противоборствовать Наполеону, и послѣшить на помощь союзницѣ своей, Пруссіи, которой Повеліе Французскаго народа грозилъ уничтоженіемъ. Уланскій Его Высочества полкъ выступилъ снова за границу, и находился въ сраженіяхъ 24 и 25 Маія 1807 года при взятіи Гущина, при преслѣдованіи непріятеля до рѣки Пасаржи, и 29 и 30 при городѣ Гейльсбергѣ. Когда Наполеонъ, не могши побѣдить Рускихъ подъ Гейльсбергомъ, вознамѣрился боковымъ маршемъ

принудить ихъ къ перемѣнѣ позиціи, тогда Орденскій Кирасирскій и Уланскій Его Высочества полки съ нѣсколькими орудіями Конной Артиллеріи, подъ начальствомъ Князя Голицына, опряжены были въ пылъ Арміи для наблюденія движеній непріятели. 1 Іюня 1807 года впрядь, приближаясь къ городу Фридланду (гдѣ находились нѣкоторые Рускіе обозы), узналъ, что городъ занятъ Французами, и переправа черезъ рѣку Алле находится въ его рукахъ. Непріятель не имѣлъ при себѣ пѣхоты, но разломавъ мостъ, защищалъ оный сѣщенными Гусарами. Подъ градомъ пуль Уланы починили мостъ: первый примѣръ подалъ къ тому Поручикъ сего полка Спаржинскій, который, спѣшившись, первый бросился на мостъ и началъ укладывать доски, а черезъ полчаса, два наши эскадрона, въ томъ числѣ и Лореревъ, уже рубились съ Французами на улицахъ города Фридланда, и пока остальные эскадроны подоспѣли, очистили городъ отъ непріятели. Лореръ бросился въ погоню, смялъ Саксонскихъ Кирасировъ и Французскихъ Гусаръ, прогналъ ихъ до лѣсу, и остался тамъ на форпостѣ до другаго ушра, до самаго начала генеральнаго сраженія. 2. Іюня правый флангъ Россійской Арміи, состоявшій изъ кавалеріи, во все продолженіе ужасной битвы подъ Фридландомъ, удерживалъ свою позицію и многократно опрокидывалъ густыя колонны Французской кавалеріи, изъ коихъ одна Кирасирская дивизія совершенно испреблена. Лореръ съ своимъ эскадрономъ оказывалъ чудеса храбрости, нѣсколько разъ врѣзывался въ его тѣсныя ряды, и однажды

подоспѣвъ счастливо на помощь, спасъ отъ гибели Командирскій эскадронъ Уланскаго Его Высочества полка, эскадронъ Лейбъ-Гусарь и эскадронъ Лейбъ - Казаковъ, причемъ раненъ саблею въ лице. По окончаніи кампаніи онъ награжденъ Орденомъ Св. Владимира 4 степени съ банпомъ и Прусскимъ *Pour le mérite* (за заслуги).

По возвращеніи въ С. Пешербургъ, 2 баталіонъ(*) Уланскаго Его Высочества полка вошелъ въ составъ Гвардейскаго опрйда, выспутившаго въ началъ весны 1808 года въ Финляндію. Около Санктъ-Михеля сей опрйдъ соединился съ армейскою дивизіею Г. Барклая де Толли, копорая поспѣшала къ городу Куопіо, занятому Шведами, подкрѣпляемыми вооруженіемъ Карельскихъ поселянъ. Первая встрѣча сего опрйда съ непріятелемъ произошла подъ Юрасъ-Киркою. Сраженіе продолжалось цѣлый день, и Шведы изъ своихъ ретраншаментовъ, на подобіе траншей успроенныхъ за рѣкою, и изъ нѣсколькихъ батарей чрезвычайно безпокоили Рускихъ, привужденныхъ сражаться въ открытомъ полѣ. Надлежало окончить дѣло рѣшительнымъ образомъ, и 3 Іюня посланъ пѣхотный опрйдъ обойши непріятеля, а по данному сигналу Маіоръ Лореръ бросился съ своимъ эскадрономъ вплавъ чрезъ рѣку, атаковалъ укрѣщенія, объѣхавъ оныя сзади, вышѣснилъ непріятеля и большую часть взялъ въ плѣнъ или испребилъ. Опрйдъ двинулся впередъ къ Куопіо, и Лореръ, съ своимъ эскадро-

(*) Тогда полки Легкой Кавалеріи состояли изъ двухъ баталіоновъ, имѣвшихъ по пяти эскадроновъ.

номъ и соннею храбрыхъ Донцовъ (подъ начальствомъ Есаула Попова и Солника Несперова), командоваль авангардомъ всего опряда. Находясь впереди и успѣвъ снискать благорасположеніе жителей, Лореръ первый узналъ, что слухи, распущенные о сильномъ непріятелѣ, были ложные, и пошому, безъ участія цѣлаго опряда, однимъ своимъ авангардомъ принудилъ его изъ Варкауза опешупить къ Тайволѣ, и очистишь Рускимъ дорогу къ Куопіо. Генераль Барклай де Толли, увѣрившись въ благоразуміи и дѣятельности Лорера, препоручилъ его начальствовавшему въ послѣдствіи въ Куопіо, Генералу Тучкову, который упошребилъ Лорера на содержаніе сообщеній между своимъ корпусомъ и Россійскими предѣлами, и для усмиренія жителей, которые опмѣнно любили Лорера за его ласковое обхожденіе, правосудіе и безкорыстіе.

Послѣ окончанія сей кампаніи сформировано изъ Уланскаго Его Высочества 10-ши эскадронаго полка два Гвардейскихъ: Уланскій и Драгунскій, и Лореръ съ своимъ эскадрономъ поступилъ въ сей послѣдній съ чиномъ Подполковника (*). Разспроенное его здоровье принудило его выпши въ опшавку, къ сожалѣнію всѣхъ его сослуживцевъ и подчиненныхъ. Всѣ любили его и уважали въ полку, за его добродушіе, веселость характера, опличное мужество и ревность къ службѣ, которую онъ, при всемъ соблюденіи дисциплины, дѣлалъ пріятною для молодыхъ Офицеровъ. Въ

(*) Всѣ Маіоры при сей перемѣнѣ получили Подполковничьи чины.

семеиспвенной жизни и въ частныхъ своихъ сношеніяхъ съ людьми, Лореръ былъ образецъ добраго мужа, вѣрнаго друга и искренняго родственника. Домъ его былъ всегда открытъ для людей образованныхъ и благовоспитанныхъ. Особенно старые его поварищи по службѣ были принимаемы какъ родные. Онъ былъ женатъ на Маріи Ивановнѣ Корсаковой, родной сестрѣ Графини Коновницыной, которая составляла его счастье въ полномъ смыслѣ сего слова, и вмѣстѣ съ друзьями его будешь вѣчно оплакивать его потерю.

Миръ праху швоему, благородный человекъ! Я видѣлъ тебя въ пыду сраженій, подъ градомъ пуль, среди мечей непріяшельскихъ; зналъ тебя въ домашнемъ быту, и всегда любилъ какъ человекъ, уважалъ какъ воина, и буду сожалѣть о тебѣ, какъ о гражданинѣ, любившемъ все доброе и полезное. — Для всѣхъ одна участь — могила! Но счастливъ тотъ, кто во время крапкаго своего земнаго поприща исполнялъ долгъ свой, снискалъ любовь своихъ приближенныхъ и уваженіе соотечественниковъ.

Ө. Б.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

Мнелозина, Собраніе Сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издаваемая Кн. В. Седовскимъ и В. Кухельбекеромъ. Часть I. Москва. Въ типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1824

года. У содержателя А. Похорского (*). 184 страниц, въ осьмушку, съ двумя картинками и ношами.

Сія книжка заключаель въ себѣ слѣдующія прозаическія спашья: I. *Старики или островъ Панхай*, соч. К. Одоевскаго. Авторъ мысленно переносишся на баснословный островъ Панхай, котораго воды, будпо бы имѣли свойство молодѣть спариковъ до соспоянія дѣтства. Онъ видишь толпы спариковъ — младенцевъ разныхъ народовъ, различнаго пола и соспоянія, забавляющихся играми и погремушками, кошорыя въ переносномъ смыслѣ означающъ свѣтскія занятія нашего подлуннаго міра. Идея прекрасная, но не вездѣ развернушая съ надлежащею живостію и веселостію, свойственными сапирическимъ предметамъ. — Оставляя малыя несовершенства, мы почиаемъ спашью сію достойною вниманія просвѣщенныхъ читателей. II. *Извлеченіе изъ записокъ Генералъ - Маіора Д. В. Давыдова*. Финляндская кампанія 1808 года. Лучшая спашья въ сей книжкѣ, по своему содержанию, слогу и спрашегическимъ наблюденіямъ. Жаль, что она слишкомъ коротка; ибо заключаель въ себѣ только быспрый взглядъ на Топографію Финляндіи и первыя распоряженія къ войнѣ. Продолженіе обѣщано, и мы съ неперпѣніемъ онаго ожидаемъ. III. *Отрывокъ изъ путешествія по Германіи*, В. Кюхельбекера. Спашья

(*) Мы выписали заглавный листъ съ дипломатическою точностію и съ тѣми же знаками препинанія, какъ въ подлинникѣ.

сія кажепся намъ слишкомъ обширною для споль малой книжки, какъ *Мнемозина*: эпопгь оппрывокъ занимаепь почти пренью часть оной. Исключая одно письмо изъ Лейпцига и одно изъ Веймара, помѣщенныхъ на 8 спраницахъ, цѣлый оппрывокъ изъ пушешеспвія соспоишь изъ описанія Дрезденской каршинной галле-рей. Всякой согласишь, что самый невнятный предметъ для читателя не - Художника, еспь описаніе произведеній Живописи и Музыки. Мож-но перелишь чувспвованія, одушевляющія Ав-тора въ минуцы наслажденія при разсмаприва-ніи рѣдкаго произведенія Искусствъ, но никакъ невозможно предспавишь картинну словами, ко-гда и самая кисть Художника не всегда въ со-споюннн сообщишь вѣрную копию съ оплично-го подлинника. Пушешеспвенникъ пакже не имѣепь большой нужды въ подобныхъ описа-ніяхъ; ибо при входѣ въ каждую галлерею про-дающаея каталоги, которае, какъ нишь Ариадны, служаепь ему руководспвомъ въ сихъ лабирин-тахъ Искусствъ. Къ шому же, о Дрезденской га-ллереѣ такъ много было писано, что весьма шруд-но сказаепь объ оной что либо новое. Спашья сія, наполненная нѣкоторыми смѣлыми выраже-ніями (еще неполучившими права гражданспва въ Рускомъ языкѣ и чуждыми для непривычнаго слуха), заключаепь въ себѣ нѣсколько прекрас-ныхъ мыслей, которае, такъ сказаепь, выку-пающаепь всѣ ея недоспашки. IV. *Адо*, Эспонская повѣспь, соч. В. Кюхельбекера. Содержаніе оной довольно занимаепельно, и нѣкоторыае харакшеры изображены довольно живо. Но слогъ нѣсколько

надупь, выраженія изысканы и окончаніе повѣсти слишкомъ небрежно въ отношеніи къ составу цѣлаго. Повѣсть сія исполнена благородными чувствованіями любви къ опечесиву, — и перо выпадаетъ изъ рукъ Крипика. Вообще должно замѣнить, что въ сочиненіяхъ Г. Кюхельбекера всегда отражается благородная душа, пылающая любовію ко всему доброму, великому. Это самое заставляетъ насъ не столь строго смотрѣть на нѣкоторыя недоспапки въ слоги и расположеніи цѣлаго, недоспапки, которыя можетъ быть происходятъ отъ излишней самонадѣянности, обыкновенной спутницы пылкой юности. V. *Извѣщеніе изъ письма къ Е. А. Э. . . У.* изъ Пломбища (въ Сибири). Это извѣщеніе заключаетъ въ себѣ краткое извѣщеніе о Поэзии языка Юкагировъ, который сохранился только въ семействѣ одного старика, и отрывки изъ Поэмы о подвигахъ Якупскаго Воеводы Павлупскаго, воевавшего съ Чукчами. Спашейка довольно любопытная по своей новости. VI. *Листки, вырванные изъ Парнасскихъ вѣдомостей.* Это что-то аллегорико-сатирическое о геніяхъ, подъ-геніяхъ, геніальныхъ писаряхъ и разсылщикахъ. Не имѣя ключа къ сей загадкѣ, мы оной не понимаемъ. VII. *Многолѣзры изъ Жанъ-Поля Рихтера.* Спашейка на полуторѣ страницъ, заключающая въ себѣ нѣсколько оплеченныхъ идей сего Нѣмецкаго Писателя. — Стихотворная часть Мнемозины не богата числомъ піесъ, но довольно занимательна. Она заключаетъ въ себѣ: 1. *Отрывки изъ Комедіи Аристофанъ*, соч. Князя А. А. Шаховскаго. Публикѣ уже из-

вѣспина одна сцена изъ эпои Комедіи, читанная въ годичномъ засѣданіи Россійской Академіи, и послѣ того напечатанная въ *Полярной Звѣздѣ* на 1824 годъ. Опытокъ, помѣщенный въ *Мнемозинѣ*, предшавляетъ удивительное сочетаніе познанія древнихъ обычаевъ съ познаніемъ человѣческаго сердца. Это въ полномъ смыслѣ *высокая Комедія* (la haute Comédie). Здѣсь всѣ характеры ошвѣчиваются въ дѣйствіи, а не въ описаніяхъ. Вотъ содержаніе 3-го дѣйствія. Алкиноя, любовница Аристофана, желая избавить его отъ козней Клеона, Аѣинскаго Казнодара, спаравшагося уронить піесу его: *Всадники*, заманиваетъ его въ свой домъ, и, какъ новая Цирцея, усыпляетъ среди забавъ и пиршесствъ. Между шѣмъ клеветры Клеона, не находя его въ Театрѣ, ищутъ повсюду. Алкиноя приглашаетъ ихъ къ себѣ, угощаетъ и увѣряетъ, что Клеонъ погибъ. Тогда обнаруживаются причины, связывавшія сего вельможу съ его клеветрами, которые начинаютъ его бранить, выхваляя собственныя свои заслуги и достоинства. Алкиноя оканчиваетъ разговоръ на счетъ Клеона, весьма къ спашіи, словами:

Вотъ урокъ

Не одному Клеону.

Наконецъ является слуга Аристофана (который самъ не показывается), и объявляетъ о шоржесствѣ своего господина. Тогда Алкиноя открываетъ употребленную ею хипрось, и обнаруживаетъ свой восшоргъ, а приспшженные заговорщики ушѣшаются эпиграммами на счетъ женской ловкости и ухищренія. Живость разговора и пылкость спрасши Алкиноинои одуше-

вляють сію сцену. Въ доказательство приводимъ по мѣсто, гдѣ она открывається передъ врагами Аристофана въ своей къ нему любви, и признается въ своемъ поступкѣ.

Созія (*слуга Аристофана
говорить тихо.*)

Придешь сюда въ вѣнцѣ и скоро.

Алкиноя.

Не шепчи,

И не щади усердной груди,
И злымъ и добрымъ, вслухъ кричи:
Аристофанъ, Аѳинамъ къ чести;
Ленейскій заслужилъ вѣнецъ;
Порочныхъ не спрашася мести,
Пороки въ глубинѣ сердець
Аристофанъ казнилъ позоромъ:
И не постыднымъ заговоромъ

Не прихошью друзей,

Но дара силою одною

Онъ славился, и Алкиною

Безсмертишь славою своей.

Хавесъ (*одинъ изъ клеветъ
товъ Клеона.*)

Какъ! шы?

Алкиноя.

Такъ! я скрывать не стану:

Клеона, васъ, себя и все, что въ мирѣ есть,

Безсмертному Аристофану

Еще готова въ жертву несть.

Ахъ! спала съ сердца пятгось,

Приговорство не шѣснишь мой духъ!

И вслухъ

За ихъ свяшую благось

Могу благодарить боговъ.

Вообще характеры въ сей Комедіи сильно вы-

держаны и совершенно согласуются съ духомъ того времени, въ которое случилось происшествіе, съ историческими описаніями и съ сердцемъ чловѣческимъ, которое измѣняется, но никогда не перемѣняется. Характеръ Алкиной есть идеаль второй Аспазіи. Писатели, несвѣдущіе въ древнихъ нравахъ, исказили сей характеръ, и сдѣлали его презрѣннымъ, но здѣсь онъ является во всемъ своемъ блескѣ. Аристофана у насъ также представляющъ злымъ насмѣшникомъ, полагая, что онъ хотѣлъ лично вредить Сократу въ своей Комедіи *Облака*, тогда какъ онъ, истинный сынъ отечества, осмѣивалъ только мнимую Философію, которая парила надъ облаками, и не знала, что дѣлается на землѣ, въ стѣнахъ отечественнаго города. Здѣсь Аристофанъ представлень также въ своемъ напоящемъ видѣ, поборникомъ добродѣтели и врагомъ пороковъ, пылкимъ, но добродѣтельнымъ, какъ всѣ истинные Поэты. Клеонъ есть образецъ интриганна, а его клеветы суть подлинники пѣхъ ласкашедей, которые окружающъ вельможу въ счастіи и первые оставляютъ въ несчастіи. Ксантппа и прочія вводныя лица суть историческія изображенія протекшихъ временъ и философическія карпіны нынѣшнихъ. II. *Къ Графу Чернышеву въ деревню*, соч. Князя П. А. Вяземскаго. Это сатирическое Посланіе, исполненное остроумія и самыхъ рѣзкихъ Ювеналовскихъ оборотовъ. Автора упрекающъ въ лѣности и онъ отвѣчаетъ:

„Опомнись, Графъ, иль надо мною

Ты насмѣхашься переспанъ. —

За лѣнь я заслужилъ — не скрою —
 Признашельности общей дань.
 Сошлюсь на всѣхъ: весь свѣтъ свидѣтель,
 Что швой безсовѣстенъ упрекъ,
 И что въ нашъ дѣяшельный вѣкъ
 Лѣнь — не порокъ, но — добродѣтель.“ —

Послѣ сего Авшоръ исчисляеть Писателей всѣхъ родовъ, не по именамъ, но по занятіямъ, кошорыхъ незрѣлые плоды опягчаютъ нашъ Парнасъ. Здѣсь, какъ говорится, *досталось всѣмъ сестрамъ по сергалъ*. Досталось и нашей брашьѣ, Журналистамъ, но къ несчастію, не лзя сердиться, пошому что самые удары нанесены такъ ловко, умно и съ шакимъ искусствомъ, что вмѣсто того, чтообы кришиковать на оборонъ, мы просимъ почпеннаго Авшора почаще бросать въ насъ этими драгоцѣнными каменками. Одна шолько мысль въ цѣломъ Посланіи показала намъ нѣсколько приспраспной и не совсѣмъ справедливою. *Sat sapienti. III. Къ Богу*, соч. В. Кюхельбекера, піеса, написанная съ чувствомъ и силою, языкомъ чиснымъ и пишическимъ. *IV. Святотолкъ окаанный*, соч. В. Кюхельбекера. Сіе стихопвореніе, родъ малой Поэмы, напечатано было въ *Полярной Звѣздѣ* на 1824 годъ, и здѣсь помѣщено съ перемѣнами и поправками. Какъ Полярная Звѣзда разбираеться въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ, то мы надѣмся, что и эта піеса будеть также подробно разобрана, а потому и скажемъ шолько, что она имѣеть большое достоинство въ опношеніи къ Поэзіи и чувствованіямъ. *V. Дѣвъ эпиграммы* Кн. П. А. Вяземскаго на счеть

дурныхъ Поэшовъ, весьма забавны и остроумны. VI *Элегія*, соч. Н. Павлова, и VII. Стихотвореніе сего Поэша къ неизвѣстной дамѣ, при посвященіи ей перевода Трагедіи: *Марія Стцартъ*, по нашему мнѣнію заслуживаютъ особенное вниманіе любителей Поэзіи, и обнаруживаютъ дарованіе, которое со временемъ явится въ блистательнѣйшемъ видѣ. Мысли прекрасныя, стихосложеніе легкое, только кажется намъ, что Поэтъ еще несовершенно овладѣлъ языкомъ, и намъ особенно не нравились стихи:

Пускай другой свой вѣкъ кончая надъ стихами.

Но за то есть стихи прекрасные, особенно по чувствамъ. Хотя *Элегія* гораздо лучше, нежели *Посвященіе*, но мы приводимъ нѣсколько стиховъ изъ сего послѣдняго, чтобы показать Поэша съ нравственной его стороны:

„Нѣшь, вѣшь! я не пойду къ надменному вельможѣ.

Я не люблю ласкаться съ сивыхъ богачей,

Наемникъ и Поэтъ, у многихъ значишь тоже;

Но цѣль Поэзіи возвышеннѣй, святѣй,

И такъ сей малый даръ — тебѣ, о другъ прелестный!

Мы и здѣсь замѣчаемъ нѣкоторыя неровности, но удословившись въ талантъ Автора, умалчиваемъ объ оныхъ, и судя по прекрасному цвѣту, ожидаемъ вкусныхъ плодовъ: VIII. Отпрысокъ изъ Поэмы *Искусство любить*, соч. Вас. Головина. Не знаемъ, какова будетъ цѣлая Поэма, но мы бы совѣтовали Автору обратишь болѣе вниманія на обдѣлку стиховъ. Они у него распянуты и шероховаты, на примѣръ:

„Бернардъ! любимецъ Музъ! дерзну ли безъ искусства,

И я тебѣ во слѣдъ пѣшь вѣжно, пылко чувство,

Спрашиваемъ, какъ здѣсь разумѣшь: хочешь ли

Авторъ нѣжно пѣшь чувство пылкое, или просто пѣшь, чувство нѣжное и пылкое? Эпи усѣченія, возраждающія двусмысліе, давно уже низвержены въ Пѣишику семидесятиныхъ годовъ. Сочетаніе гласныхъ буквъ: и, я, шакже неприятно для слуха и походишь на мяуканье. Въ эшомъ стихѣ:

„Тебя, другъ милый мой, я мыслью призываю!

изъ прехъ мѣспоименій можно было бы избѣжашь двухъ, и все смыслъ оспался бы топшь же. Въмѣсто слова *мыслью*, (похожаго на языкъ Юкагировъ), не лучше ли сказашь: я въ мысляхъ призываю, или чшо нибудь подобное. Въ стихѣ:

„Разсѣвающъ мракъ кругомъ облеглихъ тучъ —

слово *разсѣвающъ*, помрачаешь стихъ, и показываешь, чшо оно здѣсь расшянушо на Прокушповомъ ложѣ, единственно для мѣры стихосложенія. — При сей піесѣ находишь объявленіе опъ Издашелей, чшо Сочинишель сихъ стиховъ будешь впредь подписывашься Вас. Головинъ, для различія опъ другаго Поэша той же фамиліи. Мы почли обязанноспію повшорить сіе объявленіе. IX. *Конналь и Гальвина* (отпрывокъ изъ Поэмы Фингаль), соч. В. Вердеревскаго. Авторъ сихъ стиховъ имѣешь рѣшишельный шаланшь. Эшо мы съ удовольствіемъ замѣшили, чшпая, въ Полярной Звѣздѣ на 1824 годъ, прелестные его переводы XIII и X Одь Горациа. — Г. Вердеревскій владѣешь языкомъ, изъясняешь живо, и въ стихахъ его пробиваешь поже ушонченное чувство, которое, шакъ сказашь,

благоухаетъ въ произведеніяхъ Горація. Піеса, помѣщенная въ *Мнемозинѣ*, хотя, по нашему мнѣнію, ниже его переводовъ изъ Горація, но имѣетъ большое достоинство и есть одна изъ лучшихъ въ семь изданіи. *X. Ругей Улькушъ*, соч. С. Н., хотя не имѣетъ особенной характеристики, но стихи написаны довольно плавно.

Познакомивъ нашихъ читателей съ *Мнемозиною*, мы должны замѣнить почтеннымъ Гг. Издашелямъ оной, что въ наше время надобно, при изданіи книгъ сполько же думать о Грамматикѣ, какъ и о наполненіи листовъ. Напримѣръ, на стр. 61 сказано: „Какъ пришемъ избѣжать скуку и единообразіе?“ — вмѣсто скуки и единообразія. Почему Поезія въ одномъ мѣстѣ начинается заглавною буквою, а въ другомъ прописною? Почему вмѣсто *кампанія* (campagne) вездѣ поставлено *компанія* (compagnie)? Почему?... Но мы осмѣляемъ другимъ матеріаломъ для критики сего рода, и заключаемъ наше краткое обозрѣніе изъясненіемъ сожалѣнія, что Литографія въ картинкахъ и самый рисунокъ безобразныя сие изданіе. Ничего не лзя себѣ представить опшрашительнѣе *Святополка* и уродливѣе *Старика*. Здѣсь невольно припомнимъ стихи Горація:

Humano capiti cervicem pictor equinam
Jungere si velit, ect. ect.

Музыка соч. Г. Вершовскаго (изъ Водевиля: *Кто братъ, кто сестра*), прелестна!

Издатели обѣщаютъ при послѣдней части исправить всѣ типографическія ошибки. Мы знаемъ, что на эпошѣ счетъ можно опнести

мноего, и пошому не входя въ подробности, желаемъ имъ опть всего сердца всевозможнаго успѣха по всѣмъ опношеніямъ.

Θ. Б.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ:

— *Десятый и одиннадцатый томы Исторіи Государства Россійскаго, сочиненной Н. М. Карамзинымъ*, вышли изъ печати, и продающся въ С. Петербургѣ на Моховой улицѣ въ домѣ Межуева, у Коммисіонера Аѳанасья Иванова. Цѣна за два тома 20 рублей, съ пересылкою 23 рубля.

— *Бахтисарайской фонтанъ. Сочиненіе Александра Пушкина*. Москва. Въ типогр. Августа Семена, при Императорской Медико - Хирургической Академіи. 1824. Съ предисловіемъ и выпискою изъ Пупешествія по Тавридѣ И. М. Муравьева - Апостола, всего 68 стр. in 8 тin. Продаешся въ С. П. б. въ бывшемъ магазинѣ Плавильщикова и у И. В. Слѣнина, въ Москвѣ у Л. С. Ширяева, по 6 рублей.

Мы уже упоминали въ прежнихъ нумерахъ Литературныхъ Листковъ о содержаніи и красотахъ сей Поэмы; она появилась въ свѣтъ съ предисловіемъ въ видѣ разговора между Издашепелемъ Поэмы и анширомантическимъ классикомъ съ Выборгской спороны или Васильевскаго острова. Хошя имя Сочинителя предисловія не подписано, но мы угадываемъ его по оспрошѣ ума, по игривости и веселости разговора. Мы почитаемъ пріятнымъ для себя долгомъ помѣстить вскорѣ крапкій разборъ цѣлой Поэмы и съ веселымъ предисловіемъ къ оной, а между

пѣмъ оставляемъ другимъ Журналистамъ дѣлать возраженія противу обвиненій копорыми Сочинишель предисловія обременилъ ихъ, упрекая въ излишнемъ неблагорасположеніи къ Романтической Поэзіи.

— Новое изданіе *Сочиненій В. А. Жуковскаго въ 3хъ частяхъ*, обогащенное многими новыми піесами, также оппечатано, вскорѣ появишся въ свѣтъ и будетъ продаваться во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Мы предоспавляемъ себѣ удовольствіе сказать подробнѣе о семъ изданіи въ слѣдующихъ книжкахъ нашихъ Листковъ, а теперь скажемъ только, что оно напечатано со всею типографическою роскошью въ типографіи Департаментна Народнаго Просвѣщенія, копорой факторъ, Г. Гюешъ, есть истинный Художникъ по сему предмету, Художникъ, какихъ весьма немного въ самомъ Парижѣ. В. А. Жуковскій предполагалъ присоединить къ сему изданію картинки, но по вспрѣшившимся затрудненіямъ желаніе его на сей разъ не исполнилось.

— В. А. Олинъ занимается переводомъ Трагедіи, *Баязетъ*, копорая скоро будетъ окончана. Онъ же написалъ новую оригинальную Поэму: *Манфредъ*, копорой опривки мы надѣемся предспавить читателямъ въ нашемъ Журналѣ.

— Многіе любители Поэзіи давно уже желаютъ имѣть собраніе стихотвореній Е. А. Барашинскаго, копорого прекрасныя Элегіи, Посланія, Воспоминанія о Финляндіи и Пиръ, снискали всеобщее одобреніе. К. Ѳ. Рыльевъ, съ позволенія Автора, вознамѣрился издать его сочине-

нія, и это будетъ истинный подарокъ для просвѣщенной публики.

— Прошлаго Февраля 20 числа происходило въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ публичное засѣданіе, въ которомъ объявлено о утвержденіи новаго Устава въ пополненіе изданнаго въ 1765 году. Президентомъ Общества избранъ снова Е. В. П. Г-нъ Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, Предсѣдателями различныхъ Отдѣленій избраны почти единогласно: Вице-Адмиралъ Г. А. Сарычевъ, Е. П. Н. П. Лобри, Е. П. О. П. Опочининъ, Е. П. П. А. Кикинъ и Е. П. В. И. Голынской. На основаніи новаго Устава избраны въ Члены Общества нѣкоторыя дамы, а именно: Гофмейстерина Графиня К. В. Липша, Шнапсъ-Дамы: Княгиня Н. П. Голицына и Княгиня К. И. Голенищева-Купузова-Смоленская, Княгиня К. О. Долгорукова, Графиня С. В. Спрогонова и Графиня М. Г. Разумовская. Подробное извѣстіе о семъ засѣданіи помѣщено въ №. 50 Рускаго Инвалида.

Художественное извѣстіе.

Нѣкто Г-нъ Малапо (С. Malapou) изобрѣлъ въ Парижѣ средство печатать на полотнѣ картины масляными красками. Это искусство называется Литохроміею (Lithochromie), отъ двухъ Греческихъ словъ: lithos, камень, и chroma, цвѣтъ. Самое названіе показываетъ, что исполненіе производится посредствомъ камня, на коемъ пишуть картину или портретъ. Изобрѣтатель сохраняетъ въ тайнѣ всѣ подробности своего искусства, но многіе знашюки въ живописи универ-

ждають, что послѣ описиска картины, непременно надобно поправлять оную кистью. Всякой легко догадаешия, что не взирая на увѣренія Г. Маляпо, не возможно механическою работою представишь въ настоящемъ блескѣ копіи лучшихъ оригиналовъ, однакожь нѣкоторыя видѣныя нами липохромическія картины, особенно ландшафты, оцѣланы весьма числомъ и пріятно. Главная выгода сего искусства — есть дешевость. На примѣръ: изображеніе Богоматери (La Madonna di sisto) славнаго Рафаэля, картина въ 4 футовъ вышины и 3 футовъ ширины, стоить 100 франковъ. Лунное сіяніе, Вернепа, 15 франковъ, и ш. д. Любопытные могутъ видѣть въ книжномъ магазинѣ А. Плюшара нѣсколько картинъ липохромическихъ, недавно полученныхъ изъ Парижа, и чрезъ него выписывающъ оныя по той же самой цѣнѣ.

УВЕСЕЛЕНІЯ СТОЛИЦЫ.

Въ нынѣшнюю зиму ни одинъ изъ Архисповъ, пользующихся Европейскою славою (какъ на примѣръ: Г-жи Капалани, Боргондіо, Гг. Гуммель, Фильдъ, Друэ и проч.) не посѣпили здѣшней столицы. Между всѣми Архиспами, обратившими на себя въ нынѣшнемъ году вниманіе любителей музыки, первое мѣсто занимаетъ Г. Шоберлехнеръ, ученикъ Гуммеля, который своею игрою на фортепіано, по справедливости, заслужилъ похвалы и предпочтеніе отъ всѣхъ знамоковъ сего искусства.

Отъ чего слава Филадельфи и ученика его Пинетши продолжается и возрастаетъ въ раз-

сказахъ легковѣрныхъ людей? Не опъ того ли, что они первые облагородили свое искусство, и своимъ образованіемъ и умомъ опворили себѣ двери въ черстоги знапныхъ? Повѣспованія о фиглярствѣ и ловкостп Пинешпи походящъ на Арабскія сказки: *Тысята и одна нога*. Одинъ вамъ говоришь, что Пинешпи въ Берлинѣ опстановиль всѣ часы въ городѣ; другой, что онъ, призвавъ брадобрѣя, снялъ съ плечъ голову и велѣлъ ему бришь бороду; прешій, что онъ появлялся невидимкою и показывался въ одно время въ нѣсколькихъ мѣстахъ и проч. Опчаспи самъ Пинешпи разглашалъ о себѣ чудеса посредспвомъ наемныхъ рассыльщиковъ, а опчаспи воображеніе, любящее все чудесное и сверхъ-естественное, породило всѣ сіи басни. Но прочтите описание его шутокъ въ современныхъ Журналахъ и афишахъ, и вы увидите, что онъ забавлялъ публику пою же самою ловкостію, какъ и Боско, кошорый теперь находишь въ Пешербургѣ, и увеселяешъ своихъ посѣщителей всѣми Пинешшевскими шуками. Онъ шакже рѣжешъ разноцвѣпныхъ голубей, перемѣняешъ ихъ головы, поливаешъ спиртомъ, и голуби оживаюшь съ чужими головами. Какъ бы хорошо, если бъ можно было дѣлать это съ людьми — (хотя на время, хотя въ шушку!) У Боско, изъ опкрышой руки исчезаюшь шары и снова появляются; онъ раздираешъ плашокъ, опдаешъ зрищелю, и въ его рукѣ, онъ появляешся снова цѣлымъ; разбиваешъ часы, ломаетъ кольца и возвращаетъ невредимыми; жаритъ пшицъ, и по приказанію зрищелей велишь имъ вылепашъ изъ коспрюди и проч. Однимъ

словомъ, кто наслышался о Пинешши, тому со-
вѣтуемъ посмотришь Боско. Онъ не сохраняетъ
въ тайнѣ своего искусства, и даетъ уроки, ко-
торые удостовѣряють въ истинѣ Басни Кры-
лова, что

ларчикъ просто отворялся!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Издатель Л. Л. получилъ письмо изъ Вла-
диміра на Волыни отъ Г-на Александра Ку-
расовскаго (отъ 19 Февраля 1824), въ которомъ
онъ проситъ напечатать въ семъ Журналѣ изъ-
явленіе душевной его благодарности Доктору
Медицины, Надворному Совѣшнику и Кавалеру
Карлу Антоновичу Фольфейну, (жишельствую-
щему въ мѣстечкѣ Любомль). Г-нъ Курасовскій
пишетъ между прочимъ, что, спрадая жесточай-
шими геморoidalными припадками, и испивъ
все цѣлебное въ царствѣ природы безъ всякаго
облегченія своего недуга, онъ въ 5 недѣль со-
вершенно излечился, слѣдуя предписаніямъ сего
врача. При семъ исчислены многіе примѣры че-
ловѣколюбія и безкорыстія, которые приносятъ
столько же чести сердцу почтеннаго Г-на Фоль-
фейна, сколько его опличныя свѣдѣнія и опыт-
ность по части Медицины доставляютъ ему
славы и уваженія.

М о д ы.

Далскія. Иногда самыя бездѣлки, упопре-
бленныя со вкусомъ, чрезвычайно украшаютъ
нарядъ. Къ сему числу принадлежатъ булавки

съ золотыми головками, величиною въ вышневую коспochку, копорыя при просповолосой уборкѣ головы помѣщаются спереди на подобіе гребня, въ томъ мѣстѣ, гдѣ зачинается коса, и по обѣимъ сторонамъ, гдѣ маленькіе гребенки придерживаютъ боковыя локоны. Особенно при шемныхъ волосахъ сіи булавки дѣлаютъ прекрасный видъ.

При черныхъ бархатныхъ пластьяхъ, кромѣ блондъ не употребляется никакого другаго гарнишура. Нарядныя пластья, называемыя полушраурными (demi-deuil), украшаются цвѣтами разнункула или желтыми гвациншами, чернымъ макомъ и черными гвоздиками. При просповолосой уборкѣ головы употребляются бѣлый газъ и черныя цвѣты. Въмѣсто бриліаншовъ и другихъ драгоценныхъ камней, носятъ нынѣ серьги, браслеты и ожерелья изъ чугуна (fer de Berlin), филограмовой работы, оправленныя въ золото. Черныя бархатныя шляпки нынѣ въ большомъ употребленіи.

Мужскія. Щеголи носятъ два жилета бѣлые или цвѣшныя, но только различной матеріи, напримѣръ: одинъ шалевый, а другой бархатный. На Испанскихъ плащахъ воротники по краямъ вышиваются золотомъ. Короткое нижнее пластье снова входитъ въ употребленіе.

Модныя обыкновенія. Въ Парижѣ на балахъ дамы, копорыя не танцуютъ, являются въ черныхъ пластьяхъ, танцующія же, въ бѣлыхъ, гарнированныхъ миршами и чернымъ макомъ, съ черными кушаками, съ гирляндами, подобныхъ же цвѣшовъ,

въ черныхъ башмакахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, гарнированныхъ чернымъ шюлемъ.

Въ Парижскомъ Журналѣ пишущъ, что на балахъ разносятъ панцующимъ грѣшное вино (le vin chaud à la capelle), или, какъ Нѣмцы оное называютъ глѣндъ-вейнъ. Говорятъ также о какой-то Руской игрѣ (un jeu russe: le quinze), которая сполько же въ модѣ, какъ и экарте (l'écarté). Эта Руская игра (замѣчаетъ Французскій Журналистъ) пребуетъ гораздо большей неуспрашимости въ игрокахъ, нежели экарте. Мы здѣсь не слышали о Руской игрѣ сего названія, и позволяемъ себѣ думать, не для того ли она названа Рускою, что пребуетъ *неуспрашимости*.

Въ большомъ свѣтѣ въ Парижѣ, хозяйка, желающая васъ принять самымъ привѣпливымъ образомъ, протягиваетъ къ вамъ руку и называетъ васъ по чину или по званію: Bon jour, Général (здравствуйте, Генераль!) Bon jour, Mr. le Comte, (здравствуйте, Графъ!) Послѣ шого, вы дружески пожимаете руку дамы по Англійски, и наконецъ вѣжливо цѣлуете оную, слѣдуя Французскому обыкновенію.

По окончаніи бала, ошущенное удовольствіе между панцовщицами, измѣряется числомъ изношенныхъ перчатокъ.

А Н Е К Д О Т Ы.

I.

Одна дама вошла въ книжную лавку, и примѣшивъ человека скромно одѣшаго, который расчищывался съ книгопродавцемъ, сказала ему

съ гордымъ видомъ: „Я васъ гдѣ-то видѣла, (je vous ai vu quelque part).“ — „Я иногда памъ бываю, (j'y vais quelques fois),“ отвѣчалъ мужчина, въжливо поклонившись. Опишѣшь сдѣлаешь вопроса.

2.

Помните ли, что сказала И. А. Крыловъ въ Баснѣ: *Мѣшокъ*, объ игрокахъ,

„Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ пополамъ съ грѣхомъ богаты стали и проч.

Нѣкто изъ числа сихъ промышленниковъ показывалъ свою картинную галерею нѣкопчрымъ знашнымъ особамъ, причемъ одинъ знатокъ замѣнилъ, что все это должно стоить очень дорого. „Что жъ дѣлать,“ отвѣчалъ игрокъ; „это *страсть* моя.“ — „Не *твоя* *страсть*,“ примолвилъ корешкѣй его прѣшель — „но *страсти* другихъ!“ —

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктпетербургъ, 15 Марта 1824 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

О ш и в к и.

Въ 4-й книжки Липер. Лисшковъ на стран. 154,
въ 4 й спрокъ: должно чинашь послѣ ш. е.
Рускіе. Въ 6-й спрокъ послѣ слова Воскресенье,
вмѣсно союза и должно чинашь: а ино-
странцы.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ,

ЖУРНАЛЪ

ПРАВОВЪ И СЛОВЕСНОСТИ

МАРТЪ 1824. № VI.

Содержаніе. Проза. 1. Прогулка по тротуару Невскаго проспекта. (Оконч.) Стихотворенія: 2. Романсъ Лоры. 3. Элегія. 4. Волшебный фонарь или разные извѣстія.

П Р О З А.

I.

ПРОГУЛКА ПО ТРОТУАРУ НЕВСКАГО ПРОСПЕКТА.

(Окончаніе.)

Объяснить гораздо легче нежели выполнитьъ, и я право затрудняюсь, какимъ образомъ сдержашь мое слово, и скажашь что нибудь о магазинахъ. Глаза мои разбѣгаются по множеству разноцвѣтныхъ вывѣсокъ, коими испещрены сѣны всѣхъ домовъ, и мои свѣдѣнія въ иностранныхъ языкахъ совершенно мнѣ бесполезны для исполкованія надписей, начертанныхъ рукою промышленности, копорая, для всупленія въ храмъ счастья, не имѣешь надобности въ Грамматику. Здѣсь точно какъ въ лѣсу: невозможно исчислить

въ порядкѣ разнородныхъ деревьевъ. Къ тому же большая часть магазиновъ такъ сходны между собою, что кто былъ въ одномъ, тотъ имѣетъ понятіе обо всѣхъ. Порядочно уложенныя въ стеклянномъ ящикѣ галантерейныя вещи, изъ коихъ самыя дорогія продающіяся по комисіи, Тульскія бритвы, ножики, черепаховые гребни, разносимые также Рускими мужичками по домамъ, духи и помада (съ Французскими безсмысленными надписями и означеніемъ города Парижа) (*), плашочки, перчатки и перчашки изъ Госпинаго двора, а для украшенія магазина нѣсколько бронзовыхъ часовъ и гипсовыхъ вазъ, взятыхъ на прокатъ — вотъ сокровища множества *иностранныхъ* магазиновъ, въ коихъ не Руское, есть самъ только хозяинъ или хозяйка. — „Полно такъ ли?“ сказала Г-жа Доброва. — Скажу вамъ болѣе: повѣрите ли, что всѣ эти прозрачныя плашья, всѣ эти воздушныя одежды, которыя чрезъ цѣльныя стекла плѣняютъ взоры прекраснаго пола,

(*) Большая часть духовъ и помады, продаваемыхъ съ Французскими надписями, дѣлается у Г. Герке въ домѣ Петровской Евангелической церкви. Г. Герке слишкомъ 30 лѣтъ содержитъ фабрику, которая не уступаетъ лучшимъ сего рода заведеніямъ во Франціи.

производящъ свою родословную прямо изъ Госпинаго двора. Ваши шюли, газы, крепы, пепинешы, кружева, леншы и словомъ все *нѣжное*, продается почти исключительно въ Госпиномъ дворѣ, и переходить въ нѣжныя руки модныхъ порговокъ изъ крѣпкихъ мышцъ Рускихъ купцевъ. — „Этого я не знала!“ — Ахъ, если бъ вы все знали! Но я умолчу вовсе о модныхъ лавкахъ, кошорыя принадлежатъ къ ремесламъ, а не къ торговлѣ; ибо главное ихъ занятіе состоитъ въ шитьѣ и пригопвленіи уборовъ изъ Рускихъ поваровъ Рускими швеями, по образцу Французскихъ каршинокъ, подъ надзоромъ Французскихъ мадамовъ. „И шакъ скажете намъ что нибудь о Госпиномъ дворѣ!“ примолвилъ Г-нъ Добровъ. — На это надобно много времени, и я общаю предпринять особенное *путешествіе въ Гостиный дворъ*, въ кошоромъ я однакожъ не люблю часто прохаживаться. „Какъ! вы шакъ приверженецъ Госпинаго двора, всегдашній его защитникъ и поборникъ!“ возразилъ Г. Добровъ. — Это правда, но я не люблю безпреспанныхъ вопросовъ: „чего вамъ угодно - съ? чего вамъ надо - съ?“ вопросовъ, кошорыми васъ осыпающъ со всѣхъ споронъ, лишь шолько вы украдкою взглянете на лавку. Это въѣливое *съ*, превращаясь въ несносное для ушей *шканье*,

изгоняешь изъ подъ прекрасныхъ сводовъ Госпинаго двора всякаго любопытнаго пощипшеля. По чему бы не ожидашь скромно у дверей своей лавки, пока покупатель самъ спроситъ товаровъ? Неужели купцы думаютъ, что перебѣгая дорогу, снмая шляпу, кланаясь и дѣлая неумѣстные вопросы съ пропяжнымъ *шиканьемъ* въ концѣ рѣчи, можно заставитъ челоуѣка войти въ лавку и купишь ненужную для него вещь? — „Вы совершенно правы,“ сказала Г-жа Доброва: „эша несносная докучливосшь и торгованіе опшвращающъ опшь Госпинаго двора покупателямъ. Посовѣшуйте госпинодворскимъ купцамъ, кошорымъ вы желаете сполько добра, чшобъ они сдѣлали извѣстную таксу своимъ шоварамъ, повѣсили оную на спѣнь (шакъ какъ я видѣла эшо въ Рускомъ магазинѣ Г. Чурсинова, въ домѣ Казанскаго Собора, подъ Ключаревымъ), и попросите ихъ, чшобъ они запрешили своимъ сидѣльцамъ ошпанавливать прохожихъ своею пришорною вѣжливосшию. Вы увидите, что эшо принесетъ неисчислимыя выгоды, и Госпиный дворъ, подобно Палероялю, сдѣлается мѣспомъ прогулки, особенно въ ненастное время, шѣмъ болѣе, что нынѣ слышно, будшо издавокъ Госпинаго двора намѣрены сдѣлать магазины съ спеклянными дверями, кошорые

будушь освѣщены по вечерамъ и защищаемы
ошь непогодъ спеклянными же окончинами
между арками.“ — Изъ дружбы къ Рускимъ
купцамъ поспараюсь исполнишь вашу совѣшь,
и предувѣдомишь объ ихъ собсвенныхъ
выгодахъ. — „А между итьмъ назовите мнѣ
иноспранные магазины, гдѣ шоргуюшь оп-
дѣльно какими нибудь предметами. Напри-
мѣрь, гдѣ я могу купить лучшія бумажныя и
шелковыя издѣлія?“ — Въ домѣ Г. Лубье, у Г.
Фельдмана, находится складъ (*dépôt*) шел-
ковыхъ поваровъ Французскихъ фабрикъ, а
кромѣ того и щегольское убранство его ма-
газина заслуживаетъ вниманіе. Тѣ же самыя
шовары вы можете достать и у Г. *Ланганса*,
въ домѣ Таля, гдѣ продаюшся также всякаго
рода сипцы и бумажныя издѣлія, или въ до-
мѣ Казанскаго Собора у Г. *Ключарева*, ко-
шорый сверхъ всѣхъ вышеупомянутыхъ по-
варовъ шоргуетъ также сукнами. Но если
вамъ угодно имѣшь отличныя сукна Россій-
ской фабрики, то я совѣшую вамъ посмо-
прѣшь оныя въ магазинъ, состоящемъ въ до-
мѣ Марса. Здѣсь находяшся издѣлія шакъ ма-
зываемой Охтенской фабрики, принадлежав-
шей Барону Ралю, а нынѣ состояющей
собсвенность Графа Комаровскаго. Сукна
не уступаюшь въ добротѣ Французскимъ:
особенно черное не хуже Седанскаго. — „Ка-

жется, что у *Ключарева* можно найти также споловое бѣлье?" сказала Г-жа *Доброва*. — Вѣроятно, но мнѣ извѣстны два особенные магазина для продажи споловаго бѣлья и всякаго рода полошень: одинъ Г. *Нейенгана*, въ домѣ *Меняева*, а другой въ домѣ *Таля*, соспавляющій впорое отдѣленіе магазина Г. *Лангганса*. — „Гдѣ бы мнѣ найти желѣзные повары?" спросилъ Г. *Добровъ*. — У *Стансфильда* и *Компани*, въ домѣ *Маса*, у Г. *Гезе*, въ домѣ *Бера*, и въ домѣ *Глазунова* у Г. *Тангета*. У сего послѣдняго вы можете получашь лучшіе оппическіе и машемашическіе инструменшы. — „Я купилъ оныя у *Босетти*, въ домѣ *Шарова*," отвѣчалъ Г. *Добровъ*, „будучи привлечень въ магазинъ прекрасными эспампами выспавляемыми въ окнахъ." Вы не ошиблись, ибо и у *Босетти* находящяся очень хорошія вещи; что же касается до каршинъ и эспамповъ, то совѣшую вамъ заглянушь въ бывшій малый Англійскій магазинъ, въ домѣ *Больнаго Экономическаго Общества*. (*) — „Гдѣ вы мнѣ совѣшуете ку-

(*) Вольное Экономическое Общество основано въ 1765 году, по предположенію Графа *Романа Даріоновича Воронцова* и Графа (бывшаго попомъ Свѣплѣйшимъ Княземъ) *Григорія Григоріевича Орлова*, къ коимъ присоединилось 15 знаменишыхъ патріотовъ. Прежде Общество

пить часы?" спросил Г. Добровъ. — Во всякомъ магазинѣ ихъ множество, но если хотите имѣть дѣло съ часовымъ мастеромъ, который вамъ поручится на цѣлый годъ за исправность проданной вещи, по рекомендую вамъ Г. Винтергалтера въ домѣ Капеллической церкви. Если вамъ угодно купить цѣпочку, печашки и даже бриліанты, поспушайте къ Г. Арндту, въ домѣ Кошомина. Его работа весьма уважается даже за границую, а въ пробѣ золота и въ добротѣ камней, вы можете вѣрить его слову. — „Я давно намѣреваюсь украсить мой кабинетъ нѣсколькими бронзовыми вещами," сказала Г-жа Доброва, „и шакъ гдѣ, по вашему мнѣнію, можно достать самыхъ лучшихъ?" — На Невскомъ проспектѣ, при магазина славящихся бронзовыми шоварами, а именно: Г. Корбио, въ домѣ Голландской церкви, Г. Ан-

собиралось въ домѣ основателя онаго, Графа Воронцова, гдѣ нынѣ Пажескій корпусъ, но вскорѣ выпроило свой собственннй домъ на углу Невскаго проспекта изъ добровольныхъ складовъ Гг. Членовъ. Императрица Екатерина II, утвердивъ Уставъ онаго, пожаловала на постройку дома 6000 рублей, и повелѣла на Своемъ иждивеніи печатать труды Общества, которое нынѣ находится въ самомъ цвѣтущемъ сословіи.

жело, въ домъ Шарона, и Г. Лоренцини, въ другомъ домъ Голландской церкви. У нихъ же продается и Французскій фарфоръ, который равномерно можете получить у Г. Курвоазие, въ домъ Полонскаго. А какъ къ бронзамъ и часамъ необходимы богатыя мебели, то посмотрите оныя у Баумана, въ домъ Кошмина, у коего соединяется со вкусомъ прочность работы. Но не лзя ли меня избавить отъ скучнаго наименованія магазиновъ, которые занимаются только для покупателей, а еще болѣе для продавцевъ: я бы охотнѣе приступилъ къ наблюдению надъ толпою гуляющихъ, которыхъ физиогноміи и пріемы развлекаютъ меня, и открываютъ нѣкоторыя нравственныя истины. Съ вашимъ наблюдательнымъ умомъ и женскою проницательностію, прямолинейя, обращаясь къ Г-вѣ Добровой, вы бы мнѣ оказали большую помощь. — „Женскія наблюдения,“ сказала она, „имѣютъ особенное свойство и различны отъ замѣчаній опытной мудрости мужскаго пола, хотя по болѣе части вѣрны. Тончайшія чувства, знаменующія характеръ человека, непримѣнны для глазъ мужчины, и повѣрьте, что мы видимъ вещи, о которыхъ вы, при всей вашей философіи, не имѣете никакого понятія.“ — Въ эшомъ я совершенно увѣренъ, и потому бу-

ду просишь васъ, если не напишетъ, то по крайней мѣрѣ продиктовать мнѣ спашейку. — „Сохрани Боже!“ воскликнула Г-жа Доброва, наши наблюденія составляютъ тайну и могутъ повѣряться однимъ только женщинамъ.“ — Я полагаю, что эта тайна споль же хорошо сохранилась, въ моемъ Журналѣ, какъ между вашими коронками пріятельницами. Припомъ, здѣсь шьа выгода, что въ Журналѣ будутъ читать только шѣ, которые пожелають сами, а женскія тайны открывающяся иногда шѣмъ даже, которые вовсе знаютъ ихъ не хотящъ. — „Оставьте эпиграммы,“ возразила Г-жа Доброва „и продолжайте вашъ разсказъ о магазинахъ.“ Съ шѣмъ чтобы вы мнѣ повѣрили ваши наблюденія. — „Хорошо, сказала улыбаясь Г-жа Доброва, „на досугъ исполню ваше желаніе, а теперь продолжайте. — Я намѣренъ кончить рядъ опличныхъ извѣстныхъ мнѣ магазиновъ, наименованіемъ трехъ лучшихъ заведеній въ семь родѣ, не только на Невскомъ проспектѣ, не только въ Пешербургѣ, но въ цѣлой Россіи. *Первое: Складъ фарфоровыхъ и стеклянныхъ издѣлій казенныхъ фабрикъ,* (*) подѣ аркадами Анич-

(*) Казенный фарфоровый заводъ находится на лѣвомъ берегу Невы въ 8 верстахъ отъ Пешер-

ковскаго дворца. Сверхъ красоты и отличнаго качества всѣхъ вообще издѣлій сихъ фабрикъ, онѣ приносятъ при существенныя выгоды для Россіи: 1. Умножающъ число искусныхъ мастеровъ въ опечесивѣ. 2 Въ скоромъ времени удовлетворяющъ пошребностямъ роскоши, которая, при нынѣшнемъ состояніи образованія, есть вещь неизбѣжная и даже безвредная, если она не составляетъ главнаго предмета издержекъ богатаго чело-

бурга по Шлиссельбургской дорогѣ. Основанъ въ 1756 году при Императрицѣ Елисаветѣ, увеличенъ въ 1786 при Императрицѣ Екатериинѣ II, усовершенствованъ при Императорѣ Павлѣ I въ 1800 году. Глина получается изъ Чебаркула что въ Уральскихъ горахъ, и изъ Глухова на Украинѣ, а полевой шпашъ и кварцъ изъ Олонца. Почти всѣ мастера здѣсь Рускіе. Стеклянные заводы основаны частнымъ человекомъ въ Ямбургѣ, при Петрѣ Великомъ, перенесены въ Пешербургъ въ 1755 году, поступили въ казенное вѣдомство, и успроены въ одной деревнѣ на берегу Ладожскаго канала въ 1755 году. Въ 1777 они отданы въ вѣдѣніе Князю Пошемкину-Таврическому, и съ того времени начинается ихъ поспешенное усовершенствованіе: въ 1779 — 1783, стеклянная и зеркальная фабрики переведены въ Озерки на лѣвый берегъ Невы, по близости Невскаго монастыря, а нынѣ доведены до возможной степени совершенства.

вѣка. 3. Уменьшающъ вывозъ капиталовъ за границу на покупку вещей, которыхъ споль же хорошо дѣлаются дома. — „Это претіе обстоятельство“ возразилъ Г. Добровъ, „будешь дѣйствительно, въ такомъ нолько случаѣ, когда наши богачи, любящіе вообще подражаніе, послѣдуютъ примѣру Англичанъ, которыхъ изъ благородной народной гордости, единственно тогда прибѣгаютъ къ иностраннѣмъ издѣліямъ, когда имѣютъ совершенный недоспашокъ въ собственнѣхъ. Вотъ одно средство, которымъ истинный патриотъ можетъ споспѣшествовать цвѣтущему состоянію народной промышленности.“ — „Оставше эщю предметъ,“ сказала Г-жа Добрава, „объ ономъ споль много было говорено и писано“ „Прибавь, безъ всякой пользы,“ примолвилъ мужъ ея. — „Кстати,“ примолвила Г-жа Добрава, „скажише мнѣ, когда и кѣмъ построень Аничковской Дворецъ, котораго красота я всегда удивляюсь, красота, происходящей не отъ великолѣпія Архитектуры, но отъ соразмѣрности частей, отъ этой гармоніи въ цѣломъ, составляющей истинную прелестъ.“ — Дворецъ сей сооружень (*), по повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны, знаменимымъ Архитек-

(*) Въ 1748 году.

поромъ Графомъ Распрелли и подаренъ Ею Оберъ-Егермейстеру и Каммергеру Высочайшаго Двора, Графу А. Г. Разумовскому. Здѣсь скончался сей вельможа, а послѣ его смерти дворець купленъ въ казну и получилъ названіе Аничковскаго, опъ близлежащаго моста сего имени. (*) Императрица Екатерина II подарила дворець сей Князю Пошемкину-Таврическому. Онъ однакожь никогда не живаль въ ономъ. Послѣ его кончины, (**) дворець впорично пріобрѣшенъ въ казну и отданъ въ вѣдѣніе Императорскаго Кабинета. Аркады Аничковскаго дворца построены въ царствованіе Императора Александра I. (***) Нынѣшній малый театръ составлялъ павильонъ сего дворца, и при Графѣ Разумовскомъ вмѣщаль въ себѣ его богашую карпинную галерею. Въ послѣдствіи сія зала отдавалась въ наймы пріѣзжавшимъ въ столицу виртуозамъ для концершовъ, и здѣсь же давали публичныя балы и маскарады. По привезеніи

(*) При началѣ построенія С. Пещербурга, за Аничковскимъ мостомъ по шу сторону Фонтанки находилась слобода, называвшаяся Аничковскою.

(**) Въ 1791 году.

(***) Въ 1804 году.

изъ Варшавы (*) знаменипой библіотеки За-
дускихъ, въ эпомъ павильонъ хранились въ
ящикахъ сіи умспвенныя сокровища, до по-
спроенія зданія Императорской Публич-
ной Библіотеки. (**) Г. Казачи, бывшій Ан-
шрепренеръ Италіанской труппы, съ позво-
ленія Правительства, устроилъ въ эпомъ
павильонъ театр по плану Архитектора
Бренны (Венна). Передѣлка стоила въ то
время 30.000 рублей. По истеченіи кон-
тракта, театр пріобрѣтенъ ошъ Г. Ка-
зачи въ казну, и нынѣ состоитъ въ ея въ-
домствѣ. Ксташи, я вамъ долженъ при-
бавишь, что на Невскомъ проспектѣ въ
царствованіе Императрицы Анны Иоан-
новны существовалъ деревянный оперный

(*) Въ 1795 году.

(**) Строеніе начашо предъ самую кончину
Императрицы Екатерины II, и довершено при
Императорѣ Павлѣ I. Книги, числомъ около
300.000 экземпляровъ, перенесены въ новое зда-
ніе осенью 1801 года. Директорами сей Библіо-
теки были поспешенно В. С. Поповъ, М. И. Донау-
ровъ, Графъ Шоазель - Гуфье и Графъ Александръ
Сергѣевичъ Спрогановъ. Библіотека приведена
въ систематическій порядокъ при нынѣшнемъ
Директорѣ оной Е. П. А. Н. Оленинѣ, кошоро-
му всѣ любители Наукъ обязаны благодар-
носпію, за доставленіе средствъ пользовавшихся
сими сокровищами.

домъ, гдѣ предсавляли безденежно для всѣхъ порядочно одѣтыхъ людей Испаліянскія оперы и интермедіи. (*) Современныя записки утверждаютъ, что не взирая на бесплатный входъ, театръ тогда только наполнялся зрителями, когда Высочайшій Дворъ посѣщалъ оный. Эпохъ деревянный театръ находился противъ Казанскаго Собора, гдѣ нынѣ дома Гг. Лубье и Имсена. Обращаюсь къ торговлѣ и моему предмету: въ числѣ прехъ главныхъ заведеній о коихъ я упомянулъ выше, второе есть *Англійскій Магазинъ*, принадлежащій Гг. *Плинке* и *Никольсу*. Все, что разсыяно во множествѣ разнообразныхъ магазиновъ и лавокъ, всѣ издѣлія различныхъ фабрикъ и промышленности, находясь здѣсь въ лучшемъ видѣ, лучшей доброты. Отъ драгоценныхъ камней до простой глины, отъ плашины до желѣза, отъ бархату до простой байки, отъ шелковыхъ матерій до ситцу, всѣ постепенности богатства, искусства и промышленности вы найдете здѣсь въ разнообразныхъ видахъ и превращеніяхъ. Но главная, отличительная черта сего заведения предъ многими частными, есть *честность*. Пошлите ребенка, его такъ же примутъ какъ вельможу, и за одинакую цѣну

(*) Построенъ въ 1737, сгорѣлъ въ 1749 году.

опускаешь повары той же самой доброты. Если кому покажется дорого — не покупай! Но я охотно заплачу лишній рубль за уверенность, что я не обманушь, и за драгоценное время, теряемое на торгованіе и на выборъ поваровъ. Сею же, добродѣшелію славились и *третіе* отличное торговое заведеніе, а именно: *Мѣховой магазинъ* Гг. *Чаплиныхъ*, находящійся въ ихъ собственномъ домѣ. Здѣсь находятся драгоценныя плоды дикой промышленности сыновъ зимы, Камчадала, Алеуша, и Канадца, т. е. великолѣпная и вмѣстѣ спасительная одежда, заимствованная человекомъ отъ животнохъ, щедро надѣленныхъ Природою предохранительными средствами отъ дѣйствій климата. Отъ оконечностей сѣверо-восточныхъ береговъ Америки, чрезъ всю пространную Сибирь, Кипай, Европу и Соединенныя Американскіе Штаты, проспираются отсюда обширной торговли Гг. Чаплиныхъ. Покупая у нихъ, не надобно быть знашкокомъ, чтобы избѣгнуть обмана, потому, что онъ считается *контрабандою* въ семъ заведеніи, и никогда не появлялся въ ономъ. — „Я всегда съ удовольствіемъ слушаю рассказы о честности купцевъ,“ сказалъ Г. Добровъ, „и удивляюсь, какъ люди не могутъ постигнуть, что она есть душа всѣхъ оборотовъ

и самое прочное основаніе благосостоянія. Я слышалъ гдѣ-то поговорку: *обманомъ можно свѣтъ пройти, но воротиться не лзя.* — Великая истина! Человѣкъ можетъ быть обмануть только однажды, но поспигнувъ обманъ, онъ бѣгаетъ отъ хитреца, какъ отъ чумы. Цвѣтущее состояніе честныхъ, благо разумныхъ купцевъ, есть лучшая порука въ пользу честности, не говоря о нравственности. *Англійской Магазины, Мѣховой Гг. Челпаныхъ* и нѣкошорые другіе служатъ неоспоримымъ пому доказательствомъ. Теперь осмѣаюсь мнѣ сказать вамъ о книжныхъ магазинахъ, находящихся на Невскомъ проспектѣ. *Г. Плюшаръ*, въ домѣ Косиковскаго, содержишь библиотеку для чтенія Французскихъ и Нѣмецкихъ книгъ, сверхъ того имѣешь свою собственную Типографію и Литографическіе станки. Вы у него можете получать и выписывать изъ за границы книги, эстампы, литографіи и рѣдкія картины ошличныхъ мастеровъ. Особенно работы знаменитаго нашего Орловскаго привлекають шуда множество любителей, и я вмѣнилъ себя въ обязанность каждую недѣлю посѣщать сей магазинъ, чпобъ увидѣть что нибудь новое и прекрасное. Въ магазинъ *Гг. Сентъ-Флорана и Гауера*, въ домѣ Глазунова, находящаяся почти всѣ новости Французской

Липерашурѣ и всѣ богатѣйшія изданія. Отець Г. Сень - Флорана, Французскій дворянинъ, въѣхаль въ Россію во время ужасовъ Французской революціи, а самъ онъ, поспраси къ книгамъ и Липерашурѣ, избраль для себя званіе книгопродавца, въ копоромъ онъ опличается въжливостью образованнаго свѣтскаго чловѣка, благородными приемами спараго дворянина, и честностью негоціанта, помышляющаго болѣе о своей доброй славѣ, нежели о временныхъ выгодахъ. Г. Гауеръ, поварищъ Г. Сень - Флорана, слѣдуя шѣмъ же самымъ правиламъ, пользуется равнымъ уваженіемъ публики. Посредствомъ Гг. Сень - Флорана и Гауера вы можете также выпи- сывать почти всѣ Французскія сочиненія изъ Парижа. — Въ магазинъ *И. В. Сленина*, въ домъ Кусовникова, находящяся Французскія клас- сическія, и *всѣ новыя* Рускія книги и Жур- налы. Г. Сленинъ естъ также книгопро- давецъ поспраси къ Липерашурѣ. Отець его шорговаль винами, но видя въ сынѣ сво- емъ непреодолимое желаніе учишься ино- страннымъ языкамъ и занимашься чшеніемъ, позволяль ему слѣдовашь душевному влеченію. *И. В. Сленинъ*, хопя поздно началъ учишься, но знаешь очень хорошо Француз- скій языкъ, понимаетъ Нѣмецкій, и пламен- но любитъ Россійскую Словесностъ. Сперва

онъ торговалъ въ Госпиномъ дворѣ вмѣстѣ съ брапомъ своимъ, а съ 1817 года основалъ свой собственннй магазинъ, и занялся изданіемъ полезныхъ книгъ. Второе изданіе осми томовъ Исторіи Государства Россійскаго и первое изданіе IX Тома, со всеми издержками прѣбывали капишала около 165.000 рублей. Этошъ общеподезный и славный подвигъ нѣсколько удержалъ полетъ предприимчиваго духа Сленина, и заставилъ его уменьшить кругъ иностранной торговли. Но дѣятельность Сленина въ сіе время нашла себѣ пищу на поприщѣ ошечественной Литературы, и онъ между тѣмъ занимался изданіемъ полезныхъ историческихъ и географическихъ книгъ на Рускомъ языкѣ, кошорья не прѣбывали споль большихъ издержекъ, какъ иностранныя сношенія. Должно замѣнить, что понынѣ, Сленинъ, не издалъ ни одного романа, пѣсенника и подобныхъ имъ сочиненій, кошорья, какъ извѣстно, у насъ гораздо скорѣе и охотнѣе раскупающся, нежели ученые книги. Это ясно доказываетъ его добрыя намѣренія и любовь къ общему благу. Нынѣ Сленинъ возобновилъ прежнія свои сношенія съ Парижемъ, и вообще должно ожидать много пользы отъ сего сочешанія Россійской книжной торговли съ иностранною. Въ магазинъ Сленина захо-

дѣшь отдыхашь послѣ трудовъ многіе Рускіе Липерапоры. Я былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ весьма забавныхъ сценъ между сочи-нителями книгъ и покупателями оныхъ, ко-торые, не зная первыхъ въ лице, и не имѣя понятія объ Авторскомъ самолюбіи, съ чи-стосердечіемъ излагали свои сужденія о про-изведеніяхъ Словесности, гораздо спроче и справедливѣе, нежели во многихъ нашихъ жур-нальныхъ кришикахъ. — „Разскажете намъ что-нибудь объ эпомъ!“ сказала Г-жа Доброва. — Пошерпите, вы вскорѣ увидите нѣсколько подобныхъ сценъ въ моемъ Журналѣ, если другіе не воспользуются моимъ намѣкомъ и не напечаатають прежде меня. — „Но что вы не говорите намъ о другихъ книжныхъ лав-кахъ?“ — спросилъ Г-нъ Добровъ. Эшо не принадлежишь къ Невскому проспекту, и я намѣрень просить васъ, прогулятьсъ со мною въ другой разъ по всемъ книжнымъ лавкамъ: тогда я въ полной мѣрѣ удовлетворю ваше любопытство о семъ предметѣ, и поговорю пространнѣе о книжной торговлѣ. — „При всемъ моемъ желаніи поучаюсь въ вашей бесѣдѣ,“ сказала Г-жа Доброва. — „я едва ли буду сопутствовать вамъ въ другой части города. Пусть мода переносишь публичное гульбище на фоншанку или на Англійскую набережную, — я останусь на Невскомъ про-

спектъ, гдѣ дѣятельность и всегдашнее движеніе меня развлекаютъ.“ Но если гульбище успановится въ другомъ мѣстѣ, то сіе же самое движеніе и эши же экипажи перейдутъ шуда вмѣстѣ съ модою. Богатые экипажи новобрачныхъ, и какъ говорится, на-ново заводящихся домоу, появляются здѣсь не для Невскаго проспекта, а для зрительей. — „Но перейдешь ли шуда это богатство, искушающее человѣческую суешность, чрезъ окна магазиновъ?“ возразилъ Г-нъ Добровъ, — „эши бронзы, шляпки, токи и Турецкія шали (*), кошорыя видомъ своимъ освѣжаютъ роскошныя мечты прекраснаго пола, и часто, возбуждая желаніе имѣть оныя, рѣшаютъ

(* О магазинахъ Турецкихъ шалей, я вовсе не упоминаю, ибо между ними нѣтъ ни перваго, ни послѣдняго; но не могу умолчать о новомъ заведеніи сего рода, и именно: о магазинѣ Англійскихъ шалей, въ домѣ Клоссена, принадлежащемъ Г. Заццерсу, имѣющему свою собственную фабрику въ Шотландіи. Красотою сіи шали едва ли не превосходятъ Турецкія, а дешевосць даетъ имъ преимущество. Здѣсь находяшся шали отъ 175 рублей до 500 рублей. Почему бы въ Россіи не завести подобной фабрики, и шѣмъ удержавъ вывозъ золота въ Магомеланскія области, ибо шали не покупаются на мѣстѣ иначе, какъ на золото.

выборъ супруговъ?“ — „О, какъ ты пронцашелень!“ — сказала усмѣхаясь Г-жа Дюброва своему мужу — „позволь же и мнѣ замѣшшь, что не рѣдко эши богашые Испанскіе плащи, дорогіе бобровые / или собольи ворошники и великолѣпные экипажи, заспавають также мужчинъ женишься *арифметически*.“ — „Правда, правда,“ сказалъ Г. Дюбровъ, „суешность есть принадлежность челоувчешства, а не пола, и я охотно прекращаю нашъ разговоръ, чшобы избѣгнутьъ эпиграммъ.“ — „Кромѣ всѣхъ выгодъ для гульбища на Невскомъ проспектѣ,“ сказала Г-жа Дюброва, — „гдѣ вы мнѣ найдете такое обширное мѣсто, уподобляющееся болѣе проспранной площади, нежели улицѣ, и эшотъ широкій прошураръ, которій представлялъ бы совершенство въ своемъ родѣ, если бѣ природа сжадилась надъ эшими прекрасными деревьями и убрала ихъ листьями.“ — Ваше замѣчаніе объ обширности Невскаго проспекта, сказалъ я, приводишь мнѣ на память забавный анекдотъ, которій послужишь новымъ доказательствомъ, чшо достоинство вещей бываешь всегда относительно къ нашимъ поняшьямъ. Одного изъ старшинъ кочеваго Калмыцкаго поколѣнія, спрашивали, нравишься ли ему Пешербургъ. „Хорошо,“ отвѣчалъ онъ, „все хорошо, да жишь шѣсно.“ — Какъ шѣсно! возразили ему.

Знаете ли вы, что Петербургъ, по широтѣ своихъ улицъ, почищается первымъ городомъ въ мѣрѣ? — „Можетъ быть,“ сказала Калмыкъ, „но мнѣ шѣсно.“ — Располкуйте пожалуйста, въ чемъ вы находите шѣсношу! — „Напримѣръ: я хочу ийти на право — спѣна, хочу поворошить въ лѣво — опять спѣна; намѣрень ийти прямо — опять спѣна; однимъ словомъ: шѣсно! Напрощивъ того, у насъ, когда захочешь прогуляться, садись на коня, и скачи верстѣ тридцать впередъ или въ сторону, безъ всякой помѣхи. Вопъ что называется проспоръ!“ — „Это показываетъ умѣренность желаній образованныхъ Европейцевъ, сказала Г-жа Доброва, — „когда тысячи довольствуются для своей прогулки одною стороною улицы, между шѣмъ какъ для одного дикаго сына природы потребна цѣлая степь.“ Такъ! но замѣшьте, что Европейцу, довольствующемуся одною стороною улицы для прогулки, часно бываетъ шѣсно въ обширномъ помѣстьѣ, и если бъ вамъ случилось когда нибудь чинать пѣжебныя бумаги по межевымъ дѣламъ, то вы бы увѣрились въ прошивномъ.

Между шѣмъ ударило 3 часа, и полны сдѣлались рѣже на прощуарѣ. Г-жа Доброва пригласила меня къ обѣду, и мы, проводивъ ее до кареты, вознамѣрились съ мужемъ ея

нойши пѣшкомъ. „Зайдемъ-ше въ кандиперскую.“ еказаль Г-нъ Добровъ, „чшобъ подкрѣпишь себя чѣмъ нибудь послѣ прогулки. По вашему описанію надобно зайши въ новый Парижскій кофейный домъ.“ Подтверждаю сказанное мною, опвѣчаль я, но я имѣю свои привычки, и посѣщаю только добраго, чешскаго Швейцарца Вольфа, (въ домъ Кошомина подь колоннадою), кошорый слишкомъ ильшь занимается своимъ ремесломъ, и заслужилъ уваженіе посѣнншелей своею честностію и доброшюю своихъ поваровъ. Къ тому же здѣсь можно найши всѣ Рускіе журналы и множесство иноснранныхъ, изъ коихъ нѣкшорые развлекають меня, другіе поучають, а иные смѣшаль и возбуждають благородное чувспнвованіе — соснраданіе къ бѣдности. Мы вошли въ кандиперскую и усѣлись подь окномъ, изъ коего Невской проспектъ видѣнъ во всю длину его отъ Полицейскаго моспа. — „Снранно,“ сказаль Г-нъ Добровъ, „чшо въ Пешербургѣ, гдѣ шакъ много иноснранцевъ, нѣшь обыкновенія обѣдать и завшпракашь въ кофейныхъ домахъ и шпракширахъ, какъ напримѣрь въ Парижѣ, Лондонѣ и прочихъ столицахъ. Тамъ люди лучшаго тону, особенно холоспные, не только не спыдяшся обѣдать въ шпракширахъ и респнраціяхъ, напрошивъ шого, вовсе не за-

водяшь своей кухни и даже угощаютъ въ шракширахъ своихъ родспвенниковъ и дамъ. Но за шо до какого совершенства доведены эши заведенія въ Парижъ и Лондонъ!“ — Эшо обыкновеніе чуждашья общеспвенныхъ сего рода заведеній, опвѣчалъ я, происходишь у насъ опъ шого, что наше общеспво, такъ сказашь, раздѣлено на множеспво опдѣльныхъ круговъ, изъ коихъ ни одинъ человекъ не хочеть выйши за черпу и попасъ въ другой кругъ. Къ шому же у насъ почти всякой заняшь какою нибудь должностью: начальники и подчиненные не могли бы сходишья часшо въ одномъ мѣспѣ, не безпокая другъ друга. Кромъ шого наше госпспрїимспво служишь большою преградю цвѣшущему соспоянїю шракшировъ. Имъя семь знакомыхъ домовъ, благовоспишанный человекъ, не шолько не будеть въ шягоспъ хозяевамъ, посѣщая ихъ однажды въ недѣлю, напрошивъ шого принесеть имъ удовольспвіе. Что же касаешья шракшировъ, шо хопя у насъ въ сравненїи съ другими сполицами очень не много, но еспъ очень хорошіе, на примѣрь. „Поспойше!“ воскликнулъ Г-нь Добровъ, „если кто нибудь услышишь, что мы разговариваемъ о шракширахъ, шо назовешъ насъ людьми *дурнаго тона*.“ — Не опасайшесь эшого, опвѣчалъ я: надбно знашь,

съ какою цѣлью кто посѣщаетъ шракширы. Можно ли почестъ дурнымъ, если человекъ за собствѣнные *благоприобрѣтенныя* деньги, удовлетворяетъ первой жизненной потребности? Къ тому же всѣ наши путешественники, и даже самые романтическіе Писатели, просбранно описываютъ мѣста, прославленные (пакъ они думаютъ) ихъ обѣдами, ужинами и пишемъ кофе. Въ сихъ описаніяхъ вы найдете даже начертаніе оклада лица шракширщицы или служанки, и исчисленіе всѣхъ блюдъ, копорыя удовлетворяли пищической аппетитъ чувствительныхъ путешественниковъ. Я не только не спыжусь говорить о семъ предметѣ, но даже намѣренъ угостить васъ у Г. *Дебиля*, въ шракширѣ Лондонѣ, находящемся въ домѣ Вебера на углу Невскаго проспекта, гдѣ прекрасный Французскій легкій и вкусный шюль примомнитъ вамъ Парижскую вашу жизнь; или въ респорации Г. *Талона*, въ домѣ Косиковскаго, копорый, по примѣру знаменишаго Вери, въ полной мѣрѣ удовлетворитъ всѣ ваши гастрономическія прихоти. „Какой же это другой Лондонъ, въ домѣ Мѣняева на углу Морской?“ спросилъ Г-нъ Добровъ. — Вывѣски легче переноситъ, нежели спроитъ города и пошому прежній хозяинъ Лондона, усшупивъ Г. *Дебилю* мѣсто, удержалъ преж-

нее названіе своего заведенія, къ которому многіе привыкли. Здѣсь за весьма умеренную плату угощаютъ васъ Рускими кушаньями, усовершенствованными вліаніемъ иностранной кухни. Въ семь трактиръ замѣчательно то, что онъ раздѣленъ на двѣ половины коридоромъ: въ одной помѣщаются чиновники и всѣ, такъ называемые *господа*; тамъ прислуга и все устройство Европейское; въ другой собирается Руское купечество въ народныхъ своихъ костюмахъ, и все представляетъ образецъ Руской старины, съ прибавленіемъ великолѣпнѣйшихъ комнатъ и необыкновенной чистоты. Это переноситъ васъ мысленно въ историческій міръ, и напоминаетъ обыкновенія двухъ царствованій, раздѣленныхъ между собою черпою Европейской образованности: царствованія Царя Алексѣя Михайловича и Императора Петра Великаго. — Г. Добровъ припомнилъ мнѣ, что жена его ожидаетъ насъ къ обѣду, и мы отправились. За столомъ хозяйка при гостяхъ начала благодарить меня за мою, какъ она называла, службу, въ должности *Чичероне* (*),

(*) Чичероне въ Италіи означаетъ путешественника, показывающаго всѣ любопытныя мѣста, и объясняющаго различныя предметы по вопросамъ путешественника.

и просила впередъ соупутствовать ей при посѣщеніи различныхъ любопытныхъ заведеній столицы. Нѣкопорыя дамы и даже мужчины повспорили ея прозьбу, и я долженъ былъ обѣщать исполнить ихъ желаніе. „Послушайте меня,“ сказала Г. Добровъ: „напечатайте все, что мы сегодня переболтали на прощуарѣ Невскаго проспекта.“ Помилуйте! воскликнулъ я, испугавшись этой мысли: меня закидаютъ кришиками и эпиграммами. — „Не ужели вы боишесь чернильной брани? примолвила Г-жа Добрава, къ тому же чего вамъ опасаться, когда вы никого не прогаеша? И шакъ печатайте!“ Но какая будешь польза? спросилъ я. — „Какая польза отъ путешествій, въ копорыхъ Авшоры наполняютъ листы издѣніемъ своихъ чувствованій при видѣ горы, рѣки, куспочковъ, ручейковъ, и передаютъ попомощву любопытныя извѣстія, какимъ образомъ пожилая курносая Нѣмка въ чепчикѣ, бранилась съ пьянымъ мужемъ своимъ сапожникомъ. Однакожь все это печатаешся, нѣсколько разъ издаешся — и покупаешся.“ — Но.... сказала я, а Г. Добровъ, не давъ мнѣ кончить, продолжалъ: „Я знаю, что вы хошите сказать: вы не имѣете сильныхъ покровителей, семейственныхъ связей, знаменитыхъ друзей, васъ могутъ уронить, переполковать ваши

слова въ дурную сторону, однимъ словомъ сбишь съ поля. Полно, полно, старой солдашь! — Мужество испытывается не въ однихъ сраженіяхъ и битвахъ. Если вы полагаете, что можете объявить вашимъ чинамъ хотя одну полезную истину, возбудить хотя одно благородное чувство — печатайте! — „Печатайте!“ — повторили всѣ гости, и я, исполняя ихъ требованіе, помѣщаю сію статью въ Липерашурныхъ Листкахъ, и заключаю оную извѣстною Французскою поговоркою: *Nonni soit qui mal у pense* (*).

О. Б.

(*) Т. е. да будешь шому спыдно, кшо бы подумаль о семъ что либо дурное.

II.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

РОМАНСЪ ЛОРЫ.

Изъ Романтической Поэмы въ 2-хъ пѣсняхъ, подъ названіемъ:

Манфредъ (*).

I.

Любовь въ душѣ моей живешь;
Она мнѣ жизнь и восхищенье!
Но что же сердце не цвѣщешь
Въ ея ошрадномъ упоеньѣ?

II.

Любовь, увы! сіяешь въ немъ,
Какъ лучъ привѣсливый денницы,
Во всемъ блиспаніи своемъ
Закравшійся во мракъ гробницы.

III.

О милый другъ души моей!
Когда день ясный намъ проглянеть?
Когда сверкашь въ рукѣ своей
Будашъ ужасный мнѣ престанеть?

IV.

Звѣзда пусшынная моя!
Прелестный другъ и вѣчно милой!
Люблю себя! но вяну я,
Какъ цвѣшь надъ хладною могилой.

(*) Г-нъ Оливъ, извѣстный публикѣ съ весьма выгодной стороны своими пѣсническими произведеніями, занимается нынѣ сочиненіемъ сей оригинальной Поэмы, которая уже почти приведена къ окончанію. Изд.

V.

Гдѣ легкой кель твой прахъ крушить?
 Гдѣ ты пелеръ, пусынный житель?
 Гдѣ встрѣ въ кудряхъ твоихъ свисшишь?
 Спиши ко мнѣ, мой повелитель!

VI.

Забыли очи сладость сна,
 Изныло сердце въ разлученьѣ;
 Предчувствій злыхъ душа полна
 Спаси Манфреда, Провидѣнье!

О л и н ь.

2.

Э л е г і я.

Какъ звонкое журчаніе Салгира (*),
 Какъ шопощь миршовъ на горахъ,
 Какъ шумъ ладьи бѣгущей на водахъ,
 Пріяшень мнѣ, твой голосъ, лира! —

*

Я грустенъ былъ, охладѣвалъ мой умъ,
 Разлука грудь мою помила;
 Любви моей ты пѣсни повшорила,
 И спадъ я полонъ прежнихъ думъ.

*

Я слышу вновь обѣщанья разлученья,
 Прощальной рѣчи помный звукъ,
 И тихій плачь, и сочетанье рукъ,
 И дѣвы жалкія моленья.

*

Упѣшенъ я сей грустною мечшой:
 Съ ней неразлучно упованье.
 И вновь живу, питаю вновь желанье,
 И счастливъ, милая, шобой.

В. Т у м а н с к і й.

(*) Писано въ Крыму. Изд.

III.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

или

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Отвѣтъ Издателю Благонамѣреннаго на его изъявленіе благодарности Издателю Литературныхъ Листковъ. (См. No 5, Благонамѣреннаго на сгр. 368.)

Чѣмъ тебя я огорчила?

(См. Рускія пѣсни.)

Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній на Журналь Г. Ольдекопа (S. Petersburg. Zeitschrift), я вовсе не полагаю, что навлеку на себя неудовольствіе почтеннаго Издателя Благонамѣреннаго. Но посмотримъ, справедливы ли возраженія Г. Измайлова. Публика, самое неприхотливое судилище, да благоволишь выслушать мою апелляціонную жалобу.

Г. Ольдекопъ въ 1-мъ номерѣ С. Петербургскаго Журнала (S. Petersburg. Zeitschrift), униживъ достоинство всѣхъ Русскихъ Журналовъ на счетъ Кришики, воспѣлъ славу одного только Издателя Благонамѣреннаго, называя его оплеченымъ Баснописцемъ, спрогимъ, но основательнымъ Кришикомъ *пѣтическихъ твореній* (dichtiger Werke), который почти одинъ только въ цѣлой Россіи принимаетъ на себя трудъ, подробно разбирать *пѣтическія творенія*, и без-

приспраспно показывать ошибки и превосходства оныхъ. Я замѣнилъ въ 4 номерѣ Литературныхъ Листковъ, что сіе похвальное слово не совсѣмъ справедливо, и Г. Измайловъ самъ призналъ испиннымъ сказанное мною. Онъ выписалъ въ 5-й книжкѣ Благонамѣреннаго похвалы Г. Ольдекопа и на стр. 369 въ 25 строкѣ рѣшилъ всѣ сомнѣнія сказавъ: „По чеспи неправда!“ — Слѣдовашельно, я сказалъ правду.

2. Но я также сказалъ, что ни въ прошломъ ни въ прошедшемъ годахъ *Благонамѣреннаго*, никогда не разбирали *подробно и основательно пѣитическихъ твореній* и не показывали *безпристрастно* красоть и недоспапокъ оныхъ. На это Г. Измайловъ (см. стр. 370), ошвѣчаешъ восклицаніемъ: „Неправда, неправда!“ — Для обнаруженія моей неправды, онъ дѣлаешъ мнѣ вопросъ: „Неужели Г. Булгаринъ не слышалъ ничего о прекрасныхъ разборахъ поэмы: *Херсонида*, *Идиліи Рыбаки*, переводъ изъ Шиллера Жуковскаго и Милонова: къ *Юности* и *Метѣ*?“ — На сей вопросъ ошвѣчаю: такъ называемые разборы читалъ; а о прекрасныхъ — по чеспи не слышалъ! —

3. Но я вижу, что споръ нашъ произошелъ ошъ недоразумѣнія. Г. Измайловъ, въ доказашельство, что въ *Благонамѣренномъ* были помѣщаемы кришическіе разборы, приводитъ заглавіе разобранныхъ въ ономъ Журналѣ стихопворныхъ пѣсь, басень и нѣсколькихъ опривковъ изъ большихъ сочиненій. Я въ этомъ не сомнѣваюсь, и сказалъ шолько, что въ немъ не были разбираемы *безпристрастно и основательно пѣитическія*

творенія, ш. е. dichterische Werke, какъ говоришь Г. Ольдекопъ. Въ оправданіе мое ссылаюсь на новый и полный Словарь, изданный Г. Геймомъ (см. опдѣленіе вѣпорое, изданіе 1797 года, стр. 561.) гдѣ слово Werk исполковано удовлетворительно. Тамъ сказано, что Werk означаетъ птвореніе, сочиненіе, l'ouvrage, l'oeuvre, на примѣръ птворенія Хераскова: Cheraskows Werke, les oeuvres de Kheraskow; онъ написалъ книгу, сочиненіе о торговлѣ, il a écrit un ouvrage sur le commerce, er hat ein Werk über die Handlung geschrieben и пр. Тушь же изъяснено, что слово Werkchen, означаетъ дѣльцо, l'opuscule, un petite ouvrage, или, какъ нынѣ говоришь, спашью, пѣсу. И шакъ, понимая истинное значеніе слова Werk, могъ ли я согласиться съ Г. Ольдекопомъ, что въ Журналѣ *Благонамѣреннѣй* были подробно разбираемы dichterische Werke, *пѣтисескія творенія*? И виновалъ ли я, что Г. Измайлову не благоугодно было, предъ начашіемъ спора, заглянушь въ Словарь Гейма? —

4. Я сказала, что Г. Ольдекопъ, обвиняя другихъ Журналистовъ въ шомъ, что они пишущъ критики на книги, не читая оныхъ, самъ предшавляеть пѣрвый шому примѣръ, осыпавъ Журналъ *Благонамѣреннѣй* такими похвалами, на кошорья самъ Издашель онаго восклицаетъ: „Неправда, неправда!“ (см. выше). Г. Измайловъ говоришь, что онъ вѣпорой примѣръ находить у меня, ш. е. что я не читаю Журнала *Благонамѣреннѣй*. На эшо ошвѣчаю: много чести! Г. Измайлову извѣстна запруднительная обязанность Журналиста, кошорая изъясняется прекрасно

эпиграфомъ: „on fait ce qu'on peut et non ce qu'on veut.

5. При сей вѣрной оказіи, Г. Измайловъ вспомнилъ сказанное мною во 2-мъ номерѣ Лиспер. Лиспковъ на счесть его саширической Газеты. Я желалъ оправдать Г. Измайлова въ упрекѣ личностей, и пошому сказалъ: что литераторныя личности, ш. е. сужденія, хошя забавныя о произведеніяхъ Словесности, весьма позволительны и не должны оскорблять Писателей. Г. Измайловъ, изъ словъ моихъ сдѣлалъ *риторическое опредѣленіе*, и перемѣшавъ оныя по своему произволу, вывелъ слѣдующее заключеніе: „И шакъ литераторная личность, естъ сужденіе хошя забавное о произведеніяхъ Словесности. Забавное опредѣленіе!“ — (См. прим. на стр. 375.) На это отвѣчаю: обыкновенная кришика естъ изложеніе достоинствавъ и недостатковъ Писателя, просто, безъ всякихъ украшеній и вымышленныхъ именъ. Въ образѣ, или шакъ сказашь формъ кришики, Сочинитель оной не долженъ подчиняшьяся правиламъ. Все равно, въ письмѣ ли, въ разговорѣ, или въ драматической сценѣ, онъ излагаетъ погрѣшности Писателя, лишь бы упомянулъ его названіе, сочиненіе и кришикуемая мѣсна. Но какъ же назвашь эпошъ родъ кришики, въ кошорой Журналистшъ представляетъ Писателя подъ вымышленнымъ именемъ, и заставляетъ его говорить словами и фразами, выбранными изъ его сочиненія, и шакимъ образомъ изъ словъ, кошорыя на своемъ мѣстѣ вовсе не были смѣшными, сославляетъ совершенную галимашью, приписывая оную кри-

пикуемому Писателю? — Безъ сомнѣнія, эпой журнальной Спрашегии нельзя иначе назвашь, какъ липерашурною личностью, или забавными сужденіями о произведеніяхъ Словесности, копорыя хопя позволишельны и неоскорбишельны, ибо прогаюшь не лице, а произведенія, однакожь не могушь иначе называшься, какъ забавными; напрымѣрь: Г. Измайловъ представляешь какого-то Г. безграмотнаго, вооруженнаго фонаремъ критики, дѣлающаго слюотръ баловняль, Поэшамъ и Прозаикамъ, и облигающаго ихъ спаланшы выраженіями, почерпнушыми изъ извѣснаго сочиненія. Другой представилъ кришика съ осанкой важной, въ бронѣ серляжной, копорый, желая смышь всѣ липерашурныя свои погрѣшности, *огутился у польныи* и едва не пошонуль. Такія кришики и аншикришики хопя и неоскорбишельны, но безъ сомнѣнія покажушя забавными или забавляющими; а если Г. Измайловъ приискаль какое либо другое названіе, просимъ объявишь оное, мы охотно послѣдуемъ ему въ семь случаѣ, ибо о словахъ спорить не намѣрены.

6. Г. Измайловъ удивляешся, почему я сцену безграмотнаго въ общеспвѣ баловней - Поэшовъ и Прозаиковъ, опнешь на его счешь? На эшо опвѣчаю правиломъ, извѣснымъ въ общешии: шупка тогда называешся приспойною, когда пошупившій принимаетъ ее обратно на свой счешь. Далѣе Г. Измайловъ говоритъ, что онъ, разсмашривая ію книжку *Благонамѣреннаго* (*)

(*) Эшо бы надлежало сдѣлать предъ напечатаніемъ оной.

удосповѣряешся: „что шупъ и съ фонаремъ не найдешь ни фонаря критики, ни Издателя Благонаимѣреннаго, а онъ кажешся не иголотка!“ — Если Г. Измайловъ въ кришическихъ сужденіяхъ, помѣщаемыхъ въ Благонаимѣренномъ, не видишь ни фонаря, ни свѣтильника кришики, въ эпомъ я не виноватъ. Если почтенный Издатель Благонаимѣреннаго не находить себя и не узнаешь въ Благонаимѣренномъ, въ эпомъ я также не виноватъ. Сравниватъ Г. Измайлова съ иголоткою, или другою какою нибудь неодушевленною вещью, я не смѣю; ибо позволяю себѣ дѣлатъ сужденія и сравненія шодько о Журналѣ, и въ шакомъ случаѣ вѣрно не сравню его съ иголоткою!

7. Что же касается вопроса о значеніи слова *безграмотный*, по сперва должно опредѣлишь истинный смыслъ онаго. Мы говоримъ по Руски: мой *грамотный* спароспа досщавляетъ мнѣ вѣрныя извѣстія изъ моей опчины. Однакожь *грамотный* спароспа не знаетъ ни Рипорики, ни Грамматики. Креспянинъ или писецъ, сочинившій сказку о *Бовѣ Королевигѣ* и *Жарѣ птицѣ*, вѣроятно былъ *грамотный*. Напротивъ объ иномъ Социинцелѣ, у котораго всѣ *ъ, ъ и е* на мѣспѣ, часто говоришся: *безграмотный*! — О кришикѣ, который въ произведеніяхъ Баяюцкова, А. Пушкина и Жуковского не находить Поэзіи и прелести (*grace*), говорящъ: *безграмотный критикъ*! Слѣдовательно изъ оихъ примѣровъ видно, что слова *грамотный* и *безграмотный* супъ условныя, относительныя (*rélatifs*), объ истинномъ упошребленіи коихъ спо-

ришь не можно, а мнѣ въ семь случаѣ даже не должно.

8. На вопросъ Г. Измайлова, кого я разумѣю подь вымышленными именами, упопребленными имъ же самимъ въ Журналъ *Благонаглѣренный*? отвѣчаю: это можно узнать посредствомъ пройнаго ариемепического правила, научающаго насъ по двумъ *извѣстнымъ* узнавать прешье *неизвѣстнов*. — На второй вопросъ Г. Измайлова, какихъ именно собственннхъ произведеній не пощадилъ онъ въ вышеупомянутой спашѣ? Отвѣчаю: Журнала *Благонаглѣренный*, въ копоромъ была напечатана сѣ спаша.

9. Чшо же касаешся объявленія, или лучше сказашь, изьясненія Г. Измайлова: „чшо хопя онъ не обличаешъ предъ публикою спаланшовъ и успѣховъ Писашелей, а обличаешъ, и по за недосугами и за лѣнью, изрѣдка Самозванцевъ-Липераторовъ и Крипиковъ, копорые не знаютъ и знашь не хопяшь Руской грамаши.“ — На это отвѣчаю словами Г. Измайлова: „По чеспи правда!“ — Каждый нумеръ *Благонаглѣреннаго* удостовѣряешъ меня въ обличеніи Самозванцевъ Липераторовъ и Крипиковъ, копорые не знаютъ и знашь не хопяшь (вѣрояшно за недосугами и за лѣнью) Руской грамаши. Въ этомъ я не спорю съ Г. Измайловымъ, ибо совершенно увѣренъ въ испинѣ его словъ, доказанныхъ на дѣлѣ.

Еще остаешся сдѣлать нѣсколько замѣчаній, но я прекращаю споръ и не кончу моей спашы, за недосугомъ и за лѣнью.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

— Графъ Орловъ, извѣстный въ ученѣмъ свѣтѣ своими *Записками о Неаполѣ*, издалъ въ Парижѣ на Французскомъ же языкѣ новое сочиненіе, подѣ заглавіемъ: *Путешествіе по нѣкоторымъ мѣстамъ Франціи* и проч. (*) предпринятое въ 1822 году. Въ первомъ томѣ заключающагося 33 письма изъ Орлеана, Тура, Поашье, Ангулема и Бордо. Во второмъ и прешьемъ письмѣ находящагося письма изъ Байоны, Кагора, Брива, Лиможа, Шашору, Бурга, Фоншенебло и проч. Иностранные Журналы съ похвалою ошзываются о семъ сочиненіи, которое принадлежитъ къ Исторіи Россійской Литературы, только именемъ Сочинителя.

— *Бахчисарайскій фонтанъ*, Поэма А. Пушкина, привлекаетъ въ книжныя лавки множество покупателей. Эпошъ *фонтанъ* оживитъ Басню о золотомъ дождѣ Юпитера, съ тою только разницею, что вмѣсто прекрасной Даныи, Рускіе книгопродавцы пользуются драгоценными каплями онаго. Вѣроятно вскорѣ вовсе не будешь въ продажѣ сего прелестнаго сочиненія.

ДРЕВНІЯ ОБЫКНОВЕНІЯ.

Каждый обычай, безъ сомнѣнія, вошелъ въ употребленіе по случаю какого нибудь важнаго происшествія, и часшо самые пустые обряды

(*) Voyage dans une partie de la France, ou lettres descriptives et historiques adressées à M-me la Comtesse Sophie de Strogonoff, par Mr. le Comte Orloff, Sénateur de Russie. 3 vol. in 8.

заключаютъ въ себѣ смыслъ великой истины. Употребленіе крапленыхъ яицъ принадлежишь къ глубочайшей древности, и было извѣстно всѣмъ народамъ Азіи и Европы. Яйцо въ опвлеченномъ смыслѣ означало: начало, зарожденіе, первую степень существованія. Древніе дарили яйцами и спавили оныя на сноль въ день Нового года, кошорый праздновали съ насупленіемъ равноденствія, ш. е.: около того времени, когда Христіане предположили праздновашь Пасху. Обычай даришь красными яйцами сохранился въ ознаменованіе перерожденія рода человѣческаго спасительною вѣрою.

— Обычай невинно обманывать другъ друга 1 Апрѣля, перешель къ намъ опъ невѣрующихъ Евреевъ, кошорые нарочно ввели оный въ употребленіе, чшобы, на привѣствіе Христіанъ въ праздникъ Пасхи: *Христось воскрес!* не опвѣчашь иначе какъ словами двусмысленными, не смѣя явно опровергашь неоспоримой Божественной истины. Обычай взаимнаго лобзанія между Христіанами означаешь брашскій союзъ и взаимную любовь, кошорыя предписываются религіею.

— *Гулянье въ Гостиноль дворѣ.* Въ чешвершокъ, пяшницу и суббошу вербной недѣли, происходишь гулянье въ зеркальной линіи, по случаю продажи вербы и дѣшскихъ игрушекъ, на столахъ, расположенныхъ опъ угла Невскаго проспекта до Чернышева переулка. Множествво экипажей, по большой часши съ дѣшми, медленно проѣзжаютъ по улицѣ, кошорая предспаляетъ родъ цвѣшника опъ множества разнород-

ныхъ вербъ въ видѣ цвѣтшвъ, плодовъ и проч. Пѣшіе прохаживающія подъ аркадами. Вербная недѣля въ церковныхъ книгахъ называется *Недѣля Ваий*. Древніе Христіане Воспока въ шестую недѣлю Великаго носпа на упрени держали въ рукахъ вѣтви финиковаго дерева въ подражаніе Іерусалимскому народу, который вышель вспрѣчь съ Господа нашего Іисуса Христа съ вѣтвями финиковыми или *Ваями*. У насъ, вмѣсто оныхъ, употребляютъ вербу какъ первое цвѣтущее дерево, а попому и недѣля сіе въ проспорѣчїи называется *вербною*.

УВЕСЕЛЕНІЯ СТОЛИЦЫ.

Къ числу отличнѣйшихъ концершовъ, данныхъ въ столицѣ съ выхода въ свѣтъ послѣдней книжки Императорскихъ Листковъ, принадлежатъ: 1. Концертъ Г. Червенки (22 Марша) въ кошоромъ лучшіе драматическія арписны Императорскаго Россійскаго Театра пѣли стихотворенія В. А. Жуковскаго (сочиненныя на случай прибытія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны въ Гашчину), и положенныя на музыку Г. Мауреромъ. 2. Концертъ данный музыкантами и пѣвчими гвардейскихъ, полковъ въ числѣ 550 человекъ, (28 Марша). 3. Концертъ, данный С. Петербургскимъ Женскимъ Патриотическимъ Обществомъ (29 Марша), въ пользу бѣдныхъ. Въ семь концершвъ слѣдующіе иноснранные арписны заслужили всеобщее одобреніе: Г-жа Буше, игравшая на арфѣ, Г. Буше, игравшій на скрипкѣ и Г. Шоберлехнеръ на фортепьяно.

Литографическіе уроки. Л. фонъ Пелтеръ, родомъ изъ Минхена, извѣстный въ столицѣ своимъ искусствомъ въ Литографіи, желаетъ преподавать уроки писать на камнѣ, рисовать и гравировать. Спросишь о немъ въ Почтамтской улицѣ въ домѣ Графини Салтыковой No. 167.

М о д ы.

(Отъ 25 Марта ст. ст.)

Модныя Парижскія обыкновенія Игра шарадъ въ дѣйствіи (*charades en action*) получила новое преобразование. Понинѣ позволялось только произносить одинъ или два слога, а нынѣ вся игра состоитъ изъ разговоровъ. Этотъ родъ Комедіи представляется слѣдующимъ образомъ: для изъясненія слова Клеопатра, (*Cléopâtre — Cle - o - pâtre*); въ первомъ явленіи играютъ извѣстный Романсъ *Рауль синая борода*, и представляютъ именно то мѣсто, въ которомъ Рауль отдаетъ ключъ (*clef*) несчастной Изорѣ. Второе явленіе изображаетъ школу по методѣ взаимнаго обученія и на доскѣ пишется второй слогъ шарады: *О*. Въ третьемъ явленіи выходятъ паспужи и паспушки, поютъ романсы, декламируютъ стихи Флоріана и такимъ образомъ изъясняется третій слогъ шарады (*pâtre*). Наконецъ, для развязки цѣлаго, одна изъ дамъ играющихъ въ шарадъ, представляетъ другой дамѣ корзинку съ цвѣтами, подъ коими сокрытъ аспидъ, и такимъ образомъ объясняется смыслъ шарады.

Прежде, когда кто нибудь былъ приглашенъ на званый обѣдъ, то долженъ былъ сдѣлать два посѣщенія: за день до обѣда, и чрезъ день послѣ онаго. Нынѣ, вмѣсто перваго визита, посылають карточку а послѣ того проводящъ цѣлый вечеръ въ домѣ, въ пріемной день.

Модныя вещи. Вы думаете, что это искусственные цвѣты въ богатыхъ фарфоровыхъ вазахъ? Нѣтъ, это конфеты въ шоколадной землѣ! — Нѣжность работы и яркость цвѣтовъ приводящъ въ удивленіе самихъ даже аршисовъ.

Черешки у десертныхъ ножей и вилокъ, равно какъ ручки у колокольчиковъ, дѣлающа нынѣ изъ стекла съ золотыми вензелями внутри онаго, наподобіе липныхъ изъ стекла медальоновъ и проч.

Рѣзная работа изъ дерева снова входитъ въ моду. Часы, барометры и прочія вещи спавяются на платформахъ краснаго дерева, окруженныхъ разными цвѣтами, плодами и различнаго рода барельежами.

Моды женскія. Новѣйшіе токи называются *Русскими* (toque Russe ornée de marabouts) и украшаются съ правой стороны перьями марабу. Это родъ Русскихъ кокошниковъ, съ такою разницею, что середина оныхъ нѣсколько сжата, наподобіе уланскихъ шапокъ. Другая модная уборка головы называется *Мексиканскою* (coëffure Mexicaine en marabouts). Кругомъ золотого обруча укрѣпляющъ перья перпендикулярно, и составляющъ совершенно шапиральный нарядъ. При ономъ употребляется бархатное лиловое платье, обшитое внизу перьями марабу, безъ

всякаго украшенія въ корсажѣ : рукава корошкіе. Дамы употребляютъ нынѣ предпочтительно лиловый и розовый цвѣтъ для шелковыхъ матерій и бархашу. Дамскіе казимировые плащи вышиваются по прѣмь ворошникамъ и кругомъ чернымъ шелкомъ. Цвѣтъ плащей лиловый и голубой. Ничего не можешь бытъ прелеснѣе, какъ бѣлое шюлевое платье съ розовымъ шитьемъ внизу; широкая розовая лента перевязывается накрестъ на груди, соспавляется также кушакъ и прикрѣпляется на плечахъ двумя бантами. Голова убрана виноградными листьями и перьями марабу.

М у ж с к і я М о д ы .

Нынѣшній упреній нарядъ щеголя весьма похожъ на казацкое платье. Корошенъкой и узкой одноборшней серпучокъ уподобляется чекменю; широкія шаравары съ складками у пояса также мало различаются оцѣ казацкихъ. Жилеты упреніе заспегиваются на груди и на шеѣ, шочно шакъ какъ мундиры. Нынѣ опять входитъ въ моду употребленіе при часахъ множествъ печашокъ и разнаго рода игрушекъ.

Печатать позволяется.

Санктшешербургъ, 28 Марша 1824 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ;
ЖУРНАЛЬ
ПРАВОВЪ и СЛОВЕСНОСТИ.

А П Р Ъ Л Ъ 1824. № VII.

Содержаніе: Проза. 1. О прелестіи. 2. Человѣкъ и Совѣсть. Стихотворенія: 3. Жизнь человѣческая. 4. Мопылѣкъ, соч. П. К. Волшебный фонарь или разные извѣстія.

П Р О З А.

I.

О П Р Е Л Е С Т И. (*)

(Посвящается прекрасному полу.)

Очень трудно, или лучше сказать, почти невозможно сдѣлать опредѣленіе прелести. Люди, одаренные здравымъ вкусомъ, умѣють ее чувствовашь, но имъ недоспаетъ выраженій, когда желаюшъ изобразить эту ушонченность, пльняющую насъ въ шворе-

(*) Подъ именемъ *прелести* я разумѣю то, что Французы называютъ *la Grace, gracieux, euse*, и что доспашочно выражается словомъ *прелестное, ая*. Мнѣ кажется, гораздо лучше употреблать въ приличныхъ случаяхъ соотвѣтствующее Руское выраженіе, нежели, не умѣя по Руски изъяснить чувства, говорить: это *граціозно*, здѣсь много *граціи* и проч. Б.

нiяхъ Природы, въ произведенiяхъ разума и въ памятникахъ Искусствъ. Поспараемся однакожь разобрать это счастливое влiенiе Природы и Искусства, безъ котораго самая совершеннѣйшая красота лишена привлекательности, плѣняющей и покоряющей сердца. Для перваго примѣра прелести, возьмемъ игры дѣтства, внушенныя одною природою. Безпечная невинность дѣшей, гибкость ихъ членовъ, живость ихъ ощущенiй, искренность ихъ рѣчей; цѣна, которую дають они игрушкамъ, ихъ любопытство, ихъ быспрые переходы отъ радости къ плачу; словомъ: ихъ смѣхъ и слезы, — все въ этихъ маленькихъ существахъ насъ забавляетъ, намъ нравится, если ихъ невинность не завяла въ цвѣту своемъ отъ порочнаго воспитанiя, или вредныхъ примѣровъ.

У Древнихъ, Грации, т. е. Прелести, всегда сопровождали богиню Красоты, и, какъ говоритъ Пиндаръ, Хариты присуществовали на всѣхъ празднествахъ Олимпа. Красота безъ прелести возбуждаетъ въ насъ одно холодное удивленiе. Безъ ней она лишена этой незримой привлекательности, этого очарованiя, отъ котораго зависить прелесть въ движенiяхъ, въ положенiяхъ тѣла, въ поступкѣ, въ обращенiи и въ рѣчахъ. Прекраснѣйшее лице производитъ какое-то безжизненное

ощущеніе, когда пихая улыбка не украшаетъ усиль, когда нѣжность и доброта не одушевляють очей.

Въ Гомерѣ величественная и прекрасная Юнона, чшобы возжечь въ вѣтренномъ супругѣ своемъ огонь любви, опказываеися ошь своей важности, и занимаесть у Венеры поясъ прелести или Грацій. Эша аллегорія должна служишь руководствомъ для произведеній генія и работъ художественныхъ. Единство, согласіе и разнообразіе — не всегда спутники прелести. Кшо дерзнетъ сказать, чшо Египетскія пирамиды прелестны, чшо колось Родоскій столь же прелестенъ, какъ Праксипелева Венера! — Знапки удивляюся смѣлости и величію вымысловъ Микель-Анжела и Корреджія, но убѣждаюся, чшо прелестъ водила кистью Тиціана и Альбана. — Шестая книга Виргиліевой Энеиды возвышенна, но 4-я прелестна. Оды Пиндара — образецъ изящнаго; Оды Анакреона образецъ прелестнаго рода. У Римлянъ Гораций и Тибуллъ, у Французовъ Грессепъ и Парни, у Нѣмцовъ Виландъ, Геснеръ и Клейсътъ, у Поляковъ Кохановскій, Красицкій и Карпинскій, у насъ Богдановичъ, Нелединскій, Башюшковъ и Пушкинъ обворожаютъ эчимъ *чтмъ-то не знаю* (je ne sais quoi), кошорое

доказываетъ, что сіи Поэты были сынами Прелести.

Прочія принадлежности красоты родящъ въ душѣ ощущенія живыя и глубокія, но прелесть, будучи главною пружиною искусства нравиться, возбуждаетъ нѣжныя, сладостныя чувствованія, и дѣлаетъ ихъ очарованіе. Произведеніе, украшенное прелестью, спановицца намъ милѣе; чувство, имъ произведенное, измѣняется до безконечности, смотря по наклонностямъ души; она восхищаетъ насъ невинною радостію, или погружаетъ въ тихую задумчивость, приводитъ въ разсѣяніе, или рождаетъ мечты, веселость или помножаетъ; между пѣмъ какъ передъ величественнымъ и прекраснымъ, всѣ душевныя ощущенія поглощаются единственнѣйшимъ чувствомъ удивленія, которое неизмѣнно остается въ одной и той же степени.

Въ Поэзіи и Краснорѣчій прелесть заключается въ естественномъ, однакожь нѣжномъ выраженіи, котораго прозрачное покрывало, кажется, увеличиваетъ сокрытую красоту. Она-то даетъ столь сильную привлекаемость уединеннымъ удовольствіямъ членія, и заставляетъ насъ прощать счастливымъ небрежностямъ сей оплищительной чертой великихъ Писателей. Черезъ нее-то Сказки Дмистріева и Басни Крылова ни-

когда не состарѣюся, и выучиваюся наизусть безъ пруда: мы всегда любимъ слушать и перечисывашъ ихъ. Прелестъ можешъ сливаться и съ высокимъ и съ важнымъ, равно какъ съ легкостью и съ пріятною шумливостію; она была спутницею Платона въ метафизическихъ изысканіяхъ, и Ксенофонша въ области Исторіи.

Естественность и легкость, душа прелести, намъ столько же нравятся, сколько надушость и принужденность скучаютъ. — Занятая поступь, выученный разговоръ — столь же непріятны, какъ опшрашительныя грубыя слова и неловкость въ обращеніи. — Любезность заключается въ свободныхъ и развязныхъ пріемахъ, не чуждыхъ учшivosti, и составляющихъ средину между вольностію и жеманствомъ. Если голосъ Орашора не одаренъ пріятною гибкостью, если въ пониженіяхъ и возвышеніяхъ его голоса (*les intonations*), нѣтъ точности и разнообразія, если онъ не умѣетъ наспроивашъ своего голоса сообразно предмету, — его рѣчь будешъ скучна и усыпитъ слушателей.

По непоняшной прихоти нашего бытія, рѣже всего случаетъ видѣть въ свѣтѣ обхождение свободное и безъ пріязаній, (*prétention*), или разговоръ легкой и шекущій. Отъ чего происходитъ, что человеку никакъ

трудно сохранишь эти врожденные преимущества? Опъ того, что ихъ рано изглаживаютъ принужденіемъ воспитанія, ложными разсчетами самолюбія и безпрестанными препяшествами жизни.

Изъ всѣхъ измѣненій слога самое рѣдкое есть соединеніе благородства и простоты.

Горацій очень забавно говоритъ, что нѣтъ ничего труднѣе кажущейся легкости:

„Ut sibi quisque speret idem

Sudet multum frustra que laboret ausus idem.“

То есть: „Чашапель думаешь, что онъ самъ сдѣлаешь также, а когда попышаешься, то себя измучишь, а ничего не произведешь.“

Знаменитѣйшіе Композиторы признаютъ, что самыя легкія ноты для пѣнія — суть самыя трудныя для сочиненія. — Рѣдко Актеры хорошо выражаютъ искренность, просиодушіе и невинность.

Прелести нѣтъ, гдѣ нѣтъ непринужденности. Древніе удивлялись ей въ стихотвореніяхъ Гомера и въ живописи Никомаха. — Апеллесъ укорялъ Пропогена въ лишней изысканности и опрабошкѣ его рисунковъ, а завистники Демосѣена говорили, что его рѣчи пахнутъ лампою. Но, какъ выше сказано мною, легкость есть плодъ долговременныхъ трудовъ и рѣшительнаго шериѣнія. — Кто бы подумалъ, что Расинъ, кошораго стихи

гармоническою своею легкостью, кажется, безъ всякаго пруда спекли съ пера, что Расинъ, говорю я, писалъ съ большимъ прилежаніемъ, чѣмъ Кребиллонъ, и всѣмъ извѣстно что Горацийъ безпрестанно поправлялъ свои списки.

Женщины, по своей организаціи, имѣющія душу болѣе доступную нѣжнымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ мужчины, обладаютъ также въ высшей степени пропыву насъ чувствомъ прелестнаго и милаго. Въ ихъ-то обществѣ мы получаемъ пріятность въ обращеніи, оспорожность въ рѣчахъ, чистоту вкуса и изящность въ привычкахъ, и эти качества сообщаются Художествамъ и произведеніямъ воображенія. — Опъ сего-то народы первенствующіе въ Липерашуръ и въ Искусствахъ были тѣ, которые наиболѣе уважали женщинъ. Восточные народы останушя въ дикомъ невѣжествѣ, доколь счастливый переворотъ (вѣроятно не слишкомъ еще близкій) не возвратитъ ихъ красавицамъ свободы, уваженія и справедливаго преимущества, содѣлавшихъ Европу средоточіемъ просвѣщеннаго міра и образцемъ всѣхъ общественныхъ приличій.

Человѣкъ и Совѣсть.

Человѣкъ. Останься дома, моя милая, останься! — Ты знаешь, какъ я тебя люблю, но теперь мнѣ право нельзя взять тебя съ собою, пошому, что ты можешь заболѣть опъ скуки: иду за дѣдами.

Совѣсть. Я скучаю только одна. Въ дѣлахъ же я тебя пакже не помѣха.

Человѣкъ (говоришь въ спорону). Безопвязная нѣжность! право это хуже ненависти. (Въ слухъ.) Вошь въ этомъ ящикѣ лежалъ червонцы: пожалуйста пересчитай ихъ, и заверни въ пакеты, по спу въ каждый, а нечешное число возьми себя.

Совѣсть. Ты знаешь, что золото не имѣешь для меня никакой предеспи. Я употребляю деньги тогда только, когда нахожусь съ тобою.

Человѣкъ (говоришь про себя). Опять со мною, всегда со мною! (Въ слухъ). Я куплю тебя прекрасную Турецкую шаль, окушаю тебя какъ куколку, (въ спорону) чшобъ заглушишь швое болшанье. (Въ слухъ). Повезу тебя въ большой свѣтъ, въ позлащенныя комнашы, въ многочисленное собраніе.....

Совѣсть. Лучше въ дремучій лѣсъ. Въ большой свѣтъ надобно проходишь чрезъ пе-

реднія, а для меня атмосфера переднихъ убійственна.

Человѣкъ. Прелесная музыка увеселишь слухъ твой, а шанцы доставяшь разсѣянье. Мы поѣдемъ вмѣстѣ на балъ.

Совѣсть. Это не мое мѣсто: я люблю бесѣдовать, разсуждать, а шумъ заглушаетъ слова мои.

Человѣкъ (ходитъ по комнатѣ, пощипываетъ руки и говоритъ про себя). Несчастливая связь юношескихъ лѣтъ, укрѣпленная силою привычки, соединяетъ меня съ этою несносною болтуньею, которая своею привязанностію ко мнѣ уничтожаетъ лучшіе мои планы. Попробуемъ еще одно средство. (Въ слухъ). Послушай, милая, скажи мнѣ откровенно: любишь ли ты меня?

Совѣсть. Не ужели ты сомнѣваешься?

Человѣкъ. Зачѣмъ же ты не хочешь опустить меня одного, когда отъ этого зависить мое благополучіе?

Совѣсть. Благополучіе! — Нѣтъ, безъ меня ты не можешь наслаждаться благополучіемъ, ни пріобрѣсть его.

Человѣкъ. Ты своимъ присущіемъ часто заспавляешь меня забываешь о моихъ выгодахъ, а если я сдѣлаю вопреки твоей воли, то крикомъ, шумомъ и упреками лищаешь меня сна и аппетита. Однимъ словомъ

я себѣ долженъ сказать, что любовь пвоя ко мнѣ и моя къ себѣ слабость чрезвычайно замедляютъ мое стремленіе на пути къ счастью.

Совѣсть. Я право думала, что наша взаимная любовь и согласіе превыше всѣхъ благъ земныхъ.

Человѣкъ (морщится и попираетъ лобъ)
Да, да, . . . конечно. . . . правда. . . .
но. . . но. . . . Однакожь не худо имѣть
хорошій домъ, прекрасный садъ, вкусный
сшоль, богатый экипажъ, шишый золошомъ
кафшанъ и прочія вещи, называемыя нашими
Поэшами и сеншименпальными Писашедями
прозою жизни.

Совѣсть. И пакъ, по крайней мѣрѣ, ваши
Поэшы и сеншименпальные Писашеди умъ-
ютъ цѣнить истинное благо, и презираютъ
обманчивый блескъ наружности?

Человѣкъ. Не всегда. Большая часть изъ
нихъ походитъ въ эшомъ случаѣ на Молье-
рова мѣщанина во дворянспвѣ, кошорый со-
рокъ лѣтъ не зналъ, что онъ говоритъ *про-*
зою. На досугъ они забавляются сами и уве-
селяютъ другихъ, пуская по вѣшру бумаж-
ныхъ змѣй, а между пѣмъ, подобно намъ про-
фанамъ, подбираютъ въ пыли блестящіе ка-
мешки и пользуются всѣми принадлежноспя-
ми *жизненной прозы*.

Совѣсть. Неужели не возможно согласишь этой прозы съ возвышенною, благородною любовію ко мнѣ?

Человѣкъ. Можно. . . . Но много за-
спрудненій. (Въ спорну). Не знаю какъ оп-
вязаться. (Въ слухъ). Напримѣръ: за чѣмъ
тебѣ съ своимъ нѣжнымъ сложеніемъ ѣхашь
со мною въ судъ? — Тамъ скучныя пѣжеб-
ныя дѣла, распрояшь свои слабыя нервы, а
свое присущствіе, можешь бышь, приведешь
въ замѣшательство дѣловыхъ людей. — Не
правда ли?

Совѣсть. Не всегда правда. У меня естъ
добрые друзья въ судѣ, копорымъ очень при-
яшно будешь встрѣишься со мною; къ по-
му же братъ мой, *Законъ*, давно не видался
со мною. Пожалуйшна возьми меня съ собою
въ судъ.

Человѣкъ (въ спорну). Проговорился
на свою бѣду! (Въ слухъ). Братецъ свой За-
конъ гораздо сговорчивѣе себя, и иногда да-
же дѣлаешь исключенія изъ своихъ спрोगихъ
правиль. Но ты, моя милая, неумолима, и
не хочешь поняшь, что будешь мнѣ въ пя-
госшь. Подумай, изъ суда я долженъ заѣхашь
въ конкурсъ, назначенный надъ имѣніемъ од-
ного несостоятельнаго должника. Тамъ ты
будешь не кспати во всемъ смыслѣ слова.
У бѣднаго должника шакое милое семейство,

пакая добрая жена; онъ самъ великой хлѣбосоль, и мнѣ должно пособить ему. Злые люди говорящъ, будпо бы онъ нарочно покупалъ имѣнiе на имя жены, чтобы избавишь оное ошъ припязанiй кредиторовъ; чтожь шупъ худаго? Эшо шолько предусмотрительность. Говорящъ шакже, что бѣольшую часть векселей онъ далъ нарочно на имя друзей и родственниковъ, чтобы сохранишь въ цѣлости капиталы: похвальная предсפורожность и даже экономiя. Всѣ мои поварищи согласились признашь должника невиннымъ, и представишь его дѣло въ самомъ лучшемъ видѣ; напрѣшивъ шого, съ швомъ пылкимъ нравомъ, пы гошова закричашъ въ собранiи: обманъ, обманъ! Ты въ состоянiи надѣлашь сумашошу, разбудишь правосудiе, и все наше зданiе опрокинушь, какъ каршочныя палашы!

Совѣсть. Я не узнаю себя и опчасши не понимаю: эшо языкъ Алжирскихъ корсаровъ.

Человѣкъ. Ты ошъ шого не понимаешь меня, что чуждаешься большаго свѣта. Я говорю не по Алжирски, а по Европейски.

Совѣсть. Воля швая, но я себя не пуцу одного въ конкурсъ — или, разшанусь съ шобою навѣки.

Человѣкъ (въ досадѣ говоритъ про себя) Несносная связь! — О юность, юность! шebb

я обязанъ эпою неопвязною подругою; но шеперь поздно разспавашься. (Въ слухъ). Пожалуй я не поѣду шуда; но я званъ обѣдаться къ одному стихошворцу; шамъ надобно буденъ хвалишь его произведенія, а швое опкровенность можешъ навлечь мнѣ неудовольшвіе.

Совѣсть. Въ подобныхъ обстоятельшвахъ я сговорчивѣе. При чтеніи стиховъ я буду дремать, и шы можешъ пошѣишишь добраго челошвка.

Человѣкъ. Но шамъ будешь журналишшы: что они скажутъ о шобѣ! —

Совѣсть. Они сами не всегда слѣдуютъ совѣшамъ моихъ сесперь и подругъ, въ своихъ сужденіяхъ о произведеніяхъ Словесности. За споломъ они не обращають на меня вниманія.

Человѣкъ. И шакъ изъ швоихъ словъ видно, что швое присущешвіе вовсе не нужно на шцишическомъ обѣдѣ. Опшуда я съ хозяиномъ поѣду на вечеръ къ одному общему нашему знакомцу. Это челошвкъ случайный; мнѣ должно будешь превозношшь всѣ его пошупки и рѣчи, восхищашься избалованными его дѣшми, приходить въ восшоргъ, слушая пѣніе его старшей дочери, похожее на мяушканье, смѣшшься и даже уширашь слезы при безшолковыхъ разсказахъ его супруги.

Однимъ словомъ , шебъ непріятно будетъ вмѣспѣ со мною.

Совѣсть. Я вижу, что ты непременно хочешь опъ меня опдѣлаться. Бышь такъ!— Ты забылъ объшты швоей юности , кляшвы, данныя умирающему швоему родителю никогда не оставляшь меня, любишь, слушаешься совѣшповь. . . .

Человѣкъ (прерывая слова ея). Полно, полно! — Опяшь упреки, опяшь яравоученій. Нынѣ эшо не новосшь, и даже въ Журналахъ, подъ видомъ забавныхъ саширическихъ спашеекъ, заключаешся глубокая нравешвенносшь. По крайней мѣрѣ въ свѣшѣ не принуждаюшь насильно чишашь или слушашь.

Совѣсть. Я не принуждаю, но прошу слѣдовашь добрымъ совѣшамъ, единешвенно для швоего собешвеннаго блага. Впрочемъ дѣдай что хочешь.

Человѣкъ (смягчившись). Обѣщаю любишь шебя, и безъ шебя не ѣздишь ни въ судѣ, ни въ прочія мѣста, гдѣ надобно будетъ рѣшашь судьбу людей. Но позволь мнѣ одному безъ шебя сѣздишь въ большой свѣшѣ.

Совѣсть (печально). Пожалуй поѣзжай.

Человѣкъ. Не сердись же, моя милая, помиримся; будь снисходительнѣе. Нынѣ люди вообще не шакъ спроги. Другіе времена, другіе нравы. Поди прогуляшься, день прелесшній.

Совѣсть. Куда же мнѣ ийти?

Человѣкъ. Спупай въ лавки: посмопрѣшь, пошорговашь кое - чего.

Совѣсть. Я не люблю шорговашься; къ пому же у меня шамь весьма мало знакомыхъ: мнѣ будешь скучно.

Человѣкъ. Поди на гульбище.

Совѣсть. Я не люблю шаскашья безъ цѣли въ толпѣ людей, ибо безъ умысла могу надѣлашья неприятносшей. Напримѣрь: будешь ли сноснымъ видѣ мой женѣ, кошорая ищешь глазами не мужа, но домашняго друга? — Чшо скажешь мужъ, когда примѣшишь меня въ шо самое время, когда онъ будешь привѣшшвовашь значишельнымъ взоромъ прелешпную свою знакомку, незнакомую его женѣ? Не испугаю ли я молодаго наслѣдника, прогуливающагося съ игрокомъ и росшовщиномъ? Не побѣгущь ли ошъ меня спихошворецъ, воспѣвающій похвалу пропиву моего согласія, и прозаикъ, пишущій розовою краскою по чернымъ лисшамъ, для шого шолько, чшобы его писаніе засыпши золошымъ пескомъ? — Какими глазами вспрѣшишь меня журналистъ, кошорый въ своей программѣ общашешь сообщашья публикѣ новосши, а подчивашешь опривками или обрывками лисшовъ изъ шарыхъ книгъ и журналовъ, или адчный компилашоръ, пишашущійся печашными кроха-

ми изъ чужой собственности! — Неразгону ли я этой толпы господъ оцѣнщиковъ дарованій, которые ради посланія или воспоминанія о нихъ въ примѣчаніяхъ къ книгѣ, готовы разорвать на части всякаго, кто только не хочешь безусловно поклоняться ихъ идолу? Однимъ словомъ, не пойду на гульбище, ибо не жадаю безъ пользы надобдашь людямъ во всякое время.

Человѣкъ. Спупай въ шеащрѣ ; сегодня предсавляюшѣ новую пьесу.

Совѣсть. Я помѣшаю многимъ хлопашъ по условію.

Человѣкъ. И шакъ займись чпеніемъ газешъ.

Совѣсть. Тамъ всегдашняя размолвка со мною.

Человѣкъ. Читай полезныя книги.

Совѣсть. Я знаю, что мнѣ знашъ должно.

Человѣкъ. Чшошъ ты думаешъ дѣлашъ?

Совѣсть. Пока ты будешъ рыскашъ безъ меня въ свѣтъ, я лягу спать. — Прощай!

Ө. Б.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

3.

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Во блескъ юныхъ, пылкихъ дней —
 Къ природѣ просширая длани,
 Я мнилъ ее къ груди моей
 Прижашь въ пылу моихъ желаній;
 Мечшаль — подъяшь ея покровъ,
 Мечшаль — воспрянушь въ сонмъ боговъ,
 И. . . . слабымъ смертнымъ пробудилсѣ!

Къ инымъ предметамъ устремилсѣ:
 Приемля роскошь за любовь,
 Природу — замѣня искусствомъ,
 Влекомый непонятнымъ чувствомъ
 Волшебной, свѣтской суеши, —
 Восхвѣль души моей царицу,
 У края бездны рвалъ цвѣтны,
 И въспрѣ бряцалъ въ мою цѣвницу
 Вѣнками благовонныхъ розъ, . . .
 Но вскорѣ — шоки горькихъ слезъ —
 Взоръ, свѣтлый радостью, зашмиль,
 И вихрь спрасшей, какъ въспрѣ морской
 Въ степяхъ скользящій по ковыли,
 Унесъ души моей покой.
 Подобно листвѣю сухому
 Въ земной пуспынѣ я лепадь,
 И щепно къ случаю нѣмому,
 Запрось о счастьѣ посылашь!

Съ главою на перси преклоненной,
 Съ изсохшей въ горестяхъ душой,
 Къ себѣ — вопрось я нерѣшенной
 О жизни обратилъ своей.

Чшо жизнь? — Обширная могила;
 Долина — взрышая войной,
 Гдѣ — намъ судьба опредѣлила
 Начашь и кончишь вѣкъ слезой.
 А радости? . . . Въ спранѣ родной —
 Вдали — за синими горами,
 Тамъ — далеко, за облаками,
 Гдѣ свѣшь, блаженство и покой.

П. К.

4.

Мотылёкъ,

Переводъ изъ новыхъ размышлений Ла-Мартина.

Съ весною красною рождаешься,
 Съ душистой розой умираешь,
 Зефира на крилахъ по высотамъ порхашь,
 На шпелелькахъ цвѣточныхъ колыхашься,
 Прияшшвомъ запаховъ и блеска упивашься,
 И съ юныхъ криль своихъ спрясая прахъ,
 Теряешь въ горнихъ облакахъ
 Какъ легкое дыханье —
 Таковъ, о Мотылёкъ!
 Очаровательный швой рокъ. —
 Онъ на себя похожъ, крылатое желанье:
 Ничшо — его не можешь удержашь,
 Ничѣмъ — не властенъ онъ плѣнитъсья,
 И наслажденія искашь —
 Какъ ты — на небеса стремишсья.

П. К.

III.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

или

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

КРИТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ,

соч. А. Пушкина (*).

Пушкина, по справедливости, можно назвать первымъ Рускимъ Поэтомъ нашего времени, особенно въ отношеніи къ слогу и легкости версификаціи. Сверхъ сего онъ оригиналенъ: доискоинство чрезвычайно важное! Впрочемъ я не намѣренъ здѣсь исчислять опличительныхъ свойствъ Музы нашего Минспреля, ибо хочу говорить не вообще о характерѣ и физиогноміи его стихопвореній, но единственно о новомъ его сочиненіи: *Фонтанъ Бахчисарайскомъ*.

(*) Въ числѣ труднѣйшихъ и пришемъ необходимѣйшихъ обязанностей Журналиста, главная есть безприспращіе. Желая по возможности избѣгнути упрековъ по сему предмету, Издашель Журнала покажется пристрастнымъ даже въ такомъ случаѣ, если будешь помѣщать въ своемъ изданіи только собственныя свои мнѣнія, или сужденія, согласныя только съ его образомъ мыслей. Эта монополія весьма вредна для успѣховъ Словесности, и потому Издашель Журнала обязанъ помѣщать въ ономъ сужденія не только противныя его мнѣніямъ, но даже кришику своихъ

И такъ взглянемъ, во первыхъ, на красоты сего стихотворенія; во вторыхъ на планъ; въ третьихъ на нѣкоторыя недоспашки или слабости. Но, разбирая сей прелестный феноменъ въ нашей Лишпературѣ, я не спану говорить ни о слогѣ, ни о версификаціи онаго; ибо слогъ Пушкина вездѣ живъ, блистателенъ и правиленъ, а версификація вездѣ музыкальна.

Въ *Бахчисарайскомъ фонтанѣ* есть прелестныя картины, достойныя кисти лучшихъ художниковъ; но воображенію нѣкоторыя изъ оныхъ необходимо нужно пополнять или довершать. Къ картинамъ полнымъ принадлежащъ, во первыхъ, картина *Гаремскихъ пльницъ*, сидящихъ вокругъ фонтана и ожидающихъ Гирея

собственныхъ произведеній, если въ оныхъ не видно ни личности, ни какихъ либо другихъ неприличныхъ спрасей, а одно только желаніе быть полезнымъ. Руководствуясь сими правилами, я помѣщаю въ моемъ Журналѣ критическій взглядъ Г. Олина на новое произведеніе А. Пушкина: *Бахчисарайскій фонтанъ*. Хотя Г. Олинъ не возмашъ прошиву Романтической Поэзіи, но, кажется, слишкомъ строго пребуешъ ошъ Сочинителя Бахчисарайскаго фонтана плана и полного очерпанія характеровъ, и такъ я полагаю не излишнимъ при семъ случаѣ изложитъ мой образъ мыслей на счешъ Романтической Поэзіи, о кошорой нынѣ многіе спорящъ, желая оную опровергнушь.

Во первыхъ, скажу смѣло, что я не признаю никакого рода Поэзіи, ни классической, ни романтической, и слѣдую буквальному смыслу извѣснаго стиха:

Tous les genre sont bons, hors le genre ennuyeux.

(Всѣ роды хороши, исключая скучнаго.)

Не говоря о предварительномъ образованіи, необходимомъ для Поэта и для не-Поэта, для дарованія должна быть одна

(см. спр. 7. сп. 16 и слѣд.); во вторыхъ картина *спящей Миріи*, Княжны Польской, въ то самое время, когда приходишь къ ней ночью *Зарема* (спр. 20 и 21. сп. 14 и слѣд.). Къ картинамъ втораго рода, то есть неполнымъ, принадлежатъ во первыхъ, самое начало Повѣсти; во вторыхъ картина *фонтана Блѣзъ*, довольно темная (см. спр. 30. сп. 6 и слѣд.); въ третьихъ картина *остатковъ роскоши Бахтисарайскаго дворца* (спр. 31. сп. 16 и слѣд.). Не вѣняя въ погрѣшность неполноу и, такъ сказать, неопредѣлительность картинъ пишическихъ, согласимся впрочемъ, что симъ картинамъ гораздо лучше бытъ всегда, сколько нужно, полными; ибо картины не суть *описанія*, которыхъ очень часто можно только-что эскизировавъ.

школа, одинъ образецъ — природа. Кто вѣрно списываетъ ея образы, изображаетъ предметы живыми красками, изясняется сладкозвучно, и возбуждаетъ въ душѣ чистаго желаемое ощущение — поэтъ истинный Поэтъ, и его произведение равно прекрасно, къ какому бы роду ни принадлежало. Въ дикихъ и разнообразныхъ красотахъ природы, среди бурь и вьюги, между горъ и утесовъ, въ непроходимыхъ дебряхъ, нѣтъ связнаго плана, но есть гармонія, эпо взаимное согласіе и соотвѣтственность разнородныхъ предметовъ. По одному случаю въ жизни, по одному подвигу можно ли сдѣлать полное очерчаніе характера? — Безъ сомнѣнія нѣтъ. Сердце человека неизмѣримо, и внезапныя движенія его непредвидимы какъ порывъ бури въ Океанъ. Предполагаемыя послѣдствія ошъ душевныхъ ощущенийъ часто бывають обманчивы, и такъ называемый Романтическій Поэтъ, такъ сказать, уловляетъ, подслушиваетъ Природу въ ея дѣйствіи, но не вовлекаетъ ея въ сѣти Искусства. Онъ не заботится объ очерчаніи полного

Изъ описаній особенно достойны примѣчания, по своей прелести и ошдѣлкѣ, описаніе *Гаремской жизни* (см. стр. 3 и 4); описаніе Гаремскаго *Эвнуха* (стр. 5, 6, 7 и 17) и описаніе Грузинки *Заремы* (стр. 10. сп. 5 и слѣд.). Чрезвычайно примѣшно, что Стихотворецъ, насюдя, шакъ сказашъ, въ описаніи Эвнуха, хошѣлъ не-премѣнно *выставить* передъ глаза своихъ читателей сего Гаремскаго спража, и прекрасно успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

Разсказъ Заремы (см. стр. 22. сп. 8 и сл.), когда она говоришь Маріи, что предметы минувшихъ дней глубоко врѣзаны въ ея памяти, но что она не помнишь, почему и какимъ образомъ оставила родину, необыкновенно преле-

характера, но изображаетъ опдичишельныя черты, изъ копорыхъ читателю предославляеися составить цѣлое, въ своемъ понятіи и воображеніи. Иногда, сообразуясь съ вѣкомъ, въ копоромъ описывающа происшествія, шакъ называемый Романшическій Поэшь вводитъ въ свое произведеніе дѣянія сверхъестественныя, пошому что въ то время шакъ думали, шакъ вѣрили, а онъ пишеть съ природы. И шакъ въ Поэзіи, называемой нынѣ Романшическою, (копорую я назову природною), должно искать, по моему мнѣнію, не плана, но общей гармоніи или согласія въ цѣломъ: не полнаго очерпанія характеровъ, но душевныхъ движеній, знаменующихъ характеръ. Если въ сочиненіи происшествія не связаны между собою, — это недостатокъ природнаго дѣйствія, и Поэшь накидываетъ покровъ на промежутки. По нашему мнѣнію, въ Поэмѣ А. Пушкина находятся всѣ принадлежности шакъ называемаго Романшическаго рода, т. е. общее согласіе въ цѣломъ, и живое изображение душевныхъ движеній, все вмѣстѣ прогающее сердце и впечатлѣвающееся въ памяти. Если позволено дѣлать сравне-

спень по своему быспрому переходу опъ не-
знанія къ нѣкопорымъ мѣспнымъ и, шакъ ска-
зашь, романшическимъ обспояшельспвамъ, чрез-
вычайно удачно избраннымъ :

Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далекo. . . . но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моей
 Донинѣ врѣзаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ,
 Пошоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы,
 Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной,
 Не знаю; пощню щолько море
 И чедовѣка въ вышинѣ
 Надъ парусами.

вія, по я удобоблю Романшическую Поэзію новой шакшикѣ
 Французскихъ Генераловъ. Старые полководцы, привыкшіе
 воевать по правиламъ, щочно шакъ какъ игравшъ въ шахма-
 ты, вопили прощиву спрашегической аресы, и всегда по-
 щпи были разбиваемы. Они думали, что если армія обош-
 дена, поставлена между двухъ крѣпостей и проч. и проч.,
 шо сіе значить, что она побѣждена, что ей сдѣланъ шахъ
 и машъ, и что должно ушущишь съ поля. Французы го-
 ворили: надобно ишши впередъ, драшься и пользуеться
 всѣми удобствами; дѣлали какъ говорили — и побѣждали.
 Явился Суворовъ въ Итали, и вмѣсто щого, чтообы за-
 спавишь борощься старые предразсудки съ новыми дѣй-
 спшительными средствами, воспользовался оними — и по-
 бѣдилъ. Не шо ли бываешъ и въ Словесности? — Кшо поко-
 ряешъ сердца чшшателей, кто нравишья невольню всѣмъ —
 шощъ истинный Поэщъ, къ какому бы роду ни принадле-
 жали его произведенія. — Такимъ образомъ я думаю объ
 А. Пушкинѣ.

Замѣшимъ, что въ этомъ прекрасномъ разсказѣ *Бейронизмъ* мастерски выдержанъ.

Выше сего я уже сказалъ, что не спану говоримъ о слогѣ и версификаціи сего стихотворенія, потому что слогъ Пушкина вездѣ живъ, блистателенъ и правиленъ, а версификація вездѣ музыкальна; и въ отношеніи къ сему достоинству, къ картинамъ и описаніямъ, Повесть сія прелестна.

Присупимъ теперь къ плану. Начнемъ съ того, что *порядокъ* есть душа всякаго сочиненія. Нѣкошорые, бытъ можешь, скажутъ, что никогда не должно подчинять поэзію, особенно романтическую, законамъ спрогимъ, что *безпорядокъ* въ поэзіи часто можешь служишь украшеніемъ. Согласенъ; но, спрашиваю, какой *безпорядокъ*? — Безъ сомнѣнія *безпорядокъ прелестный*, который, какъ сказалъ Буало, часто бываетъ слѣдствіемъ *искуства*. И пакъ главный недоспашокъ сего стихотворенія Г. Пушкина заключаешся, по мнѣнію моему, въ *планъ*. — Взглянемъ на оный.

— Гирей, Ханъ Крымскій, сидишь съ мрачнымъ и попуцленнымъ взоромъ во дворцѣ своемъ; янпашъ дымишся въ успахъ его; придворные спояшь въ безмолвіи вокругъ Хана; онъ дѣлаешъ знакъ рукою — и всѣ идушь вонъ. Здѣсь Стихотворецъ дѣлаешъ вопросъ: что движешъ гордою, душою Хана?

На Русь ли вновь идешъ войною,
Несешъ ли Польшу свой законъ,
Горишь ли местию кровавой,
Ошкрылъ ли въ войскѣ заговоръ,

Спрашится ли народовъ горь ,
 Иль кознѣй Генуи лукавой ?
 Нѣшь, онъ скучаетъ бранной славой;
 Успала грозная рука;
 Война отъ мыслей далека.

Потомъ еще вопросъ :

Ужель въ Гаремъ его измѣна
 Спезей пресступною вошла ,
 И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
 Гяуру сердце ошдала ?

За симъ слѣдуешь довольно длинное описаніе жизни *Гаремскихъ плѣнницъ* и *Эвнуха*; описаніе прелестное, но чрезвычайно холодное, по неуѣспной долгошѣ своей, въ отношеніи къ ходу и интересу. Послѣ сего Спихошворецъ дѣлаешь опять вопросъ :

Чтожь полонъ грусти умъ Гирея?

и не отвѣчаешь на оный. Задумчивый Ханъ
 вспаешь; Эвнухъ ошворяешь предъ нимъ дверь
 наспижъ, и Гирей

Идешь въ завѣшную обитель
 Еще недавно - милыхъ жень.

Карпинное и блестящее описаніе *Гаремскихъ плѣнницъ*, сидящихъ вокругъ фоншана и ожидающихъ Гирея. Безъ сомнѣнія чипапели мои не поскучаютъ, если они еще разъ прочшущъ оно:

Безпечно ожидая Хана , ,
 Вокругъ игриваго фоншана
 На шелковыхъ коврахъ онъ
 Толпою рѣзвою сидѣли
 И съ дѣтской радостью глядѣли (*),

(*) Замѣшимъ, что эпитетъ спихъ чрезвычайно вѣрно изображаетъ состояніе *Гаремскихъ плѣнницъ*, касательно умственныхъ ихъ способностей.

Какъ рыба въ ясной глубинѣ
 На мраморномъ ходила днѣ.
 Нарочно къ ней на дно иныл
 Роняли серьги золотыя.
 Кругомъ невольницы межъ пѣмъ
 Шербетъ носили ароматной
 И дѣсьню звонкой и пріятной
 Вдругъ огласили весь Гаремъ.

Слѣдуетъ Тапшарская пѣсня. Послѣ сего
 Стихотворецъ яркими красками описываетъ
 Зарему, которую Гирей совершенно разлюбилъ,

Съ пѣхъ поръ, какъ Польская Княжна
 Въ его Гаремъ заключена.

Теперь можно спросить, для чего было Хану,
 занятому единственно Марією, ходить въ Га-
 ремъ; Хану, который сдѣлался равнодушнымъ
 даже и къ прелестямъ Заремы, сей *звѣзды любви*,
 и который — по словамъ Поэта — проводилъ,
 мрачный и одинокій, хладные часы ночи? Это
 обстоятельство совершенно проливно мрачно-
 му состоянію души Гиреевой, и, такъ сказать,
 уничтожаетъ оное. Послѣ сего слѣдуетъ опи-
 саніе Маріи, Княжны Польской, похищенной
 Гиреемъ въ одинъ изъ его дерзкихъ набѣговъ на
 Польшу, и благочестиваго ея жилища. — Забѣ-
 шимъ, мимоходомъ, что Ханъ, съ той самой ми-
 нуты, какъ пошелъ онъ въ Гаремъ, совершенно
 исчезаетъ со сцены *дѣйствія*, такъ сказать, еще
 не развернувшись, и остающа на оной толь-
 ко два лица, Марія и Зарема; что въ Повѣсти
 сей, въ которой только при лица дѣйствующи-
 хъ, *дѣйствуетъ* одна только Зарема, и по
 весьма слабо, а прочія выславлены единствен-

но въ разсказѣ: обещаньямъ твоимъ, которое, такъ сказать, не даетъ никакого движенія Повѣсти. —

Ночь покрываетъ своею шѣною поля Тавриды; Гаремъ Хановъ спитъ; одна только Зарема не предается сну. Она встаетъ съ постели, крадется и приходитъ въ чертогъ Маріи. Марія пробуждается. Зарема проситъ Марію, чтобы она спасла ее; говоришь ей кратко о себѣ, и попомъ:

Я плачу; видишь, я жолѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винишь себя не смѣя,
Опдай мнѣ радость и покой,
Опдай мнѣ прежняго Гирей.

Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой! Онъ ослѣпленъ злобою.
Презрѣваемъ, просьбами, шокую,
Чѣмъ хочешь, ошврани его;

Клянись. (хоть я для Ал-Корана

Между невольницами Хана
Забыла вѣру прежнихъ дней;
Но вѣрой матери моей

Была швоя) клянись мнѣ ею
Зарему возвратишь Гирейо.

Но слушай: если я должна
Тебѣ. кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена.

Тирада, сама по себѣ, очень хорошая; но я спрашиваю, прилично ли обиженной любовницѣ, Азіянкѣ, употреблять такое средство? Къ помужь, что могла сдѣлать Марія, чтобы возвратишь Заремѣ сердце Гирей? Азіянецъ, сверхъ сего деспотъ, разлюбивъ однажды, въ другой разъ уже не полюбитъ пропъ же самый предметъ. И такъ просьбы и угрозы обиженной За-

ремы, независимо опъ того, что оныя не производяшь никакого дѣйствія, подлежашь, по всей справедливости, спрогой криптикъ.

Промчались дни — и Маріи уже нѣтъ болѣе. Что причиною ея смерти? Не извѣстно. Дворецъ Хана опустѣль. Гирей, съ полпою Ташарь, направиль въ чужую землю набѣгъ свой. Зарема, нѣмыми Гаремскими спражами, брошена въ море, въ шу самую ночь, въ которую умерла Княжна Польская. Гирей, пробывъ нѣсколько времени на войнѣ, возвратился опяшь въ Тавриду, и, въ память Маріи, воздвигнулъ во дворцѣ своемъ мраморный фонпанъ. —

Здѣсь кончающся содержаніе и планъ сей Повѣсти. И пакъ изъ-вышесказаннаго видно, что въ планѣ оной нѣтъ узла или завязки, нѣтъ возрастающаго интереса, нѣтъ развязки, развѣ симъ послѣднимъ именемъ захопимъ мы назвашь конецъ Сочиненія, ибо надобно только догадываться, и по безъ малѣйшихъ признаковъ, что Зарема убила Марію, и что Гирей, послѣ сего, велѣль упоить Зарему. Принявъ въ уваженіе всѣ сіи обстоятельства, вмѣстѣ съ вышеозначенными, то есть, что Хану не слѣдовало ходить въ Гаремъ, ибо черпа сія, какъ я уже сказала, совершенно прошивна мрачному состоянію души Гиреевой, и, пакъ сказашь, уничтожаешь оное; что Ханъ слишкомъ скоро исчезаетъ со сцены дѣйствій, еще не развернувагоса; что въ Повѣсти сей, въ которой только при лица дѣйствующихъ, дѣйствуетъ одна только Зарема, и по весьма слабо, а прочія выспавлены единственнно въ рассказѣ, что не даетъ никакого движенія Пѣ-

вѣспи; что Заремъ, какъ обиженной любовницѣ, какъ Азіянкѣ, не слѣдовало умолять Марію *возвратить* ей сердце Гирея: принявъ въ уваженіе всѣ сіи обстоятельствова, повшоряю я, всякой безъ сомнѣнія увидишь, что планъ сей Повѣспи, по всей справедливости и безусловно, подлежащъ спрогой кришикѣ.

Скажемъ пеперь нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ недосшаткахъ или слабостяхъ сего сочиненія, независимо опъ плана онаго. Во первыхъ, ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ сей Повѣспи не имѣетъ характера. Какой характеръ Гирея, Заремы и Маріи? Трудно опвѣчать на вопросъ сей. Скажу, мимоходомъ, что — по мнѣнію моему — первенствующимъ характеромъ надлежало бы бытъ характеру Заремы: можно было бы прекрасно воспользоваться положеніемъ этой Азіянки, этой спрасшной и оскорбленной любовницы. Во вторыхъ, описаніе жизни *Гарелскихъ плѣнницъ* и *Эвнуха* хошя и прелестно, какъ выше сего я уже говорилъ, но чрезвычайно холодно, по неумѣстной долгошѣ своей, въ опношеніи къ ходу и интересу: погрѣшность весьма ошущительная, не только по приличію, ибо вдругъ и на долго прерываетъ только - что начинающійся интересъ, но даже и по шому дѣйствію, которое она производитъ надъ чипашелемъ, опношительно къ неперпѣливому его любопытству. Сверхъ сего скажемъ, что изображение *Эвнуха*, къ которому Спихопворецъ, послѣ перваго описанія, возвращается еще два раза, будучи слишкомъ сильно *выставлено*, и, шакъ сказашъ, на *трехъ* планахъ (см. спр. 5 и слѣд.

спр. 17 и слѣд. и спр. 19), чрезвычайно обрѣмѣняетъ шѣсную основу и шѣсныя рамы сей Повѣсти. Въ иренихъ, замѣтимъ, что Спиховорець — довольно часто — вдругъ прерываетъ окончаніе и смыслъ начатыхъ идей, и переходитъ къ новымъ, оставляя читателя въ совершенномъ незнаніи того, что хотѣлъ сказать онъ; что въ сихъ крупныхъ и опрывисныхъ переходахъ онъ пренебрегаетъ даже приемами, оставляя спихи безъ оныхъ. Это дѣлаетъ то, что всѣ сіи мѣста, кромѣ того, что оныя совершенно не удовлетворительны, кажутся, такъ сказать, разноцвѣтными и вшипыми лоскутками (см. спр. 16, 19 и 33). Последняя Эпипогическая часть Повѣсти прелестна по своему описанію; но окончаніе оной, какъ мнѣ кажется, не заключено, если смѣю такъ выразишься, *звѣтъ еще нужнымъ*.

И такъ, если недоспашки плана, если нѣкошорыя выспавленные мною здѣсь погрѣшности ускользають, во время чтенія, оцѣ большей части читателей, то это потому именно, что прелестъ поэзіи и слога, что очаровательная гармонія спиховъ, какъ двѣ могущественныя волшебницы — посредствомъ магической своей власпи — не дають чувствоватъ оныхъ, дѣля слухъ и очаровывая душу: такъ скрываются иногда нравственные недоспашки подъ прелестною наружносцію; и мы, изумленные, долго не вѣримъ, какъ могутъ шайтись пороки подъ небесною мелодіею лица красавицы.

Предспавивъ — по мнѣнію моему — главные и существенныя недоспашки сего преле-

опнаго сочиненія, оставляю прочимъ подноситьъ свѣдѣнныя крипики къ погрѣшностямъ и красотамаъ часпнымъ.

Скажу наконецъ, въ заключеніе, поже самое, что сказала я, говоря о Поэмѣ *Русланъ и Людмила*; но есть, что стихотвореніе сіе, не смотря на недоспапки плана и нѣкоторыя погрѣшности, можешь, по всей справедливости, назваться свѣжимъ, прелестнымъ и благоухающимъ цвѣткомъ Рускаго Парнаса.

О л и н ъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ, ЗАМѢЧАНІЯ И ПРОЧ.

— Изъ уваженія къ пиписическимъ дарованіямъ и Государственнымъ заслугамъ достопочтеннѣйшаго И. И. Дмитриева, я совершенно прекращаю споръ, возникшій съ сочинителемъ статьи подъ заглавіемъ: *Извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитриева*, припечатанной къ сочиненіямъ сего знаменитаго Писателя, коего имя должно произноситься съ благоговѣніемъ на Рускомъ Парнассѣ, и не упоминается по пусто-му въ статьихъ, выходящихъ за предѣлы ученой крипики. *Ө. Б.*

— Изъ 7-й книжки *Дальскаго Журнала* мы узнали, что сочинитель Разговора между Классикомъ съ Васильевскаго острова или Выборгской спороны и Издавателемъ Бахчисарайскаго фонда, есть Князь П. А. Вяземскій. Совѣшаемъ нашимъ читателямъ прочесть *второй* Разговоръ въ ошвѣщъ на *первый*, помѣщенный въ 5 номерѣ

Вѣспника Европы, ибо каждому безприсраспшному судбѣ, для произнесенія рѣшительнаго приговора, непременно нужно выслушашь обѣ стороны.

— *Стихотворенія В. А. Жуковскаго*, въ 3-хъ часпяхъ, изданіе прешіе, исправленное и умноженное, вышли изъ печати и продаются въ книжной лавкѣ Придворнаго книгопродавца Г. Сень-Флорана по 25 рублей, а на веленовой бумагѣ въ каршонѣ по 50 рублей экземпляръ. Мы уже говорили о красотѣ сего изданія; что же касается до достоинства произведеній первокласснаго Рускаго Поэты, то мы почишаемъ всѣ похвалы излишними. Просвѣщенная публика и всѣ любители опечесшвенной Поэзіи болѣе нпнадцати лѣтъ привыкли восхищаться дарованіемъ В. А. Жуковскаго; большая часть его произведеній признаны классическими въ своемъ родѣ, и произвели множесшво подражателей, которые, заимсшвывая его слова, не могутъ достигнуть того музыкальнаго сладкозвучія, которое соспавляетъ опличительную черту его Поэзіи. В. А. Жуковскаго должно почищать основателемъ Романпизма на Рускомъ Парнассѣ, и если можно сравнивать Поэтовъ различныхъ странъ, то нашъ Жуковскій чрезвычайно близокъ къ славному Гёте, которому Германія обязана новымъ очищеннымъ вкусомъ въ Романпической Поэзіи. Если бѣ В. А. Жуковскій написалъ одну только пьесу: *Пѣвецъ во станѣ Рускихъ воиновъ*, то и въ шакомъ случаѣ былъ бы незабвенъ въ Исторіи Словесности и въ сердцахъ своихъ соше-

чественниковъ; но онъ заслужилъ себѣ право на почетное мѣсто въ числѣ первоклассныхъ Европейскихъ Писателей, отличными произведеніями въ разныхъ родахъ, которыя расположены въ 3-хъ Томахъ слѣдующимъ порядкомъ:

Т о м ъ I-й содержилъ въ себѣ:

Орлеанская дѣва, драматическая Поэма, соч. Шиллера, переведенная стихами.

Лирическія стихотворенія.

Романсы и Пѣсни.

Т о м ъ II-й.

Посланія.

Элегіи.

Смѣсь, или мѣлкія стихотворенія.

Сельскія стихотворенія.

Т о м ъ III-й.

Баллады.

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, старинная Повесть.

Перри и Ангель. Поэма, Т. Мура.

Шильонскій узникъ. Поэма Бейрона.

Замокъ Смальгольмъ. Сказка Вальтера-Скотта.

Цейксъ и Гальціона. Изъ Овидія.

Разрушеніе Трои. Изъ Виргилія.

Весьма жаль, что почтеннѣйшій В. А. Жуковскій не издалъ своей прозы, которая въ полномъ смыслѣ слова есть образцовая. Ни одинъ изъ Рускихъ переводчиковъ съ иностранныхъ языковъ въ прозѣ не достигнулъ до такой степени совершенства, какъ Г. Жуковскій: у него каждый писатель говоритъ своимъ особеннымъ

языкомъ и свойственными ему выраженіями, съ сохраненіемъ приномъ всей числоты Россійскаго. Напробивъ этого у другихъ, впрочемъ весьма отличныхъ переводчиковъ, эпитетныя слога совершенно исчезающъ, и сочиненія различныхъ писателей принимающъ одинъ видъ, покрывающъ однимъ цвѣтомъ. Мы неперѣливо ожидаемъ и просимъ почтеннаго В. А. Жуковскаго изъ любви къ отечественному слову, издасть какъ можно скорѣе, свою прозу, которая безъ сомнѣнія столь же хорошо будетъ принята публикою, какъ и его стихотворенія.

— Въ №. XIII *Новостей Литературы*, издаваемыхъ при *Рускомъ Инвалидѣ*, на стр. 10 напечатана статья подъ заглавіемъ: *О Бахчисарайскомъ фонтанѣ не въ Литературномъ отношеніи*. Издашель Р. И. говоритъ въ примѣчаніи, что Автору сей статьи не нужно подписывать своего имени, потому что зрѣлыя мысли и остроуміе обличаютъ его. Прочитавъ со вниманіемъ эту статью, мы, къ сожалѣнію нашему, не нашли обличенія зрѣлыхъ мыслей и остроумія, не догадались даже объ имени Сочинителя, но усмотрѣли обличеніе его въ совершенномъ незнаніи не-литературныхъ отношеній Бахчисарайскаго фонтана. Намъ кажется, что Г. Сочинителю статьи, прежде выпуска оной въ свѣтъ, надлежало бы посоветоваться съ почтеннымъ Издашелемъ Поэмы, Княземъ П. А. Вяземскимъ, которому извѣстны всѣ подробности оной въ не-литературномъ отношеніи. Тогда бы оказались совершенно неумѣстными похвалы Московскому

книгопродавцу *Пономареву*, который, как Сочинитель спашь говоритъ, заслуживаетъ за покупку манускрипта, чшобы имя его, доселѣ еще негромкое въ спискѣ нашихъ книгопродавцевъ, содѣлалось извѣстнымъ, ибо онъ *обратилъ на себя* признательное уваженіе друзей просвѣщенія, оцѣнивъ шрудъ ума не на мѣру и не на вѣсь. *Voilà comme on écrit l'histoire!* — Удивительно, что Г. Сочинитель не узналъ прежде, что Поэму купили Гг. книгопродавцы *Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ* и *Александръ Филиповичъ Смирдинъ*, а Г. *Пономаревъ* имѣлъ только порученіе окончательнаго шорга обѣ вышеупомянутыхъ книгопродавцевъ. Вошъ доказательство вѣрности заключеній Гг. Сочинителей, которые смопрятъ на вещи чрезъ цѣльныя стекла гостиныхъ, и по слухамъ пишущъ о Россіи и Рускихъ сочиненіяхъ. Оспроуміе, опысканное Г. Издашелемъ Рускаго Инвалида въ сей спашѣ, состоишъ въ переводѣ Французской Фразы *le patriotisme rechauffé*, *подогрѣтаго* папріотизма, и въ заимствованіи изъ Комедіи К. А. А. Шаховскаго, Полубарскія записи слова: *доморощенной*, весьма не кспаша примѣненнаго къ книгѣ. Въ Комедіи говоритсѣ обѣ Арапахъ *доморощенныхъ*; эшо на своемъ мѣстѣ весьма остро и забавно; но *доморощенная* книга ничего не значишъ. Гораздо приличнѣе было бы сказаши о *доморощенныхъ* Сочинителяхъ, Поэсахъ, Издашеляхъ и ш. п. Чшо же касаешся выходки Г. Сочинителя спашь на счетъ скорой продажи шакъ названныхъ имъ Рускихъ Европейскихъ сочиненій, чшо онъ подкрѣпляетъ примѣрами *Полярной Звѣзды* и *Бахъ*.

цесарайскаго фонтана, но мы совѣшовали бы Г. Сочинишелью, для удостовѣренія его въ прошивномъ, прочесть №. 5 Сѣвернаго Архива и 1-й нумеръ Литературныхъ Листковъ на 1823 годъ, гдѣ исчислены отличныя Рускія сочиненія, понынѣ не распроданныя первымъ изданіемъ. Для примѣра скажемъ о сочиненіяхъ первокласснаго Рускаго Поэта Башюшкова, изданныхъ въ 1817 году, и понынѣ непроданныхъ. Но лучше всего, чтобы Г. Сочинишель спашь для опыта издалъ свои собшвенныя сочиненія: тогда бы сладкое его очарованье исчезло,

Какъ обманъ, какъ упоенье! и проч. (См. пѣсню соч. К. П. А. Вяземскаго.)

Г. Сочинишель спашь тогда бы повѣрилъ Вѣспнику Европы, что гораздо легче прослышь великимъ Писателемъ въ кругу друзей и родныхъ, подъ покровомъ журнальныхъ примѣчаній, нежели на литературномъ поприщѣ въ лавкахъ хладнокровныхъ книгопродавцевъ и въ публикѣ.

УВЕСЕЛЕНІЯ СТОЛИЦЫ.

Съ окончаніемъ великаго поста, еще не начинающа Рускіе спектакли, и пошому цѣлую Свящую недѣлю зрѣлище другаго рода, кагели, занимаетъ всю здѣшнюю публику. Проспой народъ забавляется капаніемъ съторь, качелями и посѣщеніями балагановъ, въ которыхъ разнаго рода фигляры и фокусники увеселяють посѣшителей своимъ искусствомъ, паяцы заспавляютъ громко смѣяшья припворною своею проспою, и гдѣ, по правдѣ сказашь, едва ли не лучше проводяшь время, нежели на представленіи

слезливыхъ и ужасныхъ драмъ. Многія особы высшаго сословія пакже посѣщаютъ балаганы для забавы своихъ дѣшей или для собственнаго разсѣянія; но бѣльшая часть пѣшеходовъ собираются около 5 часовъ послѣ полудня подъ качелями, чшобъ увидѣшь всю Петербургскую публику, и множество прекрасныхъ экипажей, обновленныхъ къ празднику. Мода, вкусъ и богатство доснавляютъ въ это время своимъ поклонникамъ случай блеснуть своими преимуществами предъ толпою смиренныхъ зрителей, и всѣ обновы въ нарядахъ выносятся или вывозятся на показъ подъ качели. Зрѣлище необыкновенное! — Быстрое движеніе качелей въ воздухъ, спукъ экипажей, пестротна одежды, веселыя пѣсни народа, звуки музыки на балконахъ балагановъ, все это одушевляетъ сцену, развлекаетъ взоры и пріятно занимаетъ воображеніе. Тысячи разнообразныхъ, любопытныхъ предметовъ представляющія наблюдательному уму въ этомъ шумномъ спеченіи людей разныхъ сословій, копорые въ одно время и зрители и дѣйствующія лица. Я бы желалъ, чшобы какой нибудь человекъ - ненавистникъ прислушался къ разговорамъ незнакомыхъ людей въ толпѣ: онъ бы увѣрился, чшо честность и добродѣтель не исчезли въ мѣрѣ, потому чшо находясь себѣ похвалы, а порокъ подъ блестящею позолошою навлекаетъ на себя порицаніе. Почти при каждомъ проѣзжающемъ экипажѣ произносятся сужденія, и каждый пѣшеходъ опкровенно возглашаетъ толпѣ незнакомыхъ людей характеристику своего экипажнаго знакома. Похвалы и

Эпиграммы сыплются со всѣхъ сторонъ, и удостоверяють въ истинѣ, что если человекъ въ часности можетъ быть несправедливъ, то люди вообще всегда справедливы. Богатство, прибрѣшенное отъ предковъ, нажитое трудомъ, прилежаніемъ, долговременною и честною службою или совѣстною торговлею, не производитъ въ зрителяхъ зависти, но возбуждаетъ пріятное впечатлѣніе; напрошивъ того, человекъ, блестящій роскошью на счетъ легковѣрнаго трудолюбія (т. е. кредиторовъ), или шайный любимецъ фортуны, пробравшійся въ ея храмъ проселочными путями, не ослѣпляетъ глазъ, не восхищаетъ зрителей вкусомъ, но получаетъ достойное воздаяніе въ мнѣніи безприсрасныхъ людей. Одинъ молодой человекъ припомнилъ мнѣ при удобномъ случаѣ предъидущій стихъ Эпиграфа (*) Дишерапурныхъ Листковъ, а другой прочелъ окончаніе басни И. А. Крылова: *Лисица и Сурокъ*, и заславилъ отъ чистаго сердца смѣяться всѣхъ его окружавшихъ. Однимъ словомъ: прогулка подъ качелями для многихъ была полезною въ нравственномъ отношеніи; но обратимся снова къ наружности.

Почитаю излишнимъ говорить моимъ читателямъ, что качели извѣстны съ древнихъ временъ многимъ Азіятскимъ народамъ, и преиму-

(*) Nous admirons l'éclat, vains juges que nous sommes!

Le véritable honneur est d'être utile aux hommes.

(Изъ Thomas).

Т. е. тщеславные судьи, мы восхищаемся блескомъ! —
Истинная честь состоитъ въ томъ, чтобы быть полезнымъ людямъ.

щественно находясь въ упоиребленіи у Персіанъ, а въ Россіи, подъ именемъ *колысокъ*, извѣстны были еще до временъ Великаго Князя Владиміра I, и всегда соспаляли любимую забаву всѣхъ сословіи Рускаго народа, а особенно женщинъ. Императоръ Петръ Великій самъ любилъ сіе увеселеніе, и съ цѣлымъ Дворомъ качался въ праздники на качеляхъ, бывшихъ у Красныхъ воротъ въ Москвѣ. Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ видѣть группы различныхъ народовъ, копорья спокойно расположившись въ чепырехъ такъ называемыхъ бесѣдкахъ круглыхъ качелей, весело распѣвають свои національныя пѣсни. Однозвучная Фійская пѣсня, Польская мазурка, Нѣмецкій вальсъ съ припѣвомъ: *o mein lieber Augustin*, сливаются вмѣстѣ, и какъ эхо исчезаютъ предъ громогласнымъ Рускимъ пѣніемъ съ акомпаниементомъ рожка или кларинета. Здѣсь, въ почномъ смыслѣ слова, всякой поешъ для себя, не заботясь о своихъ сосѣдяхъ. Не по ли бываетъ и въ свѣтѣ, гдѣ каждый занявъ своимъ дѣломъ, не думая о другихъ? По вывѣскамъ на балаганахъ можно судить, что содержатели оныхъ знаютъ сердце человѣческое и вкусъ публики. Вездѣ обѣщаютъ показывать вещи *удивительныя* и *иностранныя*, а для возбужденія любопытства поспешивелей, даже медвѣдь Рускихъ дебрей названъ иноснраннымъ звѣремъ. Повѣряю опять: не по ли бываетъ въ свѣтѣ! — Изъ всѣхъ вывѣсокъ злапокрилая Сирена обращала на себя большое вниманіе зрительей. Сказали было, что она говоритъ и поешъ, и народъ стремился послушать этой деревянной полубогини. Незья-

снимая сія загадка разгадалась наконецъ шѣмъ, что хозяинъ балагана естъ чревоуѣщатель (ventriloque), самъ оуѣщаетъ на дѣлаемые Сиренѣ вопросы и поетъ Рускія пѣсни Нѣмецкимъ нарѣчіемъ. Большая часть людей прудяща единашвенно для желудка, но одинъ шолько чревоуѣщатель можешъ сказаць, что онъ прудитца желудкомъ для желудка, и, можно прибавишь, иногда гораздо успѣшнѣе шѣхъ, копорые работающъ головою. — Самое большое спеченіе публики подъ качелями было въ пятницу и субботу; въ воскресенъе внезапный дождь нѣскольکو помѣшалъ всеобщей забавѣ, однакожъ множество экипажей и пѣшеходовъ оспавалось до окончанія гулянья.

Городскія извѣстія.

— Къ числу самыхъ благоустроенныхъ домовъ въ С. Петербургѣ принадлежиць безъ сомнѣнія домъ Г. Шпрауха, на углу Большой Морской и Гороховой улицы. Не говоря о числостѣ и расположеніи дома, намъ очень понравилось средство, придуманное почтеннымъ хозяиномъ онаго для удобнаго ошысканія жильцевъ. Надъ окномъ придверника подъ воршами привѣшена доска, на копорой между рамками вспавляющся имена жильцевъ, ихъ званіе и номеръ кварциры. Кто знаешъ, какъ запруднительно въ большихъ домахъ ошыскивашъ жильцевъ, и кто дорого цѣнишь время, шощъ вѣрно поблагодаришь почтеннаго Г. Шпрауха за сіе полезное изобрѣшеніе. — Напрошивъ дома, принадлежавшаго нѣкогда пер-

волу Рускому Поэту М. В. Ломоносову (*), перешедшаго по наслѣдству къ внукамъ его Гг. Конспаншиновымъ, нынѣ сооружающъ на Мойкѣ *первый* въ Россіи висячій мостъ на желѣзныхъ цѣпяхъ для пѣшеходовъ. Честъ изобрѣшенія висячихъ мостовъ принадлежишь дикимъ Американцамъ, которые дѣлали оныя на веревкахъ, сплешенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей, прикрѣпляя къ скаламъ или деревьямъ. Образованные жители Сѣверо-Американскихъ обласпей и Англичане усовершенствововали сіе искусство, и нынѣ въ Англіи и Америкѣ существуетъ уже нѣсколько висячихъ мостовъ на желѣзныхъ цѣпяхъ, даже для тяжелыхъ экипажей. Такимъ образомъ умъ человѣческой пользуется слабыми опытами! и поспешеннымъ усовершенствованіемъ обращаетъ оныя къ общей выгодѣ!

— Иноспранецъ, невидавшій средствъ къ попушенію пожара въ С. Петербургѣ, не можеть имѣть понятія объ исправности и дѣятельности нашей Полиціи. Въ понедѣльникъ (14. Апр.) въ 3 часа по полудни, сдѣлался внезапно пожаръ въ домѣ Г. Фрелиха въ большой Мѣщанской. Въ четверть часа, считая отъ перваго сигнала, уже всѣ пожарныя шрубы были на своихъ мѣстахъ, вещи изъ загорѣвшейся части дома вынесены, и беспрашныя Рускіе солдаты съ своими начальниками уже были на кровлѣ дома. Это совершенно изображеніе приспуга: солдаты пожарной команды сквозь дымъ и пламя спрешаясь на кровлю по приспавленнымъ къ

(*) Возлѣ съѣзжаго двора 1-й Адмир. части.

спѣнѣ лѣспницамъ, разхвапывають по часпямъ кровлю, заливають огонь, задушаютъ его мокрымъ холстомъ, и споряпъ въ быспрошъ съ вихремъ и пламенемъ. Порядокъ, успройсшво и усердіе къ спасенію вещей, принадлежащихъ жильцамъ, все вмѣстѣ удивляетъ зришелей и наполняетъ сердце благодарносшью къ Правительсшву, пекущемуся споль усердно о спокойсшвіи гражданъ.

П А Р И Ж С К І Я М О Д Ы .

(Отъ 5 Апрѣля ст. ст.)

Модныя вещи и обыкновенія. Во время спектаклей щеголи подчуютъ дамъ конфекшми, которые продаются въ малеькихъ прекрасныхъ коробочкахъ, называемыхъ: *коробочки для препровожденія времени* (boîtes de passe-tems). Онѣ шочно шакого цвѣша, какъ находящіеся внушри конфекшы; напримѣръ: апельсиноваго, лимоннаго, фіялковаго (violette) и проч. Это сдѣлано для того, чтобы покупателямъ не шеряя времени на разсмаприваніе, и по цвѣшу коробки выбирали конфекшы.

Изъ одной любви къ новосшямъ, а не изъ роскоши, какъ замѣчаютъ Французскій Журналистъ, нѣкопорыя дамы употребляютъ нынѣ гребни изъ слоновой кости вмѣсто черепаховыхъ.

Верховая ѣзда, сдѣлалась нынѣ ежедневнымъ упражненіемъ Парижскихъ дамъ. Соповарищесшво кавалера шеперь не нужно: одинъ конюхъ (groom), провожаетъ свою госпожу на

прогулкѣ. Весьма спранныя мода нынѣ въ употребленіи вовремя сихъ верховыхъ прогулокъ: дамы носятъ бархашныя галспуки съ пряжкой назади; на подобіе форменныхъ галспуковъ Французской арміи.

Новыя зрипельныя шрубки, употребляемыя въ спектакляхъ, состоятъ изъ одной шрубы копорая не выдвигается. Ее увеличиваютъ или уменьшаютъ поварачивая обручикъ или гайку (*une visole*). Говорятъ, что эти зрипельныя шрубки гораздо прочнѣе состоящихъ изъ множества выдвигаемыхъ шрубокъ.

Дамскіе наряды. Нарядъ одной прелестной дамы, обратившей на себя вниманіе на балѣ, даномъ Англійскимъ Посланникомъ въ Парижѣ, былъ слѣдующій: черный бархашный корсетъ съ серебряными галунами и рукавами изъ бѣлаго пюля, исподнее плашье розоваго апласа и весьма короткое; черныя башмаки съ розовою обшивкою, чулки бѣлыя и на головѣ шокъ въ видѣ серебряной раковины.

Шляпки носятъ розовыя и бѣлыя апласныя съ коронками полями и соломенныя также съ коронками полями, называемыя *à la Bolivar*. Шляпки изъ гроденапля походять на Шотландскій шокъ. Вообще при шляпкахъ употребляютъ цвѣшныя и ленты высокыхъ цвѣшновъ.

Мужскія моды. Щеголи употребляютъ нынѣ сапоги изъ оленьей черненой кожи, кошорые чрезвычайно покойны. На казацкихъ панталонахъ находящяся шолько двѣ складки съ переди и бархашный лампасъ одного цвѣша съ сукномъ. Въ ушреннемъ неглиже на прогулкѣ носятъ бѣ-

лые плашки съ желтыми квадрашами и съ голубою вышивкою по краямъ. При полной одеждѣ носить по два жилета съ широкими разноцвѣтными полосами или квадрашами: одинъ пунцоваго и голубаго цвѣта а другой лимоннаго и бѣлаго.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ,
ЖУРНАЛЬ
ПРАВОВЪ и СЛОВЕСНОСТИ.

А П Р Ъ Л Ъ 1824. No VIII.

Содержаніе: I. Проза. 1. Прогулка въ Екашерингофъ. II. Стихотворенія: 2. Пустыня. III. Волшебный фонарь или разные извѣстія.

П Р О З А.

I.

ПРОГУЛКА ВЪ ЕКАТЕРИНГОФЪ.

Я шакъ много наслышался о новыхъ постройкахъ и работахъ, производимыхъ въ Екашерингофъ, что наконецъ рѣшился опрѣвернуться туда для осмотра всего общенными глазами. Дурная погода и различныя хлопоты препятствовали мнѣ исполнить сіе прежде 19 Апрѣля. День былъ прекрасный, и я, вооружась карандашемъ, выпустилъ въ походъ въ 5 часовъ по полудни. Благодаря прощухарамъ, кошорые несравненно покойнѣе изволичьихъ дрожекъ, я вскорѣ очутился близъ заставы. Множество разнородныхъ экипажей промчались мимо меня, и шол-

ны пѣшеходовъ поспѣшали за городскія вороша. Неужели все это спремится въ Екатеринингофъ? подумалъ я, и увѣрился въ этомъ, прислушиваясь къ разговорамъ идущихъ рядомъ со мною людей. Триумфальныя вороша служащъ доказательствомъ, что соразмѣрность часшей и цѣлаго есть первое основаніе не только Архитектуры, но всякаго Искусства. Просіяя кубическая масса гранишу, воздвигнутая вкусомъ, представляешь зданіе величественное и прелестное. Вороша сіи замѣчательны также тѣмъ, что онѣ сооружены *первыя* въ столицѣ (1784). Прочія городскія вороша и шлагбаумы построены при Императорѣ Павлѣ I. Поворотивъ на вновь сдѣланное шоссе, я удивился дѣятельности, съ какою производились работы: песокъ, камень и дерево въ огромныхъ массахъ быстро переносились на мѣста своего назначенія, водою и сухимъ путемъ. Я остановился посмотришь, какъ нагружаютъ барку, и въ полпѣ помѣстился между двумя прѣзжими иностранцами. На числомъ воздухѣ, за городскими стѣнами, люди дѣлаются какъ по откровенію, и охотно слагаютъ съ себя несносное бремя приличій: мы завели между собою общій разговоръ, и иностранцы признались мнѣ, что они почти каждый день въ хорошую погоду ходятъ въ Екатеринингофъ, чтобы удивляться

необыкновенной ловкости и быстроты Русскихъ въ исполненіи самыхъ трудныхъ работъ. „Пока я не былъ въ Россіи,“ сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, — „я думалъ, что Рускіе могутъ только побѣждать непріятелей, но увидѣвъ Пестербургъ, Москву, Одессу и другіе города, я удостоверился, что для нихъ нѣтъ невозможнаго, и что сама природа уступаетъ твердости ихъ характера. Здѣсь горы, кажется, выходятъ изъ подъ земли по мановенію волшебнаго жезла, земля расступается для образованія каналовъ, и болота по одному слову превращаются въ пашни и сады. Однимъ словомъ, наблюдательный взоръ здѣсь не примѣчаетъ промежутковъ времени между желаніемъ и исполненіемъ.“ — „Въ иныхъ странахъ,“ сказалъ другой, — „надѣленныхъ опъ природы всѣми преимуществами, какъ то: многочисленнымъ народонаселеніемъ, благораспоряденнымъ климатомъ и богатыми произведеніями земледѣлства, торговли и промышленности, въ нѣсколько вѣковъ не сдѣлано того, что въ Россіи считается десятками годовъ. Столица Франціи, со времени Юлія Кесаря щедро оживляется набережной, а пѣсныя улицы чистаго воздуха. У насъ постройки принадлежатъ къ важнымъ государственнымъ событіямъ, о которыхъ говорятъ и пишутъ въ

цѣлой Европѣ (*), а здѣсь это междуцѣлье, которое по скорости исполненія едва обращаетъ на себя вниманіе публики.“ — „Милостивые государи, сказалъ я, вспомните, что Рускій народъ есть юноша въ полномъ своемъ цвѣтѣ, исполняющій величайшіе трудности съ жаромъ и дѣятельностью, которые уже испарились въ народахъ, состарѣвшихся на поприщѣ образованности: Иностранцы продолжали удивляться различнымъ предметамъ, видѣннымъ ими въ Россіи на пути изъ Одессы въ Пешербургъ, и я, принимая ихъ слова за вѣжливостъ, въ молчаніи продолжалъ съ ними путь. Но пришедши къ бумажной фабрикѣ Барона Раля, я остановился отъ изумленія, и посмотрѣлъ на моихъ поварищей съ такимъ удивленіемъ, что заставилъ ихъ спросить о причинѣ. „Господа! сказалъ я, это мѣсто, покрытое множествомъ экипажей и шолпами народа, эти дороги, аугъ, садъ, строенія, дома (**), мосты, и все,

(*) Напримѣръ: перестройка театра въ Парижѣ, планъ канала, починка соборной церкви суть предметы, о которыхъ по нѣскольکو мѣсяцевъ пишутъ во всѣхъ Журналахъ. У насъ — сказано и сдѣлано.

(**) Всѣ строенія заложены на самыхъ прочныхъ фундаментахъ, и грунтъ укрѣпленъ сваями въ нѣсколько рядовъ.

что вы здесь видите, для меня непонятная закладка. Прошлою весною здесь был только древний полуразрушившийся деревянный дворецъ, обыкновенная дорога кругомъ заустылаго лѣса, и эти селенія по обѣимъ сторонамъ онаго. Все, что вы видите здесь между двумя мостами, построено въ нѣсколько мѣсяцевъ. Чудеса! — Я изъ скромности молчалъ когда вы удивлялись необыкновенной быстротѣ работъ въ Россіи, но теперь не могу не раздѣлить явно вашихъ ощущеній, и удивляюсь подобно вамъ.“ Иностранцы пошли къ большому мосту, а я во дворецъ Петра Великаго, полюбоваться обновленію жилища сего незабвеннаго Монарха. Множество людей различныхъ сословій подпились по комнатамъ, и я спѣшилъ пудаже удовлетворить моему любопытству. Но на сценяхъ крыльца сидѣли знакомыя мнѣ дамы, когорыя привѣжливо пригласили меня въ свое общество, какъ чловѣка по лѣпамъ и по образу мыслей не опаснаго для прекраснаго пола. Надлежало повиноваться! „Очень къшаши пожаловали сюда, Г. Журналистъ,“ сказала одна изъ прелестныхъ моихъ знакомокъ, „вы вѣрно пришли сюда чтобы собирать материалы для вашего Журнала: расскажите намъ чтонибудь объ Екашерингофской шаринѣ.“ — „Я бы вамъ совѣтовалъ лучше заглядывать почаще въ Рускіе

Журналы, тогда бы вы и безъ меня узнали Исторію Екашерингофа. „Vous êtes orfèvre, M. Josse!“ (*) примолвила пожилая тешушка двухъ прекрасныхъ племянницъ, „читать мы будемъ послѣ, а теперь хопимъ васъ слушать.“ Но я не приготоувился, и не знаю съ чего начать, „Съ начала,“ отвѣчала прежняя дама, „ш. е. разекажише все, что вы знаете объ эшомъ увеселищельномъ дворцѣ.“ Эшо будетъ гораздо короче шого, что я не знаю, однакожь извольше: начинаю съ знаменишаго происшешвія, въ цамяшъ котораго построень Екашерингофъ.

Въ шо время, когда Шведскій Король Карль XII занялъ былъ въ Польшѣ, Импе-

(*) Въ комедіи Мольера: Любовь-врачь (L'Amour-médecin), Сганарель совѣщуетъ съ друзьями своими и родствениками о средствахъ къ исцѣленію дочери своей опъ меланхоліи. Каждый совѣщуетъ сообразно съ своими выгодами. Г. Жоссъ, золошыхъ дѣль мастеръ, ушверждаетъ, что лучшее лекаршво, галантерейныя вещи. Г. Гильомъ, обойщикъ, говоритъ: что одно спасеніе богашые обои, и ш. д. Наконецъ Сганарель выслушавъ всѣхъ, обращаетъ къ первому Г. Жоссу и говоритъ: „Вы, золошыхъ дѣль мастеръ, Г-нъ Жоссъ, и вашъ совѣщъ обнаруживаетъ человѣка, желающаго сбыть съ рукъ свой поваръ.“ — Эшо выраженіе Мольера, какъ и многія другія, вошло въ пословицу.

раторъ Петръ I старался о покореніи Ингерманландіи и береговъ Финскаго залива и Балтійскаго моря 23 Апрѣля 1703 года Фельдмаршалъ Шереметевъ выступилъ съ 20,000 корпусомъ изъ Шлиссельбурга для покоренія малаго городка съ крѣпостью Нейшанца, лежавшаго при впаденіи рѣки Охты въ Неву, и для овладѣнія устьемъ сей послѣдней рѣки (*) Корпусъ прибылъ къ Нейшанцу 26 Апрѣля, и того же числа начали дѣлать апроши близъ городскаго вала.

28 числа, Императоръ Петръ Великій въ чинѣ Бомбардирскаго Капитана, отправился на 60 лодкахъ съ 7 ропами Преображенскаго и 3 Семеновскаго полковъ, для осмотра устья Невы и овладѣнія онымъ;

(*) Въ корпусъ Фельдмаршала Шереметева состояли два гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій, подъ начальствомъ Генераль-Маіора Чемберса, сославлявшіе 7 баталіоновъ; 20 баталіоновъ были въ командѣ Князя Репнина, 10 Генераль-Маіора Брюса; Новгородскими дворянами и двумя драгунскими полками Девгерина и Морцова начальствовалъ Окольничій Пётръ Апраксинъ. Тяжелой артиллеріи при семъ корпусѣ было около 20 пушекъ 24-хъ фунтовыхъ и 12 мортиръ, при коей Императоръ Петръ I состоялъ въ званіи Капитана Бомбардирской роты, а Меншиковъ въ чинѣ Поручика. См. Журналъ Имп. Петра Великаго Ч. I.

исполнивъ сіе важное порученіе, и оставивъ при роты на берегу для караула, Петръ Великій возвратился въ лагерь для устройствія башарей. Когда все было приготоовлено надлежащимъ образомъ для начатія стрѣльбы по крѣпости, тогда Фельдмаршалъ Шеремешевъ послалъ къ Коменданту своего Офицера съ письмомъ, пребуя сдачи города. Но получивъ отказъ, приказалъ (30 Апрѣля) начать стрѣльбу изъ пушекъ и мортиръ, продолжавшуюся съ 7 часовъ вечера, всю ночь до 5 часовъ утра другаго дня. Наконецъ 1-го Мая съ разсвѣтомъ непріятель объявилъ покорность, и обѣщалъ сдать крѣпость на условіи, чтобы гарнизонъ отступилъ къ Выборгу. Переговоры о семъ кончились того же дня, и пополудни Преображенскій полкъ вступилъ въ городъ, а Семеновскій занялъ посты въ конгръ-эскарпѣ. Шведскому гарнизону отведено мѣсто для лагера и дано нѣсколько дней сроку для приготоовленія въ пушь.

И такъ въ день 1-го Мая, споль веселый для нынѣшнихъ жителей столицы, въ то время, когда въ Екашерингофѣ бываетъ гулянье, за сию двадцать лѣтъ предъ симъ совершилось одно изъ важнѣйшихъ происшествій въ событіяхъ Россіи, взятіе Нейшанца, возбудившее въ умѣ Петра Великаго

первую мысль о построении города, для сообщения посредством онаго, Россіи съ Европою. Исполненіе сего предначертанія имѣло величайшее вліяніе на участь Россіи, и послужило краеугольнымъ камнемъ къ сооруженію сего огромнаго колосса, который нынѣ удивляетъ Европу. Но Екашерингофъ построенъ по другому случаю, въ воспоминаніе подвига, ознаменованнаго лично храбростью Петра Великаго. Екашерингофъ долженъ бытъ драгоцененъ для Рускаго сердца.

2 го Мая къ вечеру, наши передовые посылы увѣдомили, что Шведскій флотъ показался въ заливѣ. Тотчасъ взяты были нужныя предосторожности, а чтобы скрыть отъ непріятеля взятіе крѣпости, повелѣно на сигналы съ кораблей оповѣщать равнымъ числомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Два спорожевыя Шведскія суда, Адмиральскій ботъ Геданъ съ десятью пушками и шнява Асрель о 14 пушкахъ, заняли устье Невы; весь же флотъ, подъ начальствомъ Адмирала Нумерса, остановился на пушечный выстрѣлъ въ заливѣ, не будучи въ состояніи приблизиться по причинѣ малой глубины и узкости входа. Петръ рѣшился смѣлостью и рѣшительностью изумить непріятеля, а какъ въ цѣломъ корпусѣ не было Офицеровъ, знающихъ дѣйствовать на морѣ, то Онъ самъ

съ Меншиковымъ отправился (6 Мая) на 30 лодкахъ съ полками гвардіи Преображенскимъ и Семеновскимъ, для нападенія на непріятеля. Вечеромъ они прибыли къ острову лежащему при устьѣ рѣки Фоншанки, противу бывшей тамъ деревни Калинкиной. Непроницаемый туманъ благопріятствовалъ движеніямъ нашей флотиліи, которая провела ночь въ семь мѣсць, а съ разсвѣтомъ (7 Мая) усредилась на непріятеля. Половина сего отряда поплыла тихою греблею вдоль берега Васильевскаго острова, а другая половина спустилась прямо на Шведскія спорожевыя суда, которыя подняли паруса, и всступили въ бой, осыпая нашихъ ядрами и каршечами. Весь флотъ поднялъ также паруса, но не имѣя возможности приблизиться, издали стрѣлялъ изъ пушекъ по нападавшимъ. Тщешно спорожевыя Шведскія суда спарались пробиться для соединенія съ своимъ флотомъ: каршечи и ядра не очисти-ли имъ пуши между Рускими лодками, и наши воины, не имѣя съ собою ни одной пушки, ружейнымъ огнемъ и ручными гранатами отвѣчали на пушечные залпы, пока успѣли исполнить предписанный маневръ. Тогда съ двухъ сторонъ усредились на спорожевыя суда, съ радостнымъ восклицаніемъ ура! бросились на abordажъ, и взяли штыками

суда, вооруженныя пушками. Императоръ Петръ (въ чинъ Бомбардирскаго Капшана) и Меншиковъ (въ чинъ Поручика шой же рошы): одни изъ первыхъ вскочили на непріятельскіе корабли и провозгласили побѣду, первую на морѣ. Послѣ сего необыкновеннаго подвига Шведскій флотъ удалился отъ устья Невы, а взятыя суда съ шоржесшвомъ приведены къ лагерю (8 Мая) ко всеобщей радости и удивленію.

30 Мая праздновали въ лагерь сію первую морскую побѣду надъ непріятелемъ. Послѣ благодарственнаго молебствія, оппѣшаго въ полевой церкви съ шроекрашнымъ залпомъ изъ пушекъ и ружей, Адмиралъ Головинъ, первый Кавалеръ ордена Св. Андрея Первозваннаго, шоржесшвенно возложилъ знаки онаго на начальниковъ побѣдоноснаго опряда Бомбардирскаго Капшана и Поручика (Государя Императора Петра Великаго и Меншикова). Прочимъ Офицерамъ, опличившимся въ семъ сраженіи, розданы были золотыя медали съ цѣпями, а солдатамъ медали безъ цѣпей. Посщельничій Головинъ, также опличившійся въ семъ сраженіи, недѣлю спустя получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Послѣ сей побѣды, въ военномъ совѣтѣ ушвердительно рѣшено заложить на Невѣ рѣкѣ крѣпость и городъ, а

завоеванное мѣсто, какъ древнее достояніе Россіи (*), присоедилишь на вѣчныя времена къ Имперіи.

Не взирая на военныя дѣйствія и нападенія Карла XII на Россійскія области, работы при построеніи Петербурга и Кроншпаша продолжались съ чрезвычайнымъ успѣхомъ и дѣятельностью. Наконецъ, послѣ благополучнаго окончанія сей жестокой борьбы съ непримиримымъ врагомъ, Петръ возвращаясь въ Петербургъ, вознамѣрился построить лѣпшее жилище, и для сего избралъ берегъ, бывшій свидѣтелемъ первой морской победы. И такъ въ 1711 году построень деревянный дворецъ, прокопанъ каналъ къ самому крыльцу онаго, для осушенія болотнаго мѣста сдѣланы бассейны, и въ то же время дикій лѣсъ превращень въ прекрасную рощу. Государь, назвавъ сіе мѣсто *Екашерингофомъ*, подарилъ оное супругъ своей *Екатеринѣ*. Для себя велѣлъ Онъ построить на острову противу *Фоншанки*, небольшое каменное строеніе, названное тогда *Подзорнымъ дворцемъ*, гдѣ Государь любилъ проводить свободное время съ зрительною трубою, ожидая прибытія кораблей

(*). См. No. 7 и 8 Сѣвернаго Архива на 1824 годъ въ спашѣ: Крапкая Испорія Финляндіи.

къ новому порту. Но почти всегда Государь возвращался къ ночлегу въ Екашерингофъ, и занимался шамъ соспавленіемъ своихъ великихъ плановъ для возведенія Россіи на первую степень Европейскихъ Державъ. Отсюда онъ ѣздилъ въ Кроншпашъ и водою въ Адмиралшайство, осматривая на пуши производимыя по берегамъ работы. Екашерингофъ былъ, такъ сказать, увеселительною гаванью Петра Великаго. Во время всеобщаго городского кашанья на шлюбкахъ, сей веселый флотъ всего чаще приспаваль къ берегу въ Екашерингофъ, гдѣ пригошловлены были закуски для подника, и гдѣ шолны народа, разсѣявшись по роцамъ, забавлялись музыкою, пѣніемъ и прогулкою, пока сигналъ не возвѣщаль о возвращеніи въ городъ (*). Каммергеръ Голштинскаго Двора Беркгольцъ (**), бывшій въ Россіи отъ 1721 до 1725 года, описываетъ Екашерингофъ какъ самое пріятное загородное гульбище въ окрешноссяхъ Пешербурга. Въ его вре-

(*) См. въ Полярной Звѣздѣ на 1824 годъ статью подъ заглавіемъ: Объ увеселеніяхъ Россійскаго Двора при Петрѣ I. соч. А. Корниловича, стр: 42.

(**) См. Журналь Беркгольца въ Бюшинговомъ Магазиѣ на Нѣмец. языкѣ.

ма былъ здѣсь звѣринецъ, наполненный лосями, сѣверными оленями, сернами и проч. Нѣкоторыя изъ сихъ живошныхъ были шакъ ручны, что подходили сами къ людямъ, и нишались изъ рукъ хлѣбомъ и правою. Берггольцъ упоминаетъ шакже объ Англійскомъ садѣ и овощномъ огородѣ, принадлежавшихъ ко дворцу; но кромѣ дворца, кажется, здѣсь вовсе не было другихъ строеній. Время, обстоятельствъ и построение другихъ загородныхъ домовъ, привели Екашерингофъ въ запускнне. Существовалъ шолько дворецъ, всечасно угрожая разрушеніемъ, и въ день 1-го Мая, Петербургская публика собиралась въ Екашерингофъ не для шого, чшобы пошмотрѣть что нибудь новое или любопытное, но чшобы, слѣдуя древнему обыкновению — бытъ въ Екашерингофѣ, и, какъ говоришся по Руски: людей пошмотрѣть и себя показашъ. Вопъ вамъ, милосшивыя государыни, все, что я знаю о первоначальномъ построении и прежнемъ состояннн Екашерингофа до нынѣшняго его возобновленія, кимъ здѣшняя столица обязана своему Военному Генераль-Губернатору Графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу. Мы имѣемъ въ Петербургѣ по всемъ островамъ много гульбищъ, но понынѣ не было ни одного для прогулки въ экипажахъ, наподобіе Парижскаго

Булонскаго лѣса (Bois de Boulogne) и Лонгшампъ (Longchamp), Вѣнскаго Прадера (Prater), Берлинскаго шакъ называемаго Звѣринца (Thiergarten), и проч. Графъ М. А. Милорадовичъ, желая пополнить сей недоспашокъ, и возобновить память жилища Петра Великаго, избралъ для сего Екашерингофъ. При семъ случаѣ тошчасъ обнаружился Руской патриотизмъ, и многіе изъ гражданъ здѣшней столицы просили усердно Графа М. А. Милорадовича принять опъ нихъ въ пожертвованіе матеріалы для обновленія столь драгоценнаго для Рускихъ сердець мѣста. Сіи великодушныя предложенія приняты съ должною благодарностью, но не было никакой необходимости воспользоваться оными. Съ конца Іюня прошлаго 1823 года начались работы, удивляющія насъ красою и прочностью. Не угодно ли вмѣстѣ осмотрѣть дворецъ? Мы вошли въ комнаты, убранныя съ простотою времени Петра Великаго, мебелью, служившими для его употребленія, изъ коихъ нѣкоторыя находились въ семъ дворцѣ при жизни сего Монарха, а другіе доставлены изъ придворнаго гардъ-мебеля. Въ спальнѣ находился его кровать со всею приборомъ, въ шкапу два мундира: одинъ голубой, шипый золотомъ, а другой досинный съ золотыми галунами, въ ко-

поромъ Петръ бывалъ въ сраженіяхъ. Въ нижнемъ этажѣ спуля древняго покроя, комодъ, круглый деревянный споль, оба мозаической работы и большіе деревянные вызолоченные часы съ портретомъ Короля Прускаго, поставленные здѣсь попому, что древняя ихъ форма соотвѣтствуетъ убранству комнашъ. Вообще здѣсь во всемъ видна простота, главная черта характера Петра Великаго. Верхній этажъ убранъ съ бѣлымъ великолѣпиемъ. Здѣсь мебели нѣсколько красивѣе: Китайскія ширмы, шкапы, модель Китайскаго корабля и шканыя картины достойны особеннаго вниманія любителей. Въ небольшомъ кабинетѣ находится споловые часы съ курантами, съ портретомъ Петра I и его вензелемъ на маяшникѣ, древней формы зеркало въ зеркальныхъ же рамахъ, и нѣсколько вещей, подаренныхъ разнымъ лицамъ самимъ Императоромъ Петромъ Великимъ. Одинъ Офицеръ, сказывалъ намъ, что Графъ М. А. Милорадовичъ самъ собралъ сіи вещи, и помѣстилъ въ семь кабинетѣ. Я особенно замѣтилъ деревянную шабакерку работы Петра Великаго, подаренную симъ Государемъ флота Поручику Іосифу Бошому, какъ то написано на мѣдномъ обручикѣ; другую спекляную шабакерку и образъ, подаренные Государемъ семейству Новоладожскаго купца

Барсукова, и серебряные часы съ портретомъ Петра I, подаренные Вышневолоцкому купцу Сердюкову. Графъ М. А. Милорадовичъ успроилъ во дворецъ библіошеку, состоящую единственнно изъ книгъ, относящихся до жизни и дѣяній Петра Великаго. — Идея достойная XIX вѣка, и нынѣшняго просвѣщенія Россіи!

Я оставилъ дамъ, и пошелъ одинъ бродить по Екашерингофу. Первое строеніе, совершенно новой архитектуры, привлекшее мое вниманіе, есть родъ башни, вокругъ коей подъ навѣсомъ извивается деревянная дорожка для кашанья съ горъ, и для восхода пѣщкомъ. Мнѣ сказали, что это строеніе называется *Карусель*: здѣсь успроены различныя игры, и между прочимъ находится камеръ-обскура, въ которой свѣшь, проходя чрезъ куполь, изображаетъ на столѣ окрестныя мѣста. Отсюда я пошелъ осмотрѣть находящійся на берегу морскомъ *Кіоскъ* Гошическо-Арабской архитектуры, съ блестящимъ шпичемъ и широкою терасою со стороны моря. Чешыре фасада сего Кіоска составлены изъ чешырехъ поршиковъ, поддерживаемыхъ чугунными колонами, у подножія коихъ лежатъ чугунные львы. Попомъ пошелъ я къ новострояющемуся дому въ такомъ же вкусѣ, съ высокою башнею,

изъ коей видны всѣ окрестности, цѣлое взморье, Сирьльна и даже Кронштаптъ. Здѣсь будетъ устроена *Ферма* или хозяйственное заведеніе съ скопнымъ и пшичнымъ дворомъ. По берегу Черной рѣчки я пришелъ къ мосту. Онъ похожъ видомъ на мостъ, находящійся на Каменномъ острову, состоящій изъ трехъ деревянныхъ аркъ, и утверждень для прочности на чугунныхъ столбахъ. Я удивился, когда мнѣ сказали, что эпошь мостъ заложенъ 6 Апрѣля, и будетъ готовъ къ 1 Мая: но для Рускихъ нѣтъ ничего невозможнаго, и я повѣрилъ на слово, зная, что самъ Графъ М. А. Милорадовичъ наблюдаешъ за всеми постройками (*). Спроеіе близъ моста также Гошическо-Арабской архитекшуры, прелестно во всемъ смыслѣ

(*) Мостъ былъ готовъ за три дни до 1-го Мая. Генераль-Маіоръ Пешръ Пешровичъ Базень, извѣстный своими глубокими свѣдѣніями по Инженерной части, и своими практическими произведеніями, предложилъ для опыта употреблать чугунныя колонны вмѣсто граница для мостовыхъ фундаменшовъ. Если чугунъ выдержитъ различныя измѣненія воды въ нашемъ климатѣ, то мосты, такимъ образомъ устроенные, будутъ гораздо дешевле гранишныхъ, и припомъ выиграешся много времени при постройкахъ. И такъ мостъ сей еешъ, такъ сказашъ, *пробный*.

слова. Оно состоишь изъ трехъ главныхъ отдѣленій: въ срединѣ круглая башня съ стеклянными стѣнами, по краямъ двѣ четвероугольныя двухъ-этажныя башни съ балконами, соединяемая между собою одно-этажнымъ корпусомъ. Это роскошное жилище предназначено для *Воксала*, въ кошоромъ гуляющіе въ *Екашерингофѣ* найдуть всевозможныя прохладенія и закуски. Заведеніе необходимое для публичнаго гульбища, и по своему великолѣпію достойное *Екашерингофа*. Но восхищаясь красою зданій, я не замѣнилъ главнѣйшихъ работъ, сокрытыхъ для глазъ, но ощушительныхъ своею пользою: это возвышеніе земли кругомъ дворца и по морскому берегу посредствомъ насыпей, прикрытыхъ дерномъ, и устройство поперечныхъ дорогъ чрезъ лѣсъ, для прогулки въ экипажахъ. Инженерный Офицеръ, объяснявшій мнѣ всѣ сіи работы, указалъ на садъ (*), разводимый возлѣ дворца, на прекрасныя бесѣдки, качели, на

(*). Мнѣ особенно понравился *Дѣтскій садъ* возлѣ дворца, кругомъ загороженный, гдѣ находится бесѣдка и всѣ возможныя дѣтскія игры. Нѣжныя машери могутъ быти покойны на счетъ безопасности ихъ дѣтей во время публичнаго гулянья. За загородею дѣти предохранены отъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ, наиска лошадей, укушенія собакъ и проч.

кегельную игру и примолвилъ: „согласитесь, что если съ прошедшаго Юня все это, шакъ сказашь, сотворено по одному мановенію, по нѣшъ сомнѣнія, что всѣ предположенія къ приведенію Екашерингофа въ самое блестящее состояніе, не останушя безъ исполненія (*). Между прочимъ даже эши вешкія деревья замѣнены будушъ новыми, ибо плантація уже началась, и всѣ дороги, пересѣкающія лѣсъ, примушъ другой видъ, подъ надзоромъ дѣяшельнаго преобразовашеля сего гульбища.“

Оспавшись одинъ, я долго размышлялъ о дѣяшельности человѣка, кошоряд ожидаешъ шолько направленія, чшобы развишъ всѣ свои способности. Великолѣбныя зданія съ перваго взгляда показывающъ могущество народа, и оспашушя въ вѣкахъ памяшниками онаго. Красивые загородные дома, сады, гульбища означающъ вкусъ, образованность, довольство чашныхъ людей и богатство городовъ. Они хошя не оспавляющъ послѣ себя величественныхъ развалинь, но переходяшъ къ попомсшву въ воспоминаніяхъ радости и наслажденія. Такимъ образомъ въ

(*). Говоря о земляныхъ работахъ, мы не можемъ умолчашъ о Полковникѣ Сакерѣ, кошораго искусство, дѣяшельность и усердіе въ исполненіи возложенныхъ на него порученій, извѣсны жителямъ сшоплицы.

пѣсняхъ Горация и Виргилія сохранилась память роскошныхъ загородныхъ домовъ Римскихъ Вельможъ Державинъ въ Стихотвореніяхъ своихъ *Развалины* и *Прогулка* и А. Пушкинъ въ *Воспоминаніи о Царскомъ Селѣ*, изобразили красоты сего истинно Царскаго жилища. Преместное *Павловское* (драгоценное для Рускихъ, какъ любимое мѣстопробываніе Матери-Царицы), отражаясь въ сладкозвучныхъ стихахъ В. А. Жуковскаго (*) какъ въ струяхъ тихихъ водъ, веселишь воображеніе живостью картинныхъ своихъ мѣстоположеній. Переводчикъ Поэмы Делла: *Сады* (**), А. Θ. Воейковъ, хотя кратко, но весьма удачно изобразилъ отличительныя черты прекраснѣйшихъ загородныхъ дворцовъ и частныхъ домовъ въ окрестностяхъ Москвы и Пешербурга. Должно надѣяться, что Екатерингофъ, украшенный всеми вымыслами вкуса и Искусства, построенный незабвеннымъ Зиждишелемъ Россіи Петромъ Великимъ, въ воспоминаніе побѣды, имѣвшей споль блага послѣдствія для опечесства, что Екатерингофъ, говоря, возбудишь патристическій геній патристовъ,

(*) См. Стихотворенія В. Жуковскаго. Ч. II. изд. прешіе, стр. 159, 181.

(**) См. Поэму: Сады, опъ стр. 17 до 29.

и воскресилъ въ Рускихъ сердцахъ память Героя, основателя онаго.

Рѣшившись однажды отдавать моимъ читателямъ отчетъ въ моихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и препровожденіи времени, имъ посвященнаго, я написалъ все, что видѣлъ и чувствовалъ въ Екашерингофѣ, и прошу всѣхъ, кому извѣстно, съ какою быстрой составяются журнальныя статьи, извинить меня предъ строгими Критиками въ несовершенствѣ описаній или въ упущеніяхъ.

Ө. Б.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пустыня.

Подражаніе Шолье.

Пустынный край, обитель счастья,
 Мятельнымъ суешамъ куда невступень входъ,
 Ты прислань мирная ошь свѣтскаго несчастья!
 Тобой укрытый ошь забощь,
 Я сполько разъ, съ струной игривой
 Сливая робкій голось мой,
 Дубравамъ воспѣвалъ воспоргъ любви счастливой,
 И силу прелестей надъ пламенной душой;
 Теперь ли, связанный оковами молчанья,

Неблагодаренъ буду я,
 И лира пихая моя
 Забудешь возгласишь свои благодаренья?
 Ты сердцу моему спокойство возвратилъ,
 Ты ошдалъ радости забытыхъ наслажденій,
 И внозь на лонѣ мирной лѣни,
 Меня съ Природой подружилъ,
 Гдѣ солнце въ первый разъ явилось мнѣ въ сіяньѣ,
 Среди цвѣшущихъ нивъ и селъ;
 Здѣсь времени полетъ умчишь воспоминанье
 Минувшихъ горестей и золь.

Пещера мшистая, откуда по кремнямъ,
 Сквозь трепещущій камышь бѣжишь источникъ чистой,
 Пускай лишь сладкій шумъ воды его сребристой
 Касается моимъ ушамъ.
 Какія милыя картины предо мною!
 Тамъ нивы пестрыя, холмы, угрюмый лѣсъ;
 Тамъ озеро въ брегахъ одѣтыхъ муравою,
 Простерлось зеркаломъ безоблачныхъ небесъ:
 Повсюду щедрою рукою
 Разсыпаны дары небесъ!
 Какъ мило видѣшь вдоль равнины,
 Бродящія спада пестрѣющихъ ягншатъ,
 Или склоненные подъ древнія осины,
 Гдѣ листвягами кусты ракишника шумятъ,
 И дышишь ландышей весеннихъ ароматъ.
 Какъ сладко вечеромъ, въ шѣни согбенной ели,
 Вынимашъ, какъ дальній лѣсъ оплѣвшествуешь рогами,
 И звуки яркіе паспущеской свирѣли,
 Несущся вдоль ручья по бархатнымъ лугамъ.
 Но ахъ! быспрѣй, чѣмъ бурны воды,
 Лешащія въ поля съ боковъ скалы крушишь,
 Умчашся навсегда мои молодые годы,
 И лѣнь безпечная не оставовишь ихъ;
 И старость дряхлая, согнувшисьъ опъ безсилъ,

Ко мнѣ на костыляхъ печально прибредешь ,
Ударишь грозный часъ, и духъ, расправя крылья ,

Опъ шѣла хладнаго вспорхнешъ .

Вы, дубы древнiе, подъ вашей хладной шѣню

Я въ дѣствiѣ засыпалъ, игрою упомленъ ;

Пусть окуеть меня и непробудный сонъ

Подъ вашу величественной сѣню .

А ты, вослѣвша и радость и любовь ,

О лира ! надъ моей могилой

Ты смолкнешъ — лишь порой при шумѣ вѣшеровъ

Съ заржавыхъ струнъ швоихъ прольешься слонъ унылой !

М. Загорскiй.

III.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

или

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТIЯ.

Литературныя новости, замѣтанiя и прог.

— На сихъ дняхъ вышли изъ печати *Согиненiя Владислава Александровича Озерова*, двѣ части, новое изданiе, иждивенiемъ книгопродавца И. Заикина. С. П. Б. въ типографiи Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1824 года (*). Первая часть заключаетъ въ себѣ предувѣдомленiе опъ А. Е. Измайлова, наблюдавшаго по прозѣбѣ Издашелей, за исправносью

(*). Продается въ книжныхъ лавкахъ Ивана Заикина подъ No. 18, 19, 20, 23 и 26, 2 части, съ пересылкою въ города 20 рублей.

сего изданія, двѣ выписки изъ Обозрѣнія Руской Лишерапуры въ 1815 и 1816 годахъ и изъ *Краткаго опыта Исторіи Рус. Литературы* (*) соч. Н. И. Греча, и надгробіе Озерову соч. А. Е. Измайлова. Послѣ сего слѣдуешь: I.) О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова, соч. Князя П. А. Вяземскаго. II.) *Эдипъ въ Авинахъ*. III.) *Фингалъ*, Трагедіи. Частію вѣпорая содержишь въ себѣ Трагедіи: I.) *Дмитрій - онской*. II.) *Поликсена*, и *Разныя мѣлкія стихотворенія*, между коими находящіяся также произведенія другихъ Поэтовъ, писавшихъ къ Озерову и объ Озеровѣ. Въ концѣ вѣпорой части, на чепырехъ спраницахъ, напечатаны перемѣны или поправки (!), сдѣланныя А. Е. Измайловымъ въ спискахъ Озерова. Но по какому праву Г. Измайловъ перемѣнилъ и переправилъ списки Озерова въ самомъ шекспѣ? — Эпо событіе, неслыханное понынѣ въ Исторіи Словесности просвѣщенныхъ народовъ! — Неужели Г ну Измайлову неизвѣстно, какимъ образомъ поступилъ Алкивіадъ съ учипелемъ поправлявшимъ списки Гомера? — Не знаемъ, до какой степени искажены были списки Гомера, но имѣя предъ глазами поправки Г. Измайлова, мы рѣшительно объявляемъ, что онъ во многихъ мѣстахъ превратилъ смыслъ стиховъ Озерова, лишилъ ихъ сладкозвучія, и несносною переспановкою словъ совершенно ослабилъ дѣйствіе рѣчей дра-

(*) Когда *Краткая Исторія Россійск. Литературы* вышла въ свѣтъ, то со всѣхъ сторонъ посыпались на нее кришики, а теперь со всѣхъ сторонъ обрываютъ ее и во всякомъ случаѣ на нее ссылаются. Изд.

мапическихъ лицъ, выведенныхъ на сцену Озеровымъ.

- Напримѣръ, у Озерова сказано:

Ты храбростью своей въ лѣсахъ молодыхъ извѣстенъ.

А Г. Измайловъ поспавиль:

Ты мужествомъ своимъ вселенной всей извѣстенъ.

Во первыхъ, мужество и храбрость не есть одно и то же. Судья неупрашающийся произнесъ справедливый приговоръ прошиву сильнаго; чиновникъ, смѣло говорящій истину для общаго блага; отецъ, презирающій узы крови для пользы отечества, исполнены мужества. О нихъ нельзя сказать, что они храбры, ибо мужество можетъ быть гражданскою добродѣтелью, а храбрость всегда относится къ боямъ. Во вторыхъ: извѣстенъ храбростью въ молодыхъ лѣсахъ, и извѣстенъ вселенной — совсѣмъ другое дѣло. Можно быть извѣстнымъ храбростью въ молодыхъ лѣсахъ весьма немногимъ. Здѣсь выраженіе *вселенная* есть ипербола весьма странная. Сверхъ того Г. Измайловъ въ своихъ поправкахъ, кажешся, щцательнo спарался набирать сочешаніе гласныхъ буквъ, непріятное для слуха. Онъ вмѣсто: *Ты зри главу мою*, поспавиль: *Зри и главу мою*. Вездѣ, гдѣ у Озерова стоишь *ябъ былъ* или *я бы*, Г. Измайловъ поправиль *бы я*. Вмѣсто *иди*, Г. Измайловъ говоришь *бѣгу*, (вѣроятно для скороссти дѣйствія). Но перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ при мысли о столь безжалостномъ *искаженіи* стиховъ бессмертнаго Озерова! Какая надежда остается для нашихъ первоклассныхъ Поэтовъ, послѣ этого примѣра? Издатели, Книгопродавцы, безъ сомнѣнія, всегда

найдушь усердныхъ поправщиковъ, которые, подобно Г. Измайлову, въ предувѣдомленіи скажутъ: (смол. часть I. стр. III.) „Озеровъ, равно какъ и Державинъ, былъ великій Поэтъ, но не всегда, какъ и поэтъ, искусный *стихослагатель* (*versificateur*). Эпюта недоспагокъ есть, такъ сказать, неизбежная дань, заплаченная ими тому времени, въ которое начали они писать, не учась — къ сожалѣнію — *классически* Словесности, и не имѣвъ тогда образецъ исправнаго стихосложенія.“ — Вотъ оправданіе Г. Измайлова, на основаніи коего онъ наложилъ руку на стихи Озерова, *исказивъ* оныя испинно *классически*. Спранная Логика! Гомеръ и Гезіодъ такъ же не имѣли образецъ исправнаго стихосложенія, но сдѣлались сами образцами, и попомство пользовалось ихъ ошибками какъ наставительными уроками, но не перемѣняло стиховъ въ шекспір. На эпо изобрѣшены коменшаріи, примѣчанія къ изданіямъ и пр. Спрашиваемъ Г. Измайлова, что онъ разумѣетъ подь классическимъ ученіемъ Словесности? Озеровъ воспитывался въ Сухопупномъ Кадетскомъ Корпусѣ, возведенномъ знаменитымъ Бецкимъ и Графомъ Ангальшомъ на отличнѣйшую степень совершенства. Озеровъ былъ ученикъ Княжнина. Если Г. Измайловъ подь названіемъ *классической Словесности* разумѣетъ Латинскую и Греческую, то онъ правъ. Озеровъ не зналъ древнихъ языковъ, но и Г. Измайловъ, какъ намъ извѣстно, не знаетъ оныхъ, и потому не имѣетъ преимущества предъ Озеровымъ въ семъ отношеніи (*). Г. Измайловъ, (какъ вид-

(*) Г. Измайловъ, издавая Сына Отечества во время пу-

но изъ Кратк. Опыта Испоріи Россійской Липер. соч. Н. И. Греча) воспишывался въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ курсъ Словесности пошъ же самый, какъ и въ нынѣшнемъ г-мъ Кадетскомъ, и гдѣ ученіе, какъ оно ни хорошо, викогда не превышало той степени, на какомъ было во время Озерова въ Сухопушномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Мы сдѣлаемъ еще одинъ вопросъ Г. Измайлову: чѣмъ обнаруживается классическое познаніе Словесности, если не произведеніями? Чѣмъ означающся преимуществва одного Автора предъ другимъ? Безъ сомнѣнія произведеніями же. И пакъ сочиненныя Г. Измайловымъ Басни и Сказки, не могли дать ему права исправлять безсмертныя шворенія Озерова. Съ эшимъ вѣрно согласяща всѣ благомыслящіе мои читатели. — При семъ изданіи, которое впрочемъ довольно исправно, и напечатано прекрасными буквами, нѣшъ порипрета Озерова, но за шо приложенъ снимокъ (fac-simile) съ почерка руки сего знаменитаго Поэта. Мы не знаемъ, кого благодарить за исправленіе весьма важной ошибки, находящейся въ изданіи 1817 года, въ сшашь: О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова, соч. Князя Пешра Андреевича Вяземскаго.

пешествія Г-на Греча за границу, въ отвѣшъ на письмо Г. Страбоновскаго, адресованнаго къ Издашелю, говоритъ: „Издашель С. О. отправился отсюда въ Кале 16 ч. минувшаго мѣсяца, а я, не зная вовсе къ спыду моему, Латинскаго языка и древней Географіи, не въ состояніи разрѣшяшъ недоумѣнія Г. Страбоновскаго.“ — См. Сынъ Ошесствива No. 22, 1817 года, стр. 115.

Сочинитель сей спашьи, желая озарить оню блескомъ древнихъ Греческихъ классиковъ говорить: „Въ Поликсенѣ взята обильная дань съ Илиады, и въ эпномъ смыслѣ можно по выраженію Эсхила, назвать ее *барельефомъ* пиршесивъ Гомера.“ — (см. спр. XLV). Очевидно, что К. П. А. Вяземскій почерпнулъ это *выраженіе Эсхила* не изъ Греческаго подлинника, но изъ Французскаго Автора, и вмѣсто *reliefs des festins d'Homère*, ш. е. крохи или оспашки опъ пировъ Гомеровыхъ, перевелъ *барельефы пиршествъ Гомера* (!!). Впрочемъ и новая поправка не весьма удачна. Въ новомъ изданіи сочиненій Озерова сказано (спр. LIV): „*новымъ пирствомъ изъ остатковъ отъ пирствъ Гомеровыхъ.*“ Какое можетъ быть новое пиршесиво изъ крохъ или оспашковъ пирствъ! Сочинитель спашьи, сдѣлавшій первую ошибку, и поправлявшій оную вѣроятно не поняли, что Эсхиль говорилъ въ насмѣшку. Они шупочное выраженіе его употребили въ похвалу Озерову! Крапкія сіи замѣчанія мы заключаемъ сожалѣніемъ объ участи всѣхъ Писателей, которые всегда болѣе претерпѣвають опъ знаменитыхъ своихъ друзей, нежели опъ мнимыхъ враговъ, и повшоряемъ спихъ Крылова:

Избави Богъ и насъ, опъ эдакихъ судей.

— На Польскомъ языкѣ вышла книга подъ заглавіемъ: *Замѣтанія объ Японіи* В. М. Головина, съ присоединеніемъ Крапкаго Словаря Японскаго языка, составленнаго Г. К. П. Тунбергомъ (К. Р. Thunberg), переводъ Григорія Бучинскаго,

спр. 170 in 8 съ двумя карпинками. — Это переводъ 3-й часпи Записокъ объ Японіи В. М. Головина, въ копоромъ находяшся описанія сего края, соспавленные во время пребыванія его въ плъну у Японцевъ.

— Не взирая на нѣкопорыя замѣчанія, сдѣланныя нами на Журналь, издаваемый на Нѣмецкомъ языкѣ Г. Ольдекопомъ, (Санктпетербургскій Журналь, St. Petersburg. Zeitschrift), мы крайне сожалѣемъ, что подписка на оный не соопвѣшствуетъ усердію Издателя, и пользѣ, происходящей отъ сего изданія. Почему бы достпачнымъ помѣщикамъ и купцамъ Оспъ-зейскихъ провинцій не поддержашъ похвальныхъ трудовъ своего соопечественника, спарающагося о распространеніи въ чужихъ земляхъ извѣстій о Россіи, и о произведеніяхъ Руской Словесности? Почему бы содержателямъ часпныхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподають Нѣмецкій языкъ, не выписашъ по одному экземпляру сего Журнала? Предпріятіе Г. Ольдекопа и его безкорыстные труды, безъ сомнѣнія, заслуживають всякое ободреніе Рускихъ папріотовъ, и сущеснвованіе его Журнала еспъ вещь почти необходимая для липерашурныхъ сношеній Россій съ Европою, гдѣ по несчастію не учають Рускому языку, слѣдовашельно съ большими затрудненіями получають извѣстія о нашихъ успѣхахъ на поприщѣ образованности. Позволя себѣ иногда дѣлать замѣчанія на Журналь Г. Ольдекопа, единственно для пользы общей, мы никогда не спарались зашмить достпачнаго онаго, напрошивъ шого просимъ покорнѣйше

(безъ вѣдома Г. Ольдекопа) всѣхъ истинныхъ па-
 пріосовъ обратили вниманіе на сей Журналъ,
 котораго существованіе иѣсно сопряжено съ
 народною славою. Подписка на С. Петербург-
 скій Журналъ (St. Peter. Zeitschrift) принимается
 въ С. Петербургѣ у всѣхъ иносанныхъ кни-
 гопродавцевъ и въ книжномъ магазинѣ Плавиль-
 щикова; въ Москвѣ у Г. Голыѣ, въ Оспъ-зейскихъ
 провинціяхъ у всѣхъ книгопродавцевъ. Иногород-
 ные могутъ также выписывать сей Журналъ
 чрезъ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго
 Почтамта или отнестись къ самому Издаше-
 лю жишельствующему въ С. Петербургѣ на Ва-
 сильевскомъ острову между 3 и 4 линіею на
 среднемъ проспектѣ въ домѣ подъ № 289. Цѣна
 35 рублей, съ пересылкою 42 рубля. Каждый
 мѣсяць выходитъ книжка въ 8 печатныхъ ли-
 стовъ.

— Прошу извиненія у почтеннаго В. А. Жу-
 ковскаго, въ неумышленномъ проступкѣ: въ 7
 номерѣ Липер. Листковъ, въ спискѣ о Преле-
 сннн, на стр. 249 въ строкѣ 27, по небрежно-
 сти переписчика и моей неосмотрительности
 въ корректурѣ, пропущено имя Г. Жуковскаго
 при исчисленіи Поэтовъ, обворожающихъ чипа-
 пелей прелесцію своихъ произведеній. Ручаюсь
 честью моею, что это произошло безъ умы-
 сла. Съ самаго вступленія моего на Липера-
 шурное поприще, я всегда старался быть по
 возможности безприсраснымъ, не обращая
 вниманія на постороннія отношенія. И если бы
 когда нибудь увлекся какою нибудь спраснью,
 то вѣрно не въ отношеніи къ В. А. Жуковско-

му, котораго уважаю какъ человѣка, люблю какъ Поэта, хотя имѣю свой собственный образъ мыслей на счесть Руской Литературы. *Sapere aude!*

Θ. Б.

Маленькой разговоръ о новостяхъ Литературы.

- 1-й голосъ. Читаль ли ты предисловіе къ *Бахтисарайскому фонтану*?
- 2-й ——— Читаль.
- 1-й ——— Читаль ли нумерь 5-й Вѣстника Европы?
- 2-й ——— Читаль.
- 1-й ——— Читаль ли ты 7-й и 8-й номера Дамскаго Журнала?
- 2-й ——— Да . . . читаль. . . .
- 1-й ——— Читаль ли 7-й нумерь Вѣстника Европы?
- 2-й ——— Читаль.
- 1-й ——— Чшожь ты скажешь объ эпшй лишературной перепалкѣ?
- 2-й ——— Чшо на поприщѣ Руской Словесности появился новый Кришикъ, разбирающій предметы основательно, глубокомысленно, съ веселоспью и игривоспью ума, Кришикъ, знающій языкъ и Словесность. Скажу по совѣспи, чшо Михайль Дмипріевъ общаенъ много: Дай Богъ, чшобы онъ продолжалъ прудиться въ эпшмъ родѣ!

- 1-й голосъ. Попише, попише! Если знаменитые мои друзья улыбають свои сужденія, то назовушь тебя невѣждою, безграмашнымъ, педаншомъ желчнымъ — и всѣмъ, чшо ешь дурнаго въ мірѣ.
- 2-й ——— И шакъ въ кругу вашихъ друзей нельзя имѣшь своего собственнаго мнѣнія?
- 1-й ——— Нѣтъ! Мы, шочно какъ телеграфы, шолько повшоряемъ слова и движенія перваго изъ насъ, который подаешь голосъ, — но куда ты бѣжишь?
- 2-й ——— Послѣ этого, мнѣ не за чѣмъ долбе съ тобою ошавашься. — Прощай! —

• КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

О минеральныхъ цѣлительныхъ водахъ въ Нескучномъ.

(Письмо изъ Москвы.)

Нескучное, ошколь съ чершогамы, съ церквами,
 Великая Москва лежить передъ глазами,
 Съ Кремль, возвышеннымъ во образѣ вѣнца,
 Предъ взорами Москва — и нѣтъ Москвъ конца.

(А. Воейковъ въ Поэмѣ Сады, стр. 19.)

Кшо былъ въ Москвѣ, шопш знаешь предешное мѣшположеніе Нескучнаго, куда ошекаешь въ лѣшнее время множешво гуляющихъ наслаждашься видомъ Москвы, и

красотами Природы. Но теперь *Нескучное* приобрѣло другого рода занимательность, и безъ сомнѣнія привлечетъ къ себѣ спранниковъ изъ всѣхъ концевъ Россіи, чтобы пользоваться цѣлительными свойствами минеральныхъ водъ, въ мапери градовъ Рускихъ, бѣлокаменной Москвѣ, гдѣ, сверхъ всѣхъ пособій Медицины, пріятное общество, наслажденія столицы, а что болѣе, чувство родины должны дать симъ водамъ преимущество предъ иноспранными источниками, изъ коихъ большая часть знамениты по пословицѣ: славны бубны за горами.

Впрочемъ благодѣтельное свойство минеральныхъ водъ въ *Нескучномъ* доказано многими искусными Врачами, и Профессоръ *Ө. Ө. Рейсъ* сдѣлалъ химическое разложеніе оныхъ, сопровождаемое многими опытами. Почитаю излишнимъ обременять вашу *Журналь* учеными изысканіями; скажу вамъ только, что открытыя въ сей водѣ минеральныя вещества суть слѣдующія:

1. Углекислотная кислота.
2. Соляная кислота.
3. Водотворная серная кислота.
4. Известь.
5. Жельзо въ видѣ первой окиси.

Въ слѣдствіе химическаго разложенія сей воды, и тщательнаго разысканія первыхъ

ея началъ, сдѣлано заключеніе, что главное цѣлищельное начало, въ оной находящееся, есть *жельзо въ состояннн первой окиси*, коего находится $\frac{2}{3}$ грана въ фунтѣ воды, ш. е. та же самая пропорція, какъ и въ лучшихъ цѣлищельныхъ жельзныхъ водахъ, а именно въ *Спа*. Это открытіе подаешь надежду всемъ благомыслящимъ патриотамъ, что наши богачи, имѣя въ опечесствѣ, и даже въ самой столицѣ, минеральныя воды, со временемъ опвыкнутъ опъ поѣздокъ за границу для поправленія распроеннаго своего здоровья, и шѣмъ умножатъ обращеніе капиталовъ въ Россіи, доставяшъ средства къ улучшенію различныхъ заведеній при минеральныхъ водахъ, и своимъ пребываніемъ умножатъ блескъ древней столицы, вмѣщающей въ себѣ воспоминанія славы предковъ, служащей средоточіемъ народной промышленности, и наконецъ оптвержающей лоно опечесственной земли для исцѣленія физическихъ недуговъ.

Цѣлебный источникъ сей минеральной воды находится при подошвѣ песчанаго холма, лежащаго на югозападной сторонѣ Москвы на правомъ берегу Москвы рѣки, и начинаясь опъ Крымскаго моста и Голицынской больницы, простирается до села Воробьева и пошомъ до скопнаго двора Восни-

шательнаго Дома. Источникъ находится въ 1200 саженьхъ отъ мѣста, назначеннаго для храма, сооружаемаго во имя Спасителя (измѣряя отъ вершины холма), и въ 250 саженьхъ отъ Калужской заставы (по прямой линіи).

Въ *Нескучномъ*, принадлежащемъ нынѣ Поручику Князю Шаховскому, усстроены уже особенныя жилища для желающихъ пользоваться сими водами, и должно надѣяться, что въ нынѣшнюю весну, сіе предсписное мѣсто предсавитъ новое зрѣлище, и оживитъ Москву спеченіемъ иногородныхъ посѣщителей, которые пожелаютъ здѣсь искать разсѣянiя и исцѣленiя.

Н. В.

Увѣщеленiя Столицы.

Погода не благопріятствовала гулянью 1-го Мая въ Екаперингофъ, но любопытство превозмогло сіи преграды, и не взирая на дождь и снѣгъ съ утра, а холодный сѣверный вѣтеръ послѣ обѣда, шолпы пѣшеходцовъ и множеству экипажей явились въ обыкновенное время на гульбище. Между 7-мъ и 8-мъ въ половинѣ часа къ вечеру съѣздъ былъ необыкновенный, и экипажи соспавляли чешыре ряда въ аллеяхъ, окружающихъ рошу. Музыка гремѣла въ разныхъ мѣстахъ; качели и горы были въ движеніи, но

публика, кажется, не обращала вниманія на народные увеселенія, а занята была разсмащиваніемъ новопостроенныхъ прелесныхъ домовъ и бесѣдокъ, обновленнаго дворца Петра Великаго, новыхъ шоссе, дорожекъ, разведеннаго сада, а особенно прекраснаго моста, который легкостью и величиємъ своимъ возбуждалъ удивленіе даже въ знайокахъ Искусства. Екашерингофъ украшается ежедневно, и во второе гулянье въ Троицынъ день, публика вѣроятно найдеть новые предметы, достойные особеннаго вниманія; деревья до того времени покроятся листьями, луга обновятся зеленью, и тогда Екашерингофъ предсавицца въ полномъ своемъ блескѣ.

М о д ы.

Модныя вещи, обыкновенія и проч.

— На публичномъ гульбищѣ въ Лонгшанъ (Longchamp) въ Парижѣ, замѣчены были слѣдующія новости:

Въ одномъ крышомъ кабріолетѣ, двое молодыхъ людей изъ числа шѣхъ, которые вводять новыя моды, имѣли шляпы съ весьма низкимъ кузовомъ и широкими полями наподобіе Квакерскихъ.

— Въ Русскихъ дрожкахъ (un drowski, sorte de voiture Russe), вѣроятно крышыхъ, дама одѣта была по Испански.

— На одной лошади по бокамъ привязаны были корзины, въ коихъ сидѣло по одному человѣ-

ку. Такимъ образомъ путешествуя женщины въ горахъ. Но на гульбищѣ! Надобно бытъ чудачковъ, чтобы ошважиться въ такомъ видѣ показаться въ публикѣ.

— Дамы верхомъ были въ круглыхъ мужскихъ шляпахъ съ полувуалями; мужчины въ серпукахъ или фракахъ, заснеженныхъ до самой шеи.

— Хлыстики дѣлающа съ лорнетами, прикрѣпленными къ ручкѣ.

Женскія моды. Щеголихи носятъ платья изъ весьма тонкаго полосатаго багисшу. Эти полосы не одинакой ширины, и расположены слѣдующимъ образомъ: широкая лиловая полоса, узкая розовая полоса, широкая полоса цвѣшу переливающегося изъ темно-бураго въ свѣшлый (de brun en clair), послѣ того снова слѣдуютъ полосы: лиловая, розовая и бурая. При сихъ платьяхъ употребляютъ шляпки, въ коихъ находяща пѣже самые цвѣты, перемѣшанные между собою, и перья въ такомъ же вкусѣ.

— Модный цвѣтъ шляпокъ есть розовый и бѣлый. На послѣдней прогулкѣ въ Лонгшанъ, замѣчена была одна шляпка à la Bolivar, изъ розоваго крепа съ бордюромъ изъ блондъ, украшенная однимъ плоскимъ перомъ, приколотымъ спереди. При соломенныхъ Итальянскихъ шляпкахъ употребляютъ лисья и сиреновыя вѣтви въ цвѣшу, или фіялки. Итальянскія шляпки носятъ во всю ихъ величину или à la pélerine.

— Замѣчены также на гульбищѣ шляпки изъ бѣлаго гроденапля à la Bolivar, украшенные по боршамъ голубою вышивкою. Кузовъ шляпокъ

быль къ верьху шире, а къ полямъ уже. Видно, эшо что-шо въ родѣ Рускихъ кучерскихъ шляпъ.

— Теперь весьма мало носяпъ сипцевъ и перкалей; вмѣсто того мериносы свѣшлыхъ цвѣшовъ снова входяпъ въ моду, и баписпы полосашые. Рукава дѣлаюпъ чрезвычайно широкіе съ нѣсколькими перехватами, или en gigot, ш. е. ошъ плечь до локпя весьма широкіе, а ошъ локшей чрезвычайно узкія.

Мужскія моды. Фраки кашпановаго цвѣпа, съ шаками же пуговицами имѣюпъ ворошники очень высоко подпяшые сзади, и опускающіеся дугою. Опвороты длинные спереди, но узкіе на груди. Панталоны изъ полосапаго бумажнаго ашласа (*satin de coton*).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Саякшешербургъ, 8 Маія 1824 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ,

ЖУРНАЛЪ

ПРАВОВЪ И СЛОВЕСНОСТИ.

МАЙ 1824. Но IX и X.

Содержаніе: I. Проза. Талисманъ, или средство
жить безъ денегъ. II. Стихотворенія: 1.
Подражаніе Псалму 119, соч. Ф. Глинки. 2.
Басня: III. Волшебный фонарь или разныя
извѣстія.

I.

П Р О З А.

ТАЛИСМАНЪ,

или

СРЕДСТВО ЖИТЬ БЕЗЪ ДЕНЕГЪ:

Письмо къ Издателю.

Nul n'est content de sa fortune,
Ni mécontent de son esprit.

Mme. Deshoulières.

Нужда есть мать изобрѣшеній: она, по
словамъ ученыхъ, произвела Науки, Искусства,
ремесла, промышленность, и къ увѣнчанію
всѣхъ своихъ подвиговъ, выдумала деньги,
представителей всѣхъ произведеній земнаго
шара. Воиъ nec plus ultra челоувѣческой ушоп-

ченности! — Чшо можешъ бытъ замыслова-
 шье и покойнѣ выдумки, посредствомъ коей
 можно заключишь въ шѣсномъ пространствѣ
 шрехъ-вершковаго кармана, домъ, экипажъ,
 шполь, услугу и вѣрный способъ нравишься.
 И такъ не мудрено. если большая часть людей
 въ продолженіе всей своей жизни раскидываютъ
 паушину изъ всѣхъ своихъ способностей для
 уловленія богатства. Не удивишельно, если
 почти во всѣхъ человѣческихъ сношеніяхъ
 слышенъ звонъ ходячей монеты, и чшо слово
деньги, имѣешь магическое въ свѣшѣ свой-
 ства. — Но всеэшо обыкновенныя вещи, встрѣ-
 чаемая на каждомъ шагу на поприщѣ жизни;
 и такъ я рѣшилъ избавишься ошъ всеобщаго
 ига. Узнавъ ничтожность денегъ, пошому
 чшо я сперва имѣлъ ихъ очень много, а пе-
 перь вовсе не имѣю, испытавъ роскошь и
 нужду, я совершенно ошказался ошъ денегъ,
 какъ побудишельной причины къ многимъ
 бѣдшвіямъ и вѣчному безпокойству, и на-
 конецъ изобрѣлъ *средство жить безъ денегъ*.
 Тридцать лѣтъ я прожилъ покойно и весе-
 ло безъ долгу и подаянія, безъ жалованья и
 доходовъ, всегда имѣлъ хорошую кварширу,
 чистую одежду, вкусный шполь, наслаждал-
 ся всѣми удовольствіями шполицы, и кромѣ
 шого дѣлалъ добро людямъ, неумѣвшимъ, по-
 добно мнѣ, жить безъ денегъ. — При сихъ

словахъ вы вѣрно вскрикнете опть удивленія. Прочтите далѣе, и вы увидите изъясненіе сей тайны, которую я рѣшился при старости объявить предъ свѣтомъ посредствомъ вашего Журнала; опасаясь, чѣмъ она не погибла вмѣстѣ со мною; подобно Греческому огню; стѣиной живописи древнихъ Римлянъ, практической Философій, и многимъ прекраснымъ вещамъ, которыя дошли до насъ шолько по преданіямъ и по писаніямъ.

Но прежде всего мнѣ должно указать вамъ путь, по коему я достигнулъ до сего важнаго откровенія: И такъ прошу терпѣливо выслушать нѣкоторыя обстоятельствова моей жизни, изъ коей я исключаю всѣ посторонніе предметы, неимѣющіе связи съ главною цѣлью.

Отеца моего я лишился въ весьма молодыхъ лѣтахъ, а мать моя, оставшись молодою вдовою, вышла вторично замужъ за прекраснаго юношу, который всю премудрость свою заключалъ въ прическѣ волосъ и покровѣ плащя; способность мысли употреблялъ шолько на изобрѣшеніе новыхъ разсѣяній, и всю свою дѣятельность ограничивалъ усердіемъ помогать моей мамушкѣ въ проживаніи доходовъ съ огромнаго нашего имѣнія. Ко мнѣ приславили Французскаго гувернера; для образованія

моей нравственности, (какъ тогда говорилъ, хотя я до сихъ поръ не понимаю, что они разумѣли подъ симъ выраженіемъ), а для украшенія моего разума, наняли множество учителей, которыхъ доспашочно было бы для обученія въ одно время нѣсколькихъ пенсіонновъ, и которые только успѣли научить меня наизусть множеству собственныхъ именъ, и искусству подписывать билеты за уроки, съ приложеніемъ герба моего печатки. Но я на ихъ не жалуясь; не они виноваты: *Tu l'as bien voulu, George Dandin!* —

Наконецъ воспитаніе мое кончилось, и я на семнадцатомъ году вступилъ въ свѣтъ подъ руководствомъ моего воспитима. Я безъ смѣху не могу вспомнить, до какой степени я былъ тогда глупъ, гордъ, высокомеренъ и тщеславенъ, не взирая на то, что мой гувернеръ получалъ исправно свое жалованье за образованіе моей нравственности, и что природа *даромъ* наградила меня добрымъ сердцемъ. Но лещь и дурные примѣры кого не погубили? И никакъ, чему удивляться, если они сдѣлали изъ меня маленькаго негодяя? Въ наружности я слѣдовалъ моему воспитиму, и появлялся чешыре раза въ день конією Парижскихъ модныхъ карпинокъ, за скръпою перваго поршнаго и перваго парикмахера въ городъ. Въ обхожденіи съ людьми, я брадъ

примѣры со всѣхъ баловней счастія, извлекаемая самыя рѣзкія черты. Я удивлялъ старшихъ моею дерзосцію, самонадѣянностью и фамилярностію. Не почитая никого себя равнымъ, и полагая, что я лучше всѣхъ, я ни съ кѣмъ не сближался: съ ровесниками моими обходился, какъ Паша съ своими Янычарами. На низшихъ, или почитаемыхъ мною таковыми, я смотрѣлъ какъ Юлиперъ съ высоты Олимпа на подваспныхъ ему пварей. Въ общесхвахъ женскихъ я былъ совершенно несносенъ: рѣшалъ, опредѣлялъ все однимъ словомъ, спорилъ, хвалилъ и бранилъ вещи, о которыхъ я вовсе не имѣлъ понятія; — но дамы, конечно изъ нѣжнаго снисхожденія, почитали меня любезнымъ, и я еще больше ассомрлі. Я даже влюблялся, и если вы спросите меня, былъ ли я счастливъ въ любви? — ошвѣчаю: я былъ богатъ и молодъ. — Но я скромень, и почитаю излишнимъ говорить о вещахъ всѣмъ извѣстныхъ, и всѣми за шайну почитаемыхъ. —

Наконецъ настала важная эпоха моей жизни: моего вошчима разбили на бѣгу лошади, и онъ умеръ, оставивъ по себѣ незабвенную память въ счетныхъ книгахъ различнаго рода купцевъ и масперовыхъ. Машушка моя скончалась чрезъ нѣсколько недѣль отъ опчаянія по своему мужѣ, или, какъ говорили Докшора, отъ просшуды, происшед-

шей опъ сквознаго вѣпра въ концершной залѣ. Я хощь плакать и грустить, но мой гувернеръ явился ко мнѣ въ видѣ генія ушѣ-шищедя. Онъ прочель мнѣ наизуспъ нѣсколь-ко сощъ Французскихъ спиховъ, въ коихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ предша-влена была ничтожность жизни и смерти; привель мнѣ для примѣра обыкновеніе како-го-то народа, у коего плачущъ при рожденіи и веселящя послѣ смерти родственниковъ, и заключиль спихомъ:

Un homme dans la tombe est un navire au port. (*)

Надлежало хощъ разъ въ жизни послу-шашъ чьихъ нибудъ совѣщовъ; и такъ я, воз-двигнувъ великолѣпныя гробницы моимъ ро-дищедямъ, опшрашилъ взоры опъ сей пе-чальной приспани, и занялся собственнымъ плаваніемъ въ Океанѣ большаго свѣща. Гу-вернера моего я сдѣлалъ домашнимъ другомъ, Секретаремъ, и поручиль его управленію цѣлую машину моего имѣнія, объявивъ пу-блично, что сею довѣренностию награждаю его за щцательное мое воспитаніе. Сначала онъ опшговаривался, опшвѣчая на изъявленіе моей благодарности: „Il n'y a pas de quoi!“ — (ш. е. не за чѣпо!). Но такъ мнѣ было угод-

(*) Т. е. человекъ во гробѣ есть то же, что корабль въ пристани.

но, и мы начали жить съ такою поспѣшно-
 стію, что быспропечное время не поспѣ-
 вало за нами. Мы сливали вмѣстѣ дни и но-
 чи, годы и мѣсяцы, не слѣдовали ни часамъ,
 ни календарямъ, и я не знаю, куда бы мы за-
 лезъли, если бы расходныя и приходныя кни-
 ги моихъ управителей, и сроки векселей
 заимодавцевъ не напоминали намъ, что по-
 рядокъ въ свѣщѣ не перемѣнился, — но что
 мы опешунили опъ порядка. Жестокій
 полчокъ форшуны вывелъ меня изъ сладосп-
 наго усыпленія — однимъ словомъ: я разо-
 рился.

Теперь живу я безъ денегъ, а тогда полушо-
 распа тысячъ ежегоднаго дохода были для меня
 недостапочно. Опъ чего же это? Вы читали
 выше, что я былъ высококомъренъ и щесла-
 венъ, а попому, не имѣя чѣмъ блеснуть въ
 свѣщѣ, и возбудить удивленіе въ людяхъ, я
 хощъль ослѣпить ихъ моею роскошью и рас-
 топчишельностію. Мнѣ льстили, меня хва-
 лили, превозносили, называли великимъ че-
 ловѣкомъ, а я вѣрилъ, или по крайней мѣрѣ
 желалъ вѣрить всему, что мнѣ говорили въ
 глаза — былъ чрезвычайно доволенъ, и доро-
 го заплашилъ за мою опышность. Дай Богъ,
 чтообы примѣръ мой послужилъ кому нибудь
 въ пользу, особенно тѣмъ, кошорые думаютъ,
 что блестящимъ экипажемъ, балами, объда-

ми и бесполезнымъ мѣшательствомъ можно снискашь уваженіе людей и, какъ говоримся, дать себѣ вѣсь въ обществѣ.

Описывать всю тогдашнюю жизнь мою, было бы и долго, и скучно, и мнѣ самому непріятно. Довольно будетъ одного дня, по коему вы, сдѣлавъ ариэметическую посылку, можете заключить о десяти годахъ, проведенныхъ мною на высотѣ колеса фортуны.

Ударило 11 часовъ: упомянутый вчерашними удовольствіями, я отворяю наконецъ глаза, и уснаю рукою дергаю за шнурокъ колокольчика. Весь домъ въ движеніи: швейцарь, конюхъ, повара, лакеи, камердинеры на своихъ мѣстахъ. Дежурный вводитъ ко мнѣ съ фарфоровою чашею, наполненною визитными билетами и записочками. Разсматриваю билеты: Князь N. N., Графъ N. N., Баронъ N. N., Генераль N. N., Полковникъ N. N. и пр. и пр. — „Вели сей часъ моему арапу развезти обратно мои билеты по этимъ адресамъ, а всѣ прочіе брось на каминъ въ заль. Подай записочки: вотъ эту розовую и голубую.“ (Но повторяю, что я скромень и не стану ничего говорить о прекрасномъ полѣ). — „Кликни моего метръ-дошеля. Здравствуйте, Мосье Экси! — Сегодня въ 5 часовъ обѣдаешь у меня 50 человекъ: угостише насъ хорошенько.“ — Извольте, шеперь

время дешевое; можно хорошо пообѣдать за сто рублей съ персоны — безъ вина. — „И такъ спупайше къ моему дворецкому, вошь вамъ ордеръ“ — Входишь снова камердинеръ, и объявляешъ, что ждущъ опѣшна на розовую и голубую записочку. „Кланяйся, благодари, и скажи что самъ буду. — Покажи это большое письмо. Это опѣ Графа N. N. Посмотримъ, чего онъ хочешъ:“ — „Великодушный другъ! помоги въ нуждѣ; я проигралъ вчера на слово тысячу рублей, дай въ займы; у тебя всегда есть деньги, а я шебъ опѣдамъ при первыхъ деньгахъ. *Честное слово.* Вѣрный до гроба Графъ N. N.“ — „Отнеси эту записку къ Мосье Тешфоль (имя моего гувернера), и скажи, что я велѣлъ по одной удовлетворить. — А это что за письмо, чрезъ которое насквозь пробивающся чернила? Видно, что оно въ шоропяхъ писано пальцемъ: посмотримъ.!“ — „Милый и единственный другъ! спаси, помоги, избавь опѣ смерти, пришли съ подашелемъ двѣ тысячи пять сотъ рублей. — *Честное слово,* опѣдамъ въ скорѣйшемъ времени. Если я сегодня не представлю къ 4 часамъ шали — то я пропасть, убить, испребленъ; ты знаешъ прочее — тебѣ обязанъ буду жизнью. Твой Князь N. N.“ — „Бѣдный Князь! — вели Г. Тешфолю удовлетворить.“ — Но пора вый-

ши въ залу. Какая толпа! „Это что за картины?“ Vostra Eccellenza встрѣшилъ меня вчера chez la bella Comtessa N съ картинами, è la bella Comtessa рекомендовала меня à Vostra Eccellenza, è Vostra Eccellenza сказалъ, что вы ихъ покупаете. „Хорошо, поставь картины и спулай къ Г. Тепфолю. — За чѣмъ эти бронзы?“ — Votre Seigneurie, Monseigneur, велѣди мнѣ убраться дачу, которая лежитъ близъ вашей, и я принесъ показатъ вамъ бронзы, опасаясь, чшобъ онѣ не показались слишкомъ дороги. — „Правда, спулай къ Г. Тепфолю“ — Входишь лакей, и докладываешь, что прѣхаль Баронъ N. N. — „Просишь!“ Вбѣгаетъ Баронъ. Bon jour, mon cher! — Что ты дѣлаешь? пора за городъ на скачку, всѣ наши всадники уже поѣхали шуда. „Извини, опоздалъ. Гей, одѣвайся, осѣдлай Мими! Что вы за люди, чего хотите?“ Я мебельный мастеръ, Gnädiger Herr! — Я золотыхъ дѣль, Monseigneur! — Я часовой мастеръ, Milord! — Вы у меня купили вчера на 1000 рублей цвѣтновъ. Я изъ моднаго магазина, гдѣ вы взяли вчера три Италіянскія шляпки, каждую по 500 рублей. — „Хорошо друзья мои, спулайте къ Г. Тепфолю; мнѣ нѣкогда съ вами разсчитываться.“ — Наконецъ я за городомъ, на моей Англійской кобылѣ Мими, спюющей мнѣ 15.000 рублей,

въ полнѣ молодыхъ людей, почитающихъ меня своимъ предводителемъ. „Господа!“ восклицаю я, „не угодно ли проскакать и побиться объ закладъ.“ — Изволь! кричаю со всѣхъ сторонъ. „Закладъ на шупку, въ тысячу рублей; я вызжаю первый: кто хочешь со мною состязаться?“ — Офицеръ на Донскомъ скакунѣ вызжаетъ впередъ: мы пускаемся во всю конскую прышь, и Донской скакунъ опережаетъ мою Мими. Я въ сердцахъ хочу заспрѣлить Англійскую кобылу, и Офицеръ изъ состраданія къ бѣдному животному, соглашается промѣняться со мною ухо на ухо, сказавъ мнѣ напередъ, что его лошадь стоить только 750 рублей. Промѣнь сдѣланъ; я возвращаюсь домой, переодѣваюсь, сажусь въ карешу, ѣду съ визитами, заѣзжаю въ разныя лавки и магазины, покупаю множество разнаго вздору, и прѣхавши обратно домой, принимаю гостей, и сижу за столомъ до 8 часовъ вечера, среди опборныхъ винъ, доротихъ десертныхъ и рѣдкихъ блюдъ, слушая похвалы моему искусству жить въ свѣтѣ, нравиться, удивлять моею щедростію и неисчерпаемымъ богатствомъ. Послѣ обѣда садимся за карты, гдѣ я проигрываю нѣсколько тысячъ рублей искреннимъ моимъ пріятелямъ. Являющіяся виртуозы, играютъ концертъ и получаютъ по-

дарки. Въ 11 часовъ, я и гости мои разъѣзжаемся по баламъ и вечеринкамъ, и всѣ даюшь слово, собравъсь въ мой загородный домъ въ часъ ночи къ фейерверку. Тамъ моя проюродная тещушка играетъ роль хозяйки, принимаешь дамъ и угошаешь кавалеровъ. Музыка гремишь; ракеты, Римскія свѣчи, бураки и мои деньги лопаются въ воздухъ. Роскошный ужинъ и Шампанское подкрѣпляетъ наши силы, и веселый копилюнъ оканчиваетъ мой день въ 4 часа по полуночи.

Въ семь описаніи вы, безъ сомнѣнія, замѣтили, что ни Г. Тепфоль, ни мои управители не докучали мнѣ рапортами о недостаткѣ въ деньгахъ. Ахъ, Государь мой! на четвертый и пятый годъ они частехонько являлись ко мнѣ съ векселями и счетами, но я умолчалъ объ этомъ, чтобы не причинить вамъ такой же скуки, какую я ощущалъ въ ту пору. Я подписывалъ бумаги, не хотѣлъ слушать никакихъ объясненій, и требовалъ, чтобы воля моя исполнялась безпрекословно. Все шло своимъ порядкомъ; только годъ отъ году мнѣ приходилось чаще подписывать бумаги, пока наконецъ мнѣ рѣшишельно объявили, что имѣніе мое описано и продается съ публичнаго торгу, что я банкротъ, не имѣю болѣе ни одной копейки дохода, и долженъ сего же дня высту-

вить изъ дому на биваки, пошому, что онъ по рѣшенію суда, принадлежишь со всѣми мебелями — моему повару. „Что вы скажете, Г. Тешфоль?“ — спросилъ я моего прежняго Гувернера, пришедшаго ко мнѣ съ симъ извѣстіемъ. *Sic transit gloria mundi*, ошвѣчалъ онъ, потупивъ взоръ и повѣся голову. „Что вы думаете дѣлать?“ продолжалъ я — Опшравившись во Францію, въ Парижъ, гдѣ я изъ маленькаго моего жалованья купилъ себѣ маленькое имѣньице, ошвѣчалъ Г. Тешфоль. „Прощайше!“ сказалъ я. Онъ удалился, а я побѣжалъ изъ дому, взявъ въ карманъ нѣсколько тысячъ рублей, оставшихся какъ-то нечаянно въ моей шкапулкѣ, и нѣсколько десяшковъ перспней, фермуаровъ и серегъ, предназначенныхъ мною въ подарки — (но я общалъ бытъ скромнымъ, и такъ не стану ничего говорить о прекрасномъ полѣ). Пересшупая въ послѣдній разъ чрезъ порогъ моего дома, я велѣлъ швейцару сказывать всѣмъ прѣзжающимъ ко мнѣ съ визитами, чшобъ они взглянули на дымъ, выходящій изъ трубы, и ошносились къ моему повару — хозяину дома, который ошпаешся здѣсь, чшобы какъ Эдипъ полковашъ загадку моего злошлучія.

Завернувшись въ широкій плащъ, я шель жуда глаза глядяшь, избѣгая многолюдныхъ

улицъ, и забрелъ на Пешербургскую сторону въ Колшовскую. У берега рѣки на бревнѣ сидѣлъ пожилой человѣкъ, и спокойно курилъ трубку. Я помѣстился на другомъ концѣ бревна, и началъ раздумывать о моемъ горѣ. Не помню, что я тогда думалъ, но наконецъ почувствовалъ охоту — упоиться. Я всталъ и пошелъ по берегу искать глубокаго мѣста, вовсе не примѣшивъ; что пожилой человѣкъ слѣдуетъ за мною. Наконецъ пришедъ къ глубинѣ, я сбросилъ съ себя плащъ, кинулъ на землю мой узелокъ съ деньгами и съ прочими вещами; и лишь только хотѣлъ бухнуть въ воду, какъ пожилой человѣкъ сильно удержалъ меня за руку. Постойте! закричалъ онъ, что вы хотите дѣлать? — „Упоиться.“ — Въ ваши дѣла, зачѣмъ? — „Съ опчаяніемъ — я разорился!“ — Только! сказалъ, громко засмѣявшись, пожилой человѣкъ, это вовсе не бѣда; что же дѣлать шѣмъ, кошорымъ не изъ чего разоряешься? Не уже ли опъ всякаго горя попилъся? Полно, полно, пойдемъ-ше ко мнѣ; развѣ вы не узнаете стараго вашего учителя Нѣмецкаго языка Бидермана? — „Теперь припоминаю черны ваши.“ — А я шопчасъ васъ узналъ, продолжалъ Бидерманъ, но полагая что вы, въ прежнемъ состояніи, не хотѣлъ говорить съ вами, чтобъ избѣгнуть презрительнаго шона, кошорый мнѣ никогда

въ васъ не явился. Но теперь дѣло другое, пойдѣмъ-те ко мнѣ. — Я повиновался, и добрый Бидерманъ, введя меня въ свой чистый уютный домикъ, представилъ меня женѣ и дочери, какъ спараго своего ученика, а я, не чванясь, рассказалъ имъ свою исторію, и просилъ для себя кварширы въ ихъ домѣ. Они съ радостію согласились, и я пошчасъ поселился въ верхней свѣшкѣ, рѣшившись до послѣдней крайности не выходить изъ дому, и вовсе не показываться въ свѣшѣ.

Черезъ нѣсколько дней, прежній мой гувернеръ, Г. Тепфоль, опыскавъ меня посредствомъ Полиціи, принесъ мнѣ мое бѣлье, плашье, нѣсколько бездѣлокъ, необходимыхъ въ спраннической жизни, и распрощавшись со мною навсегда, подарилъ мнѣ на память спарый кашалогъ одной библіошеки, совѣшуд занялся чшеніемъ, какъ единственнѣмъ лекарствомъ опъ скуки. То же совѣшовалъ мнѣ Г. Бидерманъ, и я рѣшился попробовать сего неизвѣснаго мнѣ удовольствія, выхваляемаго всѣми умными и учеными людьми, которыми однакожь весьма немногіе пользуются. Съ начала я читалъ романы, послѣ того историческія сочиненія, наконецъ философскія, и въ концѣ прешьяго года моего уединенія дошелъ до того, что удивлялся, какъ можно бышь очаспчивымъ безъ чшенія, безъ

образованности ума и философического понятия о людях и обществу, и сожалеть, что эту истину купилъ очень дорого:

Ось посѣянное зерна произрастають плоды; послѣ чтенія слѣдуетъ эпоха размышленія, и я, разбирая въ умѣ своемъ весь обстоятельствова моей жизни, добрыя качества и недостатки всѣхъ моихъ прежнихъ друзей и знакомыхъ, увѣрился, что въ числѣ ихъ не было ни одного умнѣе, ученѣе и разсудительнѣе меня въ нынѣшнемъ моемъ состоянн. — Какой стыдъ! — Невѣжды и пустые люди, безъ всякихъ интригъ, погубили меня! — Я выдумывалъ различныя средства, чтобы отплатить имъ за ихъ неблагодарность, расквитаться урокомъ за урокъ, и наконецъ положилъ въ совѣтъ съ самимъ собою, явиться снова въ свѣтъ и жить на счетъ ихъ, которые жили на мой собственный. Долгъ платить красенъ, подумалъ я, а мнѣ можно безъ всякаго стыда перейти на содержаніе большаго свѣта, потому что я потерялъ мои средства къ пропитанію въ кругу большаго свѣта и для онаго. Я сообщилъ мыслью Г. Бидерману, который мнѣ предложилъ нѣсколько своихъ абет и doch (но) на разрѣшеніе. Когда я увѣрилъ его, что я не только не употреблю никакого недостойнаго средства, чтобы выманывать деньги, но

изъ ненависти къ онымъ намѣрень вовсе жить безъ денегъ, добрый Бидерманъ согласился, покачавъ нѣсколько разъ головою и при- молвивъ: увидимъ! —

„Увидимъ!“ сказала я, и пошелъ къ пор-шному, велѣлъ передѣлать нѣсколько моихъ фраковъ на новый фасонъ, узналъ въ городѣ о пріемныхъ дняхъ у прежнихъ моихъ знако- мыхъ, и вдругъ, какъ снѣгъ на голову, появился къ большому обѣду у Графини N. N. Не возмож- но предскажишь себѣ, какое впечатлѣніе про- изведено было въ обществѣ внезапнымъ моимъ появленіемъ. Хозяйка ахнула отъ удивленія; нѣкоторые мужчины, увидѣвъ меня, осполбе- нѣли; нѣкоторыя предсѣдныя женщины смѣ- шались, пощупили глаза и покраснѣли, какъ говоряшь Французы, *jusqu'au blanc des yeux*. Цѣлое общество разспроилось, и всѣ ожидали моего пролога, чтобы по оному расположить свои роли въ эпохъ комедіи. Признаюсь, эпохъ первый шагъ стоилъ мнѣ многого: кровь силь- но во мнѣ взволновалась и разумъ помрачился, когда я увидѣлъ людей, которые со мною про- жили мое имѣніе, брали у меня на *честное слово* деньги подъ различными предлогами — и забыли меня въ несчастіи. Я не хочу рас- проспрашивать моего разсказа, и пошому умол- чу о многихъ подробностяхъ, которыя узналъ я на счетъ моихъ знакомыхъ во время

шрехъ-лѣтняго моего пребыванія у Г. Бидермана. Къ нему собирались иногда поварщицы его, учивши, и отъ нихъ - шо я узналъ, что лучшіе мои друзья, копорые нѣкогда удивлялись моему оспроумію и моимъ свѣдѣніямъ, называли меня за глаза бессмысленнымъ, съумасшедшимъ, невѣждою, и утверждали, что я опредѣлился въ пашухи въ одной деревнѣ за Выборгскою засавою; одна дама, *для смѣха*, показывала въ обществѣ коропкихъ пріятелей спансы моего сочиненія, при чтеніи коихъ она нѣкогда *проливала слезы чувствительности*. Всѣ эти обшояшельства вовсе не оскорбляли моего самолюбія; ибо пробудившись отъ моего усыпленія, я мало цѣнилъ сужденія людей, извѣспныхъ мнѣ по своему уму и чувствованіямъ. Испорія спансовъ разсмѣшила добраго Бидермана, когда я рассказалъ ему, что ихъ сочинялъ подъ моимъ именемъ мужъ прелеспной насмѣшницы. Однимъ словомъ, я прослылъ оглашеннымъ въ большемъ свѣтѣ, *п. е.* безъ денегъ, безъ связей и безъ ума. — Три года почивали меня пропавшимъ безъ вѣспи — и вдругъ увидѣли въ цвѣшущемъ здоровьѣ, одѣшаго очень чисто, съ бриліаншвою шпилькою на груди, и съ большимъ солиперомъ на пальцѣ, (копорый я нарочно показывалъ, поправляя манишку и галстукъ).

Прибавьте къ тому самый веселый видъ, пріятную улыбку, развязность и ловкость въ обращеніи, свойственныя досшашочному челоѡкку, въжливостъ, смѣшанную съ благородною гордосцію и съ высокимъ чувствомъ собственнаго достоинства. Я сошелъ со сцены большаго свѣта избалованнымъ негодяемъ, а появился вновь опытнымъ челоѡкомъ, который изъ своего несчастія извлекъ полезныя уроки и пріобрѣлъ свѣдѣнія, о которыхъ весь кругъ моего знакомства никогда не слышалъ и вовсе не услышитъ въ этой жизни. Я весьма почтительно подошелъ къ хозяйкѣ, привѣтствовалъ дамъ, и съ мужчинами, прежними моими зажилыми пріятелями, общелся точно такимъ образомъ, какъ будто мы вчера только разстались и завтра увидимся у меня на балѣ. Но изумленіе всего общества и принужденіе въ обращеніи продолжались до тѣхъ поръ, пока хозяйка не спросила меня: „что васъ такъ долго не видно было?“ — „Коммерческіе обороты, для поправленія моихъ домашнихъ обстоятельствъ,“ ошвѣчалъ я, „принудили меня удалиться на нѣкоторое время отъ свѣта.“ — Коммерческіе обороты, поправленіе домашнихъ обстоятельствъ! — Эти выраженія, какъ звуки Орфеевой лиры, обворожили моихъ слушателей. Въ одну секунду всѣ зашевелились и

всякой подходилъ ко мнѣ съ изъявленіемъ своей дружбы. Какъ я сожалею, что не зналъ по сію пору о вашемъ жилищѣ, сказала мнѣ одинъ промочавшійся дворянинъ: я вамъ долженъ, и года полтора тому назадъ имѣлъ большую сумму денегъ — а теперь подождите! Увѣренъ будучи, что не получу отъ него ни гроша, я объявилъ, что не имѣю нужды въ деньгахъ. Другой знатный чело-вѣкъ, также мой должникъ *на честное слово*, прошепталъ мнѣ на ухо, что *мы разойдемся въ свое время*. — „Хорошо,“ сказала я, „въ свое время, когда мнѣ придетъ охота считатьъся.“ Онъ громогласно упрекалъ меня, зачѣмъ я въ нуждѣ не прибѣгнулъ къ друзьямъ. — „Къ счастью, я не былъ въ нуждѣ,“ сказала я, столь же громко: „известно, что при каждомъ почти банкротствѣ бывающъ тайныя и явные дѣла, и весьма часто это средство служишь къ умноженію богатства.“ — Тушь цѣлое общество снова развеселилось, и мы пошли за столь въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Вамъ известно, Государь мой, что нѣкоторые богачи и знатные люди любяшь приглашать къ себѣ Ученыхъ и Литераторовъ, чтобы прослышь покровителями Наукъ, и чтобы имѣшь на всякой случай описателя домашняго праздника, заведенной фабрики, каршинной галлерей,

готовые списки въ альбомъ, на смерть собачки и пр. У Графини N. N. въ сіе время находилось также за столомъ нѣсколько грамошѣвъ, которые должны были ех officio опвѣчать умно на глупые вопросы. Говорили о дневныхъ новостяхъ: (*) о паденіи изверга Робеспьера, о дѣлахъ Франціи, объ успѣхахъ Суворова въ Польшѣ, о путешествіи Ванкувера вокругъ свѣта, объ экспедиціи, отправленной Французскимъ Правительствомъ для отысканія несчастнаго Лаперуза и проч. Большая часть гостей вмѣшивалась въ разговоръ для того, чтобы показать свои свѣдѣнія, и большая изъ нихъ часть обнаруживала при семъ случаѣ свою ничтожность. Пришла моя очередь: всѣ ожидали, что я, по старому моему обыкновенію, начну говорить вздоръ и клеймить всѣ вещи печатью моего невѣжества; вышло противное. Господа Ученые преклонили предо мною флагъ своей премудрости, и уступили мнѣ ученое поприще для свободнаго крейсированія. Мои прежніе знакомые посматривали съ удивленіемъ другъ на друга, когда я говорилъ о Политической Экономіи, о политическихъ отношеніяхъ Европейскихъ Державъ, о Законодательствѣ, финансахъ, о полезныхъ открытіяхъ въ Нау-

(*) Это было въ 1794 году.

кахъ, и о прочихъ предметахъ, извѣстныхъ въ свѣтъ только по названіямъ и по наслышкѣ. Обѣдъ кончился, предложили каршы, и я съѣлъ играть въ босшонъ въ самую большую игру. Счасіе мнѣ благопріятствовало; оспорожность и расчепливость руководили меня; я выигралъ, и пулю, состоящую изъ нѣсколькихъ сотъ рублей, предоставилъ на вспоможеніе одному несчастному семейству, о которомъ хозяйка рассказывала съ чувствительностію, предлагая всѣмъ гостямъ лотерейные билеты на розыгрышъ нѣсколькихъ паръ стараго баднаго плащя, въ пользу бѣдныхъ сиротъ. — Начались шанцы: я провертълся до прехъ часовъ по полуночи, и возвратился домой съ двадцатью приглашеніями къ обѣдамъ, ужинамъ, баламъ, вечерамъ, снискавъ всеобщее удивленіе и всепрощеніе за прехъ-дѣшнее мое отсутствіе.

Произнесенныя мною слова: коммерческіе обороты и поправленіе домашнихъ обшояшельствъ, произвели въ моихъ слушащеляхъ большое впечатлѣніе и неожиданныя дѣйствія. — Проснувшись довольно поздно, я примѣшилъ въ окно человекъ, прохаживавшагося большими шагами по коронкой алеѣ нашего сада. Онъ былъ согнутъ, имѣлъ лице оливковаго цвѣта, и безпрестанно протиралъ рукавомъ свои очки, по снимая оныя,

но снова надѣвал. Мнѣ казалось, что онъ былъ занявъ какими-то проектами. Служанка, принеся мнѣ кофе, сказала, что эгоистъ господинъ дожидался меня съ семи часовъ утра, а тогда пробило одиннадцать. Я велѣлъ просить его къ себѣ. Здравствуйте, почтеннѣйшій, сказалъ онъ, улыбаясь принужденно и обнимая меня: я узналъ вчера отъ одного моего друга о вашей учености и легкомъ пріятномъ разговорѣ. Я извѣстный Спихотворецъ, и думаю, что вы слышали о Вампировѣ? — „Да, мнѣ случилось читать нѣсколько пасквилей, которые ходили въ свѣтъ подъ вашимъ именемъ.“ — Я человекъ добродѣтельный, въ связи со многими первошпеленными чиновниками, и другъ всѣхъ извѣстныхъ сочинителей, какъ на примѣръ: NN, NN, NN. — Здѣсь онъ исчислилъ дюжины двѣ громкихъ именъ, изъ коихъ большая часть помѣщена была прежде въ его пасквиляхъ. — „Чѣмъ могу служить вамъ?“ сказалъ я, наскучивъ длиннымъ его предисловіемъ, въ коемъ онъ безпрестанно ссылался на свою добродѣтель и на своихъ могущественныхъ друзей. Наконецъ онъ открылся и объявилъ мнѣ за шайну, что онъ намѣренъ издавать журналъ и множество разнородныхъ сочиненій, для коихъ имѣеть множество гоповыхъ матеріаловъ, но ищетъ просвѣщеннаго со-

трудолюбиваго, столь же добродѣтельнаго, какъ онъ самъ, кошорый былъ бы въ состояніи на первый случай приложить къ его капиталу по крайней мѣрѣ 3000 рублей! — Я рѣшительно отказался отъ сего предпріятія, сказавъ, что я никогда не былъ писателемъ. — Полно, полно, почтеннѣйшій, воскликнулъ мой гость, вамъ споить только захотѣшь, и вы будете писать славныя сказы! — После долгаго спора онъ оставилъ меня, увѣряя въ своей дружбѣ, привязанности, и утверждая, что слава моя привела его ко мнѣ, и что онъ надѣется со временемъ снискать мою дружбу. — Этошь человекъ въ послѣдствіи снискалъ полное мое презрѣніе, вмѣстѣ со многими другими спекуляторами на чужую собственность, коихъ я обнаружилъ предъ свѣтомъ: надѣюсь, что многіе оспались мнѣ за шо благодарными. Я разсказалъ вамъ одинъ только примѣръ, но не могу умолчать, что нѣсколько дней сряду беспокоили меня разные прожектеры, привлеченные ко мнѣ моими словами: „*коммерческіе обороты и поправление домашнихъ обстоятельствъ*“, произнесенными въ день перваго моего появленія въ свѣтъ. Одинъ предлагалъ мнѣ устроить паровую машину для дѣланія помады, другой водяную мельницу для дѣланія пудры, третій красильный заводъ для приго-

повлєня румянъ , четвертый химическую лабораторію для составленія духовъ и Англійскаго плашья. Каждый шребоваль опъ меня денегъ впередъ на первое обзаведеніе. Наконецъ я публично объявилъ всѣмъ и каждому, что я намѣренъ жить моими доходами, для одного удовольствія и вспомошествованія бѣднымъ, и пошому далъ кляшву не вступашь болъе ни въ какіе коммерческіе обороты, ибо домашнія мои обшоятельства поправились. Прожекшеры оставили меня въ покоѣ, но появились другаго рода промышленники. На прогулкахъ, въ театрѣ, въ обществыхъ послѣ карточной игры, на меня часшо нападали наѣздники, которые всегда начинали словами: „ахъ, почтеннѣйшій, нѣтъ ли у тебѣ съ собою денегъ, я позабылъ дома свой бумажникъ.“ — „И я также,“ — былъ всегдашній мой отвѣтъ. Пришязанія нѣкоторыхъ изъ сихъ господъ, составляющихъ заднюю ширенгу этой наѣздничьей фаланги, были весьма ограничены. Они шолько любяшъ ѣздишъ на чужой счешъ, и занимаюшъ мелкія деньги у своихъ пріятелей для удовлетворенія извошниковъ. Я опдѣлывался очень вѣжливо опъ этого рода займа, говоря, что у меня все *большія ассигнаціи*, а когда хошъли воспользовашься эшимъ признаніемъ, шо извинялся, что въ сіе время иду плашшь долгъ,

сдѣланный мною *на честное слово*. Такимъ образомъ оградивъ себя опъ сихъ пружней общества, я привязался къ хозяевамъ и хозяйкамъ домовъ открытыхъ, гдѣ въ извѣстные дни бывали обѣды, ужины и балы, и насчитавъ такихъ домовъ около пятидесяти, началъ мое странствіе, продолжающееся около тридцати лѣтъ съ разнообразными измѣненіями.

Не думайте однакожь, Милостивый Государь, чшобы я игралъ ролю искашеля обѣдовъ (*parasite*). Этошъ характеръ, впрочемъ споль извѣстный и единообразный, выведенъ на сцену во многихъ комедіяхъ и описаніяхъ нравовъ; но олъ мнѣ никогда не нравился. Къ тому же, кромѣ обѣдовъ, попребно много вещей, коихъ не возможно пріобрѣсть безъ денегъ. Лесъ, уничтоженіе, искашельство, сопряженныя съ званіемъ искашеля обѣдовъ, совершенно прошивны моему нраву, и я пошелъ другимъ пушемъ. Во время прежняго моего образа жизни, я былъ дѣйствующимъ лицомъ во многихъ пайнахъ нѣкоторыхъ семействъ, и воспользовался симъ средствомъ, чшобы сдѣлаться повѣреннымъ, другихъ пайнъ не менѣ важныхъ. Я никогда не упопреблялъ во зло чужой довѣренности, и пошому имѣлъ въ домахъ преимущества, которыми я однакожь весьма умѣренно пользо-

вался. Я претребовалъ только почтительнаго со мною обхожденія, и позволенія возвышать голосъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ на- примѣръ, въ сужденіяхъ о бывшихъ балахъ, объѣдахъ, меблировкѣ комнатъ, красотѣ эки- пажей, и предоставилъ себѣ право хвалить или кришиковать оныя, доказывая логически мои приговоры. Молодые люди прибѣгали ко мнѣ для совѣщаній, и по моей рекомендаціи выбирали для себя поршневыхъ, саножниковъ и другихъ масперовыхъ. Надобно ли устроитъ праздникъ? — какъ не прибѣгнуть къ человѣку, принятому въ лучшихъ домахъ, участвующему во всѣхъ забавахъ большаго свѣта, и прожившему со вкусомъ нѣсколько милліо- новъ? — Я сдѣлался оракуломъ моды: по моимъ совѣщаніямъ привѣщивали занавѣсы къ окнамъ, украшали кабинеты, распавляли бронзы и фарфоръ; я вводилъ въ моду мага- зинъ и масперскую; я объявлялъ первыя по- липическія и липературныя новости и го- родскіе анекдоты, которыхъ завязка мнѣ не была ввѣрена за тайну. Однимъ словомъ, я сдѣлался любезнымъ и ужаснымъ, желан- нымъ госпемъ и опаснымъ посѣшителемъ. Къ тому жъ я ничего не просилъ, ни мѣста, ни покровительствва, ни денегъ. Вотъ важ- ное обстоятельство! Человѣкъ, котораго ни въ комъ не имѣешь нужды, если онъ съ умомъ,

вскорѣ почувствуешь, что въ немъ будешь имѣть нужду. Поршние, сапожники, швеи и магазинщицы начали искашь во мнѣ, и просили меня изъ милости, изъ одолженія, брашь ошь нихъ плашье или что нибудь необыкновенное безъ денегъ, для того только, чтобы показаться въ свѣтъ, и сказашь, гдѣ вещь сдѣлана или куплена. Признаюсь откровенно, что я сперва никакъ не соглашался; наконецъ усильныя прозьбы и убѣжденія мастеровыхъ и купцевъ заставили меня употребляшь это безвредное средство для ихъ собственнаго блага. Я вамъ расскажу одинъ случай изъ числа многихъ, чтобы удостовѣришь васъ въ безкорыстныхъ моихъ видахъ. Однажды поушру вошелъ ко мнѣ поршной, который работалъ на меня въ то время, когда я былъ богашъ, и не говоря ни слова бросился къ ногамъ моимъ. Я изумился, и сперва подумалъ, что конкурсъ, учрежденный надъ моимъ имѣнїемъ, не заплашилъ ему моего долга, а между тѣмъ спѣшилъ поднятъ его и успокоить. „Что тебѣ сдѣлалось, чего ты ошь меня требуешь?“ — сказаъ я. — Ахъ, Милосливый Государь, отвѣчалъ поршной, спасите меня вашимъ покровительствомъ ошь совершеннаго разоренія. — „Но въ чемъ дѣло? говори скорѣе.“ — Вы знаете, что я шью плашье на большую

часть здѣшнихъ щеголей, правда, всегда почти въ долгъ, но слава моя удерживаетъ сихъ господъ въ зависимости отъ меня, и они опіасши, понемногу, уплачиваютъ свои счефы или даютъ мнѣ векселя, копорые я промѣниваю съ небольшою пошеркою на товары, и такимъ образомъ кое-какъ проживаю и поддерживаю мое семейство. Но недѣли двѣ тому назадъ со мною случилось несчастіе. Графъ Мошовъ, копорый мнѣ долженъ болѣе 20.000 рублей, не плаща прешій годъ ни копѣйки, хотѣлъ взять у меня на 2.000 рублей плащя. Я заговорилъ о деньгахъ; онъ разсердился, мы оба разгорячились, и онъ, выходя отъ меня, обѣщаль уронить меня и сдержаль слово. Онъ нарочно велѣлъ другому поршнему испоршить себѣ фракъ, и появился такимъ образомъ въ обществѣ. Когда молодые люди начали смѣяться надъ покроемъ его плащя, то онъ имъ сказаль, что это сдѣлаль я, прибавивъ, что я грубіанъ, не радивъ, что я наговорилъ ему множество непріятностей, что я будшо намѣренъ кинушь масперство и сдѣлашься купцемъ и пр. Всѣ молодые люди бросили меня; одни для того, чтобы не видать скучнаго лица заимодавца, копорый въ соспоянїи наговорить грубосшей, и не даеть болѣе въ долгъ, другіе для занимательности новаго знакомства и новыхъ видовъ,

шрешы, и самыя важныя для меня, чтобы плащя чиспыми деньгами не имѣшь хлопотъ въ случаѣ дурной работы. Я въ опчаяніи, и долженъ съ моею счешною книгою пойши по міру, если вы не возстановите доброй моей славы. Вы знаете мою честность, мое терпѣніе, мою вѣжливость; вы знаете также, могъ ли я вѣршишь до безконечности Графу Мошову? — Помогите мнѣ! — Поршней былъ въ самомъ дѣлѣ добрый человекъ, а Графъ Мошовъ шочно шаковъ, какимъ онъ здѣсь описанъ; надлежало избавишь бѣдника отъ хлопотъ, и я обѣщаль поговоришь объ немъ моимъ пріятелямъ и знакомымъ, и даже объяснишь съ Мошовымъ, но поршней предложилъ мнѣ слѣдующее средство: позвольте снять съ васъ мѣрку и сдѣлать вамъ самую лучшую пару плащя по послѣдней модѣ, называемой à l'incroyable (*). Я увѣренъ, что вы обратите на себя всеобщее вниманіе, и тогда упомяните обо мнѣ, какъ вамъ угодно. Я сперва не хотѣль взять безъ денегъ, но поршней умоляль меня на коленяхъ, и я долженъ былъ согласишься. Представъше себѣ удивленіе всѣхъ щеголей, когда я вдругъ появился на гульбищѣ съ расчесанными и непудренными волосами, въ круг-

(*) Мода сія шочно существовала въ 1794 году.

лой шляпѣ, въ свѣтлозеленомъ фракѣ съ опкиднымъ воротникомъ и клапанами на груди, въ розовой жилеткѣ, съ широкимъ и толстымъ жабо на шеѣ, въ машрозскихъ брюкахъ и съ толстою бамбуковою палкою (*). Народъ бѣжалъ смотрѣть на меня, какъ на слона, а старые и молодые щеголи съ восторгомъ подписались вокругъ меня, въ приумѣ посадили въ карету и увезли къ обѣду. — Ah! comme c'est beau! Ахъ, какъ мило, какъ просто! — C'est vraiment incroyable, раздавалось со всѣхъ сторонъ; всѣ хотѣли знать имя моего поршняго, и я громогласно объявилъ оное съ приличными прилагательными о его честности, а что главное, о благородномъ шерпвни. Графъ Мошовъ хотѣлъ что-то сказать; я кинулъ на него значительный взглядъ, и онъ замолчалъ. Тогда я, взявъ его на сторону, и сказавъ ему, что знаю *все*, просилъ замолвить доброе слово за его заимодавца, а самому возвратиться къ нему по прежнему, какъ будто ничего не бывало. Графъ Мошовъ, увѣрен-

(*) Все здѣсь описанное составляло контрастъ съ тогдашнимъ покроемъ плащя.

Въ это время въ первый разъ сбросили Французскіе кафшаны, которые мы выдаемъ теперь шолько на жешрѣ, и начали одѣваться просто.

ный, что я знаю *все*, потчасъ объявилъ всему собранію, что нашъ поршной, человекъ чудесный, что объ немъ говорятъ съ удивленіемъ въ Парижѣ, гдѣ онъ имѣешь множество корреспондентовъ — и на другой день — мой поршной долженъ былъ нанять прехъ новыхъ подмасперьевъ и около 20-ти работниковъ — онъ былъ заваленъ работою. На третій день онъ позвалъ меня въ кумовья и представилъ своему семейству, какъ истиннаго своего благодѣтеля и спасителя.

Поршной мой не могъ удержашъ тайны. За стаканомъ пуншу въ биргеръ - клубъ онъ рассказалъ своимъ пріятелямъ о моемъ могуществѣ, и я до того былъ заваленъ просьбами и разнаго рода образчиками, что даже долженъ былъ отказывашъ многимъ пріятелямъ.

Спрашиваю у васъ, Государь мой, что вы находите предосудительнаго въ моемъ поведеніи? — Я не пребовалъ ни у кого ни малѣйшей бездѣлки, и не иначе бралъ вещи, какъ тогда, когда видѣлъ, что симъ средствомъ могу быть полезнымъ и покупателю и продавцу, попому что имѣлъ дѣло съ честными купцами и масперовыми, и бралъ на показъ самыя лучшіе шовары. Я не могу безъ смѣха вспомнить, что я былъ родъ живой вывѣски и подвижной публикаци, и что

и дѣлалъ добро такимъ средствомъ, которое многие почли бы себѣ за благодѣяніе.

И такъ вы видите, что два весьма важные предмета въ жизни, споль и одежда, не только мнѣ ни чего не стоили, но что напротивъ того, я принимая оныя, одоужалъ другихъ. Остаются квартира, городскія удовольствія и благодѣянія, которые мнѣ также не стоили ни гроша, какъ вы можете догадаться.

Я чрезвычайно полюбилъ спранныческую жизнь, и пошому весьма часто перемѣнялъ квартиры. Холостые люди наперерывъ другъ передъ другомъ старались заманить меня къ себѣ на нѣсколько дней, но я предпочиталъ всегда офицеровъ, и зимнее время проводилъ въ казармахъ разныхъ полковъ. При семъ случая я расчислявалъ, что офицеры, имѣя казенныя квартиры въ казармахъ, кромѣ сроднаго имъ гостепріимства, меньше жертвовали, предлагая мнѣ пристанище, нежели тѣ, которые нанимали квартиры, а я всегда старался какъ можно менѣе быть обязаннымъ. Лѣшомъ, я на двадцати дачахъ имѣлъ свою комнашу, и появленіе мое почиталось домашнимъ праздникомъ. Для благодѣяній выдумалъ я средство предлагать игрокамъ при всякой коммерческой игрѣ разыгрывать пулю въ пользу бѣдныхъ, и, переспавъ играть въ каршы, я сдѣлался раздавателемъ милосшы.

ни, что составляло единственное мое утешение в жизни. Наконец даже починаю излишнимъ говорить вамъ, что удовольствія жизни мнѣ ничего не стоили, что я имѣлъ всегда креслы абонированныхъ любилелей театра, всегда пользовался мѣсинами въ лодкахъ, и что при всякомъ бенефисѣ или концертѣ билетъ для меня починался сподъ же необходимымъ, какъ извѣщеніе въ афишкахъ и похвала въ Журналахъ.

Вы видѣли мои средства проводить жизнь безъ денегъ; но я намѣренъ, для сравненія съ прежнимъ образомъ моего препровожденія времени, описать вамъ одинъ день новаго моего состоянія. Возьму для примѣра зимній день, когда лучшее общество собирается въ столицу для наслажденій.

Я ночевалъ въ казармахъ у Ротмистра N. Въ 9 часовъ онъ ѣдетъ къ разводу, а я отправляюсь въ кандитерскую лавку для чтенія Газетъ и Журналовъ, для собранія запаса подпическихъ и литературныхъ новостей. Хозяинъ лавки съ величайшимъ почтеніемъ принимаетъ меня, и проситъ выкупать чашку шоколаду, зная, что мое посѣщеніе привлечетъ за собою толпу моихъ кліентовъ. Опшуда посѣшаю посѣтивъ нѣсколько пожилыхъ дѣвицъ и почтенныхъ вдовушекъ, для выслушанія нѣсколькихъ дю-

жнѣ анекдотовъ и городскихъ вѣстей. После захожу въ нѣсколько модныхъ магазиновъ; чтобъ увидѣшь, не выдумано ли какого нибудь новаго дурачества. За симъ иду развѣдашь о положеніи бѣдныхъ семействъ, о кошорыхъ мнѣ донесли добрые мои корреспонденты по сей часпи, и тамъ раздаю деньги, спасенныя мною отъ карпочнаго пошопленія. Наконецъ бѣгу къ поршному, одѣваюсь и появляюсь на гульбищѣ; какъ олицетворенная каршинка Парижскаго Моднаго Журнала. Ударилъ часъ обѣда, и я улачиваю хозяину за мою порцію всеми городскими новостями; внутренними и иносшранными извѣстіями. Между обѣдомъ и картами, отдаю бшчешъ хвзайкъ въ порученныхъ мнѣ комиссіяхъ, и принимаю новыя. Хозяинъ или одинъ изъ гостей предлагаешъ мнѣ билетъ въ спектакль или въ концершъ; бду шуда въ карешъ съ попушникомъ, и возвращаюсь въ шотъ же домъ или въ другой, съ другимъ попушникомъ. Собираю конприбуцію съ каршъ въ пользу бѣдныхъ, шандую или разговариваю съ дамами и пожилыми людьми о домашнихъ обстоятельствяхъ. Подаю совѣты молодымъ людямъ, какъ жить безъ прожшшя, предлагаю проекты баламъ, домашнимъ спектаклямъ и другаго рода увеселеніямъ; очень весело ужинаю, принимаю одно изъ двадцати

предложеній къ ночлегу: сплю покойно, просыпаюсь весело, и снова начинаю жить такимъ же порядкомъ, съ нѣкошорыми измѣненіями.

Вошь вамъ изъ новой моей жизни одинъ день, по кошорому вы можете заключить о предъидущихъ и послѣдующихъ. Но вы вѣрно любопытствуеете знать, какимъ образомъ я поступилъ съ добрымъ Бидерманомъ; я вамъ расскажу это. Дочь его вышла замужъ за учителя Машемашики, и я убѣдилъ почтеннаго ея опца принять опъ меня въ приданое весь мой капиталъ состоявшій изъ 25.000 рублей, съ шѣмъ условіемъ, чшобы я, когда захочу, имѣлъ кварширу и шоль въ домъ новобрачныхъ. Теперь минуло шому уже 25 лѣтъ; я похоронилъ чесшнаго Бидермана и его супругу, крестилъ чешырехъ его внучашъ, опредѣлилъ ихъ въ службу, и наскучивъ разсѣянностію большаго свѣща, поселился въ домъ его зяня, кошорый шакже наскучивъ машемашическими исчисленіями, принялся съ моимъ капиталомъ за шортовлю, и сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ купцевъ шполицы, починая меня всегда своимъ опцемъ и благодѣтелемъ своего семейства.

Если вы недогадливы, шо можете быть спросите меня шеперь, гдѣ же мой Талисманъ? гдѣ же средство жить безъ де-

негъ? — Отвѣчаю: чшобы жить безъ денегъ между людьми, кошорые гоняются за деньгами, какъ пчелы за соками распшній, надобно во-первыхъ, избирать для себя кругъ общества, въ кошоромъ бы вы были всѣхъ умнѣе; во-вторыхъ, ни въ комъ не искашь, и ни ошъ кого не принимаешь благодѣаній; въ прешьихъ, никогда не обнаруживаешь шайны, чшо у васъ нѣтъ денегъ; и наконецъ въ чепвершыхъ, сдѣлашься нужнымъ людямъ, кошорые имѣють много денегъ. — Вотъ вамъ *Талисманъ*, или средство жить безъ денегъ.

Ө. Б.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Р А В Д И В Ы Й М У Ж Ъ .

(Подражаніе Псалму І^{му}).

„Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ
нечестивыхъ.“ —

О, сколь блаженъ правдивый мужъ,
Который грѣшнымъ въ слѣдъ не ходишь,
И лишь въ союзѣ чистыхъ душъ
Оспраду для души находишь . . .
Его и спрасни кличуть въ свѣщъ
И нечестивцы въ свой совѣтъ;
Но онъ вперилъ на правду очи
И глухъ къ зазыванью дести онъ;
При свѣпломъ днѣ и въ тайнѣ ночи
Храдишь онъ Вышняго законъ,
И ходишь въ немъ непоколебимымъ;
Вездѣ онъ чистъ, душею прямъ
И въ очи смерти и бѣдамъ
Глядишь съ покоемъ нерушимымъ,
Хотя бь въ ладѣ, бичемъ судьбы,
Гонишь въ шумъ бурныхъ океановъ . . .
Когда лукавыя рабы
Блажатъ бездушныхъ истукановъ,
Онъ видитъ Бога надъ собой
И смѣло держишь съ рокомъ бой
Зажглась гроза, синѣюшъ тучи,
Летитъ какъ исполинъ могучій,
Какъ грозный князь воздушныхъ странъ,

Неудержимый ураганъ
 И смелешъ жатвы и дубравы. . .
 Но онъ въ поляхъ спойшъ одинъ,
 Сей дубъ корнисшый, величавый:
 Таковъ небесный гражданинъ! . . .
 И процвѣнешъ онъ въ долгой жизни,
 Какъ древо при истокахъ водъ;
 Онъ будетъ памятенъ опчизнѣ,
 Благословишъ его народъ . . .
 Не шакъ, не шакъ для нечестивыхъ!
 Вещая въ крапкихъ, смушныхъ дняхъ,
 Они развѣюшся, какъ прахъ . . .
 Господь не сперпитъ горделивыхъ;
 Онъ двинешъ неба высоты
 И землю раскалитъ до ада;
 Но вамъ, спрадальцы правоты!
 Онъ вамъ и пастырь и ограда.

Феодоръ Глинка.

Б А С Н Я.

„Барбось! куда бѣжишь! и что въ шакой печали?
 — „Эге! — да кто это шакъ искусалъ тебя?“
 — Эхъ, шапка, шапка! — на меня
 Зоилы спрашныя напали!
 „За что?“ — Не знаю самъ! я съ дѣшскихъ лѣшь ворчалъ,
 Всякъ шолько слушалъ да молчалъ!
 Ощерюсь на кого бывало;
 Всѣ въ голосъ: ай Барбось! преоспроумный малой!
 Храплю на солнышкѣ; всѣ думаютъ: какъ разъ
 Барбоска вздумалъ на Парнасъ!
 Да вдругъ пришолъ не доброй часъ!
 Чудъ пшакнулъ, издали, и шо лишъ изъ привычки,
 А братья наша вся, какъ броситя ко мнѣ!
 Досшалось, признаюсь, на эшой мнѣ войнѣ!

А посмотрѣвъ ихъ, дрянъ! и ростомъ не велички,
— „Однакожь шы и самъ былъ на зубы восшеръ.“
Эхъ, шапка! Это все прі я шел и кричали:

Они народъ пугали

А мнѣ — на вѣкъ позоръ!

„Вотъ по-то, браться! льстецы худал-оборона,“
Подслушавъ разговоръ, сказалъ Барбосу кошь:
„Чтобъ избѣжашъ еще шакого же презвоца,
Не шрогашь цикого всего вѣрнѣй впередъ!“

Н. Н.

III.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

или

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Некрологія.

28 Февраля скончался въ Москвѣ Адъюнктъ Московскаго Университета и Медико-Хирургической Академіи *Карлъ Людовикъ Гольдбахъ*, достойный ученикъ знаменитыхъ Бопаниковъ Гг. Профессоровъ Гофмана и Фишера. О смерти его конечно пожалѣюшъ всѣ любящіе человѣчество и просвѣщеніе; ибо опечесство наше потеряло въ немъ человѣка, который со временемъ спалъ бы на ряду съ славнѣйшими учеными; а ученики его и знакомые лишились почтеннаго и добраго своего наставника и друга. Всѣ, знавшіе его, видѣли въ немъ рѣдкій примѣръ доброшы и чесш-

ности, образец трудолюбія и прилежанія необыкновенный.

Гольдбахъ родился въ Лейпцигѣ 1793 г. Апрель 13 дня; въ Россію прѣѣхаль въ 1804 году съ ошцемъ своимъ, (который вызванъ былъ Императорскимъ Московскимъ Университетомъ для преподаванія Астрономіи, — сконч. 1811 г.); воспитывался сначала въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, потомъ въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ въ 1816 г. получилъ степень Доктора Медицины, и съ того времени преподавалъ Естественную Исторію въ Медицинскомъ отдѣленіи. Онъ зналъ много языковъ и имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ Географіи, Математикѣ, Медицинѣ, Физиологіи и проч., но главнымъ его предметомъ, его сферою (какъ говорилъ онъ самъ) была Ботаника; всѣ его занятія и доходы посвящаемы были сей наукѣ: онъ дышалъ ею!

Гольдбахъ не былъ простымъ компиляторомъ или списывателемъ, но все основывалъ на наблюденіяхъ своихъ, все повѣрялъ самъ, и потому, что ни писалъ онъ, все можно назвать его собственностію. Сочиненій своихъ издалъ онъ мало, ибо почиталъ ихъ несовершенными. Случалось очень часто встрѣчать ему у другихъ Авторовъ новыя замѣчанія и догадки, одинаковыя съ его наблюденіями, и это было великимъ успѣшеніемъ и лучшею наградою трудовъ его, какъ подтвержденіе и доказательство справедливости его мыслей. Онъ не носилъ на себѣ оковъ закоренѣлости и приспирасія къ господствующимъ мнѣніямъ, не держался никакихъ

сектъ и расколъ , какъ то бываетъ обыкновенно въ ученѣ свѣшѣ, не хотѣлъ также сочинять собсвенныхъ выдумокъ для того только, чтобы блеснуть чѣмъ нибудь своимъ, но принималъ только то, въ чемъ убѣждали его долговременныя сравненія и изысканія, и разсужденіе собсвенное. Сими средствами онъ эмпирически наконецъ постигалъ истину и важность положеній, выводимыхъ изъ началъ чистаго ума, и въ послѣдній годъ своей жизни начиналъ уже озаряться свѣтомъ высшаго познанія природы. И чего можно было ожидать отъ человека съ такими достоинствами, въ его лѣта и при его прилежаніи, истинно необыкновенномъ ?

Главная черта въ его характерѣ была скромность и нѣкоторая робость, по чему онъ никакъ не хотѣлъ выказывать своихъ познаній. Стараюсь, сколько можно болѣе, дѣлать другимъ добра, онъ снискалъ всеобщую къ себѣ любовь и привязанность. Едва ли найдется кто нибудь, который бы въ чемъ либо на него пожаловался, коего бы онъ оскорбилъ. Гольдбахъ любилъ людей, но мало имѣлъ съ ними обращенія, ибо велъ жизнь уединенную, занимаясь неутомимо и безпрерывно въ своемъ кабинетѣ. Но прилежаніе сіе и шрудодобіе, къ сожалѣнію, были для него вредны, ибо совершенно испортили здоровье его, и безъ того уже очень слабое. Гольдбахъ строго наблюдалъ правила благородства и честности; былъ не искашелень — и потому такъ мало выигралъ въ свѣшѣ.

Впрочемъ, хотя онъ и не много издавалъ своихъ сочиненій, но уже былъ извѣстенъ между

учеными: былъ принятъ Членомъ во многихъ Обществѣхъ Естественныхъ наукъ, а Триниусъ и Декандоль почтили его, назвавъ именемъ *Goldbachia* — первый одинъ Бразильскій злакъ (gramen), а другой два Южно-Россійскихъ растѣнія изъ семейства крестоносныхъ (cruciferae, коими Бошаникъ нашъ занимался въ особенноти). Гольдбахъ почиталъ изъ Бошаниковъ наиболѣе Линнея, Бровна, Декандоля, Фриса и Фишера; занимаясь любилъ въ особенноти мхами и грибами.

Изъ напечатанныхъ его сочиненій главнѣйшія суть слѣдующія: 1) *Диссертация о Шафраѣ*. (Dissertatio inaug. Croci historiam-botanico-mediceam sistens. Mosquae 1816.), писанная имъ для полученія Докторской степени. 2) *Исчисленіе Московскихъ растѣній* (Spicilegium Florae Mosquensis), помѣщенное въ V Томѣ Записокъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы. 3) *Наблюденія надъ плодами кувшинокъ* (Observationes in fructus pl. Nymphaeacearum, 1823.), помѣщенные также въ Запискахъ онаго Общества, коими онъ совершенно разрѣшилъ трудную задачу касательно помѣщенія сихъ растѣній въ Естественной системѣ; онъ подтвердилъ мнѣнія Декандоля и Фриса, и доказалъ рѣшительно, что кувшинки принадлежатъ къ растѣніямъ двусѣменодольнымъ (Plantae dicotyledones), а не къ односѣменодольнымъ (pl. Monocot.), какъ принимаютъ Жюсье, Ришаръ и другіе. 4) *Изображенія растѣній, употребительныхъ въ Медицинѣ, сельскомъ хозяйствѣ, художествахъ и ремеслахъ, отпечатанныя съ самыхъ растѣній, съ описаніемъ ихъ вида и пользы.* Моск

квѣ 1823; вышли 2 книжки. Сей способъ ошпечашиванія растѣній, сколько мнѣ извѣстно, въ Россіи ввелъ онъ первый, вмѣстѣ съ И. А. Рѣшетниковымъ, молодымъ ревностнымъ любителемъ Естественныхъ Наукъ.

Но важнѣйшее его сочиненіе, обогащенное превосходными и почными наблюденіями есть: *Enchiridion botanicum, continens enumerationem plantarum Mosquae, sponte et in hortis, occurrentium*. Сочиненіе сіе совершенствовалось и росло, такъ сказать, вмѣстѣ съ распространеніемъ свѣдѣній Автора: онъ началъ писать его съ шѣхъ поръ, какъ спалъ занимаясь Ботаникою; жаль только, что впорая, впрочемъ не сполъ прудная, часть еще не обработана. Весьма желанно, чтобы книга сія не осталась впустъ, чтобы нашелся человекъ, который былъ бы въ состояніи довершить впорую часть и издашь въ свѣтъ замѣчательное сіе швореніе.

Послѣ него остался еще справникъ (herbarium), заключающій въ себѣ обширное собраніе Рускихъ растѣній, и Библіотека, состоящая наиболѣе изъ новѣйшихъ Ботаническихъ книгъ.

Всѣ, знавшіе Гольдбаха, сожалѣють о смерти сего рѣдкаго, примѣрнаго человека, но я зналъ его болѣе другихъ, ибо пользовался всею его довѣренностію и частыми драгоценными бесѣдами, которыя навсегда останутся въ моей памяти.

* * * * *

Л И Т Е Р А Т У Р А.

Сочиненія и переводы *Θ. Θ. Иванова*. *Дѣйстви-*
тельного Члена Общества Любителей Россійской
Словесности при Императорскомъ Москов-
скомъ Университетѣ, изданныя онымъ Обще-
ствомъ, въ 4-хъ частяхъ, съ портретомъ Автора.
Москва, въ Университетской типографіи. 1824.
въ осм. всего 571 страница,

Покойный Ивановъ принадлежишь къ числу
тѣхъ любимцевъ природы, копорые всемъ обя-
заны ей одной, и копорыхъ весь недостатокъ
состоишь въ томъ, что они поздно начали
учишься. Въ произведеніяхъ Иванова мы видимъ
много ума, много сильнаго чувства, но слогу его,
по большой части, не соотвѣтствуетъ предме-
намъ во многихъ мѣстахъ, особенно въ стихахъ
чрезвычайно небреженъ, и онизывается семиде-
сятыми годами (*). Рѣшишельно можно сказашь,
что Ивановъ былъ Поэшь не по вдохновенію,
но по разсужденію. Онъ хорошо постигалъ пред-
меты, ощущалъ сильно, и пылая желаніемъ пе-
релишь свои мысли и чувствованія въ умы и
сердца своихъ соотечественниковъ, предспа-
влялъ оныя въ различныхъ формахъ Словесности.
Первая часть содержишь въ себѣ: Мелкія прозаиче-
скія сочиненія и стихопворенія въ различ-
ныхъ родахъ. Въ числѣ первыхъ болѣе прочихъ
намъ понравилась спашья подъ заглавіемъ: *Къ*
несчастнымъ. Она исполнена чувствомъ, умомъ

(*) Т. е. слогу Писателей, жившихъ до второй поле-
вины 18-го столѣтія.

санірическими, и даже новостію мыслей. Мы замѣтили одну, кошорая чрезвычайно насъ поразила; вошь она: „Несчастливецъ естъ предметъ весьма любопытный для людей. Его разсмаприваюшь, любяшь допрогиваюшся до спрунь его спраданія, дабы имѣль удовольснвіе изучашь сердце въ минушю судорожнаго перзанія. Сіи люди подобны врачамъ, оставляющимъ въ мученіи живошныхъ, чшобы наблюдашь кругообращеніе крови и дѣйсвіе органовъ.“ — Одно эпю замѣчаніе показываешъ, какъ глубоко мыслиль Ивановъ, и какъ онъ зналь сердце челоѣческое. Вообще вся эта піеса опличаешся необыкновеннымъ умомъ и досшойна особеннаго вниманія просвѣщенныхъ любителей Философіи. *Чувства, при открытіи дома Московскаго Благороднаго собранія*, и небольшая снпья *О воспитаніи двшцъ*, также заслуживаюшь особенное вниманіе по полношъ мыслей и благородсшву чувсшвованій. *Пиьмо къ Издателю Амфіона* исполнено любовію къ Отечесшву и заключаешъ въ себѣ жестокіе выходки прошиву привязанности Рускихъ къ иностранцамъ. Нѣкошорыя вещи, кажешся, слишкомъ увеличены; но вообще много и очень много дѣльнаго. Въ сшхонвореніяхъ, писанныхъ большею часшью по случаю нашеешвія Наполеонова на Россію, видна живѣйшая и пламенная любовь къ Отечесшву, и негодованіе, кошорое иногда пересшупаешъ за предѣлы лишературныхъ приличій, отзываясь въ выраженіяхъ нѣсколько грубыхъ. Но кино не извинишь испиннаго сына ошечесшва въ подобныхъ обстоятельсшвахъ? — Посланія, при боль-

шей обработкѣ стихосложенія, были бы прекрасны. Эпиграммы, Надписи и Эпипаѣи блестящъ остроуміемъ ума и веселостію; но слабѣ всѣхъ прочихъ произведеній сунъ Элегическія его стихосворенія, пребудющія вообще опмичной числопы въ опдѣлкѣ, и Басни, копорыя весьма далеки отъ образцовыхъ. Опрывокъ изъ *Меропы*, кажешся мнѣ, переведенъ слишкомъ жесткими стихами, хотя естъ мѣста очень хорошія. — *Часть вторая* содержитъ въ себѣ Трагедію: *Марва посадница или покореніе Новагорода*, въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, и Трагедію *Разбойники*, въ прозѣ, переведенную съ Французскаго. Не взирая на все уваженіе наше къ покойному Иванову, мы должны чиспосердечно сказать, что его Трагедія *Марва посадница* естъ произведеніе довольно слабое, копорое хотя и исполнено высокими мыслями и благородными чувствованіями, но имѣетъ много недостатковъ въ отношеніи къ плану и стихосложенію. О *Разбойникахъ* мы не станемъ говорить. Французы изъ Шиллеровой Трагедіи сдѣлали Драму, копорая естъ слабый опблескъ первой, и не имѣетъ липературнаго достоинства. *Часть третія* заключаетъ въ себѣ Драмы: *Семейство Стариковыхъ*, или за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ, и *Награжденная добродѣтель*, или женщина, какихъ мало. Первая извѣстна публикѣ по многимъ представленіямъ и имѣетъ большое достоинство. Вторая, кажешся, написана болѣе для чтенія. Комедія *Козатій Офицеръ*, исполнена веселости и вообще опмичаетъ Рускими нравами, познаніе копо-

рыхъ составляетъ главное достоинство драматическихъ произведеній покойнаго Иванова. — *Часть четвертая* содержитъ въ себѣ Комедіи: 1) *Не все то золото, что блеститъ*. 2) *Женихи или свѣкъ живи и свѣкъ угись*, и 3) *Мужъ пустынный или урокъ женаль*. Чтобы дать читателямъ общее понятіе о театральныхъ произведеніяхъ Иванова, для подробнаго разбора коихъ намъ недоспаетъ ни мѣста въ Журналѣ, ни времени, мы скажемъ только, что характеры во многихъ мѣстахъ довольно выдержаны, дѣйствіе не напаянуто; но ологъ иногда слишкомъ жестокъ и приближается къ проспонародному нарѣчію, которое на театрѣ не имѣетъ никакой прелести, не взирая на свою натуральность. Мы, можетъ быть, слишкомъ строго осудили сочиненія *Ф. Ф. Иванова*; но припомъ смѣло можемъ увѣрить нашихъ читателей, что они со всѣми своими недоспашками заслуживаютъ мѣсто въ Библіотекѣ просвѣщеннаго любителя Россійской Словесности, ибо наполнены такого рода достоинствами, которыми встрѣчаются весьма у немногихъ, а именно: мыслями, чувствованіями и пламенною любовію къ отечеству. Собраніе сочиненій *Г. Иванова* украшено спашью *Г. Мерзлякова*: *Воспоминанія объ Авторѣ*. Это дань дружбы, дѣлающая честь сердцу и таланту Сочинителя.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо изъ Москвы къ Архипу Фадеевичу Зерову.

(Сообщено.)

Невѣдніе часто заводитъ въ лабиринтъ смѣшныхъ или жалкихъ умствованій.

Зо Но. Москов. Вѣдом. спашья о концершахъ Адел. Кашалани.

Проспешельно вашему пятнадцатилѣтнему Ванюшѣ, ошибаешься въ сужденіяхъ своихъ ошъ слѣпой вѣры къ нѣкопорымъ Журналамъ; эшо случается и съ спариками. Не получивши опличнаго воспишанія, я спарался замѣнять сей недоспашокъ пособіями, доспавляемыми намъ періодическими изданіями: въ нихъ набирался я ума, и рассказывая все, выученное мною въ Журналахъ, успѣлъ прослышь умнымъ человѣкомъ. До сихъ поръ эшо мнѣ удавалось, но вчера. . . . охъ! вчера. . . я дорого заплашилъ за эшо. Вошъ что со мною случилось.

Я былъ приглашенъ обѣдать къ одному изъ моихъ знакомыхъ, человѣку ученому, въ домѣ копорого собираются всѣ Московскіе Архиспы и Профессоры. Само собою разумѣется, что въ собраніи шакихъ особъ время проводятъ въ разговорахъ, а не за каршами; а посему и я принужденъ былъ не шолько слушать разсужденія, изъ копорыхъ бѣольшая часпъ была для меня не поняшна, но даже участвовашъ въ сихъ разго-

ворахъ. Это еще не бѣда, но къ несчастію вздумалось мнѣ блеснуть своею ученостью, и я, прислушавшись къ важному прѣнію нѣсколькихъ Аршишовъ, спорившихъ о преимуществахъ разныхъ Художествъ, спросилъ ихъ, почему они не говорятъ ни слова о главнѣйшемъ изъ всѣхъ искусствъ? Вы, можетъ быть, говорите объ искусствѣ жить въ свѣтѣ, сказала мнѣ одинъ изъ нихъ; признаюсь, что оно едва ли не заслуживаетъ преимущества предъ всѣми прочими; но мы разсуждаемъ о свободныхъ искусствахъ..... — Я также, государь мой! я говорю вамъ о искусствѣ танцовать на канатѣ! — А! такъ вы шушите? — Ни мало. Напрошивъ того я удивляюсь, почему вы не отдаете преимущества искусству, преобладающему *отважности, скажемъ болѣе дерзости духа, героическаго преодоленія величайшихъ трудностей физическихъ*; искусству, въ которомъ люди должны забыть, что они не *пернатые*, что *малѣйшая измѣна сброситъ ихъ съ воздуха* въ могилу? — Всякое искусство преобладаетъ отважности духа, и сопряжено съ трудностями, которыя должно преодолѣть. Что же касается до *измѣны*, то она не можетъ служить доказательствомъ, утверждаемому вами. — Не можетъ служить доказательствомъ! — Если такъ, то вошь вамъ другое доказательство. Скажите, прибыльно ли ремесло хорошаго живописца, или хорошаго музыканта? Всѣ отвѣчали утвердительно. — Такъ знайте, Мм. Гг. сказалъ я торжественнымъ голосомъ, что братья Леманы, которыхъ вы могли видѣть подъ качелями, не только *хорошіе*, но даже *превосход-*

ные музыканты и живописцы; однако же они избрали ремесло фигляровъ, предпочпительпо предъ другими, пошому что чудесныя цсилія немловѣныхъ способностей, таящихся въ натурѣ теловѣка, въ постоянномъ стремленіи къ предположенной цѣли, на терніи жизни набрасываютъ розы всѣхъ ея выгодъ и пріятностей; самая слава является наконецъ съ вѣнкомъ своимъ

Поспойте, поспойте, закричали Артисты; если вы хошите разсуждать, по говорите языкомъ понятнымъ. — Помилуйте, господа, по, что я вамъ говорилъ, напечатано въ 27 Но. Московскихъ Вѣдомостей. — Можеть быть, но мы не понимаемъ ни слова. — Я самъ ничего не понимаю, сказалъ я, но вѣроятно это очень хорошо, пошому что напечатано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Они засмѣялись и хошѣли меня увѣришь, что я шучу. Мнѣ показалось очень обидно, что эти господа не вѣряшь печальному; я разсердился и вышелъ въ другую комнату.

Тамъ сидѣла сама хозяйка и нѣсколько Аншикваріевъ: полковали о памяшникахъ, уцѣлѣвшихъ въ Греціи и въ Египтѣ. Въ шомъ числѣ упомянули о какомъ-то Ипподромѣ. — Что такое Ипподромъ? спросила хозяйка. — Я, не давши времени Гг. ученымъ ошвѣчать ей, сказалъ, что Ипподромомъ называется шеапральный помосшь. — Какъ! воскликнулъ съ удивленіемъ одинъ изъ Аншикваріевъ: вы не знаете, что Ипподромъ есть мѣсто опредѣленное для конскихъ ристаній? — Не правда, М. Г. ошвѣчалъ я, мѣсто, опредѣленное для конскихъ ристаній, называется бѣгомъ,

скачкою или манежемъ; а Ипподромъ бываетъ въ шеатрахъ, и не другое что есть, какъ сцена. . . . Но разсудите сами, сказалъ онъ, слово это Греческое: *ἵππος*, значить лошадь, слѣдовашельно. . . . — Я не знаю, что значить вашъ иппосъ; но ссылаюсь на 27-й Но. Московскихъ Вѣдомостей, гдѣ сказано, что *маленькіе Протеи*, шрунны Лемановъ, летали шарами вдоль *Ипподрома*, а я своими глазами видѣлъ, что эти *Протеи* кувыркались на помоспѣ Московскаго иеатра. Слѣдовашельно я правъ! —

Вмѣсто отвѣта, Антикварій пожалъ плечами, и взглянувъ на меня съ видомъ, означающимъ презрѣніе, отошелъ прочь.

Я тошовъ былъ наговорить тысячи грубостей неучливому Антикварію, но къ счастью, насъ позвали къ сполу. —

Вообще всѣ ученые за обѣдомъ мало говорятъ, а много ѣдятъ; но когда поднесли Шампанскаго, по невольню разверзлись всѣ уста, и госпи начали подшучивать надъ *театральнымъ Ипподромомъ* и надъ превосходствомъ эквилибрическаго искусства. Поспой же! думалъ я: *Quos ego!* и привѣщавши со спула, съважноспью спросилъ у ученыхъ посѣпителей, что, по мнѣнію ихъ, можетъ назваться *прелестнѣйшимъ явленіемъ нравственнаго міра?* — Мнѣ отвѣчали, что вопросъ мой слишкомъ мудренъ. — Вѣрно, сказалъ я съ шоржеспвующимъ видомъ, эту задачу не легко рѣшить. Но я не хочу васъ долго оспавлять въ семь мучительномъ недоумѣніи. — Знайте, господа, что когда *маленькія ружки* летаютъ по *огромному Ройялю*, то это неоспо-

римо еспъ прелестнѣйшее явленіе нравственнаго міра! — При сихъ словахъ громкѣй хохощъ раздался по всей залѣ, и самъ хозяинъ, забывъ долгъ гостепріимства, смѣялся изъ всей мочи. — Смѣйшесь, кричалъ я, смѣйшесь! Вы не были на музыкальномъ вечерѣ 7-ми лѣшняго Бернарда, вы не замѣтили на физиогноміи *малютки Виртуоза, пегати мыслей, которыми природа, кажется, обременила сіе необыкновенное созданіе свое, и которыя, скажемъ кстати (или не кспашпи), изливаетъ онъ собственными фантазіями на своемъ инструментѣ!* —

Тутъ всѣ присушствующіе замолчали, и перешепывались между собою, поглядывая на меня съ видомъ участія, и не смощря на увѣренія мои, что все сказанное мною опъ слова до слова напечатано въ 25 Но. Московскихъ Вѣдомостей и подписано К. Ш.!

Вошъ какъ иногда попадешъ въ просакъ! Судите сами, Архипъ Ѡадеевичъ! моя ли была вина? Но въ другой разъ, меня не обманушъ: Господинъ К. Ш. напечаталъ еще кое-что въ 30 Но. Московскихъ Вѣдомостей, о концертѣ Г-жи Аделины Капалани, но я не читалъ его спашпи, а попалась мнѣ изъ оной нечаянно одна счастливая мысль, которую взялъ я за эпиграфъ моего письма.

Имѣю честь бышъ съ почтеніемъ

Вашъ покорнѣйшій слуга

В. Усача

Москва.

13 Апрѣля 1824.

РАЗГОВОРЪ О ДАМСКОМЪ ЖУРНАЛѢ.

Жиль, жиль, и полько - что въ газетахъ
Оспалось — выѣхаль въ Ростковъ! —

Ванюша. Теперь вы должны сознашься, Г. Издатель Литературныхъ Листковъ, что васъ ошдѣлали порядкомъ! . . .

Издатель Литер. Листковъ Гдѣ? — какъ? . . .

Ванюша. Неужели вы опять осмѣлились сказать, что вы не читаете всѣхъ Журналовъ? —

Изд. Лит. Лист. Если бъ я читалъ отъ доски до доски всѣ получаемые мною Журналы, то мнѣ пришлось бы сойти съ ума. Одни читаю я съ жадностію, другіе пересматриваю, у шрешьихъ перечитываю только оглавленія и повпоривъ Латинскую пословицу *ex nihilo nihil est*, кладу ихъ въ мою большую корзину, которая въ концѣ года поспуаетъ на всеожженіе въ моемъ торжественномъ *auto da Litteratura*, вмѣстѣ со многими моими собственными сочиненіями.

Ванюша. Позвольте вамъ не вѣрить въ это мѣ случаѣ; вы читаете, вы должны читать всѣ получаемые вами Журналы, ибо это напечатано въ Дамскомъ Журналѣ. —

Изд. Лит. Лист. Посмотримъ, кто такъ смѣло ручается за мою прилежность.

Ванюша. (Вынимаетъ изъ кармана, No. 9 Дамскаго Журнала) и читаетъ наспр. 117 въ

примѣчаніи): „Повѣришь ли въ самомъ дѣлѣ *Литераторъ* другому *Литератору*, который желаетъ выдумать сказку, сколько можно болѣе удивительную для его пронушаго авторскаго самолюбія, говоришь между прочими *истинами*, что онъ не читаетъ такого-то (*Литературнаго*) *Журнала*, сказавъ тогда же, что имѣешь его? . . . Повѣришь ли этому и самый обыкновенный читатель.“ — Вошь, что говоришь въ *Дамскомъ Журналѣ*! —

Издат. Литер. Лист. Я не понимаю, что *Г. Издапель* разумѣешь подъ своими обыкновенными и необыкновенными читателями. Я своихъ читателей уважаю равно, и равно благодарю всѣхъ за честь, которой они меня удостоиваютъ, читая мои труды. Мои почтенные читатели безъ сомнѣнія удостовѣряются, что предложеніе *Издапеля Дамскаго Журнала* вовсе до меня не касается. Тамъ сказано о *Литературномъ Журналѣ*, который безъ сомнѣнія пересматриваетъ каждый *Литераторъ*, получая оный, но это вовсе не относится къ *Дамскому Журналу*, издаваемому почтеннѣйшимъ *Княземъ Шаликовымъ*.

Ванюша. Но послушайте далѣ. (Читаетъ): „но легко можешь случиться, что въ *Журналѣ* къ нему (п. е. *Князю Шаликову*) пришлется статья, заслуживающая вниманіе самого *Г. Булгарина*. . .

Изд. Лит. Лист. (Прерывая *Ванюшу*). Конечно многое зависишь отъ случая! Будемъ ожидать терпѣливо, пока это случится.

Ванюша. (Продолжаетъ чтеніе.): „который (ш. е. Г. Булгаринъ) — скажу мимоходомъ — едва ли годится бытъ образцемъ моимъ (ш. е. Князя Шаликова) на примѣръ въ Рускомъ языкѣ, въ искусствѣ слога и въ изданіи Журнала. Я (это говоришь Князь Шаликовъ) имѣлъ *свѣтила* въ нашей Словесности, озарявшія меня нѣсколько болѣе и лучше *уличныхъ фонарей*.“ — Какое? —

Изд. Лит. Лист. Прекрасно, и на это я отвѣчаю по пунктамъ: 1-е). Благодарю ошъ искренняго сердца Князя Шаликова за всенародное объявленіе, что я никогда не былъ и не буду для него образцемъ въ Рускомъ языкѣ, въ искусствѣ слога и въ изданіи Журнала, ибо эшимъ признаніемъ почтенный Издашель Дамскаго Журнала избавляетъ меня ошъ большой опивѣспивенности предъ публикою. 2-е). Что касается до *свѣтилъ*, озарявшихъ Князя Шаликова въ Словесности, то мнѣ кажется, что эта риторическая фигура упошреблена здѣсь вовсе не кспашаи. Лучезарное солнце озаряетъ цѣлымъ міръ, но не равно опражается во всѣхъ предметахъ. Ничего нѣшъ великолѣпнѣе въ природѣ, какъ дневное *свѣтило*; но всѣ ли вещи, имѣ озаряемая, имѣюшъ одинакое достоинство? — Спрашиваю у васъ: что предпочтительнѣе, плиша озаряемая лучами солнца, или драгоцѣнный алмазъ, блестящій при свѣшъ *уличнаго фонаря*? — Безъ всякихъ примѣненій, я представилъ примѣры для шого шолько, чтобы доказать, что риторическая фигура, приведенная Княземъ Шаликовымъ, не еспъ силлогизмъ.

Ванюша. И мнѣ кажется, что лучше зани-

машься полезнымъ дѣломъ при свѣтѣ *уличнаго фонаря*, нежели дремашь на солнышкѣ. Но скажише мнѣ пожалуйше, неужели литературные споры и Эпиграммы споль занимательны для прекраснаго пола, что Дамскій Журналь непременно долженъ наполняшья оными? Я иногда чипаю у моей пепушки Парижскій, Вѣнскій и Франкфуртскій модные Журналы, и никогда не встрѣчалъ въ нихъ эпихъ полемическихъ переспрѣлокъ.

Изд. Лит. Лист. Въ Рускомъ Дамскомъ Журналь эшо эпизоды, или, если угодно, Дамскій Журналь еспь эпизодъ къ Полемикѣ, ибо въ программѣ сего Журнала вовсе не упомянушо объ ученыхъ изысканіяхъ, литературныхъ кришикахъ, аникришикахъ и шому подобномъ. Однакожь прощай, Ванюша: я позабылъ, что Издашель Дамскаго Ж. не хочешъ имѣть образецъ, а къ номужь мнѣ нѣкогда шакъ долго занимашься Дамскимъ Журналомъ.

Ө. Б.

Библюграфическія извѣстія.

1. *Собрание образцовыхъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, въ 12 частяхъ, изданное Обществомъ (?) Любителей Отечественной Словесности. Изданіе второе, содержащее въ себѣ Исторію Словесности древнихъ и новыхъ народовъ (*), правила словесности вообще и каждаго*

(*) См. Сынъ Отечества 1823-года N№. 1 и 13.

рода *Краснорѣчія и Поэзіи въ особеннѣности*. С. П. б. 1822, въ шип. И. Глазунова. — Нынѣ уже прошли времена, въ которыя публика вѣрила достоинству книги по *заглавію* оной. Г-мъ Издашелямъ угодно было назвашь избранныя *или* сочиненія *образцсвыми*, хопя эпо право, кажешся, принадлежишь публикѣ. Въ одной изъ будущиъ книжекъ нашего Журнала, мы намѣрены поговорить съ Гг. Издашелями о ихъ *образцахъ*, а въ особеннѣности о Рипорикѣ, Піишикѣ и прочиъ предметахъ, изложенныхъ въ семь изданіи совсѣмъ *необразцовыми* образомъ.

2. *Основація общей Физики для употребленія въ Артилерійсколь Училищѣ*. Соч. Николая Щеглова, Экстраординарнаго Профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета. С. П. б. въ Морской шипографіи 1824 года. Почтенный Авторъ, въ введеніи къ своему сочиненію, представилъ крашкую Историю Физики до времяъ Невтона, а въ самомъ сочиненіи помѣстилъ новѣйшія *открытія* по сей часши по методѣ первокласныхъ Писашелей, число, ясно и удовлетворительнѣо въ полной мѣрѣ. Мы рѣшительнѣо можемъ сказашь, что на Рускомъ языкѣ нѣтъ лучшаго сочиненія въ семь родѣ; и совѣтуемъ не только всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, но и опцамъ семействъ, занимающимся домашнимъ воспитаніемъ дѣшей, купишь сію книгу и помѣстить въ число класныхъ. — Продаешся по 10 р. во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

3. *Всеобщая Исторія древниъ просвѣщенныхъ народовъ отъ основанія царствъ до лѣто-*

счисленія Христіанскаго соч. И. Ертова Лвѣ. гв. сти С. П. б въ шип. Плавильщикова. — Г. Ершовъ извѣстенъ уже публикѣ своимъ сочиненіемъ: *Мысли о происхожденіи и образованіи міровъ*, и заслуживаешь особенное вниманіе и одобреніе всѣхъ Рускихъ патриотовъ, какъ чело-вѣкъ необыкновенный, который всѣми своими познаніями обязанъ мащери Природѣ и собственному прилежанію къ Наукамъ. Онъ принадлежитъ къ сословію купечества, образоваль себя чтеніемъ и долговременнымъ ученіемъ, и не взирая на то, что его сочиненіе не можешь при нынѣшнемъ состояніи политическихъ Наукъ и успѣхахъ Россійскаго языка, назваться образцовымъ въ своемъ родѣ, оно имѣешь большія достоинства. Мы надѣемся, что каждый собиратель Рускихъ книгъ, что каждый Рускій патриотъ купитъ книгу Г. Ертова, какъ памятникъ чрезвычайныхъ способностей Рускаго народа, которыя пребываютъ дѣятельнаго одобренія соотечественниковъ для постепеннаго усовершенствованія. Сія книга продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ на бѣлой бумагѣ по 8 руб., на проспой по 7 р. 50 коп. съ пересылкою на города по 10 р. Если кому угодно получить не менѣе 10 экземпляровъ, тошь можешь адресоваться къ самому Издашелю, живущему въ С. Петербургѣ въ домѣ Косиковскаго на Невскомъ проспектѣ подѣ № 69 — въ такомъ случаѣ сдѣлана будетъ обыкновенная уступка.

4. Principes de la Grammaire française mis en 36 leçons par C. C. S. H. St. Petersb. chez Kray. 1824.

Основанія Французской Грамматики, раздѣленныя на 36 уроковъ и прот. — Мы не можемъ рѣшительно опредѣлить достоинства сей новой Грамматики, но кажется, что Авторъ сдѣлалъ очень много для облегченія изученія Французскаго языка. Мы особенно благодаримъ Сочинителя за приложеніе краткаго Словаря многихъ словъ, сходныхъ между собою въ произношеніи, но различныхъ въ значеніи (*Homonymes*), и за исправленіе многихъ выраженій, неправильно употребляемыхъ въ разговорахъ иностранцами. Къ сей Грамматикѣ приложена таблица спряженій (*arbre figuratif de la conjugaison des verbes*). Предоставляемъ знающимъ Французскаго языка сказать о недоспазкахъ сей Грамматики, и довольствуемся на первый случай объявленіемъ о появленіи оной въ свѣтъ.

5. Изданная вновь при содѣйствіи Правительсва *Адресная книга, подъ заглавіемъ: Руководство къ отысканію жилищъ по С. Петербургу или прибавленіе къ адресной книгѣ: Указатель жилищъ и зданій въ С. Петербургѣ*, продается по 10 рублей экземпляръ въ бумажкѣ, близъ Чернышева моста въ домѣ Департаментна Народнаго Просвѣщенія, надъ казенною книжною лавкою.

Книга сія оппечалана на 36 листахъ или 568 страницахъ, на числей бумагѣ съ пробѣлами для опмѣтки случающихся перемѣнъ. Всѣ мѣста и лица, показанныя въ первой книгѣ, *Указатель*, по роду и званію ихъ отдѣльно, помѣщены

въ семь Руководствъ *вмѣстѣ* по азбучному порядку, для облегченія чинашеля при опыскиваніи всего для него нужнаго. Въ концѣ сей книги присовокуплена роспись дачамъ и загороднымъ домамъ въ окрестностяхъ С. Пешербурга.

Мы полагаемъ, что книга сія есть необходимая вещь не только для прїѣзжающихъ, но и для живущихъ въ Сполицѣ. Теперь нѣтъ надобности справляться о жительствовавшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, купцевъ, масперовыхъ и проч.: споймъ только развернуть книгу и опыскашь заглавную букву прозванія особы. Въ Парижѣ и Лондонѣ подобныя книги расходящіяся тысячами въ нѣсколько дней — должно надѣяться, что у насъ также обращать на нее вниманіе.

Городскія извѣстія.

1. *Большой парадъ на Царицыномъ лугу.* 12 Мая въ 9 часовъ утра около 37.000 воиновъ собралось на Царицыномъ лугу. Нужно ли сказывать, что Руская Гвардія есть первое воинство въ Европѣ по устройству, военной дисциплинѣ и знанію службы? Мужество сего отличнаго корпуса прославлено даже иносстранными Писателями и утверждено собственнымъ признаніемъ непріятелей; памятники знаменитыхъ подвиговъ Руской Гвардіи разсѣяны по Европѣ отъ полей Бородина до стѣнъ Парижа, и шакъ не одно любопытство, но чувство гораздо

возвышеннѣйшее привлекло подпы жителей столицы, чѣобъ насладишься величественнымъ зрѣлищемъ парада, на коемъ присутствовали Государь Императоръ и вся Августѣйшая фамилія. Аллея Лѣшняго сада и окна окружающихъ зданій наполнены были зрителями. Видъ сего благоустроеннаго воинства наполнялъ сердца сладостнымъ чувствомъ благоговѣнія къ первому преобразователю Россіи Петру Великому и его счастливымъ Преемникамъ, копорые, слѣдуя путемъ просвѣщенія и образованности, довели Россію до высочайшей степени славы и могущества. 1709 годъ (ш. е. Полшавская побѣда) и 1812 годъ, воскресили древнюю пословицу предковъ: прежде говорили: *кто противъ Бога и Великаго Новгорода*; нынѣ можно сказать: *кто противъ Бога и Россіи!*

Семикъ 22 Мая. Въ цѣлой Россіи, особенно въ Москвѣ, семикъ, ш. е. седьмой чешвергъ послѣ Свѣшлаго Христова Воскресенія, празднуется Рускимъ народомъ, по древнему обыкновенію, съ пѣснями, плясками и хороводами на открытомъ воздухѣ. Въ Пелербургѣ только въ Ямской и на Охпѣ семикъ торжествуется, хотя не съ такимъ великолѣпіемъ, какъ внутри Россіи, но не съ меньшимъ весельемъ. Красныя Рускія дѣвицы расхаживаютъ хороводами по улицамъ, и, каждый хороводъ имѣетъ свой значекъ ш. е. березку, украшенную вѣнками и лентами. Веселыя пѣсни и пляски продолжаются до ночи, а день оканчивается угощеніями въ домахъ. Шумная радость людей шрудолубивыхъ шѣмъ

пріятнѣе для просвѣщеннаго зрителя, что она доказываесть ихъ благосостояніе, ошъ коего зависишь благоденствіе общее.

Гулянье въ Троицынъ день въ Екатерингофѣ
 25 Мая. Въ прошедшей книжкѣ Литературныхъ Листковъ сообщилъ я моимъ читателямъ крашкую испорію Екатерингофа и извѣстіе о бывшемъ шамъ гуляньѣ въ 1-й день Мая. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось: Пешербургская публика спрасшно полюбила Екатерингофъ, и мода сдѣлала его любимымъ гульбищемъ всѣхъ сословіи. Екатерингофу обязаны мы, что наши богачи снова начали вкушашъ обществєнные наслажденія по примѣру жишелей прочиыхъ Европейскихъ столицъ. Нынѣ первокласное общество большаго свѣша, составленное изъ двадцати и болѣе особъ, съ дамами, отправляется на шлюбкахъ (иногда съ музыкою) въ Екатерингофъ, обѣдаешъ въ Воксалѣ у ресторатора Г. Дюбуа (который, сказашъ мимоходомъ, угощаешъ испинно по гастрономически, чисто, вкусно и недорого); послѣ шого осматриваюшъ всѣ новыя заведенія въ Екатерингофѣ, качаюшся на качеляхъ, кашаюшся съ горъ, забавляюшся въ карусели и посѣщаюшъ дворець Петра Великаго, чшобы оживишь сердца славными историческими воспоминаніями. Послѣ шого пьюшъ чай или отдыхаюшъ въ Воксалѣ, и возвращаюшся въ городъ или на свои дачи. Французскій Посланникъ Графъ Лафероне и многія другія знашныя особы посѣщали Воксалъ, въ которомъ соблюдаешся спрочайшая благоприсшойность и дол-

жное уваженіе къ дамамъ. — Со временемъ Екашерингофъ сравняется или даже превзойдетъ всѣ загородныя гульбища древнихъ столицъ Европы, ибо цвѣтущее сословіе подобнаго заведенія зависить ошъ участія богатыхъ людей, копорыхъ здѣсь весьма много. Для другихъ сословій общества есть въ роцѣ Рускій шракширь, успроенный въ самомъ лучшемъ видѣ, и Нѣмецкій въ селеніи. — Мы не можемъ сказать ничего новаго о нынѣшнемъ гуляньѣ, кромѣ того, что не взирая на дождикъ, копорый два раза принимался кропить гуляющихъ, — число экипажей и пѣшеходовъ было весьма многочисленно.

Гулянье въ Лѣтнемъ саду въ Духовъ день 26 Мая. По древнему обычаю въ нынѣшнемъ году, какъ и прежде, было гулянье въ Лѣтнемъ саду, въ копоромъ главное дѣйствующее лице представляло Руское купечество. Преданіе говоритъ, что въ сей день холостые купцы выбираютъ себѣ невѣсту. Можетъ быть, въ старину эшо была правда, но нынѣ, когда прекрасный полъ во всѣхъ сословіяхъ наслаждается совершенною свободою, кажется, что можно выбирать себѣ невѣсту, не дожидаясь гулянья въ Лѣтнемъ саду. Однакожъ купческія жены и дочери появляются всегда въ богатыхъ нарядахъ, въ алмазахъ и жемчугахъ, и останавливаютъ двѣ линіи по обѣимъ сторонамъ большой аллеи. Хищрый амуръ безъ сомнѣнія скрывается между рядами прелестныхъ дѣвицъ, и украдкою бросаетъ стрѣлы въ проходящихъ, для оправда-

нія древняго преданія. — Но Руская пословица говоришь: не родись пригожь, а родись счастливъ; и кажешся что амуръ гораздо вѣрнѣе и смѣлѣе спрѣляешъ въ сердца изъ за кучи золота, нежели изъ прелесныхъ кудрей и свѣп-лыхъ очей, какъ ушверждаютъ Спихопворцы. Впрочемъ я говорю на угадь, не по опыту, но по соображеніямъ, и предославляю болѣе свѣдущимъ въ семь дѣлъ разказашь объ эшомъ подробно.

М о д ы.

(Отъ 15 Мая ст. ст.)

Парижскія моды. Ипальянскія соломенные шляпы носяшь во всю ихъ величину и украшають искусшвенными вѣшвами персиковаго дерева съ листьями, цвѣтами и маленькими плодами. Сии вѣшви укрѣпляюшя спереди шакимъ образомъ, что лежашъ немного на поляхъ. Шляпки изъ крепу и другихъ машерій, напрошивъ того, дѣлають съ весьма узкими полями, а сзади вовсе безъ полей, ошъ чего лице совершенно опкрышо. Нѣкошорыя соломенные шляпки сшишыя (de paille cousue), имѣють четвероугольную форму и широкія поля. Тафшяные и гроденаплевые капшшы, бѣлаго, лиловаго и свѣпшозеленаго цвѣшшвъ, споль же просшы какъ прошдаго лѣша, почши безъ всякихъ украшеній. Шпенсеры изъ гроденапля съ бѣлымъ исподнимъ плашьемъ, въ большой модѣ.

Петербургскія моды. Черныя корошенькіе серпуки и широкія полосатыя шаровары въ большомъ употребленіи между молодыми людьми. — Модный цвѣсъ экипажей, а особенно дрожекъ и колясокъ есъ свѣшлоселеный (цвѣса липовыхъ лисъевъ), съ шакимъ же сукномъ и шесьюмою. Англійскія и Французскія шали нынѣ входящъ въ моду: Дамы говорятъ, что онѣ легче для льща — и для кармановъ: прибавляющъ мужья.

Печатать позволяется.

Санктпетербургъ, 29 Маія 1824 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ,

ЖУРНАЛЬ

ПРАВОВЪ и СЛОВЕСНОСТИ.

Юнь. 1824, № XI и XII.

Содержаніе: I. Проза: 1. Новое значеніе старыхъ словъ; 2. Смуглый охопникъ; 3. Опрывокъ изъ письма лѣниваго. II. Стихотворенія: Взглядъ на Природу. III. Волшебный фонарь или разные извѣстія.

I.

П Р О З А.

I.

НОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ СТАРЫХЪ СЛОВЪ

или

БЕСѢДА У ЧЕЛОВѢКА ПРОШЕДШАГО СТОЛѢТІЯ.

Иной какъ звѣрь — а добръ; шопъ ласковъ — а кусаетъ!

И. Дмитріевъ.

Въ юности всѣ наши наслажденія исполнены прелесью очарованія; путь жизни усыянъ цвѣтами, и всѣ предметы представляюща пылкому воображенію въ розовомъ цвѣтѣ. Но старость имѣетъ также свои преимущества, и находишь удовольствія на шернистой пропикѣ, ведущей къ могилѣ. —

Что же привязываетъ спарика къ жизни? — Опышность. — Это волшебное зеркало представляешь всѣ вещи въ ихъ настоящемъ видѣ, и сія-то опышность возбуждаетъ въ человѣкѣ сильную привязанность къ жизни, коей истинную цѣну онъ наконецъ позналъ. Давно уже сравниваюшь жизнь съ книгою: юноша изъ одного любопытства спѣшишь перевертывавъ листы; спарець, зная достоинство и рѣдкость сочиненія, бережешь оное какъ сокровище, и любишь болѣе размышлять надъ прочитаннымъ, нежели поспѣшавъ впередъ. Но все это относится единственно къ умнымъ людямъ; ибо тѣ, у коихъ здравый смыслъ придавленъ свѣпскими мѣлочами или тяжеспію физическаго существованія, не живутъ, а прозабаюють. —

Вотъ последняя моя мысль, когда я отворялъ калитку къ дому Архипа Фаддеевича. — Но я долженъ прежде сказать, кто таковъ Архипъ Фаддеевичъ. — Онъ былъ сержантомъ гвардіи при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, въ 1762 году, имѣлъ тогда 18 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно ему теперь осьмидесятый годъ. Не взирая на рану, полученную имъ въ Кагульскомъ сраженіи, онъ бодръ и здоровъ, и только въ ногахъ чувствуешь слабость. Я не смѣю описывать его жизни: скажу,

только, что онъ находился долгое время въ военной, гражданской и придворной службѣ; путешествовалъ по Россіи и по иностраннымъ Государствамъ; много читалъ, еще больше размышлялъ и наблюдалъ, и наконецъ, накутивъ свѣдомъ, на семидесятомъ году своей жизни удалился отъ всѣхъ дѣлъ, купилъ домикъ съ садикомъ на Петербургской сторонѣ, составилъ себѣ отборную библіотеку; выписываетъ нѣсколько Рускихъ и иностранныхъ Журналовъ и проводитъ остатокъ своей жизни въ тишинѣ, проживая свой доходъ пополамъ съ неимущими. Архипъ Фаддеевичъ не былъ женатъ, и потому не заботился о собраніи богатого наслѣдства для дѣшей. Пока Архипъ Фаддеевичъ занималъ значительный постъ, но имѣлъ весьма мало свободнаго времени; по причинѣ множества посѣщителей; но теперь всѣ прежніе пріятели оставили добраго старца наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ; называя его брюзгою и грубіаномъ. Правда, что онъ имѣетъ дурную привычку говорить въ глаза испину; всѣ вещи называетъ настоящими именами, и въ присутствіи своемъ не терпитъ ни лжи, ни приговора; следовательно онъ не можетъ нравиться свѣтскимъ людямъ. Его посѣщаетъ только одинъ старый другъ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ; двадцатипятилѣтній

внукъ, п. е. сынъ его роднаго племянника, и я, копорого онъ носилъ на рукахъ и дралъ за уши, назадъ шому много льшь. Хотя мнѣ часпо ошъ него досшаешся за мои журналь-ныя спаши, но я посшавилъ себѣ непремѣн-нымъ правиломъ посѣщашъ его два раза въ мѣсяцъ изъ любви къ испинѣ и уваженія къ почтенному старцу.

Когда я вошелъ въ комнашу, Архипъ Оаддеевичъ сидѣлъ у окна въ большихъ креслахъ, въ нанкиновомъ халатѣ и песпромъ колпакѣ. Очки старой формы, безъ пружинъ, плотно сжимали конецъ Римскаго его носа и способствовали къ чтенію Гамбургской газетсы, изъ коей онъ переводилъ нѣкопорыя мѣста для стараго своего друга, сидѣвшаго прошивъ него съ пропянушою впередъ головою и съ выраженіемъ глубочайшаго внима-нія. (Дѣло шло объ освобожденіи Грековъ). Молодой человекъ, внукъ, казалось не обра-щаль большаго вниманія на читаемое, и раз-валившись на диванѣ, играль съ меделянскою собакою. — Здравствуйте, *почтенныйшій!* — воскликнулъ я, приближаясь къ Архипу Оаддеевичу и взявъ его ласково за руку. — „*Почтенныйшій!*“ повшорилъ съ досадою Архипъ Оаддеевичъ; „зачѣмъ превосход-ная сшепень, почему не просшо *почтенный.*“

Я. Потому, что я васъ почитаю выше другихъ:

Внукъ. И потому, что это слово употребительное между порядочными людьми, хорошими знакомыми.

Архипъ Ѡаддеевичъ. Ваше употребленіе словъ никуда не годится, и вовсе не имѣешь настоящаго значенія. У васъ называется *порядочнымъ* человекомъ тошъ, кто умѣешь *порядочно* одѣться, поклониться, играть въ боспонъ или виспъ, и *порядочно* ведешь себя — на улицахъ.

Внукъ. А что же болѣе надобно?

А. Ѡ. Въ наше время *порядочнымъ* называли прилежнаго и честнаго чиновника, примѣрнаго хозяина, добраго отца, послушнаго сына, и вообще человека, котораго поведеніе и образъ жизни служили для другихъ примѣромъ.

Я. Это было въ ваше время, а въ наше людей судящъ по наружному поведенію на сценѣ свѣта. Мы скромнѣе.

А. Ѡ. Т. е. развращеннѣе, и не заглядываешь въ чужія дѣла, изъ опасенія, чтобы не заглянули въ ваши.

Старый другъ. Охъ, правда! —

Я. Въ ваше время люди имѣли болѣе природной преспошности, но въ наше время гораздо болѣе людей воспитанныхъ.

А. Θ. То есть, людей, которые лучше знают Французскій языкъ, нежели опеченный, вовсе ничего не читаютъ, и пишутъ дурные Французскіе списки; насмѣхаются надъ обязанностями человѣка и гражданина, и свято соблюдаютъ смѣшныя свѣтскія приличія; всю свою славу полагаютъ въ искусномъ пѣніи Испаліанскихъ арій и ловкомъ передвиганіи ногъ во Французскихъ кадрилихъ и мазуркахъ. Ваши воспитанные, вмѣсто того, чтобы сопутствовать родственницѣ или спарцу на прогулкѣ, бѣгаютъ какъ испугленные на гульбищѣ съ огромными своими собаками и спрашиваютъ дѣшей и женщинъ. (*А. Θ.* бросилъ при сихъ словахъ значительный взглядъ на своего внука, который гладилъ свою собаку, и припворился, будто не слышалъ этого эпизода).

Старый другъ. Охъ, правда! —

Я. При всемъ томъ, описанный вами воспитанный человѣкъ можетъ быть очень добрый малой.

А. Θ. Добрый малой! — Нынѣ это значить повѣса, который ни въ чемъ не отказывается подобнымъ ему шалунамъ: онъ проводитъ съ ними дни и ночи по первому приглашенію, отдаешь свои деньги первому встрѣчному и поперечному, бываетъ секундантомъ на дуэляхъ и повѣреннымъ въ любви,

и опъ чистаго сердца выманиваете деньги у родспвенниковъ на похвальныя свои подвиги. (А. Ѳ. снова посмопрѣлъ на своего внука, который снова началъ гладить свою собаку). Въ наше время, воспипаннымъ, назывался человекъ, окончившій курсъ наукъ въ Университетѣ или другомъ высшемъ заведеніи, а *добрымъ малымъ*, назывался послушный юноша, съ добрымъ сердцемъ и чистою нравственностію.

Старый другъ. Охъ, правда! —

Я. Какъ будто въ наше время нѣтъ добрыхъ людей!

А. Ѳ. Есть добрые люди, но вы ихъ не называете наспоющимъ именемъ; вопъ въ чемъ дѣло: нынѣ *добрымъ* человекомъ слыветъ пошъ, кто никогда не споритъ, соглашается съ мнѣніемъ каждаго крикуна, въ стихахъ и въ прозѣ безпрещанно говоритъ о добродѣтели, а бѣдныхъ людей, просящихъ у него помощи или покровительсва, отсылаетъ для прославленія о своемъ добромъ сердцѣ къ друзьямъ и пріятелямъ, надѣлая опъ себя всѣхъ несчастныхъ — нѣжнымъ состраданиемъ. — Въ наше время *добрый человекъ* не говорилъ о добродѣтели, но дѣлился послѣднимъ съ неимущими, хлопоталъ за угнетенныхъ, и за правду не только спорилъ, но готовъ былъ даже драться.

Старый другъ. Охъ, правда!

Я. Позвольте васъ пошѣшпть и доложпть, что и нынѣ еспть такіе люди.

А. Ѳ. Увѣренъ, но ихъ не называющъ добрыми, а крикунами, *безпокойными* и даже *опасными*,

Старый другъ. Охъ, правда! —

Внукъ. *Умный* и *расторопный* человекъ успѣеть согласпть доброе имя съ общею пользою.

А. Ѳ. Ха, ха, ха! — *Умный* и *расторопный* человекъ! — А кто нынѣ называется *умнымъ* и *расторопнымъ*? Тотъ, кто въ наше время проешо назывался *плутымъ*. Если человекъ изъ ничего соспавилъ себѣ огромное имѣніе, снискалъ благосклонность знашныхъ, и ускользнулъ опъ Угодовой Палаты, то, невзирая, на средства, употребленныя имъ къ своему возвышенію, толпа называетъ его *умнымъ* и *расторопнымъ* человекомъ. Не правда ли? —

Старый другъ. Охъ, правда! —

Внукъ. Нынѣ правила безъ исключенія, и я знаю нѣсколько человекъ, соспавившихъ себѣ огромное состояніе изъ ничего, которые впрочемъ люди *благородные* и *услужливые*.

А. Ѳ. По вашему, *благороднымъ* называется тотъ, который великодушно даетъ

деньги въ займы, въ надеждѣ выгоды другаго рода, и еще великодушнѣе отказывается, когда возьмешь нѣчего. Онъ *услуживаетъ* для того, чтобы ему служили. Мы, напрошивъ того, соединяли названіе *благороднаго* и *услужливаго* съ названіемъ *добраго чловѣка*, о которомъ я прежде говорилъ.

Я. Мнѣ кажется, что услуживать можно многимъ, но служить и жертвовать всѣмъ надобно только для друзей и пріятелей.

А. Θ. О друзьяхъ и пріятеляхъ я даже говорить не хочу. Что соединяетъ нынѣшнихъ друзей? — Взаимныя выгоды, наслажденія свѣтскими удовольствіями. Нынѣшніе друзья берегутъ одинъ другаго, какъ садовникъ бережетъ фрукшоваго дерева. Если дерево утрачиваетъ способность приносить плоды или въперъ сломитъ оное — тогда щепы въ печь, а друзья за двери. — Въ наше время друзья познавались только въ несчастіи. (Тутъ *А. Θ.* посмотрѣлъ съ умиленіемъ на своего стараго друга). Не правда ли?

Ст. другъ. Кто старое вспомнеть, тому глазъ вонъ.

А. Θ. Я въ молодости весьма скоро привязывался къ людямъ, которые съ перваго взгляда мнѣ казались добрыми и честными, но увѣ, весьма часто обманывался и съ сожалѣніемъ долженъ былъ прерывать связи,

сохраняя въ сердцѣ непріятнымъ впечатлѣнія.

Я. Кто въ наше время часто перемѣняетъ связи; того называють *вътренымъ*.

А. Ѳ. Въ такомъ смыслѣ лучше прослышь *вътренымъ*, нежели *добрымъ* *мадымъ*.

Внукъ. Если кто убываетъ связей съ своими ровесниками и равными по роду службы и занятій, кто не проживаетъ съ ними своихъ доходовъ, и не слушаетъ ихъ глупостей шерпѣливо, того каковъ бы впрочемъ онъ ни былъ, они всегда называють *будушь эгоистомъ*.

А. Ѳ. А я бы спалъ ихъ называють *невъждами*.

Я. А васъ назвали бы *завистливымъ* и *злымъ* *человѣкомъ*.

А. Ѳ. Такъ вы называете *чистосердечныхъ*, *откровенныхъ* и *благодѣтельныхъ* людей. Въ наше время *эгоистомъ* и *злымъ* назывался тотъ, кто пользовался слабостями другихъ для своихъ выгодъ, употреблялъ ложь и клевету къ своему возвышенію, и былъ жестокосердъ къ спрдааніямъ ближняго.

Ст. другъ. Охъ, правда!

Я. Это было въ *ваше* время, а въ наше о такихъ людяхъ не хотяшь говорить.

А. Θ. Обязанность честнаго челоуѣка — говорить *правду*, а если не хотятъ его слушать — *молчать*; но ни въ какомъ случаѣ не лжешь и не поговоришь.

А. Какъ можно, чшобъ люди любили *правду*, когда она глаза колешъ? — Слѣдовательно весьма естественна, что челоуѣка, который колешъ въ глаза, называютъ *брюзгою*, *песочнымъ*, *злымъ*; а напротивъ того, кто забавляетъ зрѣніе пріятными предметами, называютъ *добрымъ* и *любезнымъ*.

А. Θ. Пусть такъ — но пойдѣмъ въ садъ насладиться пріятною погодою, которая у насъ также не изъ послѣднихъ рѣдкостей! —

Θ. Б.

2.

С м у г л ы й о х о т н и к ъ .

Шаринная Богемская сказка. (*)

Въ одной Богемской деревнѣ жилъ нѣкогда молодой девятнадцатилѣтній челоуѣкъ. Онъ служилъ писаремъ у тамошняго Управи-

(*) Изъ сей сказки заимствовано содержаніе нынѣшней модной Оперы: *Волшебный Стрѣлокъ* (der Freyschütz). Для удовольворенія любопытства многочисленныхъ любителей сей Оперы,

шелъ, и въ свободное отъ должности время занимался охотою, которую любилъ спрашивать. Поведенія онъ былъ хорошаго, къ дѣлу своему прилеженъ, и хозяинъ не запрещалъ ему забавляться въ лѣсу. Самъ помѣщикъ деревни бралъ его иногда съ собою на большую охоту, но искусство его было невеликое: случилось, что онъ въ цѣлый день едва успѣвалъ застрѣлить одного зайца; иногда же и вовсе не имѣлъ добычи. Товарищи его дразнили и смѣялись надъ нимъ, и по сей причинѣ онъ гораздо охотнѣе ходилъ въ лѣсъ одинъ, зная, что тогда нѣкому будетъ забавляться на счетъ его неловкости. — Расхаживая однажды въ густомъ лѣсу, сподкнулся онъ шамъ съ другимъ охотникомъ, черноглазымъ, смуглымъ, угрюмымъ, въ большихъ сапогахъ. Сначала новый товарищъ не правился нашему писарю, но вскорѣ примѣшилъ онъ, что въ обществѣ его охота идетъ удачнѣе. Незнакомецъ научилъ его разнымъ охотничьимъ приемамъ и уловкамъ, и общался, если писарь спанешъ слушаешься его

рѣшился я опспушить отъ моего правила, (не помѣщать въ Литературныхъ Листкахъ никакихъ переводовъ), и надѣюсь, что на сей разъ не подвергнусь спрогому порицанію Крипиковъ.

Изд.

уроковъ, сдѣлать его самымъ искуснымъ спрѣлкомъ во всемъ округѣ.

Писарю понравились эти успѣхи: каждый вечеръ приносилъ онъ домой полный мѣшокъ дичи, и хозяинъ повѣрилъ, что онъ дѣйствительно выучился мастерски спрѣлять. На бѣду писарю, помещикъ деревни взялъ его съ собою на большую охоту: бѣднякъ по прежнему не могъ сдѣлать ни одного мѣшкаго выспрѣла. Прочіе спрѣлки смѣялись надъ нимъ еще болѣе прѣжняго, и утверждали, что онъ вѣрояшно покупаетъ дичь у другихъ егерей, и выдаетъ ее за собственную добычу. Горько было писарю слушать эти насмѣшки. Онъ твердо рѣшился оправдать свое искусство, во что бы то ни стало, надѣясь на пособіе смуглаго. Онъ вскорѣ сполкнулся съ нимъ въ лѣсу, и рассказалъ ему свое горе. Смуглый, улыбаясь злодѣйски, обѣщавъ исполнить его желаніе, и приказавъ ему ночью на канунъ дня Св. Абдона явиться въ лѣсу для лишья пуль, изъ коихъ шестьдесятъ всегда попадають въ цѣль, а только три, впрочемъ ничѣмъ не отличающіяся отъ другихъ, не попадають никогда.

Писарь былъ всемъ доволенъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ назначенной ночи. Запасшись угольями, лишейною дождкою, свин-

цомъ и формами, побрели они въ лѣсъ. Смуглый остано­вился на перекресткѣ, очертилъ большой кругъ своимъ корпикомъ, и испи­савъ края этого круга какими-то неизвѣст­ными буквами и знаками, привелъ писаря въ средину круга, приказавъ ему раздѣться, и призвавъ въ помощь нечистаго духа. Пи­сарь ужаснулся, хопълъ бѣжать, но вспо­мнивъ о насмѣшкахъ товарищей, рѣшился по­жертвовать стыду своимъ блаженствомъ, и исполнилъ велѣніе искусителя. Смуглый сказалъ ему тогда, что должно поспѣшить лишемъ; и до полуночи изготовить всѣ шестидесятъ три пули; если же онъ къ по­му времени не поспѣеетъ, то оба лишейщи­ка сдѣлаются добычею сатаны. Въ то же время увѣщевалъ онъ его, ничѣмъ не пугать­ся, и продолжать работу, не издавая ника­кого звука, чтобы ему ни причудилось.

Било 11 часовъ. Смуглый и писарь спа­ли спинами другъ ко другу. Черные уголья покраснѣли, вспыхнули сами собою, какъ будто невидимый кузнецъ раздувалъ ихъ дѣ­хомъ.

Лишь только писарь оплилъ три или четыре пули, явилась предъ нимъ старая женщина, гнусная собою, обвѣшанная дере­вянными и жеспяными ложками. Она остано­вилась въ кругу, и спуча своимъ пова-

ромъ, предлагала его на продажу обоимъ охотникамъ; и не получивъ отвѣта, удалась съ большимъ шумомъ: долго еще раздавался стукъ ложекъ въ пустой лѣсу.

Пошомъ явились повозки въ шесть лошадей: онѣ ѣхали прямо на охотниковъ. Испуганный писарь оглянулся, и увидѣлъ, что вороные кони пышашъ изъ морды и ноздрей искрами и огнемъ, а изъ повозокъ выглядываютъ спрашныя лица. Лишь только повозки сіи вступили въ кругъ, то всѣ съ лошадьми поднялись на воздухъ, завершлись вихремъ и исчезли въ ночномъ мракѣ. Пошомъ показался рядъ рыцарей въ латахъ съ блестящими огнями на шишакахъ; явилась большая охота: разноцвѣтные олени и лани, волки огненнаго цвѣта, спрашныя псы и бодрые спрълки на рѣзвыхъ коняхъ. Звукъ роговъ ихъ смѣшивался съ волчьимъ воемъ и лаемъ собакъ. Доспигнувъ круга, они поднялись надъ головами охотниковъ и исчезли. Наконецъ подѣхалъ на шощемъ ворономъ конѣ всадникъ, мрачный лицомъ, остановился подлѣ круга, и спросилъ у работниковъ, чего они хощашъ. — Смуглый отвѣчалъ: „мы своимъ именемъ опляли шестьдесятъ при пули; шестьдесятъ наши, а при нвой.“ — Тогда неизвѣстный потребовалъ, чѣмъ они выдали ему всѣ свои снаряды и пули.

Смуглый возразилъ: „не дадимъ! мы лили ошъ швоего имени, и не смотря на всѣ насланныя побою спрашилища, кончили работу до полуночи: пули наши.“ При сихъ словахъ смуглаго, всадникъ началъ расши и подниматься; казалось, что онъ достигъ до облаковъ; потомъ вынулъ онъ изъ за пазухи свистокъ, и развернулъ предъ глазами смуглаго, котораго, не говоря ни слова, палъ ницъ; съ громомъ разверзлась земля, и пыла огнемъ, поглотила несчастнаго. Адскій смрадъ, поднявшійся изъ бездны, заразилъ воздухъ. Бѣдный писарь безъ памяти упалъ на землю. На другой день прохожіе подняли его замертво и принесли въ деревню. Онъ признался во всемъ, и за участіе въ чародѣйствѣ преданъ былъ суду. Судьи приговорили было его къ лишенію живоша, но потомъ, сжалясь надъ его молодосшью, опдали на три года въ монастырь на покаяніе. По испеченіи сего времени былъ онъ освобожденъ, но уже никогда не ходилъ на охошу, и шрепешалъ при одномъ звукѣ охошничьяго рога.

Съ Нѣм. Н. Д.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ЛЪНИВАГО
КЪ ДЪЯТЕЛЬНОМУ.

Ты удивляешься, любезный другъ, что я всегда исполняю свои обязанности; а въ домашней моей жизни лѣнивъ до шаковой спешени; что ты всегда заспаешь меня лежащимъ. — Мы различно опредѣляемъ лѣнь. Признаюсь, что принятый мною образъ жизни есть плодъ моихъ разсужденій: я нахожу, что горизонтальное положеніе есть самое натуральное для человѣческаго тѣла, и что всякое другое — есть искусственное, пребывающее напряженія. Чтобы заспаивать умственнаго чловѣка дѣйствовать сильнѣе, надобно сперва тѣло его привести въ спокойное состояніе: вопшь почему ты находишь меня занимающагося чтеніемъ и даже дѣлами въ широкой моей постель. Тогда вниманіе мое ничѣмъ не развлекается: нѣшь заботъ о предвиганіи ногъ, или о держаніи прямо моего тѣла; оно, такъ сказать, брошено, забыто, и умственныя мои способности въ полной силѣ и свободѣ усремляются на подлежащій имъ предметъ. „Но,“ — скажешь ты, — „не всегда читаюшь, не всегда занимаюшься дѣлами; безпрестанное на-

пряженіе умственныхъ силъ ушоминательно, а ты всегда лежишь!“ — Такъ, и подивись, любезный другъ, — не знаю скуки. Тогда, какъ иные ищущъ разсѣянности въ обществѣ праздныхъ людей, скачущъ ошь ворошь къ ворошамъ, а что всего хуже, убивающъ время за игрою, или ищущъ случая дать пицу своимъ прихошамъ: я ложусь — и позволяю спрашамъ моимъ представлять мнѣ посредствомъ воображенія всѣ предметы, привлекающіе ихъ вниманіе. Честолюбіе указываетъ мнѣ вѣнцы, пышность, славу; корыстолюбіе осыпаетъ меня золотомъ, предлагаетъ средства пріобрѣсти оное; любовь сквозь полупрозрачную завѣсу, показываетъ мнѣ юную Аспазію, развиваетъ ея кудри, рисуешь легкой спань, розовыя уста. Всѣ эти призраки манящъ меня къ себѣ; спремлюсь — но разсудокъ бодрствуетъ; онъ говоритъ мнѣ: ложись, — и мечты исчезаютъ. Часто сонъ застаешь меня среди сихъ сладостныхъ упоеній, и тогда — что можно сравнить съ моими наслажденіями? Я владѣю волшебнымъ прутникомъ: во снѣ все удаешь, и я часто взлетаю на верхъ счастья и славы. Ты смѣешься! но и всѣ радости на земли не по ли самое, что сны, минувшы упоенія между годами печали? По крайней мѣрѣ, мои наслажденія не требуютъ ни заботъ, ни

происковъ, и не влекушь за собою раская-
 нія. Примѣры часно заспавляютъ меня: бла-
 годарить Бога, что мои мечшы не сбы-
 ваюшся на яву. . . .

Я могъ бы еще многое сказать тебѣ въ
 свое оправданіе; но желаніе подремать выры-
 ваешь изъ рукъ перо. Прощай, до дѣятель-
 ной минушы!

С съ.

24 Мая 1824.

С. Петербургъ.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРИРОДУ.

Покинь дремолу, и смотри: —
 Открыто Небо надъ шобою,
 Рѣдѣшь пелена зари
 Надъ дальней моря синевою;
 Багряно солнце восплаещь:
 Въ лазурной вышинѣ воздушной,
 Яснѣешь ушра шихій свѣшь. —
 Теряясь въ дальности окружной,
 Объемлющій безмѣрность взоръ —
 Повсюду день младой встрѣчаешь;
 Блещящъ верхи шуманныхъ горъ,
 Свѣпило міра восплаещь!
 Ему въ привѣщъ — пернашихъ хоръ:
 По синевѣ небесъ, градами
 Бѣдѣють бѣглы облака,
 И пробужденная рѣка
 Ошь налетанья вѣшерка
 Играешь легкими струями. —
 Юнѣешь мирная земля;
 Цвѣшны раскинувшись неспрѣють,
 И улыбаются поля!
 Но слышенъ шумъ, знамена вѣють,
 Вновь звукъ оружія, битва вновь!
 И съ пренешомъ земля пьешь кровь,
 Ошцы и мшери! слезами —
 Не уполяшь печали вамъ!
 Ищите признака сынамъ
 Средь шѣлъ распощанныхъ конями!
 О люди! сердца ли вамъ нѣшь?
 Несчастные! для васъ цвѣшешь

Сей вѣчной прелестью природа!
 Но въ гибель собственнаго рода
 На распри, козни, клеветы,
 Васъ пробуждаютъ суеты!
 Ахъ! прищипивъ и взоръ, и чувства,
 Къ безсмертнымъ хладны красотамъ,
 Довя жинутный блескъ искусства, —
 Вы слѣпы — къ вѣчнымъ чудесамъ!

Б. Федорова.

III.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

или

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОТВѢТЪ МОЛОДАГО КНИГОПРОДАВЦА

старому книгопродавцу, на спашью сего
 послѣдняго подъ заглавiемъ: *Еще нѣсколько
 словъ о Бахчисарайскомъ фонтанѣ не въ
 литературномъ отношенiи*, напечатанную
 въ IX номеръ Журнала *Благонамѣренный* и
 No. 9 *Дамскаго Журнала*.

Усердiе и ревность, оказанныя вами, Ми-
 лосливый Государь, Г-нъ И. П—въ, при защи-
 щенiи выгоды книгопродавцевъ, возлагающъ на
 меня обязанность поблагодарить васъ, и вмѣстѣ
 съ шiмъ изложитъ мой образъ мыслей предъ

публикою, къ оборонѣ нашего общаго дѣла. Но во всякомъ разсужденіи, точно шакъ какъ въ процессѣ, когда одно заключеніе несправедливо, когда одинъ законъ приведенъ не къшаши, тогда самое существо дѣла подвергается сомнѣнію и раждаешъ подозрѣнія на счетъ справедливости онаго. И пошому-шо (прошу не погнѣвашься), вознамѣрился я исправить нѣкоторыя ваши предположенія, которыя мнѣ показались ошибочными.

Ариеметическое ваше исчисленіе, чего спомнѣлъ каждый спихъ *Бахчисарайскаго фонтана*, доказываешъ, что вы нѣкогда занимались торговлею полезныхъ книгъ математическихъ, но что вы не занимаешь нынѣшними Журналами, ибо вы пропустили имя книгопродавца, купившаго вмѣстѣ съ Г. Ширяевымъ *Бахчисарайскій фонтанъ*. Это было напечатано въ номерѣ 7 Липерапурныхъ Листковъ на стр. 281. И шакъ имя книгопродавца Г. *Пономарева* должно замѣнишься не однимъ именемъ Г. *Ширяева*, какъ вы говорите (на 176 стр. Благ. и 120 Д. Ж.), но именами Гг. *Ширяева* и *Александра Филиповича Смирдина*, нынѣшняго владѣльца Библиошеки покойнаго Плавильщикова.

Что касаеться до вашей зацншы книгопродавцевъ, шо мы сперва выпишемъ ваши слова, а послѣ того будемъ отвѣчать. Вотъ что напечатано на 176 и 177 стр. *Благон.* и 120 и 121 *Д. Ж.*

„Такой примѣръ, (ш. е. покупка Бахчисарайскаго фонтана), не говоря о другихъ, доказываешъ ложность мнѣнія нѣкоторыхъ (?), буд-

шо книгопродавцы причиною жалобъ публики и Писателей.“ —

„Книгопродавецъ - купецъ, онъ торгуетъ книгами, какъ другіе торгуютъ сахаромъ, перцемъ, корицею, ш. е. въ гражданскомъ обществѣ онъ дѣлается *посредникомъ*, который беретъ у *производителя* (Писателя) его издѣлье, передаетъ *потребителю* (читающей публикѣ), и беретъ проценты за *трудъ*. Не вините *посредника*, если издѣлье нейдетъ у него съ рукъ, и онъ худо плашитъ *производителю* — виноваты *производитель и потребитель*, а вѣрно не *посредникъ* ихъ. . . “ —

Что книгопродавецъ купецъ, это не есть ваше новое открытіе, ибо самое производство сего слова доспашочно изъясняетъ его значеніе. Но чтобы книжный торгъ уподоблялся торговлѣ сахаромъ, перцемъ и корицею, въ этомъ я вамъ не вѣрю (прошу не погнѣваться). Цѣна всѣхъ прѣныхъ кореньевъ, равно какъ всѣхъ земныхъ произведеній и мануфактурныхъ издѣлій, устанавливается урожаемъ, потребностью, изобильнымъ или недоспашочнымъ привозомъ и пр. Эта цѣна не зависитъ отъ прихода одного или нѣсколькихъ человекъ, но бываетъ слѣдствіемъ многосложныхъ обстоятельствъ, коихъ весьма часто купцы не могутъ ни предвидѣть, ни отвратитъ. Напримѣръ того, книгопродавцы наши, коихъ въ цѣлой Россіи очень немного, весьма рѣдко имѣютъ коммерческія сношенія съ *производителями*, ш. е. Писателями, покупаютъ сочиненія въ рукописи весьма рѣдко, а довольствуются продажей книгъ по комиссіи. Лишь поль-

ко вышла в свѣтъ новая книга, и покупатели начинаютъ спрашиватьъ ее въ лавкахъ, тотчасъ одинъ изъ нашихъ собратій являлся къ Сочинителю или Издашителю, и предлагалъ ему *взаимное условіе*, дать въ лавку на комиссію *десятогекъ* экземпляровъ съ уступкою двадцати процентовъ *за трудъ*, т. е. за переноску книги изъ дома Сочинителя въ лавку книгопродавца. Денги уплачиваютъ Сочинителю тогда только, когда *еще* понадобится *пятогекъ* экземпляровъ; въ противномъ случаѣ вырученная сумма поступаетъ на другой оборотъ. Даже *Полярная Звѣзда*, о которой вы говорите, что съ нею пошло золото съ похвалами къ Гг. Издашителямъ, у насъ въ Петербургѣ возбуждала вниманіе только въ И. В. Сленинѣ и А. Ф. Смирдинѣ, которые взяли вдругъ по нѣскольку сотъ экземпляровъ: почти все мы прочіе книгопродавцы, не получивъ *на комиссію*, покупали оную *пятогеклами*, *десятогеклами*, или вымѣнивали на книги у вышеупомянутыхъ двухъ книгопродавцевъ.

Со временъ Новикова, котораго имя должно быть столь же почтенно въ Россійской Словесности, какъ имена отличившихъ Писателей, одинъ только И. В. Сленинъ заслужилъ истинную похвалу за второе изданіе Исторіи Государства Россійскаго, соч. Н. М. Карамзина. Этого торговый оборотъ исполненъ истинно по Европейски; (прошу не погнѣваться за это слово, которое вамъ не нравилъ). Г. Похорскій, издавшій творенія Озерова и Басни Крылова, не есть книгопродавецъ, и потому мы не оставимъ его въ примѣръ. Впрочемъ, все почти

классическія книги изданы Правительствомъ ; всѣ сочиненія отличныхъ нашихъ Писателей изданы или ими самими или любителями отечественной Словесности. Книгопродавцы же предпринимали изданія полезныхъ книгъ въ такомъ только случаѣ , когда онѣ доставались имъ даромъ или за весьма малую цѣну отъ Сочинителей или , по большей части , отъ ихъ послѣдниковъ И. включенія изъ сего правила столь мало важны , что даже не заслуживаютъ вниманія . — Употребленія трехъ или четырехъ тысячъ рублей на изданіе чего нибудь необыкновеннаго , нельзя назвать великимъ подвигомъ , и провозглашать объ ономъ какъ о дивномъ явленіи , когда сотни тысячъ рублей обращаются во прахъ , безъ вѣдома Аполлона и девяти чистыхъ сестеръ . Повторяю : нѣсколько рѣдкихъ примѣровъ сунуть въ правило , но исключеніе изъ оного .

Но если читатель спроситъ меня : чѣмъ же занимается большая часть нашей бранны , книгопродавцевъ ? Я , вмѣсто отвѣта , сдѣлаю также вопросъ : кто же наводняетъ ярмарки и книжныя лавки множествомъ переводовъ ужасныхъ Нѣмецкихъ романовъ , пѣсенниковъ , сонниковъ , гадавательныхъ книжекъ , или пакъ называемыхъ *исправленныхъ* переводовъ старыхъ книгъ , въ которыхъ не обращается никакого вниманія на успѣхи языка , на очищеніе и обогащеніе Словесности ? Все достоинство подобныхъ книгъ состоитъ въ пышныхъ газетныхъ объявленіяхъ ! — Это средство и продажа книгъ по комисіямъ составляютъ весьма выгодное занятіе въ книжной торговлѣ , и въ такомъ только слу-

чаѣ я согласенъ съ вами, что все равно торго-
вать ли книгами, или по мѣлочн перцомъ, саха-
ромъ и корицею. — Но и здѣсь еслѣ небольшая
разница: купецъ не смѣлѣ объявишь въ газе-
тахъ и представишь покупателю *желсъ* за *ра-*
финадъ или *вымогенную* корицу за *лучшю* Цей-
ланскую; а книгопродавецъ не описываетъ нико-
му за похвалы своимъ книгамъ, и даже имѣешь
право обвинять Гг. Кришиковъ въ приспращеніи,
если они докажутъ ему въ Журналѣ, что въ из-
данной имъ книгѣ нѣтъ ни пользы, ни удоволь-
ствія для читающей публики.

Вошъ, Милоспивый Государь, разница ме-
жду купцемъ, торгующимъ сахаромъ, перцомъ и
корицею, и книгопродавцемъ: вошъ истинное
соспояніе нашей книжной торговли, которая
ожидаетъ своихъ Дидошовъ, Новиковыхъ, Брок-
гаузовъ, чтобы причислишь Писателей къ вы-
годамъ торговли, и доставляя имъ средства къ
прописанію себя липературными занятіями,
составишь, какъ въ другихъ спранахъ, особый
классъ Липераторовъ, которые посвящаютъ все
свое время на липературные труды, и возбу-
дятъ въ молодыхъ недоспашочныхъ людяхъ
охоту учишь въ Университетахъ и трудишь-
ся для пользы общей. Изданіе полезныхъ книгъ
перемѣнишь въ короткое время вкусъ публики,
и возбудишь въ оной довѣріе къ газетнымъ объ-
явленіямъ о книгахъ. Такимъ образомъ просвѣ-
щеніе, выгоды книгопродавцевъ и Писателей
возвысятъ опъ взаимнаго согласія, ибо, говоря
вашими словами, доброша *издвля* зависишь опъ
искусства *производителя*, а число *потребителей*

умножается по мѣрѣ совершенства и доказанной пользы издѣлій. *Потребители* на кофе, сахаръ, чай умножились въ Европѣ ошь того, что люди нашли въ сихъ вещахъ вкусъ и пользу: вспомните, что сначала эти предметы продавались только въ аптекахъ! —

Но въ ожиданіи, пока на горизонтѣ нашей книжной торговли появился побольше Новиковыхъ и Дидошовъ, мнѣ кажется несправедливою ваша прозьба къ Гг. Литераторамъ ошь имени нашей браться, книгопродавцевъ. Вы говорите на стр. 177 и 178 *Благов.* и на стр. 122 *Д. Ж.*: „Если бы мы могли, ошь лица всѣхъ книгопродавцевъ, въ разрѣшеніе разныхъ сочиненій (?), упростиь Рускихъ Авшоровъ, писавъ не думая о расчепахъ, внимають звону лиры, а не звону денегъ, вѣриють, что хорошее оцѣнилось и безъ стараній Авшора, пусть только будетъ оно хорошо.“ — Просиють Гг. Авшоровъ, чтобы они не думали о расчепахъ, значить просиють ихъ, чтобы они предославили намъ, книгопродавцамъ, право пожинають посѣянные Авшорами плоды, и пользоваться ихъ трудами, оставляя Авшорамъ — *славу*. Не знаю, на чемъ основана ваша прозьба, но мнѣ кажется, что каждый имѣеть право расчислявать своею собственностью безъ посредничества или съ посредничествомъ купцевъ и продавцевъ, такъ точно какъ хозяинъ сахарнаго завода или плантаціи коричныхъ деревьевъ, (т. е. производитель), воленъ продавать у себя въ домѣ опшомъ или по часнямъ свои произведенія. Вы совъшуете Гг. Авшорамъ внимають болѣе звону ли-

ры, нежели звону денегъ: хорошо, но не худо было бы, если бы и мы, книгопродавцы, внимали почаще звону *лиры*, опъ чего чувствиво слуха сдѣлаешся у насъ нѣжиѣе, и мы будемъ въ соснояннн лучше цѣнить *хорошее*. Чтобы цѣнить вещь, надобно знашь ее: слѣдовательно чнобы цѣнить прудъ Авторскій, надобно бытъ самому чело-вѣкомъ образованнымъ, и тогда рукописи будушь цѣнишься не по числу печатныхъ страницъ, а по достоинству содержанія.

Въ продолженнн вашей прозьбы вы говори-те: „просимъ всѣхъ вообще хорошихъ и худыхъ Литераторовъ — не дѣлать литературныхъ *плгъ*, спекуляцй и опкуповъ; если бы мы могли имъ доказать, что голова, занятая расчетомъ какого нибудь дѣла, не вмѣститъ аспешиче-скихъ его отношенй; по, . . . но примѣръ всего убѣднтельнѣе: Беспужевъ и Рылѣевъ, можетъ бытъ, не думали о расчетахъ издавая Поляр-ную Звѣзду; лучнше Поэты и Прозаики наши безъ сомнвнн *даромъ* отдавали произведенія свои для сего изданія — и золото полилось къ нимъ (*) съ похвалами.“ — Окончане или *по-слѣдствіе* сего періода находится въ совершенной противоположности съ началомъ или *предложе-ннемъ* онаго, и поэтому цѣлый періодъ не имѣеть

(*) При семь словъ, Издатель Дамскаго Журнала сдѣлалъ пояснене сказавъ: „ш. е. къ Издателямъ, а не къ Поэтамъ и Прозаикамъ.“ — Я думаю, Г. Издателью Дамскаго Журнала извѣстно, что не всѣ литературныя произведе-нія имѣють магнетическую силу прнтягивающъ къ себѣ золото, и что хотя многія произведенія продѣются на вѣсь — однакожь весьма немногія на вѣсь золота. Пр. Из.

логической формы и не есть *силлогизмъ*. — Если издание, предпринятое Гг. Литерапшорами, имело столь блестящій успѣхъ въ литерашурномъ и коммерческомъ отношеніяхъ, почему же Гг. Литерапшорамъ отказываться отъ соснавленія литерашурныхъ *лигъ* и спекуляцій, которыя не только не похожи на *откупы*, а напрашивъ того служатъ къ уничтоженію оныхъ по части книжной торговли? Если бъ одни только книгопродавцы (которыхъ число въ цѣлой Россіи не превышаетъ десяти) занимались изданіемъ книгъ, тогда существовалъ бы наспоющій *откупъ*. Но совершенная свобода въ изданіи книгъ раждаетъ соревнованіе, и производитъ благія послѣдствія, ибо золото льется вмѣстѣ съ *похвалами*, какъ вы говорите изволише. Сверхъ того для Автора гораздо приличнѣе имѣть дѣло съ Литерапшоромъ Издашелемъ, который въ соспоянніи оцѣнитъ достоинство его произведенія, нежели съ нашимъ брапомъ, книгопродавцемъ, который обыкновенно начинаешь словами: „нынѣ худые торги: публика не гитаетъ книгъ въ этоль родѣ и проч.“ — и заключаешь предложеніемъ: „не угодно ли ндпечатать книгу пополамъ, и подѣлиться пополамъ вырцкою?“ — И пакъ я, хотя книгопродавецъ, (не весьма громкій, см. No. XIII Нов. Рус. Лип.), но желая всевозможнаго блага моему отечеству, рѣшился сказать истину вопреки собственнымъ моимъ выгодамъ, и не только не намѣренъ опвращать Гг. Литерапшоровъ отъ литерашурныхъ *лигъ* и спекуляцій; напрашивъ того, для уничтоженія вредныхъ книжныхъ *откуповъ*, предлагаю Гг. Литерапшорамъ соснавить

соптоварищество или компанію, для изданія полезныхъ классическихъ книгъ и нравственныхъ сочиненій, и для ободренія молодыхъ Писателей покупкою у нихъ сочиненій. Изъ сихъ благородныхъ подвиговъ я ничего не предвижу, кромѣ славы Россіи и пользы Словесности, а потому готовъ и самъ жертвовашь небольшимъ моимъ капиталомъ.

Въ заключеніе моего письма осмѣливаюсь сказать вамъ откровенно, что я не вѣрю вашимъ предсказаніямъ на счетъ упадка Альманаховъ въ будущемъ году. Если Альманахи будутъ столь же хороши, какъ Полярная Звѣзда, то ихъ раскупятъ; если будутъ дурны, то упадутъ и безъ предсказанія, а наконецъ прошу васъ покорно, въ будущихъ вашихъ коммерческихъ сочиненіяхъ, ставитъ прописную букву глаголь передъ собственными именами Гг. Авишоровъ и книгопродавцевъ, ибо сего требуюшъ въ живость и общее употребленіе.

Вашъ покорный слуга

Ө. И. . . . в.

С. Пешербургъ.

Л о р д ь Б е й р о н ь .

Лордъ Бейронъ умеръ. — Греція потеряла въ немъ защитника, — Англія человека съ гениемъ, — міръ героя!

Онъ происходилъ отъ Царей. Онъ принесъ честь своему роду, который пресѣкъся его смертію. Шотландскій Король Яковъ II былъ пре-

докъ его по мащери. Бейронъ, послѣдняя отпрасть сей фамилии, заслужилъ мѣсто между людьми необыкновенными, благодѣтелями челоуѣчества.

Онъ родился 22-го Генваря 1788 года въ наслѣдственномъ помѣстьѣ (Ньюспадшскомъ Аббатствѣ): умеръ 19 Апрѣля 1824 года въ Миссолунги, защищая дѣло Греціи. Онъ жилъ 36 лѣтъ. — Рѣдко кто въ жизни перенесъ столько потрясеній и столько трудовъ.

Зависль запышнала каждый листокъ его испоріи. Попомство опвергнешь сіи клеветы. Оно скажетъ: что Бейронъ, первый Поэтъ своего времени, въ такомъ вѣкѣ, когда все движется эгоизмомъ, подалъ примѣръ высокой любви къ ближнему. Оно скажетъ, что когда неблагонамѣренные люди въ Англіи вооружались прошивъ него, онъ положивъ въ сторону лиру, копорой обязанъ былъ своею славою, взялъ въ руки мечъ Пелопидовъ, и посвящилъ Еллинамъ свои труды, свое время, здоровье, имѣніе и наконецъ свою жизнь.

Какъ Поэтъ, Бейронъ близокъ къ Альфieri по краскостии, къ Гете по мечшательной Философіи, и къ Данте по ужаснымъ своимъ картинамъ. Онъ имѣетъ однакожь свои недоспашки, одному ему свойственные, равно какъ и неподражаемый его талантъ.

Онъ, такъ сказать, болѣе возлепаетъ и бросается на свой предметъ, нежели спремится къ оному. Пожирающее пламя воздымаетъ его и уноситъ: онъ шеспвуетъ безъ потрясеній. Сила мыслей, есть опличительное его свойство. — Бейронъ Поэтъ спрасшей и опчаянїя: его талантъ весьма кшати появился въ

накомъ вѣкъ, когда пресыщеніе довело людей до безвкусія, и когда сильные перевороты произвели скуку и хладнокровіе:

Его стихосложеніе чисто и сильно: замѣчаютъ однакожь изысканность, употребленную для означенія точности. Одно его воображеніе всегда чрезвычайно и безпредѣльно: ни одинъ изъ Англійскихъ Поэтовъ не прудился столько въ поправленіи своихъ стиховъ, какъ Бейронъ (*).

Онъ превосходитъ прочихъ въ Сапиряхъ, въ изображеніяхъ непреодолимой любви, насильственныхъ-душевныхъ движеній, въ изясненіи дикой мизантропіи. Чильдъ Гарольдъ, Корсаръ, Паризина, Манфредъ не забудутся до тѣхъ, пока будетъ существовать языкъ Поэты и Мильтона.

Онъ первый возбудилъ оупъ сна Грецію своими гимнами; онъ первый успремился на ея защиту, когда она возспала противу варваровъ.

Онъ имѣлъ прекрасное и благородное лице: на гордой его физиогноміи напечатлѣвалось мрачное презрѣніе, которое составляло противуположность съ нѣжностью, изображавшеюся въ его чертахъ. Особенное физическое свойство, отличавшее Бейрона, была необыкновенная прозрачность его пѣла. Онъ нѣсколько прихрамывалъ, подобно Валшеру-Скопшу. Спросить къ лошадямъ и путешесивіямъ была въ немъ споль же сильна, какъ и въ знаменипомъ Авшорѣ Донѣ Карлоса (Альфіери). Многие случаи его жизни, особенно любовь къ уединенію и мизантропія, сближаютъ его съ Ж. Ж. Руссо.

(*). Просимъ Гг. юныхъ Поэтовъ замѣнить эту черту

Бейронъ имѣлъ множество враговъ. Но на его гробъ угаснушъ зависть и злоба. Попомощво всегда принимаетъ сторону шѣхъ мужей, кошорыхъ сильныя спрасши и чрезвычайная дѣятельность мыслящей силы осудила на злополучіе, доснавивъ имъ въ удѣлъ — геній. Можно подумашъ, будшо Бейронъ въ сихъ спихахъ хощѣлъ изобразитъ себя самага; „Злополучіе! — вопшь учасшь сихъ великихъ мужей. Вопшь награда за ихъ возвышенныя мысли и за ихъ пожертвованія, когда они, сливая (шакъ сказашъ), въ сладкозвучныя слова чувствительность своихъ органовъ, нѣжность помышлений, силу души, спрасши, кровь и жизнь — преподающъ людямъ великія уроки безсмертнаго наслажденія.“

Всѣ Журналы возвѣспили о почестяхъ, возданныхъ его праху въ Греціи. — Всѣ благородныя сердца въ нѣломъ мірѣ раздѣляющъ одинакое чувство печали. — Много пройдетъ щюльшій пока появишся другой Бейронъ.

(Сокращ. изъ Франкф. Модн. Жур.)

КРАТКІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ, НАБЛЮДЕНІЯ И ПРОЧ.

Книгопродавецъ Г. Глазуновъ открылъ въ общественомъ своемъ домѣ (сосшощемъ въ большой Мѣщанской, прошиву Ломбарда), Библиотеку для чтенія Россійскихъ книгъ, по при-

мѣру Библиотеки, бывшей Плавильщиковой, нынѣ принадлежащей А. Ф. Смирдину. Можешь бышь со временемъ Библиотека Г. Глазунова достигнешь до той степени совершенства, на коей находилась библиотека Плавильщикова, но нынѣ она составляетъ едва десятую часть противъ сей послѣдней. Въ каталогѣ библиотеки Плавильщикова находимъ полное собраніе книгъ, опечатанныхъ на Рускомъ языкѣ, (за исключеніемъ весьма немногихъ древнѣйшихъ). Кромѣ того познанія А. Ф. Смирдина въ Библиографіи безпримѣрны, по крайней мѣрѣ въ Россіи. Ученый или Лишерапуръ, изыскивающій печатныя доказательствва въ подкрѣпленіе своему мнѣнію, или желающій прискашь не только книгу по своей части, но даже мѣсто въ книгѣ, можешь смѣло совѣшывашься съ симъ отличнымъ Книгопродавцемъ, который слишкомъ двѣнадцать лѣтъ управляя библиотекою Плавильщикова и всѣми дѣлами покойнаго, сдѣлалъ шакой навывъ и пріобрѣлъ шакую опышность, что его приличнѣе назвашь ученымъ Библиотекаремъ, нежели книгопродавцемъ. Въ коммерческомъ отношеніи, слово А. Ф. Смирдина, есть поже, что наличныя деньги, и мы за особенное удовольствіе и обязанность пославляемъ себѣ упомянуть публично о семъ необыкновенномъ молодомъ чловѣкѣ, дѣлающемъ честь своему званію, и споспѣшествующему по возможности истинному просвѣщенію въ Россіи.

Въ IX книжкѣ Журнала шакъ называемаго *Благонамѣренный*, на стр. 218 и 219, почтенный

Издатель онаго усиливается доказать мое *бессиліе* по части кристики, и находить у меня множество ошибокъ. Сожалѣю, что не могу ему услужить тѣмъ же: я въ немъ *ничево* не вижу. *Ex nihilo nihil fit.*

Въ 10 книжкѣ *Дамскаго Журнала* на стр. 161 — 165, Издатель напечаталъ спашью своего сочиненія подъ заглавіемъ: *Слово о словѣ въ пустолѣ и прог. Вѣстника Европы* No. 8. — Можно догадаться по заглавію, что эта спашейка есть совершенство въ своемъ родѣ. Почтенный Издатель Д. Ж. негодуешь на Г. М. Дмитриева, за употребленное имъ выраженіе: „въ *пустолѣ* полъ *Дамскаго Журнала.*“ — Мнѣ кажется, за это нельзя сердиться: иногда *полнота* бываетъ хуже *пустоты*, и пошому должно смотрѣть на *вещи*, а не на слова. — Признаюсь, я для пользы *Д. Журнала* желаю, чтобы слова Г. Дмитриева дѣйствовали на оный магически.

Послѣ того, Сочинитель спашейки подшучиваетъ на счетъ спашей, помѣщаемыхъ въ *Вѣстникѣ Европы*, и въ доказательство незанимательности оныхъ указываетъ на опличившія, (какъ по: *Нѣкто о Поэзіи Еврейской, объ Англійскихъ постановленіяхъ касательно Негровъ и прог.*) Издателю *Дамскаго Журнала* эти спашьи, снискавшія вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ Европейцевъ, кажутся смѣшными! — Наконецъ онъ дѣлаетъ себѣ вопросы, на которые самъ же отвѣчаетъ: „Что пребудешь исключительно отъ *Дамскаго Журнала?*“ — Конечно не *Метафизика*, не *Полишика*, не *Спашисшика*, (о Грам-

маликъ уже и говоришь нечего); но именно по, что предлагаемъ мы своимъ читательницамъ.“ (?) Въ сихъ словахъ мы замѣчаемъ величайшую оскорновенность вмѣстѣ съ опличною кромносью. По истинѣ мы не видали въ Дамскомъ Журналѣ Метаматематики, Полиптики и Сплатисптики, а о Грамматикѣ и Логикѣ уже и говоришь нечего (*). Почтенный Издашель Дамскаго Журнала, опасаясь утрудить чтеніемъ своихъ читательницъ, по истинному уваженію нѣжной разборчивости прекраснаго пола (какъ онъ говоришь) предлагаешь ему такія вещи, которыхъ Дамы безъ сомнѣнія не читають. Прекрасно! — Онъ достигъ своей цѣли. „Блаженъ не шощь, кто всѣхъ умѣ!“ — (сказалъ Г. Карамзинъ въ своей Одѣ), но шощь кто доволенъ своею судьбою (**).

Городскія извѣстія.

Мы объявили въ прошломъ номерѣ *Литер. Листковъ*, о гуляньѣ, бывшемъ въ Лѣвнемъ саду

(*) Собственныя слова Издашеля Дамскаго Журнала. См. выше.

(**) Когда сіе замѣчаніе печаталось, я получалъ 11 книжку Дамскаго Журнала, въ которой помѣщена, на стр. 195 — 196. страницъ, подъ заглавіемъ: *Естетическое (?) замѣчаніе на Волшебный фонарь*. Не знаю, что скажутъ почтенныя читательницы сего Журнала о нѣжной разборчивости Г. Издашеля, но я отвѣчаю ему собственными его словами. Спашья Князя Шаликова оканчивается восклицаніемъ: „Спранно и даже смѣшно!“ — Разсматривая Дамскій Журналъ, я восклицаю: спранно — и даже не смѣшно! — Изд. Литер. Листковъ.

Мая 25 дня. — Въ Воскресенье 1го Юня было подобное же гулянье и гораздо блистательнѣе; ибо пріятная погода благопріятствовала оному. Въ первое гулянье молодые купцы (какъ говорятъ) высматриваютъ себѣ невѣсты, а во второе выбираютъ ихъ. Прелестныхъ было много, не знаю, много ли избранныхъ Эша тайна обнаружился послѣ поспа. — Мы сердечно желаемъ, чтобы какъ можно болѣе было предложений къ гуляньямъ, для всѣхъ ищущихъ невинныхъ наслажденій въ жизни.

— Еслибъ я былъ Спихопворецъ, то сказалъ бы, что Май пронесся мимо Пепербурга на крыльяхъ Борея. Холодъ, дождь, градъ, даже снѣгъ привѣщивали раннихъ жителей дачь. Наконецъ небо прояснилось съ первыхъ чиселъ Юня; благотворная теплота вызываетъ жителей города на дачи; Нева и каналы покрыты барками съ мебелями, и все стремятся насладиться крашкимъ лѣтомъ, освѣживъ себя чистымъ воздухомъ, чтобы въ половинѣ Августа снова проспитъ съ природою, и заключить на 8 мѣсяцевъ въ жилища неприступныя для Аквилоновъ. Я замѣтилъ, что дѣши и люди, доживающіе послѣдніе годы возмужалого возраста, гораздо охотнѣе переселяются за городъ, нежели пылкое юношество и женщины среднихъ лѣтъ, кошорые хотя живутъ на дачахъ, но ищутъ мѣстъ болѣе населенныхъ. Мнѣ кажется, это происходитъ отъ того, что дѣши и люди пожилые, хотя по разнымъ причинамъ, но болѣе другихъ скучаютъ принужденіемъ городской жизни и многолюднымъ обществомъ. Дѣши

по инспекту, а возмужалые по опыту любятъ свободу полей, и уединенныя прогулки на открытомъ воздухѣ. Я помню, когда въ молодости моей спростой наставникъ спрашивалъ насъ учениковъ: куда хошите ийти гулять, въ Лѣвній садъ или въ поле? — Мы всегда единодушно отвѣчали: въ поле! — Прошло много лѣтъ: позлащенные залы и ровныя аллеи не имѣють для меня прежней прелести, и я снова ищу поля, чтобы отдохнуль отъ городскихъ заботъ, и освѣжишь мысли для бесѣдованія съ почтенными моими чипашелями.

— При рытьѣ фундаменшовъ для дома Графа Б. Ф. Потодкаго въ Одессѣ, на шомъ мѣсцѣ, гдѣ существовалъ древній Таларскій городъ Каджибей, найдены нѣсколько древнихъ монетъ, и выдолбленный камень съ каменною же крышкою наподобіе ящика, на кошором означенъ былъ 1812 годъ, и въ серединѣ находились 300 000 рублей ассигнаціями. Вопъ счастливая находка! — воскликнуль многіе — правда; — но не въ пору. Бумажки разсыпались какъ прахъ отъ прикосновенія воздуха, и пригодились только къ напечатанію о семъ извѣстія въ Литературныхъ Листкахъ. — Господа сребролюбцы или деньгилюбцы! вопъ вамъ новое доказательство, что деньги — прахъ: не лучше ли дѣлаться оными съ неимущими, и такимъ образомъ дѣлать изъ денегъ вещь *нетлѣвную*? — Счастливь, кто подобно Шереметеву (см. 9 шомъ И. Г. Р. соч. Г. Карамзина), можетъ отвѣчать на вопросъ: „гдѣ ны дѣвалъ свои сокровища?“ — „Черезъ руки бѣдныхъ опдалъ Богу!“

А Н Е К Д О Т Ь.

Одинъ Рускій путешественникъ разсказалъ намъ слѣдующій анекдотъ: Извѣстно, что Наполеонъ имѣлъ удивительную память, и если однажды поговорилъ съ кѣмъ, и спросилъ объ имени, то весьма рѣдко забывалъ оное. Напротивъ того, когда былъ недоволенъ человѣкомъ за его образъ мыслей или поступки, то при каждой встрѣчѣ или представленіи повсорялъ вопросъ о его имени. Въ такомъ положеніи находился одинъ Французской ученый (кажется) Бовилле. Наполеонъ разъ двадцать имѣлъ случай спрашивалъ его о прозваніи, всегда припвораясь, что забывалъ оное. Однажды, при посѣщеніи Французскаго Инстинупа, Наполеонъ вдругъ оборотился къ нему и спросилъ: „какъ, васъ зовушь?“ — *Всегда Бовилле! (Toujours Beauvillier!)* — опвѣчалъ онъ, низко поклонившись, и засмѣявъ улыбапуться Наполеона, который послѣ этого случая уже не спрашивалъ болѣе Бовилле о его прозвищѣ.

Б и в л и о г р а ф і я.

1. *Журналъ Изящныхъ Искусствъ, издаваемый В. Григоровичемъ.* — Книжка шестая сего отличнаго Журнала содержитъ въ себѣ слѣдующія любопытныя статьи: 1. О древнѣйшемъ стилѣ Художествъ у Египтянъ. 2. О костюмѣ Персовъ во времена владычества Царей Ахеменидовъ и Царей Династіи преемниковъ Александра. 3. Картины (Спихошвореніе Ф. И. Глинки). 4. О предѣлахъ между Живописью и Поэзією, и

о томъ, что сія Искусства могутъ заимствоваться одно отъ другаго. 5. О машинахъ театральныхъ. 6. Отчетъ Общества поощренія Художниковъ, читанный въ собраніи онаго 27 Февраля 1824 года. 7. Юрипическій разборъ одного изъ новыхъ рисунковъ Графа Толстаго. 8. Смѣсь. Письмо Художника къ Издашелю и отвѣтъ на оное. Разныя извѣстія и объявленія. — При сей книжкѣ приложенъ рисунокъ Графа Толстаго, изображающій Прощаніе Душеньки съ роднею, изъ Поэмы Богдановича. Мы уже имѣли случай говорить въ пользу сего прекраснаго Журнала, и теперь охотно повторяемъ, что онъ долженъ по справедливости почитаться въ числѣ первокласныхъ не только въ Россіи, но и во всякой образованной землѣ. — Желаемъ почтенному Издашелю столько же успѣховъ, сколько Журналъ его приносить пользы и удовольствія всѣмъ любителямъ Изящныхъ Искусствъ.

II. *Федра, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, изъ твореній Расина. Переведена Г. Окуловымъ.* С. П. Б. въ Морской типографіи 1824 года. — Сія прекрасная Трагедія переведена нѣсколько разъ на Рускій языкъ; объ этомъ переводѣ мы ничего не можемъ сказать, кромѣ того, что онъ занимаетъ непосредственно первое мѣсто послѣ перевода В. Г. Анастасевича, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превосходитъ оный, особенно въ вольностяхъ поэпическихъ.

III. *Историческое Похвальное Слово Свѣтлѣйшему Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленско-*

му и прог. сог. Владимира Панаева. С. П. Б. въ въ шипографіи Н. Греча. 1823. in 8. 52 стр. —
 Изъ всѣхъ опраслей Краснорѣчія самая прудная
 часшь къ исполненію есть Похвальное Слово.
 Здѣсь всѣ пружины искуспва, всѣ сдраспи Ора-
 шора имѣють одно направленіе, одну цѣль. Всѣ
 вещи должно представлять съ одной только
 стороны, и пошому перебуется необыкновенна-
 го дарованія, чшобы не упомишь слунашелей
 или чипашелей, ведя ихъ, пакъ сказать, извѣ-
 стнымъ путемъ къ извѣстной цѣли. Почщенный
 Авшоръ конечно не погнѣваешся на насъ, если
 мы не сравнимъ его съ Теофаномъ, Ломоносо-
 вымъ и Карамзинымъ, но его сочиненіе имѣетъ
 большое достоинство, и особенно нравилсъ
 пламенною любовью къ опеческву, кошорая уве-
 личиваешъ красоты сего произведенія.

IV. *Хронологическая Исторія всѣхъ путе-*
шествій въ Сѣверныя полярныя страны, сог. В.
Берха, Часть 2, съ Географическими картами и
рисунками. — Мы намѣрены въ скорѣйшемъ вре-
 мени представитъ нашимъ чипашелямъ подро-
 бный разборъ сего любопытнаго сочиненія, а те-
 перь довольствуемъ шолько объявленіемъ, чшо
 любопытная книга сія продаешся у И. В. Сле-
 нина, у Казанскаго моста, по 15 рублей за эк-
 земпларъ на просшой бумагѣ, на Любской по 20
 рублей. За пересылку ничего не прилагаешся.

Письмо къ Издателю.

О легкомъ для Издателей и тяжеломъ для Читателей средствъ, издавать книги и Журналы.

Въ молодости моей занимался я Литературою и даже участвоваль въ изданіи Журналовъ, а попому знаю, сколь шрудно предспавляшь всегда новыя вещи читающей публикѣ. Въ наше время, (ш. е. въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II), хошя читашелей было не споль много, какъ нынѣ, но Журналисты не смѣли печашашь въ своихъ изданіяхъ спашей, однажды уже напечатанныхъ по Руски, и Журналы наполнялись по бѣльшей часши оригинальными сочиненіями. Почша Духовъ, Щепильникъ, Живописецъ и многія другія служашь пому доказательствомъ, и хошя въ Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи Времени, въ Московскомъ Журналѣ и въ другихъ помѣщались переводы, но они всегда въ первый разъ появлялись въ Руской одеждѣ. Выписки изъ печашныхъ книгъ предспавлялись шолько въ учебныхъ книгахъ для примѣровъ, и мы не знали шогда легкаго и пріятнаго средшва издавашь книги образцовыя, попеченіемъ и шрудами наборщиковъ, по еспь, перепечашывашь и собирашь въ одно мѣсто гужія сочиненія, подъ какимъ нибудь зашѣйливымъ названіемъ. Это изобрѣшеніе принадлежишь нынѣшнему просвѣщенному вѣку, въ копорый, для облегченія шрудовъ и сбереженія рукъ, выдумы-

вають различные машины, движущіяся посредствомъ воды, паровъ и воздуха. Нынѣ существуютъ даже пипографскіе станки, производящіе работу посредствомъ машинъ, и такъ я полагаю, что вскорѣ какой нибудь изобрѣтатель выдумаетъ паровую машину для изданія книгъ *образцовыхъ*, ибо весь трудъ при подобномъ предпріятіи состоитъ въ механической опмѣнкѣ карандашемъ на поляхъ печатной книги мѣстъ, назначаемыхъ для перепечатанія, а все прочее зависитъ отъ наборщика и корректора. Что касается до Энциклопедии при сихъ извлеченіяхъ, то мнѣ кажется, что наши литераторы не обращаютъ на оную большаго вниманія, и потому паровая машина, вооруженная карандашемъ, весьма удобно можетъ замѣнить руки и голову Писателя. Но если спекуляцію подобнаго рода можно облечь названіемъ *образцовой книги*, то мнѣ кажется, что ни въ какомъ случаѣ не возможно и не должно нарицать оной именемъ *новостей*, ибо здѣсь Логика ни какъ не согласится *старое и извѣстное* называть *новымъ и неизвѣстнымъ*: это будетъ все равно, если бь кто хотѣлъ увѣрять публику, что дважды два составляетъ восемь, и продавалъ чепыре вмѣсто осьми.

Г. Воейковъ объявилъ въ №. 136 Рускаго Инвалида на 1824 годъ, что онъ, по желанію многихъ извѣстныхъ нашихъ Писателей (?), вознамѣрился издавать съ 1-го числа наступающаго Іюля мѣсяца свои *Новости Литературы* не *листочками* а *книжками*, для того, чтобы не прерывалъ спашей и доставилъ любителямъ

чтенія возможность имѣть *Новости Литературы* за самую умеренную цѣну, т. е. за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книжекъ, здѣсь въ С. Петербургѣ по 15 рублей, съ пересылкою по 17, а съ доставленіемъ на дома по 20 рублей. (Прежде сего *Новости Литературы* ничего не стоили). Не знаю, будутъ ли лучше *Новости Литературы* опть сего преобразования и производива изъ *листочковъ* (*) въ *книжки*, но желаю чпобъ онѣ были *новѣе*, нежели представляемыя чпшашеламъ до сего времени. Чшо касается до Прозы, по и говоривъ нечего, ибо исключая *путешествіе Астронома Делиля*, сообщеннаго въ *Новости Литературы* Г. Берхомъ, и *путешествіе Г. Васильева*, мы не видали въ оныхъ оригинальныхъ списаей, хотя въпрочемъ и *путешествіе Делиля* довольно обстоятельно описано въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, издаваемыхъ Испоріографомъ Миллеромъ около семидесяти лѣтъ тому назадъ. Кристикъ же Г. Воейкова, въ которыхъ помѣщаются нѣсколько собственныхъ его словъ, я ни за что на свѣтѣ не соглашусь назвать *новостями*. И такъ слабыя переводы Нѣмецкихъ повѣстей тогда только могли быть шерпимы публикою, когда сообщались безденежно, а за деньги надобно непременно прудилсья истинно по Издашельски, вмѣсто того, чпобы разсчитывашь за кулисами и собирать безъ посява. Въ отношеніи къ стихотвореніямъ

(*) Прошу извиненія у Г. Воейкова: его такъ называемые *Новости* издавались *листами*, а не *листочками*.

Нов. Лит. мнѣ кажется, что вы еказали объ оныхъ несправедливо (*), въ No. 4 Липерашурныхъ Листковъ на стр. 139. „Къ тому же истинное и неоспоримое доспоиспиво Новоспей Липерашурны заключаеися въ спихопворной части оныхъ, за что мы благодарны Г. Воейкову, щцашельно занимающемуся *собираніемъ* отличныхъ произведеній Поэзіи, и проч.“ Если вмѣсто *собираніемъ* должно читашь *выбираніемъ*, то я бы могъ извинишь васъ въ нѣкоторомъ отношеніи, но можно ли назвашь *собираніемъ* перепечашываніе спиховъ изъ другихъ Журналовъ, за что въ Англіи и Франціи бываюшь между Издашелями и Сочинишелями шяжкіе процессы, а у насъ, мягкосердыхъ Россіанъ, подобныя подвиги по крайней мѣрѣ не должны бышь выхваляемы въ Журналахъ и одобряемы публикою. Будучи чрезмѣрно заняшь службою и посвящая весьма мало свободныхъ часовъ Липерашурѣ, я не имѣю времени исчислишь подробно всѣ спихопворенія, почерпнушыя Г. Воейковымъ, не знаю по какому праву, изъ другихъ изданій безъ показанія испочниковъ, чшобы подь покровомъ *Новостей* вшорично предсшавишь оныя читающей и плашящей публикѣ, но перевершывая листы въ *Новостяхъ Литературы*, я замѣшилъ въ оныхъ слѣдующія сочиненія, читанныя мною въ другихъ изданіяхъ: 1. *Чистый понедѣльникъ*, сочин. Князя Долгорукаго, изъ Трудовъ Московскаго Общешва. 2. *Разувѣреніе*, соч. Г. Баращынскаго,

(*) Виновашь и прошу извиненія у почшеннаго моего корреспондеша и у публики. Изд.

изъ Сына Опеачества, 3. *Святославъ*, соч. Г. Рылѣва изъ Соревнователя Просвѣщенія на 1822 годъ. 4. *Къ цединенной красавицѣ*, соч. Князя Вяземскаго, кажется изъ С. О. 5. *Взглядъ старца на заходящее солнце*, соч. Князя Долгорукаго, изъ Трудовъ Москов. Общесипва. 6. *Черкесская пѣсня*, соч. А. Пушкина, изъ Кавказскаго плѣнника (*). 7. *Глинскій*, соч. Г. Рылѣва, изъ Соревн. Просвѣщенія 1822 года. 8. *Добрыня*, соч. Г. Львова, изъ Друга Просвѣщенія. 9. *Всякой на свой покррой*, соч. Кв. Вяземскаго. 10. *Элегія*, соч. А. Пушкина, изъ Полярной Звѣзды на 1823 годъ. 11. *Прелестъ ужаса*, соч. самаго Г. Воейкова, изъ Полярной Звѣзды на 1823 г. 12. *Сусанинъ*, соч. Г. Рылѣва, изъ Полярной Звѣзды на 1823 г. 13. *Пѣснь бѣдняка*, соч. Г. Жуковскаго, изъ печашной книги *Для немногихъ*. 14. *Доридѣ*, соч. А. Пушкина, изъ Невск. Зриш. 1820 года No 2. 15. *Къ двѣцшкѣ*, соч. Г. Барашынскаго, изъ Невск. Зришеля 1820 года, No. 2. 16. *На выпускѣ птицки*, соч. Б. Дельвига, изъ Лишер. Лисп. 1823 года (**). 17. *Къ А. А. К.* соч. Туманскаго изъ С. О. 1823 года. 18. *Пѣсня*, Г. Жуковскаго (*минувшихъ дней огарованье*) и проч. кажется изъ книги *Для немногихъ* или С. О. 19. *Опрывокъ изъ Трагедіи федра*, (безъ всякихъ замѣчаній), изъ печашной книги. 20. *Въ память*

(*) При семь должно замѣшпшь, что всѣ сочиненія печашнаго А. С. Пушкина и всѣ почти В. А. Жуковскаго перепечашаны въ Н. Л., но не представлены изъ перваго источника. И з д.

(**) Охошно услушаю и не спорю. И з д.

Береста, еоч. Г. Капниста, изъ Трудовъ Моск. Общества. 21. *Мщеніе*, соч. Г. Жуковскаго, изъ Невск. Зришеля 1820 года No. 2, стр. 85. 22. *Узникъ*, соч. Г. Жуковскаго, изъ Невск. Зришеля No. 2, стр. 79. 23. *Три Сонета*, Б. Дельвига, два выбраны изъ Соревн. Просвѣщенія 1823 года, а одинъ изъ Полярной Звѣзды на 1823 годъ. 24. *Дункановъ везеръ*, изъ Соревн. Просвѣщенія на 1824 годъ No. 2., напечатанъ въ *Н. Л.* подъ другимъ заглавіемъ: *Смальгольмскій замокъ*. 25. *Къ Карамзину*, соч. К. Башюшкова. 26. *Друзьямъ*, соч. А. Пушкина. 27. *Молотокъ и Гвоздь*, соч. Князя Вяземскаго, изъ Полярной Звѣзды на 1823 годъ. 29. *На выпускъ двѣицъ изъ Смольнаго Монастыря*, соч. Жуковскаго, изъ С. О. на 1824 годъ, и проч. и проч. и проч. — Теперь спрашиваю: чѣмъ же вознаградишься труды Издашелей Журналовъ, щцашельно собирающихъ опличныя произведенія (въ наспоющемъ смыслѣ слова), если одинъ изъ нихъ предоспавишь себѣ право извлекать изъ оныхъ что ему угодно; и что должна сказать читающая публика, которой за разныя цѣны при выпискѣ разныхъ Журналовъ предспавляютъ одно и то же? — Присупственное мѣсто, въ коемъ я служу, выписываетъ всѣ Рускіе Журналы, и наше общество весьма негодуешь на сіи литературныя *выбирания*, а пошому прошу васъ напечатать сіе письмо, въ шой надеждѣ, что нѣкоторыя Гг. Издашели перестануть промышлять этими *перепечатками*, и послѣдуютъ благородной пословицѣ нашихъ предковъ: *безъ труда нѣтъ плода*, вмѣсто шого, чтобы собирать плоды, презирая труды.

Вашъ читашель Н. В.

М о д ы.

(Отъ 1 Юля ст. ст.)

Далокія моды. Какъ въ Парижѣ, такъ и въ другихъ столицахъ лѣшомъ болѣе носятъ бѣлыя плащя, вышитыя кругомъ цвѣтными шерстяными нитками въ различные узоры, а болѣе въ гирлянды. Шитье кругомъ груди проводяшь въ одну полосу, а въ низу въ чепыре и няшь полосу. Рукава чрезвычайно широкіе, препоясанные въ при-раза подобнымъ же шитьемъ, въ родъ бра-слешовъ, у самой кисти руки. Спанъ длинный, корсажъ высокій, доходящій почти до самой шеи и закрывающій плечи. Перчатки и башмаки бѣлые.

На прогулкахъ носятъ шелковые спенсеры съ бѣлымъ исподнимъ плащьемъ; спенсеръ зашегивается плотно до самой шеи пуговками, и по плечамъ виситъ бѣлый ворошникъ въ родъ шемизетки, вышитой бумагою.

Вообще шитье бумагою по бѣлому муслину и другимъ легкимъ матеріямъ, снова входитъ въ моду. Бумажное шитье въ при или чепыре пальца шириною, раздѣляется обыкновенно одинакими или двойными складками изъ той же матеріи, какъ плащя. Вообще гарнировка занимаетъ почти половину исподняго плащя, и шитье всегда отдѣляется фалборками или бу-фами. Узоры по большей части изображаютъ виноградные лозы съ листьями.

Поздравляемъ нашихъ иногородныхъ чашашельницъ съ сею новою, красивою и дешевою модою. Подобныя плащя можно шить и выши-

вашь дома ; кромѣ того, ничто такъ не украшаетъ прелестныхъ, какъ бѣлое платье, сшитое со вкусомъ, и вышитое узорами. Это мы даже слышали ошъ записныхъ знапоковъ и дамскихъ угодниковъ, и только въ семь случаѣ согласны съ ихъ образомъ мыслей.

Шляпки соломенные Итальянскія, и сдѣланныя изъ сшитой соломы, съ большими полями спереди и коронками сзади, въ большомъ употребленіи. Последнія имѣютъ преимущественно, что не закрываютъ лица ни спереди, ни въ профиль: объ этомъ *преимущество* объявляетъ Французскій Журналистъ, который вѣрно имѣетъ на то свои причины. Мы же совѣдуемъ носить такія шляпки, которыя бы защищали лице ошъ солнечныхъ лучей и нескромныхъ взглядовъ.

Дамы носятъ нынѣ плащи изъ гротешура, сѣраго и коричневаго цвѣтовъ или масака, съ бѣлою и розовою шелковою подкладкою. Капшоновъ нынѣ не употребляютъ, но нѣсколько висячихъ воротниковъ.

Мужскія моды. Парижскіе щеголи носятъ короткіе серпуки или лучше сказать чекмени, которые, вмѣсто гусарскихъ снурковъ, украшаются складками, ~~такимъ~~ образомъ, что первыя складки ошъ пояса не шире ладони, а подымаясь вверхъ по ошъ стороны груди, покрываютъ оную совершенно. Высокій стоячій воротникъ также убранъ складками, которые проведены въ поясъ кругомъ спана и по боршамъ. При семь узкомъ платьѣ въ груди и въ спанѣ, рукава дѣлающа ошмѣнно широкіе, наподобіе дамскихъ,

съ перешажкою или перехватомъ близъ кисти руки. Панталоны широкія, казацкія въ полосы; шляпы высокія. — Мы увѣдомляемъ оба пола, что нынѣ вошелъ въ употребленіе новый модный цвѣтъ, называемый (Bois de pouer) *орѣховый*, и что изобрѣшено новое средство дѣлать мужскія шляпы изъ лошадиныхъ волосъ, кошорыя сработаны столь искусно, что кажутся шелковыми.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктшпешербургъ, 20 Іюня 1824 года.

Цензоръ А. Бирцковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.